Российская академия наук
Уральское отделение Российской академии наук
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

СИБИРСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 8

Екатеринбург, 2023

ББК 63.4(253):63.3
УДК 902(092):94(571=512.1)
С34

Главный редактор:
к.и.н. З. А. Тычинских
Редколлегия:
Н. П. Турова, Е. П. Загваздин, П. Г. Данилов, к.и.н. А. А. Адамов
Рецензенты:
В. П. Клюева, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИПОС СО РАН, Тюмень; *С. Р. Муратова*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и методик преподавания ТПИ имени Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета

Сибирский сборник: сборник научных статей / под ред. З. А. Тычинских. – Вып. 8. – Екатеринбург: УрО РАН, 2023. – 346 с., 41 ил.

В сборнике представлены статьи исследователей из Москвы, Казани, Кургана, Нефтеюганска, Тюмени, Тобольска по различным проблемам истории, археологии, этнологии и лингвистики, в той или иной степени связанным с сибирской тюркологией. Ряд статей посвящен 190-летнему юбилею тобольского художника и краеведа М. С. Знаменского. Также в выпуске присутствуют статьи, сюжеты которых освещают страницы истории г. Тобольска.

Книга предназначена для историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей Западной Сибири.

ISBN: 978-5-7691-2567-6

© УрО РАН, 2023
© ТКНС УрО РАН, 2023
© Авторы, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 6

Раздел 1
К ЮБИЛЕЮ М. С. ЗНАМЕНСКОГО

Солодова Т. И. ДИНАСТИЯ ЗНАМЕНСКИХ И ЕЁ ВКЛАД В КУЛЬТУРУ СИБИРИ 8

Журавлева Н. В., Юзеева О. А. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ М. С. ЗНАМЕНСКОГО И ЕГО СЕМЬИ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ В Г. ТОБОЛЬСКЕ» 22

Швецова Е. П. «ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА ПРАЗДНОШАТАЮЩЕГОСЯ». СЕВЕРНЫЕ ЗАРИСОВКИ МИХАИЛА ЗНАМЕНСКОГО 38

Загваздина Я. Г. О ДОМЕ М. С. ЗНАМЕНСКОГО В ТОБОЛЬСКЕ 56

Белич Иг. В. К НАСЛЕДИЮ МИХАИЛА ЗНАМЕНСКОГО (ЗАМЕТКИ О ПРОВИНЦИАЛЬНОМ АРХЕОЛОГЕ) 68

Раздел 2
АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ЛИНГВИСТИКА, ИСТОРИЯ

Турова Н. П. РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА ИВАНОВСКИЙ 10 В ТОБОЛЬСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2017 ГОДА) 97

Загваздин Е. П. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ПОТЧЕВАШСКОМ МЫСУ: МОНИТОРИНГ СОСТОЯНИЯ 114

Данилов П. Г. НОВЫЕ НАХОДКИ ИЗРАЗЦОВ НА ПОСАДЕ ТОБОЛЬСКА 126

Адамов А. А. ЖЕЛЕЗНЫЙ НАВЕСНОЙ ЗАМОК ИЗ ТОБОЛЬСКА 130

Тычинских З. А. ПАРАЛЛЕЛИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СИБИРСКИХ ТАТАР И ОБСКИХ УГРОВ 139

Зиннатуллина Г. И. ОСОБЕННОСТИ МАГИЧЕСКИХ СПОСОБОВ ЛЕЧЕНИЯ У ЗАБОЛОТНЫХ ТАТАР 150

Шарипова З. Т. СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА СИБИРСКИХ ТАТАР XIX – XXI ВЕКОВ 155

Артыкбаев Ж. О. К ИСТОРИИ И ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМА «БАРАБА/БАРАБ/БАРАП» 170

Алишина Х. Ч. ЖИВОТНОВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ТЕКСТАХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯЗЫКА ТОБОЛО-ИРТЫШСКИХ ТАТАР 182

Вртанесян Г. С. ТЕРМИНЫ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ МАРКИРОВКИ СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ В РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЯХ ОЛЕНЕВОДСТВА 193

Файзуллина Г. Ч. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «НАРЕЧИЯ ТАТАР ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ» 222

Сурметова Л. Р. ОБРАЗЫ РЕК В ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЕ СИБИРСКИХ ТАТАР (НА МАТЕРИАЛЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ) 229

Кадирова Э. Х. СЛОВО В ТВОРЧЕСТВЕ МУХАММЕДЬЯРА 239

Исхаков Д. М. О ДИСКУССИОННЫХ АСПЕКТАХ «СПИСКА ЯЗЫКОВ РОССИИ»: ТАТАРСКИЙ СЛУЧАЙ 245

Сафаралеева Ю. У. РОЛЬ ИСЛАМА В ДУХОВНОМ ПРОСВЕЩЕНИИ СИБИРСКИХ ТАТАР 255

Ярков А. П. О ТЮМЕНИ ДО ТЮМЕНИ.....270

Тершукова Е. В., Маслюженко Д. Н. МЕЛЬНИЦЫ И МЕЛЬНИЧНОЕ ДЕЛО НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД 278

Раздел 3
КРАЕВЕДЕНИЕ

Журавлева Н. В. А. М. ФРОЛОВ-БАГРЕЕВ: ТОБОЛЬСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ ШАМПАНИСТА И ЕГО СЕМЬИ 296

Скачкова Г. К. ФИЛОЛОГ ВАСИЛЬЕВИЧ РУДАКОВ: ФЕНОМЕН ДИРЕКТОРА ТОБОЛЬСКОЙ ГИМНАЗИИ (1862–1879 ГГ.) ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ГИМНАЗИСТОВ 305

Ярков А. П. «РАЗНЫЕ ОБРАЗЫ» СИБИРИ (ПО СТРАНИЦАМ РАБОТ ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ).....329

От редактора

Представляем очередной выпуск сборника научных статей, объединенных темой истории Сибири, прежде всего, этнической истории тюркских народов Западной Сибири.

2023 г. в г. Тобольске объявлен годом Михаила Степановича Знаменского – краеведа, художника, писателя, археолога, этнографа. Данный выпуск «Сибирского сборника» посвящен неординарной, многогранной личности нашего земляка, творчество которого во многом было связано с темой сибирских татар. Это и первое археологическое исследование городища Искер – бывшей столицы Сибирского ханства, это и книги Михаила Степановича «Искер» и «Чувашский мыс» об известных памятниках тюркской истории, это и серия изобразительных работ, посвященная тюркским народам Сибири и Средней Азии, а также многое другое.

В связи с этим первый раздел в нашем сборнике традиционно посвящен юбиляру, в данном случае, М. С. Знаменскому, которому в 2023 г. исполняется 190 лет. Здесь представлены статьи тобольских краеведов – Т. И. Солодовой, Е. П. Швецовой, Я. Г. Загваздиной, Н. В. Журавлевой и О. А. Юзеевой. Также в этом разделе опубликована статья этнографа и краеведа И. В. Белича, одного из исследователей научного творчества М. С. Знаменского. Публикация статьи приурочена к юбилею безвременно ушедшего исследователя.

Вторая часть сборника включила в себя исследования по тюркской археологии, этнографии, лингвистике. Ряд статей раздела посвящен археологическому наследию Сибири. Это статьи тобольских археологов Е. П. Загваздина, Н. П. Туровой, А. А. Адамова и П. Г. Данилова. Значительный материал по этнографии сибирских татар представлен в статьях Г. И. Зиннатуллиной, З. А. Тычинских, З. Т. Шариповой. Статья известного казанского этнографа Д. М. Исхакова посвящена обсуждению вопроса о языке сибирских татар, в связи с изданием Институтом языкознания РАН «Списка языков России и статусы их витальности». В работах Х. Ч. Алишиной, Г. Ч. Файзуллиной, Э. Х. Кадировой и Л. Р. Сурметовой производится анализ лексикона сибирских татар, а также фольклорных, художественных и исторических текстов. Профессор из г. Астана Ж. О. Артыкбаев рассматривает топоним Бараба, встречающийся на территории Юго-Западной Сибири, Центрального и Южного Казахстана, и приходит к выводу, что в основе его лежит древнее понятие – «Барап», означающее в кочевых культурах переход от степной территории к глухим лесам.

В историческом блоке представлены статьи А. П. Яркова, Ю. У. Сафаралеевой, Е. В. Тершуковой и Д. Н. Маслюженко. Статья тюменского исследователя А. П. Яркова посвящена вопросу о дате основания г. Тюмени. Совместная статья курганских коллег Е. В. Тершуковой и Д. Н. Маслюженко выявляет особенности развития мельничного дела на территории современной Курганской области в XVII – начале XX вв. Статья Ю. У. Сафаралеевой посвящена рассмотрению роли ислама в духовном просвещении татар в дореволюционный период.

В третьем разделе сборника представлены работы по краеведению. Статьи Н. В. Журавлевой и Г. К. Скачковой посвящены исследованию биографий известных персоналий – уроженца г. Тобольска, «главного шампаниста СССР» А. М. Фролова-Багреева и директора Тобольской гимназии Ф. В. Рудакова. Статья А. П. Яркова освещает вопрос о представлениях иностранцев о Сибири и проживавших в ней народах.

Надеемся, что данный выпуск сборника будет интересен и полезен как для специалистов, так и для всех, интересующихся историей Западной Сибири.

Зайтуна Тычинских

Раздел 1
К юбилею М. С. Знаменского

УДК 929(571.12)
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.35.75.001
EDN:IAJWWS

ДИНАСТИЯ ЗНАМЕНСКИХ И ЕЁ ВКЛАД В КУЛЬТУРУ СИБИРИ

Т. И. Солодова
Россия, г. Тобольск

Рассматривается история известного сибирского рода Знаменских на протяжении XIX-XX вв. Показана плодотворная и многогранная деятельность представителей династии в культурной жизни сибирских городов. Особое место уделено отцу Михаила Степановича – Стефану (Степану) Знаменскому. Показана важная роль декабристов в судьбе М. С. Знаменского и его брата Николая.

Ключевые слова: Тобольск, Знаменские, Стефан Знаменский, Михаил Знаменский, культура Сибири, воспитанники декабристов.

THE ZNAMENSKY DYNASTY AND ITS CONTRIBUTION TO THE CULTURE OF SIBERIA

The history of the famous Siberian family of the Znamenskys during the XIX-XX centuries is considered. The fruitful and multifaceted activity of representatives of the dynasty in the cultural life of Siberian cities is shown. A special place is given to Mikhail Stepanovich's father, Stefan (Stepan) Znamensky. The important role of the Decembrists in the fate of M. S. Znamensky and his brother Nikolai is shown.

Keywords: Tobolsk, Znamenskiye, Stefan Znamensky, Mikhail Znamensky, culture of Siberia, pupils of the Decembrists.

Многие улицы Тобольска названы именами знаменитых земляков и людей, волей судьбы попавших в этот город: Менделеева, Ершова, Грабовского… Эти улицы, когда-то находившиеся, если не в центре

нижнего города, то недалеко от него, бурлившие живой жизнью своих насельников, превратились сейчас в отстойные места с тихо умирающими опустевшими домами или останками их, обуглившимися после частых здесь пожарищ. И лишь редкие вкрапления новых построек, похожих на маленькие дворцы, удивляют редких прохожих своим самодовольным внешним видом.

Улице, названной именем тобольского художника М. С. Знаменского, повезло: она находится в нагорной части города, где в последние десятилетия сосредоточена вся его жизнь, и играет важную роль – соединяет собой историческую часть Тобольска с новыми микрорайонами.

Сибиряк Михаил Степанович Знаменский (1833–1892) – художник, известный далеко за пределами Сибири. Он обладал многосторонними талантами, проявившимся в разных сферах изобразительного искусства, в археологии, краеведении, литературе, педагогике.

М. С. Знаменский увидел свет 14 марта 1833 г. в городе Кургане в семье священника Стефана (Степана) Яковлевича Знаменского.

Стефан Яковлевич родился в 1806 г. в семье священника Барнаульского округа. Он получил хорошее для своего времени образование в Тобольской духовной семинарии. В возрасте восемнадцати лет, окончив семинарию одним из лучших выпускников, Стефан Знаменский женился на Александре Земляницыной. Несмотря на молодость, его рукоположили в священники. Свою службу он начал в Барнаульском соборе.

Прослужив 50 лет священником, Стефан Яковлевич проявил себя в различных должностях – член консистории и духовных правлений, эконом семинарии, благочинный, миссионер, законоучитель в училищах и гимназиях, наблюдатель за преподаванием Закона Божия. Церковный историк А. Сулоцкий пишет о С. Я. Знаменском: «…совершенная нестяжательность… его всегдашняя трезвость, строжайшая, высоконравственная образцовая жизнь, глубокое смирение, ласковое обращение со всеми, между прочим, и со своими подчинёнными, снисходительность к ним в случае их погрешностей… его доступность для всех… – и тогда будет понятно, почему его везде и все почитали и любили» [13, с. 470].

В своей среде он считался «странным», поскольку старался воплотить в жизнь те высокие христианско-православные воззрения, к которым большинство священников относилось как к теоретически отвлечённым истинам. Например, проявление гуманизма к государственным преступникам.

Когда Степан Яковлевич был на священнической службе в Кургане, он с сочувствием и вниманием относился к ссыльным в этот город декабристам. То же самое происходило в Тобольске и в Ялуторовске, куда он был в своё время перемещён. *«Уродом в своем сословии»* называл С. Я. Знаменского декабрист И. И. Пущин [8, с. 4].

Духовное начальство и большинство рядовых священников очень косо смотрели на дружбу Степана Яковлевича с декабристами. С ним неоднократно проводили разъяснительные беседы, осуждали между собой, старались найти в его действиях какую-то корысть. Но вся жизнь Знаменского, обременённого большой семьёй, была настолько скромна, порядочна и безупречна, что поводов к жалобам на него не находилось.

Декабристы видели в нём человека высокой духовности и нравственности.

Степан Яковлевич не только стремился облегчить участь «государственных преступников», не только был у многих из них духовником, но и помогал им в их желании сделать свою жизнь даже в положении подневольных людей полезной обществу.

Так, например, благодаря именно его участию смогли состояться мужское и женское училища в Ялуторовске, инициатором и организатором которых был декабрист И. Д. Якушкин.

В 1842 г. открылась школа для мальчиков – первая школа для народа в Западной Сибири.

Она была очень необычной для того времени: отсутствие телесных наказаний, обширная программа предметов. Помимо грамматики, Священной истории и истории российской, российской географии, арифметики, также изучалась механика. Воспитание интереса к обучению, частые экскурсии на природу с целью привития любви к родному краю, изучения местных флоры и фауны – всё это привлекало к школе и детей, и их родителей разных сословий. Знаменский вёл Закон Божий и Священную историю. Декабристы, их жёны, друзья и знакомые с увлечением помогали обучать мальчиков.

В 1846 г., благодаря усилиям Якушкина и Знаменского, открылась подобная школа и для девочек. В ней, кроме обыкновенных предметов, преподавались пение, музыка, дети учились вышивать, вязать. Таким образом, было положено начало народному женскому образованию в Западной Сибири.

В 1854 г. Степана Яковлевича перевели в Омск. Ялуторовские декабристы очень сожалели о том, что лишились постоянного общения с таким исключительным человеком.

В Омске С. Я. Знаменский до 1868 г. служил настоятелем Воскресенского Собора. Духовная библиотека при Соборе, которой он руководил, считалась одной из лучших в Сибири.

С. Я. Знаменский продолжал вести в Омске педагогическую деятельность: основал церковно-приходскую школу для девочек. Литературоведы предполагают, что Знаменский встречался в Омске с Ф. М. Достоевским, отбывающим в этом городе каторжные работы. Известно, что Степан Яковлевич крестил будущего знаменитого художника Михаила Врубеля в Воскресенской церкви г. Омска 18 марта 1856 г. [2].

Степан Яковлевич прослужил на ниве священничества более пятидесяти лет в Барнауле, Кургане, Тобольске, Ялуторовске, Омске. И всюду он оставлял после себя добрые дела и долгую память.

Михаил Степанович создал несколько портретов своего отца. «Портрет протоиерея Стефана Знаменского» (1870-е гг.) выполнен в коричневых тонах. Строгость облика, умный, даже какой-то мудрый взгляд много знающего человека. Аскетические черты суховатого, с правильными чертами лица. Скромная повседневная священническая одежда без украшения в виде нагрудного креста.

Степан Яковлевич скончался в 1877 г. в Омске. В 1984 г. он был канонизирован русской православной церковью.

Мать Михаила Степановича, Александра Львовна, была коренной тоболячкой. Её девичья фамилия, Земляницына, являлась одной из уважаемых в Тобольске.

Отец Александры Львовны, кафедральный протоиерей Лев Васильевич Земляницын, до 1818 г. был префектом[1] тобольской духовной семинарии, преподавал там философию и богословие. А. И. Сулоцкий называл Земляницына «весьма почтенным префектом» семинарии [12, с. 582], «скромным, заботливым, исполнительным», «добрым и вместе с тем солидным» [14, с. 623]. С 1818-го года он занимал должность ректора тобольских духовных училищ.

Лев Васильевич окончил главную Александро-Невскую семинарию, куда был послан из тобольской семинарии в один год с будущим историком Сибири П. А. Словцовым.

В 1860-е годы, когда в России начали издаваться газетные ведомости разных епархий, Лев Васильевич очень хотел, чтобы такой орган печати появился и у тобольского духовенства. Он вёл в то время переговоры с тобольским архиепископом Варлаамом по поводу издания ведомостей, выражал желание быть их редактором и внести безвозмезд-

[1] Т. е. инспектор.

но 1 000 своих денег на организацию этого дела. Он даже составил программу будущего издания. Но Варлаам не являлся сторонником такого «новшества», и замысел издавать газету затормозился.

А. И. Сулоцкий писал о нём: «…человек строгой жизни, трудолюбивый и дельный на службе семинарской, исполнительный на службе соборной, честный и бескорыстный по службе в консистории» [11, с. 754]. В нём отсутствовали «лесть и угодливость пред кем бы то ни было» [11, с. 754].

В семье Знаменских росло шестеро детей: три мальчика и три девочки. Достаток всегда имелся очень незначительный, зато богатство семейных отношений – взаимная любовь, уважение всех её членов, внимание и привязанность друг к другу.

Общение с декабристами в детстве в Ялуторовске, в отрочестве и юности в Тобольске оказали огромное воздействие на всю жизнь будущей «неординарной и многозначной личности» [1, с. 331] Михаила Степановича Знаменского.

Раннее детство Миши прошло в Тобольске, куда из Кургана в 1836 г. перевели его отца. Когда мальчику исполнилось семь лет, в 1840 г. семья переехала на новое место службы отца в г. Ялуторовск. Там и произошло его первое знакомство с декабристами, деятелями и просветителями И. Д. Якушкиным, А. В. Ентальцевым, М. И. Муравьёвым-Апостолом, И. И. Пущиным, В. И. Оболенским, В. К. Тизенгаузеном. Миша получил своё первое образование в ланкастерской школе взаимного обучения, организованной И. Д. Якушкиным – самым ярким и энергичным энтузиастом из всего ялуторовского декабристского братства.

Окончив уездное училище в Ялуторовске (1847 г.), четырнадцатилетний Миша Знаменский едет в Тобольск для поступления в духовную семинарию. Его взяли под свою опеку тобольские декабристы, и, прежде всего, Фонвизины и Бобрищев-Пушкин.

Ещё в дошкольном детстве Миша проявлял интерес к рисованию. Декабристы заметили его способности и старались их развить. В 1851 г., благодаря их содействию, Михаил получил возможность перевестись в Петербургскую образцовую духовную семинарию, и в 1853 г. он получает аттестат об её окончании. Новоиспечённый выпускник едет в Тобольск, который давно уже стал для него родным городом.

Вся дальнейшая жизнь Знаменского, за исключением служебных командировок на север Тобольской губернии и в Среднюю Азию, да поездок в Омск, где в то время жили его родители, была связана с Тобольском. Исключением стала и поездка в 1859 г. в Петербург. Там ему

удалось хорошо зарекомендовать себя как художника-карикатуриста в журналистских кругах и стать постоянным сотрудником самого яркого и смелого в то время сатирического журнала «Искра».

В Тобольске он возобновил своё общение с декабристами. Особенно сблизился Знаменский со Свистуновыми.

Формулярный список М. С. Знаменского даёт представление о его служебных занятиях, в основном связанных с преподаванием. С 1854 г. по 1863 г. он преподавал в Тобольской семинарии: сначала рисование и иконописание, позже – только рисование. Вёл одновременно уроки славянского языка, арифметики и географии в духовном училище при семинарии.

В 1859 г. Михаил Степанович получил от Академии художеств звание учителя рисования в гимназии, которое позволило ему поступить на службу в Тобольскую Мариинскую женскую школу, где он вёл уроки рисования до 1868 г., причём безвозмездно. В 1863 г. М. С. Знаменский вышел из духовного звания. В этом же году уволился из семинарии. В 1862–1867 гг. служил переводчиком татарского языка при Тобольском губернском правлении.

В 1868 г. в чине титулярного советника М. С. Знаменский вышел в отставку и «предпочёл неутомимо заниматься у себя дома» [1]. Несколько месяцев в 1881 г. он был «безвозмездным» редактором неофициальной части газеты «Тобольские губернские ведомости». Жил всегда скромно, зарабатывая тем, что давал частные уроки рисования, посылал свои карикатуры, фельетоны и исторические очерки в столичные и сибирские журналы и газеты.

Михаил Степанович не был женат и проживал в семье своего старшего брата Николая Степановича и его жены Эрминии Фёдоровны.

Николай Степанович Знаменский (1827–1899), воспитанник декабристов Фонвизиных, окончил Тобольскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию, однако вышел из духовного звания и служил в Тобольске чиновником в разных губернских учреждениях. Имел много общественных обязанностей, в том числе и по организации любительских благотворительных спектаклей.

С 1862 г. – управляющий детским Александровским приютом. Неподкупный и честный человек, безвозмездно выполнял обязанности попечителя и члена совета Мариинской женской школы по хозяйственной части. В 1883 г. тобольский губернатор Лысогорский аттестовал его министру внутренних дел «как чиновника примерно трудолюбивого, усердного, честного, исполнительного и заслуженного» [7].

Эрминия (Гермина) Фёдоровна Знаменская (в девичестве Геслер) была выпускницей Николаевского женского института, гувернанткой детей декабриста Муравьёва. В его доме с ней и познакомился Николай Знаменский, когда вернулся после окончания Казанской духовной академии в Тобольск. В 1855 г. они поженились.

Эрминия Фёдоровна – внучка знаменитого немецкого музыканта, пианиста и органиста Иоганна Геслера (1742–1822). В 1792 г. он приехал в Россию, где сначала служил капельмейстером (дирижёром) придворного театра в Петербурге, а потом переехал в Москву. Был выдающимся педагогом по фортепиано и выступал как исполнитель с концертами.

Жена Н. С. Знаменского хорошо играла на рояле, много читала, отличалась умом и приветливостью, давала частные уроки музыки и считалась лучшей учительницей фортепиано в Тобольске. В 1867 г. в только что выстроенной заново Мариинской женской школе случился большой пожар. Школу не успели застраховать, и Николаю Степановичу, как заведующему хозяйственной частью пришлось в течение нескольких лет выплачивать в казну серьёзную сумму денег. Семья оказалась в трудном положении. И тогда Эрминия Фёдоровна проявила мужество и стойкость характера, взяв на себя обеспечение семьи. Она, несмотря на двух маленьких дочерей, стала давать частные уроки музыки, почти весь день разъезжая по городу и очень уставая.

В 2018 г. Общественным благотворительным фондом «Возрождение Тобольска» впервые в большом объёме были опубликованы дневники М. С. Знаменского [6]. Эти дневники являются источником не только сведений о жизни Знаменского, но и богатейшей информации о жизни Тобольска 60-х годов XIX века.

Перед нами предстаёт личность, не только стремящаяся к независимости, но и способная отстоять её, даже ценой конфликтов с власть держащими, нервными и материальными потерями.

Михаил Степанович принимал активное участие в культурной жизни Тобольска. Он был членом любительского театрального общества в качестве очень актёра, способного режиссёра, декоратора и гримёра, организовывал благотворительные вечера, писал заметки в газету «Тобольские губернские ведомости», принимал активное участие в организации и проведении так называемых «читальных вечеров». Занимался Михаил Степанович и оформительской деятельностью: декорировал к праздникам помещения Общественного собрания, рисовал альбомы для подарочных подношений, оформлял к торжествам транспаранты и щиты, делал эскизы для маскарадных костюмов.

Знаменский стоял у истоков развития косторезного промысла в Тобольске во второй половине XIX века. Серьёзно занимался он и художественной фотографией.

Михаил Степанович был энтузиастом и просветителем книги. Он старался приучить детей к чтению хороших книг. Своим ученикам и ученицам постоянно приносил для чтения интересные и важные для их нравственного развития произведения.

Любовь к книгам способствовала сближению Знаменского с поэтом Павлом Петровичем Ершовым, который любил рассказывать художнику о своих встречах с А. С. Пушкиным.

Образ П. П. Ершова представлен художником в двух «ипостасях»: художественно-серьёзный – в виде портретов, и художественно-иронический – в виде карикатурного изображения. Художник хотел проиллюстрировать «Конька-горбунка» и издать поэму «Сузге» отдельной книгой, к которой он составил подробный комментарий и нарисовал иллюстрации. Но издать книгу не удалось.

Преподавая свой предмет – рисование, Знаменский воспитывал в учениках любовь к искусству и вместе с нею – человечность и доброту души.

Л. П. Рощевская пишет: «Педагогической деятельности Знаменский отдавался беззаветно… Ему нравилось преподавание, причём он успешно сочетал занятия живописью с беседами по истории и литературе, рассказывал ученицам старших классов женской школы об истории Тобольска» [9, с. 13].

Художественное наследие М. С. Знаменского состоит из карикатур, этнографических рисунков, связанных с бытом разных народностей, особенно населяющих север Тобольской губернии, иллюстраций к литературным произведениям (Достоевского, Помяловского, Кольцова и др.), портретистики, городских пейзажей (в основном Тобольска). Встречаются в художественном творчестве Знаменского и жанровые картины, и интерьерная живопись.

Язвительными были карикатуры художника, направленные на тупых, невежественных чиновников, полицейских, самодуров и взяточников. Особенностью его работ являлось то, что он сам составлял надписи под ними, которые усиливали их сатирическую направленность. В некрологе художнику было написано: «Карикатуры его отличались остроумием и едкостью, так что многие очень боялись попасть под его беспощадный карандаш» [10].

В 1859–1861 гг. Знаменский очень активно сотрудничал в петербургском журнале «Искра», позже – в журнале «Маляр». Под его по-

стоянной рубрикой «Из провинциального быта» появляются сатирические рисунки на темы образования, мздоимства, чинопочитания, осуждающие невежество, пьянство, подхалимство, стяжательство. Для творчества Знаменского характерно создание серий карикатур. Созданием серий карикатур и остроумными короткими подписями под ними Знаменский предвосхитил появление жанра, который станет очень популярным спустя несколько десятков лет в США, – комиксов. Знаменский «на полстолетие раньше американцев создал первый рисованный роман комиксов (в 60-е годы XIX века, тогда как в США первые серии комиксов в прессе появились в 90-е годы. А роман лишь – в 20-е годы XX века)», – пишет В. А. Рогачёв [8, с. 10].

Михаил Степанович был «первым иллюстратором Достоевского», его произведения «Записки из «Мёртвого дома» [4].

Многие современники Знаменского высоко ценили его археологическую деятельность. Именно он стал производить первые раскопки в окрестностях Тобольска: на Чувашском мысу, на Искере, в Сузгуне, ряде курганов и, таким образом, первый увидел в них важнейшие исторические памятники Сибири. В этом, прежде всего, состоит его вклад в сибирскую археологию. Как художник Михаил Степанович закреплял вещественные свидетельства «старины глубокой» в художественно-образном изображении, создавая альбомы.

Важнейшей задачей историко-археологических трудов Знаменского являлась популяризация их в виде краеведческих очерков и эссе, которыми он хотел пробудить в читателях интерес к прошлому Сибири и любовь к своему краю: В 1881 г. в газете «Тобольские губернские ведомости» в продолжение нескольких номеров (№№ 17, 37, 39, 45, 47) впервые было напечатано произведение Знаменского «Прогулки по историческим окрестностям Тобольска», которое состояло из 2-х частей: «Городок Махмет-Кула» и «Искер». Позже, в 1891-м году, в тобольской типографии выходили отдельными брошюрами «Чувашский мыс» и «Искер» [3; 4]. В 1887 г. в газете «Восточное обозрение» был опубликован очерк Знаменского «Тобольск и его окрестности». Уникальность Знаменского-краеведа состоит в том, что он, во-первых, показывал историю глазами художника-живописца и поэта, во-вторых, занимался не только литературным краеведением, но и изобразительным, оставив потомкам ряд картин, на которых изображены исторические окрестности Тобольска и архитектурные достопримечательности самого города.

М. С. Знаменский проявил себя как талантливый литератор-мемуарист. Своими воспоминаниями о декабристах М. С. Знаменский внёс

значительный вклад не только в краеведение, но и в родиноведение, в историю Отечества. Мемуарные произведения М. С. Знаменского: «Исчезнувшие люди», «Тобольск в сороковых годах» и «Пятидесятые годы в Тобольске» осмысляются как своеобразная трилогия. «Своеобразная художественная дилогия М. Знаменского («Исчезнувшие люди», «Тобольск в сороковых годах») не имеет аналогов в отечественной литературе русского классического реализма XIX века. В ней словно угаданы модные ныне стилевые фигуры, сюжетно-композиционные завихрения, когда действие вольно порхает по ассоциативной карте от пункта к пункту, неожиданно обрывается, ускользает под накатом вдруг разразившихся событий. Даже «nonfinite» (авангардистский приём западноевропейской эстетики 60-х годов нашего века (Имеется в виду XX век – *Т. С.*) есть…» [8, с. 15].

Все три произведения Знаменского объединены центральными темами. Это, прежде всего, изображение ссыльных декабристов в сибирском крае: в Ялуторовске и Тобольске. Л. П. Рощевская пишет: «Знаменский первый в русской литературе XIX века показал роль декабристов как просветителей Сибири, их высокую нравственную чистоту и благородство, проявившиеся в первую очередь в тайной войне с местным сибирским начальством за человеческие права» [9, с. 25].

Литературный талант М. С. Знаменского несомненен. Его воспоминания и краеведческие очерки читаются как увлекательнейшие повести, от них невозможно оторваться: восхищает полный остроумия и ярких выражений язык, вызывает глубокое уважение к автору его жизненная позиция и отношение к людям, искренность и теплота повествования делают его близким читателю человеком.

Весной 1891 г. Михаил Степанович почувствовал себя нездоровым. Ему пришлось отказаться от многих любимых занятий и общественных дел. 3 марта 1892 г. на 59-м году жизни Михаил Степанович скончался, как написано в некрологе, «от паралича сердца».

Николай Степанович, самый близкий к художнику брат, пережил его на семь лет.

Михаил Степанович любил заниматься с его дочерьми: Лидией (г. р. 1865) и Еленой (г. р. 1867). Он учил их географии и рисованию.

Елена Николаевна Знаменская через много лет после смерти дяди, будучи уже пожилой женщиной, написала воспоминания о нём. Они не были изданы и хранятся в Тобольском музее-заповеднике (ТИАМЗ). В них присутствуют и письменные свидетельства жизни сестёр Знаменских.

Образование, которое получили Лидия и Елена дома, оказалось настолько серьёзным, что Лидия смогла успешно выдержать экзамен при мужской гимназии на домашнюю учительницу, и ей даже сразу предложили место учительницы французского языка в Мариинской женской школе, но «мама не захотела её туда отпустить», и она стала заниматься частными уроками, приготовлять детей в эту школу, а также уроками музыки.

Спустя несколько лет, уже после смерти дяди и отца, Лидия уехала в «Россию» и стала там служить в черниговском училище слепых. А Елена несколько лет работала у губернского агронома Н. Л. Скалозубова, известного в Тобольской губернии деятеля, музейщика, этнографа, будущего депутата 2-й и 3-й Государственных дум. Потом Елена Николаевна стала учительницей рисования в городском училище, её приглашали читать лекции по рисованию на педагогических епархиальных курсах.

Одновременно Елена Николаевна давала частные уроки рисования. Через некоторое время вернулась в Тобольск Лидия Николаевна. Она стала домашней учительницей музыки и немецкого языка. Сёстры жили вместе. Замуж ни одна из них не вышла. Многие тоболяки с благодарностью вспоминали сестёр Знаменских, которые давали крепкие знания своим ученикам и воспитывали в них любовь к искусству и стремление к образованию.

Годы революции, голод, разруха – всё это в полной мере задело и их. Они вынуждены были продать свой дом и жили на случайные заработки, часто болея и слабея от недоедания. Сестёр выручала продажа старинных вещей и «дядиных художественных произведений». Однако денег катастрофически не хватало даже на продукты питания. У Лидии Николаевны на почве недоедания начался прогрессивный паралич, потом она ослепла; за ней необходим был постоянный уход и надзор, поскольку у неё ко всему прочему начались нарушения психики. Она умерла в доме старчества в 1926 г.

Спустя некоторое время вынуждена была уйти в дом старчества и Елена Николаевна. Вскоре её перевели в дом инвалидов под Омск, чему она очень сопротивлялась. До самой смерти Елена Николаевна в силу возможностей занималась рисованием. Скончалась в 1941 г.

Младший брат Михаила Степановича, Константин (род. в 1842 г.) жил в Омске и служил учителем. Там же жили его сёстры Александра (1837–1900) и Сара (Серафима) (род. в 1844 г.). Александра Степановна преподавала в Омском женском училище. По всей вероятности, они не завели своих семей.

Старшая дочь Знаменских Прасковья (Паша) вышла замуж за штабс-капитана А. А. Сизых и жила в городе Акмуллы[1]. У неё были две дочери и сын Иван, который жил в Омске у Знаменских, когда учился в Омском кадетском корпусе. Больше о её детях информации не нашлось.

В семье Степана Яковлевича Знаменского воспитывался сын его брата Ильи, Степан (1837 – после 1902 г.). Он окончил Томскую гимназию и служил чиновником в городах Омске, Томске, Кузнецке, Ишиме, Барнауле, Тобольске. Степан Ильич был одарённым человеком: прекрасно играл на скрипке, знал несколько иностранных языков, в том числе и китайский.

Его сын Аркадий Степанович Знаменский (1898–1982) стал известным человеком в Сургуте, где почти полвека учил школьников астрономии, физике и математике. Был педагогом-новатором, прекрасным методистом; чтобы увлечь школьников математикой, придумывал остроумные задачи. Написал много работ по методике преподавания конкретных предметов. Сконструировал и сам соорудил несколько приборов для школьных демонстраций по физике.

Он писал сочинения на философские, мировоззренческие темы (например, заметку «Летающие мысли»), участвовал в постановках школьного театра, в шахматных турнирах. Он совершал поступки – по совести – но требующие мужества и смелости: после закрытия местной церкви по просьбе прихожан хранил у себя церковные книги; заступился за школьного сторожа, который был невинно осуждён; выступил на суде в качестве общественного защитника повстанцев 1921 г.

Параллельно с преподаванием точных наук Аркадий Степанович занимался обучением детей игре на фортепиано в первой на Тобольском севере, созданной в 1920 г., музыкальной школе. Был увлечён фортепианным исполнительством и сочинительством. Интересна его работа «Вариации на тему Пифагора», в названии которой соединены два больших интереса автора: к точным наукам и музыке.

«С его именем связана история становления музыкальной культуры в Сургуте» [7; 15]. А. С. Знаменский – Почётный гражданин г. Сургута. В 1993 г. его имя было присвоено Сургутской средней экспериментальной школе русской культуры. В этом городе учреждена стипендия им. А. С. Знаменского для лучших школьников и студентов.

Кроме Аркадия, у Степана Ильича Знаменского имелось ещё двое детей: дочь Екатерина и сын Анатолий. Екатерина Степановна была

[1] В советское время Акмолинск (Целиноград). Сейчас Астана, столица Республики Казахстан.

известной в 60-е годы учительницей фортепиано в Тобольской детской музыкальной школе. Она умерла в 1987 г. бездетной.

Анатолий Степанович работал бухгалтером в Тобольске. Он с честью воевал в пехоте во время Великой Отечественной войны. Анатолий Степанович имел трёх детей, которые, в свою очередь, дали жизнь новым поколениям рода Знаменских.

Совсем недавно, не дожив несколько лет до века, скончался его сын Александр Анатольевич.

Он родился в Тобольске в 1926 г. В годы войны учился в ремесленном училище связи. Жизнь немало побросала А. А. Знаменского. Пришлось работать и в колхозе в трудные послевоенные годы. Но в основном своего родного Тобольска не покидал, трудясь в разных организациях и должностях.

Приходясь художнику Михаилу Степановичу Знаменскому правнучатым племянником, Александр Анатольевич на протяжении всей жизни подтверждал такую фамильную черту Знаменских, как многогранная увлечённость: всю жизнь интересовался радиотехникой. В Тобольске 50–70-х годов прошлого века был известен как прекрасный мастер и сборщик радиоаппаратуры. Хорошо играл на гармошке и даже принимал участие в самодеятельных концертах. Так же, как и его отец, Анатолий Степанович, мастерил по дереву.

Удивительно и то, что дочь Алексея Анатольевича, Любовь Александровна и его внучка Елена (дочь Любови Александровны), стали прекрасными косторезами, таким образом приняв эстафету этого мастерства от своего уже далёкого предка Михаила Степановича Знаменского.

Династия сибиряков Знаменских третий век вносит свой вклад в историю и культуру родного края.

Список источников и литературы

1. Белич И. В. Последняя прогулка М. С. Знаменского по историческим окрестностям города Тобольска (из неопубликованных заметок о провинциальном археологе) /Тобольский хронограф. Сборник. Вып. 4. Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2004. С. 331.
2. Девятьярова И. Г. «Врубель – мой земляк» // М. А. Врубель и Омск. Омск, 1999.
3. Знаменский М. С. Чувашский мыс. Из археолого-исторических набросков. Губернская типография. Тобольск. 1891.

4. Знаменский М. Искер. Типография Тобольского губернского правления. Тобольск. 1891.

5. Знаменский М. С. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения. Тюмень: СофтДизайн, 1997.

6. Знаменский М. С. Воспоминания и дневники. ОБФ «Возрождение Тобольска». Тобольск, 2017.

7. Вклад в развитие культуры Сибири потомков С. Я. Знаменского // st-efrem.orthodoxy.ru/stefan/a/p5.html

8. Рогачёв В. А. «Гори, гори моя звезда!». Критико-биографический очерк жизни и творчества Михаила Степановича Знаменского // Знаменский М. С. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 4.

9. Рощевская Л. П. Предисловие к книге «М. С. Знаменский. Воспоминания и дневники». Тобольск: ОБФ «Возрождение Тобольска», 2017. С. 13.

10. Сибирский листок. 1892. № 20, 12 марта.

11. Сулоцкий А. И. Сперанский в Тобольске // Сочинения в трёх томах. Т. 2. О сибирском духовенстве / под ред. В. А. Чупина. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики. 2000.

12. Сулоцкий А. И. Архиепископ Тобольский Амвросий (Келемент) // Сочинения в трёх томах. Т. 2. О сибирском духовенстве / под ред. В. А. Чупина. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики. 2000.

13. Сулоцкий А. И. Протоиерей Стефан Яковлевич Знаменский // Сулоцкий А. И. Сочинения в 3-х томах. Т. 2. О сибирском духовенстве / под ред. В. А. Чупина. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000.

14. Сулоцкий А. И. Иркутский архиепископ Михаил II // Сочинения в трёх томах. Т. 2. О сибирском духовенстве / под ред. В. А. Чупина. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики. 2000.

15. http/www/znamenskjl/ru/dinastia

УДК 930.253(092)(571.1)
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.29.22.002
EDN:IUGJSE

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ М. С. ЗНАМЕНСКОГО И ЕГО СЕМЬИ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ В Г. ТОБОЛЬСКЕ»

Н. В. Журавлева, О. А. Юзеева
Россия, г. Тобольск, Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».

Публикация посвящена обзору выявленных в собрании Государственного бюджетного учреждения Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» документальных источников, свидетельствующих о жизни и деятельности М. С. Знаменского и истории его семьи.

Ключевые слова: М. С. Знаменский, воспитанник декабристов, художник, краевед, знаменитые тоболяки.

DOCUMENTARY EVIDENCE OF LIFE M. S. ZNAMENSKY AND HIS FAMILY IN THE FUNDS OF THE STATE BUDGETARY INSTITUTION OF THE TYUMEN REGION «STATE ARCHIVE IN TOBOLSK»

The publication is devoted to a review of documentary sources identified in the collection of the State Budgetary Institution of the Tyumen Region «State Archive in Tobolsk», testifying to the life and work of M. S. Znamensky and the history of his family.

Keywords: M. S. Znamensky, pupil of the Decembrists, artist, local historian, famous Tobolsk people.

Целью данной публикации является обобщение сведений о выявленных в собрании Государственного бюджетного учреждения Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» документальных

источниках, свидетельствующих о жизни и деятельности М. С. Знаменского и истории его семьи. При этом работа не претендует на всеохватность. Так, например, авторы статьи не ставили целью дать полный обзор документальных свидетельств о жизни родственников М. С. Знаменского. Кроме того, всегда остается возможность выявления пока неизвестных документов при дальнейшем поиске.

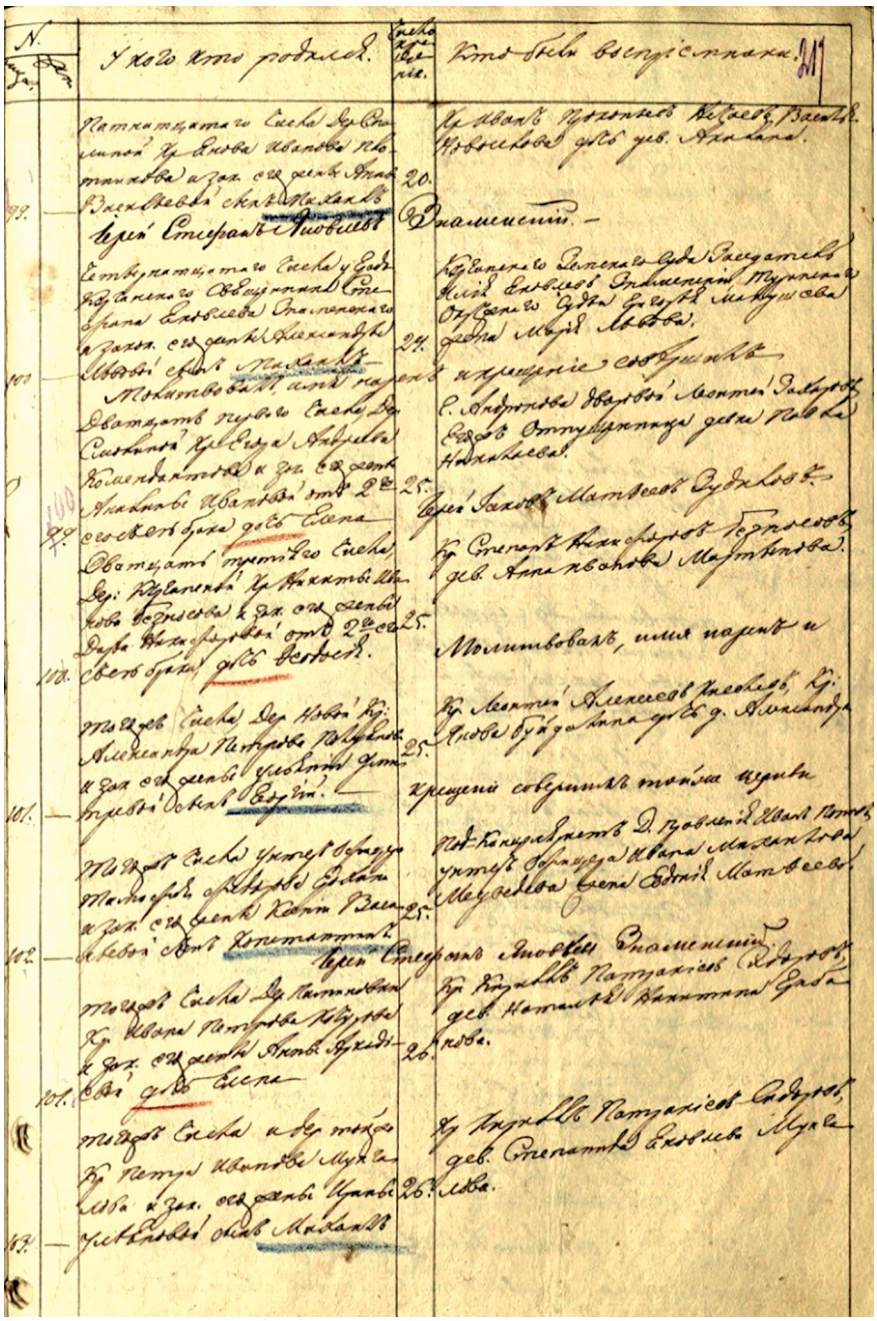


Рис. 1. Запись в метрической книге Троицкой церкви г. Кургана о рождении и крещении М. С. Знаменского. ГКУ «ГАКО». Ф. 72. Оп. 1. Д. 72. Л. 217.

Знаменский Михаил Степанович (1833–1892 гг.) родился в городе Кургане Тобольской губернии. В Государственном архиве в г. Тоболь-

ске его метрическая запись не сохранилась, так как в 20-е гг. XX в. все метрические книги православных церквей Курганского уезда были переданы в Курганский архив. Сделав запрос коллегам из Кургана, мы получили настоящий подарок – электронный образ страницы с записью о рождении М. Знаменского*. В архивном фонде И-72 «Троицкая церковь города Кургана» за май месяц 1833 г. в графе «У кого кто родился» имеется следующая запись: «Четырнадцатого числа у Градо-Курганского священника Стефана Яковлева Знаменского и законной его жены Александры Львовой сын Михаил».

Восприемниками были: Курганского Земского суда заседатель Илия Яковлев Знаменский и Туринского Окружного суда Григория Макушева жена Мария Львова. Соотнося отчества восприемников легко догадаться, что крестным отцом М. С. Знаменского был его родной дядя по отцу Илья, а крестной матерью пригласили родную сестру матери Марию.

Под записью о крещении подпись: «Молитвовал, имя нарек, и крещение совершил Иерей Яков Матфеевич Зудилов». Церковь вела статистический учет, поэтому всем записям о рождении, бракосочетании и смерти всегда присваивали порядковый номер. Михаил Знаменский оказался сотым младенцем мужского пола, окрещенным в 1833 году в курганской Троицкой церкви. Число крещения – 24 мая [1, л. 217, ил. 1]. Церковь во имя Святой Живоначальной Троицы располагалась на одноименной Троицкой площади. Именно в этом храме города Кургана в 1833 году служил отец будущего художника С. Я. Знаменский. До наших дней историческое здание храма не сохранилось, оно было взорвано 25 мая 1957 г., а в 2021 г. южнее существовавшего, построен новый Троицкий собор.

В Государственном архиве в г. Тобольске сохранился значительный корпус документов, свидетельствующих о раннем периоде истории семьи Знаменских, повествующих о роли Тобольска в их судьбе. Отец М. С. Знаменского – Стефан Яковлевич Знаменский (1806–1877), получил образование в Тобольской духовной семинарии. В «Аттестате студента Тобольской семинарии С. Я. Знаменского» за 1824 г., помимо оценок по предметам: «в науках богословских – отлично, церковной истории – весьма хорошо, философии – довольно хорошо, математике и физике – хорошо, всеобщей истории – очень хорошо; в языках: греческом – очень хорошо, еврейском – отменно-хорошо, немецком – весьма хорошо», дана следующая характеристика 19-летнего выпускника: «Со способностями очень хорошими, прилежанием неослабным, поведением примерно-хорошим» [2, л. 2, 2об.].

В августе 1824 г. С. Я. Знаменским было подано прошение архиепископу Тобольскому и Сибирскому Амвросию следующего содержания: «Окончив курс семинарского учения, уволен я Правлением Тобольской семинарии в епархиальное ведомство с данным мне Аттестатом об успехах и поведении моем. И как я наслышался, что при Барнаульской Одигитриевской церкви состоит теперь праздное священническое место: то и осмеливаюсь всенижайше просить Ваше Высокопреосвященство <…> дозволить мне вступить в законный брак с дочерью умершего Тобольского кафедрального собора протоиерея Льва Земляницына девицею 13ти лет Александрою и рукоположить меня к означенной церкви во священника <…>» [2, л. 1, 1об.].

В этом же деле содержатся и такие интересные документы, как «Присяга производимому во священника» и «Присяга производимому во диакона». Типовые тексты присяг начинаются словами: «Аз нижеименованный обещаюсь и кленусь (Так в документе, – *Н. Ж., О. Ю.*) Всемогущим Богом пред Святым его Евангелием в том, что хочу, и должен Его Императорскому Величеству, моему Всемилостивейшему Великому Государю Императору Александру Павловичу Самодержцу Всероссийскому, и Его императорского Величества Всероссийского престола Наследнику, который назначен будет, верою и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови <…>» и заканчиваются рукописными подписями: «По сему клятвенному обещанию в верном прохождении диаконского звания присягал и подписуюсь студент Стефан Знаменский 1824 года сентября 13 дня. Свидетельствую священник Георгий Митин» [2, л. 8, 8об.]; «По сему клятвенному обещанию в верном прохождении должности священнического звания присягал и подписуюсь диакон Стефан Знаменский 1824 года сентября 15 числа. К присяге приводил крестовой церкви иерей Евфимий Мамин» [2, л. 10, 10об.].

Мать М. С. Знаменского – Александра Львовна – происходила из старинной тобольской семьи Земляницыных. Отец Александры Львовны в 1818 г. занял в семинарии учительскую должность, а потом стал ее ректором. В метрической книге тобольской Благовещенской церкви выявлена запись о рождении А. Л. Земляницыной: 27 февраля 1811 г. «у Софийского протоиерея Льва Земляницына родилась дочь Александра, число крещения 28 февраля», восприемники «онаго протоиерея дети Александр и Мария» [4, л. 189об.].

Выявлены также и документы, в которых содержатся сведения о создании семьи Знаменских. В брачном обыске Благовещенской церк-

ви от сентября 1824 г. значится: «1824 года сентября я нижеподписавшийся дал сей обыск Софийского собора протоиерею Петру Фелицыну с диаконом Димитрием Пономаревым в том, что желающие вступить в законный брак первым браком, кончивший семинарский курс Стефан Знаменский с дочерью вдовы протоирейской жены Параскевы Земляницыной девицей Александрой, между собою как плотского, так и духовного родства, как и других возбраняющих брак препятствий не имеют. Что оные жених и невеста совершенных лет, а именно жених 18ти, а невеста 13ти лет <…>.

К сему обыску протоиерей Петр Карпинский подписуюсь» [5, л. 57]. Сохранилась и непосредственно запись о венчании С. Я. Знаменского и А. Л. Земляницыной в метрической книге Благовещенской церкви от 8 сентября 1824 г. [6, л. 65].

В «Деле о ходатайстве бывшему законоучителю Ялуторовского уездного училища протоиерею Стефану Знаменскому пенсии в размере полного оклада» содержится формулярный список священника от 29 марта 1859 г., позволяющий проследить его служебную деятельность и перемещения по службе за период 1824–1859 гг. Из него узнаем, что первую священническую должность он получил в Барнаульской Петропавловской церкви с 15 сентября 1824 г., где являлся также присутствующим Барнаульского Духовного правления, затем 10 сентября 1826 г. был переведен в г. Курган к Троицкой церкви. В Кургане он также являлся присутствующим Курганского Духовного правления, был законоучителем уездного училища с мая 1831 по январь 1836 г. В ноябре 1832 г. назначен Благочинным курганских церквей. 19 декабря 1836 г. переведен в Тобольский кафедральный собор. С апреля 1836 г. по март 1838 г. исполнял обязанности благочинного тобольских подгородных церквей и одновременно – эконома при Тобольской семинарии. От последней должности освобожден в феврале 1838 г. с письменной благодарностью архиерея. Также в это время он был присутствующим Тобольской духовной консистории и попечителем о бедных духовного звания. В марте 1836 г. «за особенные пред прочими труды в отправлении должностей благочиннической, законоучительской и за усердное сочинение и сказывание проповедей» награжден набедренником. С марта 1838 по январь 1840 г. был законоучителем в Тобольской губернской гимназии.

20 ноября 1839 г. С. Я. Знаменского произвели в протоиерея к ялуторовскому Сретенскому собору. С июня 1840 г. по ноябрь 1853 г. он был законоучителем Ялуторовского уездного училища.

16 ноября 1854 г. был переведен на протоеирейское место в город Омск к крепостной Соборо-Воскресенской церкви и определен первоприсутствующим в Духовное правление и благочинным градских церквей.

В формулярном списке также указано, что в Ялуторовске Знаменскому принадлежал деревянный дом и перечислен состав семьи с датами рождения детей: Николай 4 декабря 1827 г., Михаил 14 мая 1833 г., Константин 29 марта 1842 г., Александра 9 ноября 1837 г., Серафима 2 июля 1844 г. [7, лл. 4–9].

Существенно дополняет сведения о служебной деятельности С. Я. Знаменского «Клировая ведомость Воскресенского собора г. Омска» за 1875 г. К тому времени С. Я. Знаменскому исполнился 71 год, он по-прежнему состоял на службе, характеризовался как «во всем сведующий» и поведения «примерно-доброго». Стефан Яковлевич активно участвовал в общественной жизни: был членом комитета по народному образованию Присутствия по делам Православного духовенства, членом Омского духовного училищного правления, членом Омского областного Комитета общественного здравия. Неоднократно награждался как духовным, так и светским начальством. Был пожалован орденом Св. Анны 2 степени, и орденом Св. Анны 2 степени, украшенным императорскою короною, орденом Св. Владимира 4 степени. Среди поощрений упоминается и такой факт: «11 января 1875 года высочайше разрешено принять и носить золотой наперстный крест, поднесенный прихожанами по случаю 50-летия службы 15 сентября 1874 г.» [8, л. 2об.–8].

Невероятно трогательны воспоминания современников об Омском протоиерее С. Я. Знаменском из одноименного архивного дела. Так, протоиерей Михаил Путинцев пишет: «Стефан Яковлевич Знаменский был одним из лучших представителей сибирского духовенства нынешнего столетия, стоявший на высоте своего призвания, уважаемый и любимый всеми, кто только знал его и имел с ним какие-либо отношения: архипастыри, высшее светское начальство, духовенство, миряне всех сословий и полов, даже иноверцы отдавали справедливую дань уважения высоким качествам его поистине праведной души <…>». Дав краткий очерк жизни и деятельности Знаменского, Путинцев заключает: «Жил для неба, не презирая и земного, если оно имело чистые, светлые стороны <…>» [9, л. 1–6об.].

Для описания тобольского периода жизни семьи Знаменских, безусловно, представляет интерес «Роспись о прихожанах Богоявленской церкви бывших у исповеди и причастия» за 1837 г., свидетельству-

ющая, что они проживали в нижнем посаде Тобольска. В документе упоминается также старшая сестра М. С. Знаменского Параскева, которой к тому времени было 13 лет. Досадно, что именно в этот документ вкралась неточность – Александра Львовна записана в нем как «Александра Ивановна» [10, л. 38].

Упоминания о братьях и сестрах М. С. Знаменского в документах Тобольского архива неравнозначно. Так, например, о младшем брате Константине из «Сообщения Тобольской семинарии об определении К. С. Знаменского учителем в Омское училище» за 1862 г. становится известно, что после окончания курса Тобольской семинарии, он, согласно своему прошению, был определен учителем в Омское духовное уездное училище [11, л. 2].

Наиболее обширен круг источников о старшем брате – Николае Степановиче Знаменском. В деле «Формулярные списки чиновников, представленных к награде за службу» выявлен формулярный список Н. С. Знаменского, позволяющий проследить его служебную деятельность до июля 1860 г. К этому времени он в чине титулярного советника занимал пост заседателя Тобольского приказа о ссыльных. Согласно формулярного списка, в 1852 г. после окончания курса наук в Казанской Духовной Академии, определен смотрителем Тобольских духовных училищ, с декабря 1852 г. был учителем высшего отделения в Тобольском духовном уездном училище по классам латинского языка, географии, арифметики. В 1857 г. по распоряжению вице-президента Тобольского попечительного о тюрьмах комитета назначен к исправлению должности секретаря женского отделения. В январе 1858 г. по прошению уволен в светское звание. В августе того же года определен заседателем в Тобольский Приказ о ссыльных по II отделению [12, лл. 344–349].

В этом же деле в представлении к награждению орденом Св. Станислава 2 степени, содержится блестящая характеристика Николая Степановича: «Заседатель титулярный советник Николай Знаменский заведующий суммами, арестантскою одеждою и обувью и снабжением ссыльных <…> нашел способ сократить недоимки приказа, установил единообразие в делопроизводстве и сократил письменность, дал приличный наружный вид счетам и бумагам, взял на себя обязанности казначея и секретаря, не предусмотренные по штату и исполнял все возложенные на него обязанности с надлежащей точностью, без промедления и с постоянным усердием» [12, л. 285].

Именно Н. С. Знаменскому Н. Д. Фонвизина передала свои тобольские дома. Документ представляет интерес и как свидетельство особых

дружеских отношений, поддерживавшихся между семьями Знаменских и декабристов Фонвизиных, и как информация об истории двух тобольских домов. В деле «Прошение Натальи Дмитриевны Фонвизиной и смотрителя духовных училищ Николая Степановича Знаменского о засвидетельствовании дарственной записи» за 1853 г. сообщается следующее.

«…Отправляясь в скором времени в Россию и желая вознаградить сделанные мне во время пребывания в Сибири разные услуги <…> я подарила собственно мне принадлежащие два дома с землею и со всеми службами купленные мною у жены полковника Данилова Серафимы Алексеевой и у титулярного советника Степана Алексеева Медовщикова, эти оба дома состоят в городе Тобольске в верхнем посаде в приходе Рождества Пресвятой Богородицы, цена из них первому 1000 рублей и последнему сто рублей серебром…» [13, лл. 1а, 1аоб.].

В документах встречается еще несколько упоминаний о месте проживания Знаменских в Тобольске. Так из переписного листа Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. на семью Н. С. Знаменского узнаем, что на тот период Николай Степанович, Ерминия Федоровна и их дочери Лидия и Елена проживали в 3-й городской части на улице Большой Архангельской в деревянном доме, крытом железом под № 828. Квартирной хозяйкой указана дочь чиновника Семенова Анна Егоровна [14, л. 20–20об.]

В деле «Список избирателей г. Тобольска по выборам в гор. Думу» за 1917 г. находим, что Знаменская Елена Николаевна проживает по адресу ул. Большая Архангельская, 19, а Лидия Николаевна по ул. Малая Архангельская, дом 25 [15, л. 22об.].

Документы о служебной и творческой деятельности непосредственно самого М. С. Знаменского, выявленные в ГБУТО ГА в г. Тобольске, несмотря на фрагментарность, позволяют представить круг его разноплановых занятий.

Известно, что при поддержке Фонвизиных и других декабристов в селе Подрезово была построена церковь, роспись которой была осуществлена П. С. Бобрищевым-Пушкиным и М. С. Знаменским. В 1851 г. церковь Знамения Божией Матери в селе Подрезово была открыта. В торжествах участвовал Тобольский архиерей преосвященный Георгий. Он был очень доволен церковью, хвалил ангелов, написанных Михаилом Знаменским.

В архивном фонде «Тобольское строительное отделение» выявлено дело об утверждении проекта на ремонт церкви в с. Подрезовском

Тобольского округа и пристройку к ней колокольни 1897 г., где представлен проект той самой церкви [16, л. 2].

Не остались в стороне братья Знаменские и во время знаменитого дела М. И. Михайлова. В архивном деле «О послаблениях, оказанных Тобольским начальством государственным преступникам Михайлову, Обручеву и ссыльнокаторжному Мокееву» сохранились их опросные листы, в которых содержится следующая информация: «Преступника Михайлова посещал раза три. Приходил к нему в камеру один. Из посторонних лиц встречал г. Каталинского. С преступником Михайловым говорил о картинных галереях, которые он видел за границей <…> Учитель рисования при Мариинской женской школе Михаил Степанов Знаменский».

Чуть более пространно объяснение Николая Степановича Знаменского: «Посещал Тобольский Тюремный замок по обязанности Губернского уголовных дел стряпчего. Я заходил в камеру, где содержался преступник Михайлов для опроса не имеет ли он каких претензий, и всякий раз получал ответ, что ему хотелось бы поскорее отправиться к месту назначения. Для удовлетворения его претензий я неупустительно следил за всем ходом дела об отправке Михайлова, настаивал в канцелярии начальника губернии, чтобы просьба преступника Михайлова была препровождена в Тобольскую врачебную управу. Настаивал и во врачебной управе, чтобы господа члены ее освидетельствовали состояние здоровья Михайлова. И когда это было поручено исполнить г. Юшкову, то я с ним отправился в Тюремный замок. Когда же врачебной управой было представлено свидетельство господину начальнику губернии мое настояние о скорейшей отправке преступника Михайлова окончилось. Посещал я преступника Михайлова не более четырех раз и при моем посещении решительно припомнить не могу, были ли в это время кто из посторонних посетителей, кроме г-на Юшкова <…> [17, лл. 88–89].

На вопрос «каким образом проникали в камеру Михайлова?», М. С. Знаменский отвечал следующее: «Ворота в Тюремный замок были отперты, так как в это время входили туда какие-то люди, я вошел за ними имея целью видеть брата, который бывает часто в остроге, и прошел к камере преступника Михайлова, дверь которой была не приперта, потому что в это время там и находился г. Каталинский <…> [18, л. 22].

На очной ставке М. С. Знаменский подтвердил факт, что встречал г. Каталинского в камере Михайлова [19, л. 65].

М. С. Знаменский известен как автор рисунков антропологических типов народов Западной Сибири, появившихся, в том числе, в резуль-

тате экспедиций по территории Азиатской части России. Документальные свидетельства об одной из таких экспедиций также сохранились в архиве.

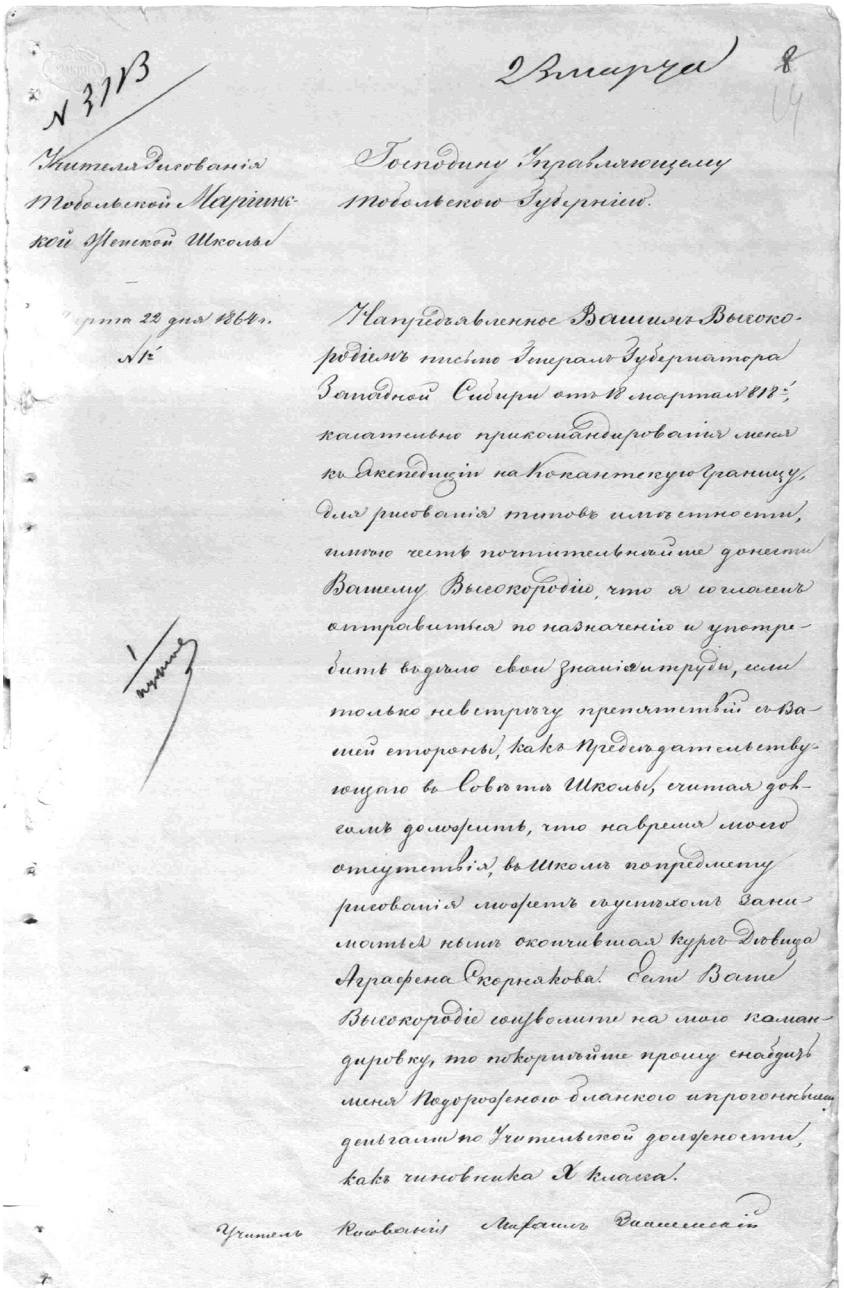


Рис. 2. Сообщение М. С. Знаменского Тобольскому губернатору о согласии ехать в экспедицию на Кокандскую границу. 1864 г. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 32. Д. 362. Л. 14

В марте 1864 г. генерал-губернатором Западной Сибири А. О. Дюгамелем был направлен запрос председателю тобольского губернского правления Н. М. Курбановскому следующего содержания: «Для передачи замечательных местностей, произрастений природы, находящихся

на Кокантской (так в документе, – *Н. Ж., О. Ю.*) границе и типов этой страны необходимо по моему мнению участие в известной уже Вам из письма моего от 13 марта за № 811м экспедиции опытного живописца, и для этой цели мне рекомендован учитель Тобольской Семинарии Знаменский. Обратившись вместе с сим к Преосвященному Архиепископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму об увольнении г. Знаменского в распоряжение начальника экспедиции полковника Черняева, с сохранением жалованья по должности учителя, я прошу Вас предварить с своей стороны г. Знаменского, в том случае, если он изъявит готовность принять участие в экспедиции, что за труды его, я предполагаю сделать ему вознаграждение из экспедиционных сумм примерно в количестве 500 р., независимо прогонных денег, которыми не оставьте его неотлагательно снабдить, предварив его, чтобы он спешил, как возможно, своим отъездом из Тобольска, если получит разрешение от Преосвященного Варлаама, и мог поспеть в укрепление Верное никак не позже 25 апреля <…>».

На данное предложение М. С. Знаменский ответил согласием: «На предъявленное Вашим Высокопревосходительством письмо Генерал-Губернатора Западной Сибири от 18 марта касательно прикомандирования меня к экспедиции на Кокандскую границу для рисования типов и местности имею честь почтительнейше донести Вашему Высокородию, что я согласен отправиться по назначению и употребить свои знания и труды, если только не встречу препятствий с Вашей стороны, как председательствующего в совете школы, считая долгом доложить, что на время моего отсутствия в школе по предмету рисования может с успехом заниматься ныне окончившая курс девица Аграфена Скорнякова. Если Ваше Высокородие соизволит на мою командировку, то покорнейше прошу снабдить меня Подорожною бланкою и прогонными деньгами по учительской должности, как чиновника X класса» (ил. 2).

Примечательно, что в заголовке раздела, предваряющего данные документы, М. С. Знаменский назван не только учителем рисования Мариинской женской школы, но и переводчиком с татарского языка Общего губернского управления [20, лл. 7, 12–14].

Общеизвестно участие М. С. Знаменского в археологическом изучении края. В Государственном архиве в г. Тобольске хранится переписка о раскопках на Кучумовом городище. Императорская археологическая комиссия не давала разрешения на эти раскопки и в прошении Тобольскому Губернатору писала, что из газет ей стало известно о раскопках на Кучумовом городище, а также о намерении М. Знаменско-

го продать составленную коллекцию находок в Англию. Археологическая комиссия просила известить, какие именно древности находятся в коллекции М. Знаменского.

На это М. С. Знаменский ответил, что в течение пяти лет производил раскопки на Кучумовом городище с личного разрешения бывшего Генерал-Губернатора г. Н. Казнакова, по окончании же раскопок о них был сделан доклад в Императорском Археологическом обществе в 1887 г. и прилагал подробную записку, с которой и было сделано сообщение. О продаже коллекции в Англию М. С. Знаменский пояснил, что получил от них лишь запрос о стоимости и списке вещей [21, лл. 3–3об., ил. 3].

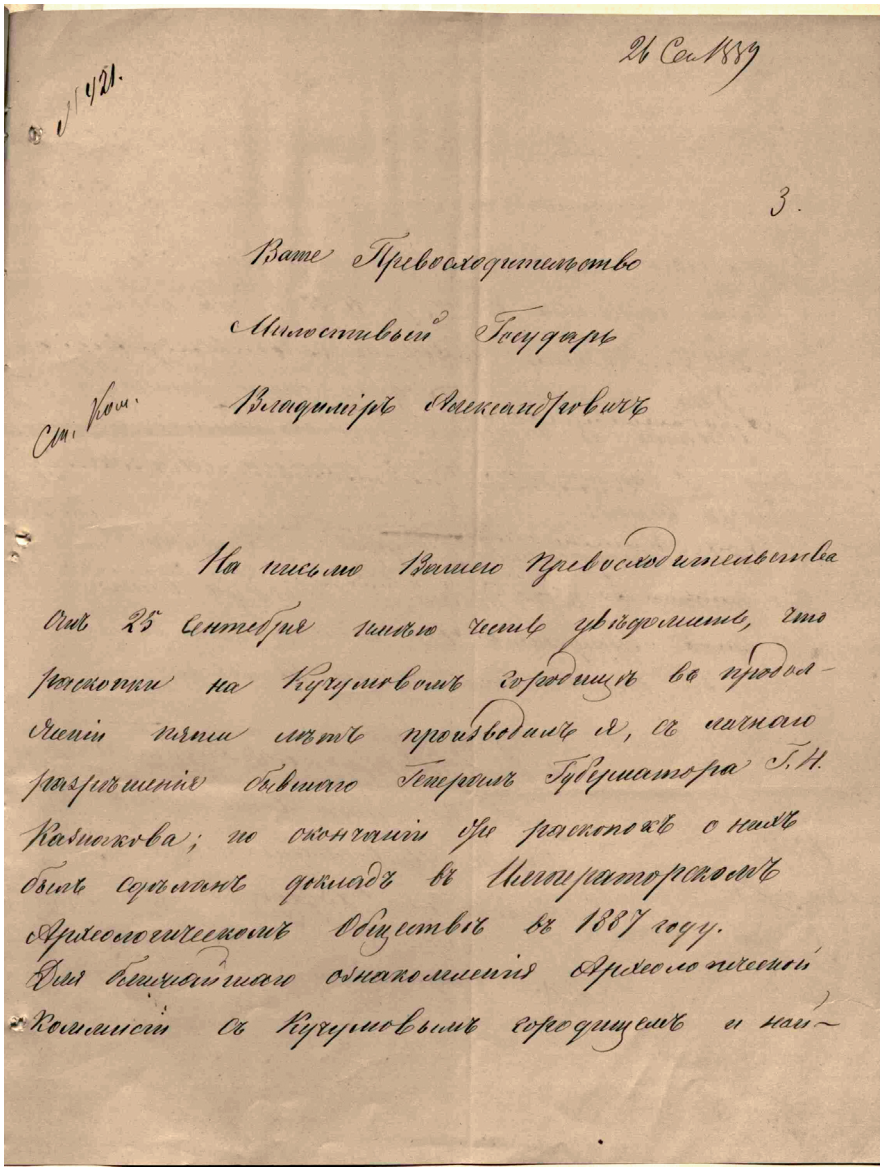
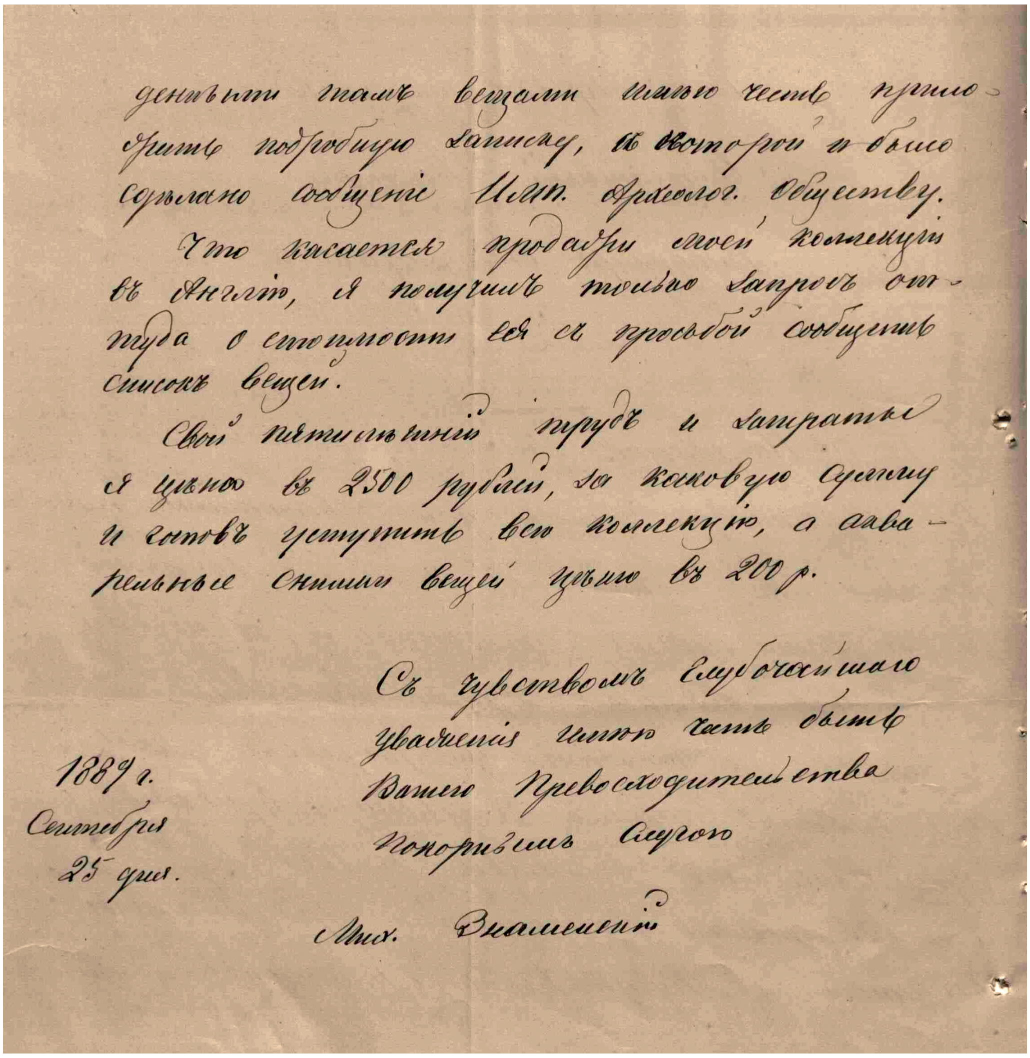


Рис. 3. Письмо М. С. Знаменского губернатору В. А. Тройницкому о раскопках на Кучумовом городище. 1889 г. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-417. Оп. 1. Д. 546. Л. 3–3об.

Императорская Археологическая комиссия просила выслать альбом рисунков, сделанных М. С. Знаменским с предметов, найденных на Кучумовом городище. Альбом был направлен для ознакомления и через два месяца возвращен с выражением глубочайшей благодарности М. Знаменскому за его присылку [21, лл. 10, 12–12об.].


деньгами тамъ вещами малую часть приобрѣть подробную записку, въ которой и было сдѣлано сообщенiе Имп. Археолог. Обществу.

Что касается продажи моей коллекцiи въ Англiю, я получилъ только запросъ оттуда о стоимости ея съ просьбой сообщить списокъ вещей.

Свой пятилѣтнiй трудъ и затраты я цѣню въ 2500 рублей, за каковую сумму и готовъ уступить всю коллекцiю, а акварельные снимки вещей цѣню въ 200 р.

Съ чувствомъ глубочайшаго уваженiя имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

1889 г. Сентября 25 дня.

Мих. Знаменскiй

Рис. 4. Письмо М. С. Знаменского губернатору В. А. Тройницкому о раскопках на Кучумовом городище. 1889 г. (продолжение)

Не ставя целью в данной публикации дать анализ напечатанных трудов о М. С. Знаменском, содержащихся в Справочно-информационном фонде архива, тем не менее, позволим себе обратиться к публикации из «Тобольских губернских ведомостей», раскрывающей еще одну грань творчества Михаила Степановича, как активного участника Тобольского драматического общества. В неофициальной части газеты № 47 за 1886 г. в городской хронике содержится информация о вечере, данном в зале Общественного собрания любителями драматического искусства.

Во втором отделении вечера были поставлены живые картины по пьесе П. П. Ершова «Сузге». Автор хроники, редактор неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» К. Голодников сообщал: «<…> читал П. В. Шалашников; живые же картины для этой пьесы поставлены были М. С. Знаменским, а декорации К. В. Добровольским. Первая картина представляла разговор хана Кучума со своей любимою женой Сузге <…>. Вторая картина изображала вечер после купания <…>. В третьей картине происходил пир казаков. Во главе председательствуют Ермак с атаманами Кольцо, Грозою, Мещеряком, Михайловым и Паном <…>. Четвертая картина представляла смерть царицы Сузге при взятии казаками крепости Сузгун <…>. Пятая картина – возвращение дружины Ермака из Сузгуна <…>.

Все вышеперечисленные живые картины, будучи сгруппированы при освещении бенгальских огней и магния, нашим талантливым художником, природным сибиряком М. С. Знаменским были безупречны, как в отношении позитуры, так и по костюмам <…>» [22, Лл. 3–4].

Анализируя состав представленных документов о М. С. Знаменском, мы видим, что он предстает перед нами в образах иконописца, учителя рисования, переводчика с татарского языка, мастера антропологических зарисовок, археолога, участника Тобольского драматического общества. Неслучайно документ, свидетельствующий о внезапном уходе из жизни талантливого сибиряка, внесен в реестр уникальных документов Тюменской области. В метрической записи Михаило-Архангельской церкви о смерти Михаила Степановича Знаменского № 10 от 3 марта 1892 г. сказано: «Отставной титулярный советник, 58 лет, умер от паралича сердца, по внезапноприключившейся смерти напутствован» [23, лл. 478об.–479].

В некрологе, опубликованном в газете «Сибирский листок» 12 марта 1892 г. и повторенном в переиздании альбома «От Тобольска до Обдорска», подчеркивались не только заслуги Знаменского как художника, краеведа, писателя, но и его человеческие качества: «Михаил Степанович пользовался заслуженным уважением <…> Разные лица и путешественники, русские и заграничные, проезжая через Тобольск, считали своим долгом познакомиться с ним. Обладая начитанностью и порядочным образованием, которым он был обязан самому себе, Знаменский имел при этом ясный ум и был весьма приятным собеседником». Особенно отмечалась и большая привязанность Знаменского к своей родине, к Тобольску, к Сибири: «Человеку с такими способностями и дарованиями следовало бы жить в столице, но покойный ни

за что бы не променял своей родины и Тобольска ни на какой другой город, обещавший ему лучшее положение и более завидную славу». В прощальной речи соученика М. С. Знаменского священника Иоанна Сентяшева важным итогом прозвучало: «Михаил Степанович, хотя сын и духовного лица, но сам проповедником не был и, тем не менее, он своими беспощадными карикатурами мог принести не меньшую пользу. Смотря на них, и правые, и виноватые видели перед собой рельефно выступающими свою внутреннюю несостоятельность и нравственную грязь, так что невольно должны были призадуматься над своими неразумными и неблаговидными поступками» [24, с. 20–23.]

В 2023 г. Государственным архивом в г. Тобольске по вышеуказанным выявленным источникам была подготовлена выставка «М. С. Знаменский. Представитель Сибирской интеллигенции. По документам ГБУТО ГА в г. Тобольске» и размещена на официальном сайте архива.

Список источников и литературы

1. ГКУ «ГАКО». Ф. И-72. Оп. 1. Д. 72.
2. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 10. Д. 1017.
3. Там же. Ф. И-156. Оп. 10. Д. 1017.
4. Там же. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 384.
5. Там же. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 7.
6. Там же. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 402.
7. Там же. Ф. И-152. Оп. 31. Д. 1366.
8. Там же. Ф. И-156. Оп. 19. Д. 130.
9. Там же. Ф. И-144. Оп. 1. Д. 50.
10. Там же. Ф. И-78. Оп. 1. Д. 14.
11. Там же. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 701.
12. Там же. Ф. И-152. Оп. 32. Д. 126.
13. Там же. Ф. И-329. Оп. 5. Д. 336.
14. Там же. Ф. И-417. Оп. 2. Д. 25.
15. Там же. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 354а.
16. Там же. Ф. И-353. Оп. 1. Д. 257.
17. Там же. Ф. И-532. Оп. 1. Д. 1.
18. Там же. Ф. И-532. Оп. 1. Д. 2.

19. Там же. Ф. И-532. Оп. 1. Д. 3.
20. Там же. Ф. И-152. Оп. 32. Д. 362.
21. Там же. Ф. И-417. Оп. 1. Д. 546.
22. Там же. СИФ. № 3341. Тобольские губернские ведомости. 1886 г. № 47.
23. Там же. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 707.
24. Там же. СИФ. № 7505.

*Выражаем признательность руководству и коллективу Государственного казенного учреждения «Государственный архив Курганской области» за представление электронной копии метрической записи о рождении М. С. Знаменского.

УДК 910.4(571.1)
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.28.86.003
EDN: LBWFHV

«ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА ПРАЗДНОШАТАЮЩЕГОСЯ». СЕВЕРНЫЕ ЗАРИСОВКИ МИХАИЛА ЗНАМЕНСКОГО

Е. П. Швецова
Россия, г. Тобольск, Музей печати

В статье описывается содержание неопубликованных путевых заметок и зарисовок поездки 1864 г. на север Тобольской губернии сибирского художника-графика, яркого представителя «оттепели» шестидесятых годов XIX в., М. С. Знаменского (1833–1892) – и появившихся на их основе ряда законченных рисунков и дневника в виде путевого очерка. Представлены литературно обработанные путевые записки поездки художника до Обдорска летом 1866 г., часть из них была напечатана во «Всемирной иллюстрации» в 1870 г. под ироничным названием «Отрывки из дневника праздношатающегося». Очерчена роль гражданского губернатора А. И. Деспота-Зеновича в биографии художника, оба путешествия художник совершил в составе его инспекционной группы. Также по дневникам и другим письменным источникам уточняется биография художника и определяются некоторые персоналии, представленные в этнографических и сатирических альбомах его рисунков.

Ключевые слова: экспедиция, Тобольский север, дневники, сатирические рисунки, этнографические альбомы, М. С. Знаменский, А. И. Деспот-Зенович, И. С. Поляков.

«EXCERPTS FROM THE DIARY OF A LOITERER». NORTHERN SKETCHES BY MIKHAIL ZNAMENSKY

The article describes the contents of unpublished travel notes and sketches of an 1864 trip to the north of the Tobolsk province by the Siberian graphic artist, a bright representative of the “thaw” of the sixties of the XIX century, M. S. Znamensky (1833-1892), and series of completed drawings and a diary in the form of a travel essay that appeared on their basis. The literary travel notes of the artist’s trip to Obdorsk in the summer of 1866 are presented, some of them were printed in the “World Illustration” in 1870

under the ironic title “Excerpts from the diary of a loiterer”. The role of the civil governor A. I. Despot-Zenovich in the biography of the artist is outlined, the artist made both trips as a member of his inspection group. Also, according to diaries and other written sources, the biography of the artist is clarified and some personalities presented in the albums of his drawings, ethnographic and satirical, are determined.

Keywords: expedition, TobolskNorth, diaries, satirical drawings, ethnographic albums, M. S. Znamensky, A. I. Despot-Zenovich, I. S. Polyakov.

Имя Михаила Степановича Знаменского хорошо известно сибирякам. Первым из воспитанников, он оставил блестящие воспоминания о декабристах, первым «с кистью и лопатой» пришел в окрестности Тобольска (так емко определил кредо художника-археолога тобольский ученый И. В. Белич) [18, с. 332], раньше знаменитого Верещагина создал серии среднеазиатских этнографических рисунков, а его сатирическую графику из «Искры» и «Маляра» знала вся читающая Россия. Это малая толика граней деятельности замечательного сибиряка – сколько ещё ипостасей имел сибирский художник. Поэт П. П. Ершов переживал за своего младшего приятеля из-за разбросанности его интересов. Но опасения были напрасны – к многообразному наследию Михаила Степановича Знаменского и по сию пору обращаются исследователи, искусствоведы, литературоведы, культурологи, историки, этнографы, археологи и краеведы.

Произведения Знаменского рассредоточены по разным музейным и архивным фондохранениям страны и зарубежья. До сих пор ещё остается множество белых пятен в биографии М. С. Знаменского, на рисунках не определены или спорно трактуются десятки портретных изображений. В РГАЛИ хранится множество разнообразных рукописей, писем, черновиков литературных произведений и других документов из личного архива художника Михаила Степановича, которые ждут своего часа. Несмотря на то, что в 2017 г. вышла книга «М. С. Знаменский. Воспоминания и дневники» (издание фонда «Возрождение Тобольска») [1], в которой собрана большая часть написанного М. С. Знаменским, многое из его наследия еще остается не изданным.

Художник принадлежит к поколению шестидесятников, период 60-х годов XIX в. был в его жизни насыщен множеством знаковых событий. Счастливо сохранились для истории дневниковые записи именно этих лет: почти полностью 1862-й и 1863-й годы, частично – 1868 г.,

а также путевые записки 1864 и 1866 гг. Все они опубликованы в вышеупомянутой книге [1, с. 286–682]. Не сработавшись в семинарии с новым начальством (архиепископ Варлаам Успенский), он выходит из духовного сословия, начинает службу в Губернском правлении. Вместе со своим старшим братом Николаем Степановичем Знаменским (уголовных дел стряпчий, выпускник Казанского университета, воспитанник М. А. и Н. Д. Фонвизиных) художник неизбежно оказался в поле притяжения губернатора А.И. Деспота-Зеновича. Амбициозный, энергичный и молодой губернатор и сам был ярким представителем «александровской оттепели», под его руководством Тобольская губерния стала чуть ли не образцовой. Мало кто из губернаторов за короткий срок пребывания на должности объехал, и не раз, всю вверенную ему территорию. И для этих инспекторских поездок ему понадобились не только чиновники, но и художник.

Знаменский с августа 1863 г. тревожился по поводу предстоящей поездки до Обдорска, т.к. ему ещё не давали увольнения из семинарии. Собирался обратиться к священнику Якову Бисерову, с которым некогда учился иконописанию в Петербурге для того, чтобы тот заменил его на уроках в семинарии, пока он ездит на север [13, с. 13]. Изначально планировалась поездка на пароходе, но затянулось это ожидание аж до декабря.

В письме родственникам в Омск, которое можно датировать августом 1863 г. (сопоставив с дневниковой записью 28 августа с первым упоминанием о возможной поездке [1, с. 501]), М. С. Знаменский пишет: «Увольнение моё из семинарии бог знает, когда состоится, а тут 10 сентября Зинович едет на пароходе в Березов и Обдорск, пригласил меня и я дал слово. Теперь вот и придумываю каким бы манером урваться в эту поездку, а больно хочется посмотреть тот край…» [13, с. 13]. Упоминания о будущей поездке рассыпаны по дневнику художника: вот губернатор купил доху, вот снова предупреждает художника, чтобы тот готовился, что поедет непременно [1, с. 503, 513]. В письме в Омск от 13 ноября 1863 г. Михаил Степанович пишет: «Поездку в Березов отложили до 20 декабря, потому что еще не прибыл Южаков, с которым мне положено отправиться» [1, с. 534]. Егор Дмитриевич Южаков, которого ждали, занимал при гражданском губернаторе должность чиновника по особым поручениям [10, с. 6].

Это был тот самый год, когда Знаменский рисовал ежедневно карикатуры для Зеновича (или Зиновича), как именовал он губернатора в дневнике. Как известно карикатурист выиграл знаменитое беспри-

мерное пари с губернатором – находить ежедневно сюжет для сатиры и каждый день создавать по карикатуре в течение года. За рисунки Александр Иванович платил, а ещё и терпел критику, т.к. некоторые карикатуры были достаточно болезненны. В РГАЛИ есть письмо-рекламация от А. И. Деспота-Зеновича, которое можно даже точно датировать по дневниковой записи – 2 сентября 1863 г., где описывается вручение письмеца через жандарма и вечерний приход старшего брата художника от Зеновича с возвращенной карикатурой: «Полиция просит перерисовать, т.к. тобольская полиция взяток не берет» [1, с. 508–509]. Надо сказать, для соблюдения истины, что Деспот-Зенович за такими вещами следил строго, искоренил почти и этот порок на время своего правления. «Славный бы он мужик был, если бы соскоблил с себя аристократство. Ему кажется нечего опасаться... Да вытряс бы из себя свое я. Когда он приехал сюда, в нем несравненно было меньше самоуверенности. Но я чрезвычайно требователен, чтобы исполнилось вышеописанное. Ему нужно переломать свою натуру дотла. Трудная задача» – писал Михаил Степанович о губернаторе в дневнике за 21 ноября [1, с. 525].

Период до поездки у Знаменского был чрезвычайно насыщен, он затеял вместе с друзьями – братьями Иваном и Александром Черемшанскими (врачи, сыновья преподавателя медицины в семинарии, врача И. Е. Черемшанского) [13, с. 13, оборот], тоже увлекавшимися театром, музыкально-литературные вечера. Собрав труппу, актеры-любители подготовили три музыкально-литературных вечера с живыми картинами и спектаклями, проведение которых приветствовал и губернатор. Помещались отчеты в прессе [5, с. 400]. Перипетии подготовки к «живокартинным» вечерам описаны в дневнике М. С. Знаменского, время от времени художник успевал его вести, но длилось это лишь по 26 ноября. Очевидно, что с этого времени начинается интенсивная подготовка к поездке.

Записи возобновляются, но уже в маленькой дорожной тетрадке, где 21 декабря он после тайного предписания Александра Ивановича «притащил с чердака чемодан» и сетует: «Вообще поездка эта не представляет мне одни только розы – чуть ли шипов-то не больше – рисование на чистом воздухе при Березовских декабрьских морозах не ахти-то прелестно. <...> 3-го дня прибежал Лисицын с радостной новостью об увольнении меня из семинарии…» [17, с. 2]. Первый лист предваряет список вещей, которые нужно взять в дорогу и примерный перечень тем будущих рисунков. Записки эти на 10 листах хранятся в РГАЛИ и

фактически представляют собой путевой дневничок: беглые, отрывочные записи перемежаются мелкими кроки (высокий берег с елочками, возок крытый, запряженный гуськом в четверку лошадей).

На тринадцати разрозненных листах из другого дела, которое является явным продолжением тетрадки, множество рисованных набросков уже почти без текста: лошадь, утопающая в снегу, возки запряженные лошадьми и запряженные оленями, оленный аргиш, несколько портретных зарисовок разных жителей севера, кедр(?)-долгожитель (подпись: «вершина его 343 фута»), пейзажные зарисовки (подпись под одним: «Тип пейзажа от Березова до Кондинска»), березовская церковь с могилой Меньшикова, виды города с разных сторон. Есть среди них и возок с усатым европейцем, набросок [15, с. 5], который стал основой впоследствии для небольшой акварели «Остановка в пути», на которой изображен в капюшоне носивший пышные усы А. И. Деспот-Зенович (рис.1).

Рис. 1. Остановка в пути. Б., акварель. 1864. ТИАМЗ (подразделение ТМПО). В возке – А. И. Деспот-Зенович

По изображению в путевом дневнике северян, сидящих вокруг стола, художник впоследствии создал в акварели композицию с погрудными портретами остяцкой знати во главе с И. М. Тайшиным. Она хранится в фондах ТИАМЗ под номером ТМ-8215, но вошла в госкаталог музейного фонда РФ почему-то под названием «Пять лиц духовного

звания». В живом наброске с натуры сразу узнается Тайшин, и это первое изображение в иконографии остяцкого князя у М. С. Знаменского [15, с. 11]. Натурные изображения 1864 г. использовались впоследствии неоднократно для графических композиций в его этнографических и сибирских, с более широкой тематикой, альбомах. А также были использованы художником для создания иллюстраций к книге «Северный полюс и земля Ялмал» Юрия Кушелевского. В иллюстрации, изображающей остяцких старшин, каждый портретируемый даже пронумерован и в подписи указаны имена и фамилии, по нему определяются и нарисованные в наброске и в законченной акварели остяки, что является большим подарком для исследователей [7, вклейка после с. 76].

Из вышеупомянутых документов в РГАЛИ мы узнаем, что Знаменский выехал с акцизным надзирателем Андрианом Михайловичем Блоковым в самом конце декабря, вероятно, чуть ранее губернатора, который должен был их догнать, его изображение появилось на листе с упоминанием местечка Малый Атлым [15, с. 5]. В заметках упоминаются имена купца Нижегородцева, сосланного в Берёзов хорошего знакомого братьев Знаменских, публициста А. И. Иконникова, некого Чечерина в Обдорске и «благодетеля» северян – купца П. Ф. Плеханова. Упоминается несколько раз Петр Васильевич Шалашников, у которого останавливались в Берёзове дважды. Выяснилось по любопытнейшей статье А. Иконникова «Литературно-музыкальный вечер в Берёзове и несколько слов, сказанных публике одним из учредителей вечера» в «Тобольских Губернских ведомостях» в 1863 г., что это городовой староста из купеческого рода, любитель-театрал и благотворитель [20, с. 215]. Известно фото Якова Фидлермана 1886 г. после инсценировки на тобольской сцене живых картин по поэме П. П. Ершова «Сузге», где устроители картин сняты вместе: художник-постановщик М. С. Знаменский, чтец – директор драматического общества П. В. Шалашников и художник-декоратор К. В. Добровольский [6, с. 24].

Большая часть текста и рисунков сделаны по понятной причине карандашом, лишь некоторые рисунки тронуты акварелью. Чуть позднее, когда художник вернулся, 22 января он начал упорядочивать заметки и заносить повествование в дневник о поездке, но это уже более походит на беллетризованную форму рассказа: «Давно собирался сказать уже этой терпеливой тетрадке – и набросать свое странствование по краю, куда не только Макар, но и никто телят не гоняет. По стране, про которую можно сказать, что там ни ночь, ни день, а какое-то мартобря гоголевское» [1, с. 537].

К сожалению, рассказ этот не был закончен, Знаменский успел лишь описать день в Кондинске и путь до Березова с аварией в дороге. Уже в феврале он был принят на работу в штат Губернского правления в качестве переводчика татарского языка, а в марте «по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири был отправлен «в экспедицию на Кокандскую границу для снятия планов и местностей» [16, с. 12]. Но Знаменский успел-таки сделать несколько десятков полноцветных акварелей со своих черновиков для губернатора, варианты и повторы которых войдут впоследствии не в один его альбом.

Одна из самых выразительных композиций – «Обдорская ярмарка» из фондов ТИАМЗ, собрана, как и целый ряд вариантов рисунков Знаменского на эту тему, на основе натурных зарисовок шестидесятых годов. Это многолюдное ежегодное и протяженное по времени событие было в самом разгаре к приезду тоболяков в январе 1864 г. Кого только не видел обдорский север! В этот рисунок М. С. Знаменский добавил и новый более поздний материал. В композиции, выполненной в 1880-х годах он поместил среди участников северной ярмарки, с большой долей уверенности можно сказать – изображение купца А. М. Сибирякова, известного мецената и исследователя Сибири (изображен слева – мужчина с бородой, в шапке-боярке и обшитой сукном, подпоясанной малице), а также собирательный образ полярника, имеющего портретное сходство с известным путешественником А. Э. Норденшельдом (в центре композиции – сидящий на нартах европеец с вислыми усами и бородой) (рис. 2).

Рис. 2. Обдорская ярмарка. Б., акварель. 1880-е гг. ТИАМЗ (подразделение ТМПО) Часть композиции без обрамления. Среди северян изображены: слева – Сибиряков А. М. (?) и в центре на нартах – А. Э. Норденшельд (?)

Вернемся к записям М. С. Знаменского. Они вновь начали вестись с марта 1864 г. уже в Средней Азии в период Аулеатинского похода: «От Омска до Аулие-Аты: летучие записки воинствующего, но не военного господина». Содержание этого дневника мы немного знаем из отрывков, помещенных в статье Марии Турсуновой в журнале «Простор» [23, с. 86–91]. Сам дневник находится сейчас в Национальном музее г. Алматы. Кроме того, он написал «Житие преславного странника, песнопевца и чиновника особливых поручений Южакова, составленное другом его, иконописцем и татарским переводчиком Михаилом Знаменским. 1864 г.». Рукопись эта находилась в Омском областном архиве в папке с делом «О командировке в экспедицию на Кокандскую границу Южакова и Знаменского», в 1940 г. она была утрачена [19, с. 285]! Но даже из названия понятно, насколько стали они дружны с Егором Южаковым. В «летучих записках» он рассказывал еще об одном своем спутнике – известном востоковеде, штабс-ротмистре Чокане Валиханове, с которым делил палатку во время похода и с которым вместе досрочно оставил экспедицию.

Известны на данный момент два альбома рисунков, сделанных после туркестанского вояжа: «1864 г., степь, виды, типы, сцены, флора, карикатура», хранящийся в Алматы и «Степные очерки» («Альбом Зачуйской экспедиции») – в Государственном Эрмитаже. А также сохранились разрозненные отдельные акварели в ГЛМ в Москве и ТИАМЗ в Тобольске, эти рисунки опубликованы в книге «Воспоминания и дневники» [1, с. 552–556]. Исследователи возлагают много надежд на дневник и туркестанские альбомы, которые пока не изданы.

Еще одна поездка на север отражена М. С. Знаменским в путевом художественно-документальном очерке. Губернатор А. И. Деспот-Зенович всё-таки побывал в низовьях Оби на пароходе и в составе чиновников, участвующих в инспекционной командировке, был и Михаил Степанович. Поездка состоялась с 23 августа по 17 сентября 1866 г. на пароходе купца А. Н. Тюфина «Союз» (рис. 3). В фондохранении Пушкинского дома рукописи дано условное название «Путевые записки поездки на Обский север» [1, с. 558].

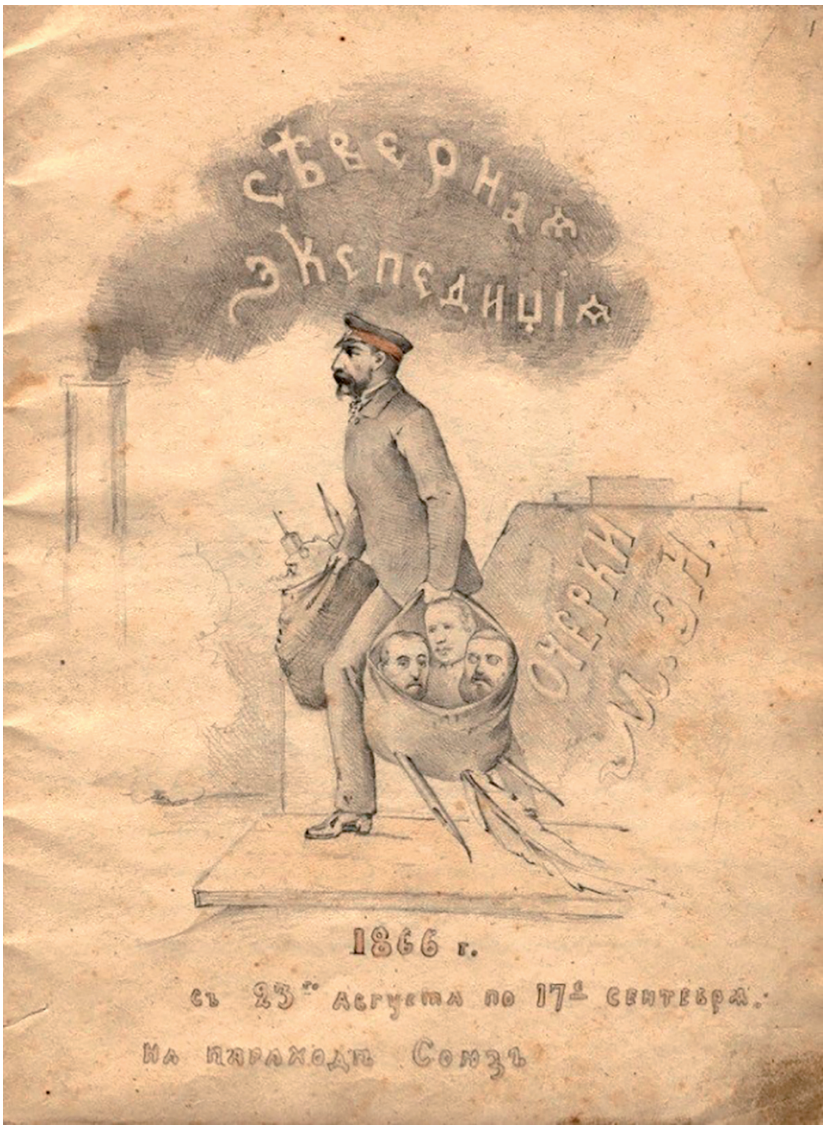


Рис. 3. Обложка альбома «Северная экспедиция. Очерки М. Зн.» Б., акварель, 1866. ТИАМЗ (подразделение ТМПО)

Этот текст явно был подготовлен для печати. В нем помещены большие отступления исторического характера о продвижении казаков на север, о христианизации края и разные этнографические сюжеты. А во «Всемирной иллюстрации» 1870 г., где напечатан журнальный вариант этих «записок» имеется авторское название – «Отрывки из дневника праздношатающегося» [2, 3, 4].

Название ироничное, никак не соотносящееся с текстом, скорее связанное с мироощущением пишущего, т.к. в это время художник оставил службу. В журнале кроме впечатлений путешественников, прекрасных пейзажных зарисовок, описаний жизни на пароходе в хорошей компании и на контрасте – на берегу в северных жилищах, со всеми гримасами цивилизации, особо высвечен яркий обличительный сюжет с

березовской просительницей – вдовой, переплачивающей непомерный «долг» влиятельному рыбопромышленнику и пытающейся спасти от заклада свое жилье [4, с. 487]. В полной рукописной версии М. С. Знаменский описывает, как ему самому пришлось по просьбе губернатора первоначально вести переговоры (надо сказать, неудачные) по поводу долга «вдовицы» с купцом П. Ф. Плехановым, здесь он выведен с именем. В публикации же автор именует купца – «Невозмутимый» и так живо передает диалог губернатора с ним, касающийся взвешивания рыбы (мерою или весом) что характеризовать этого человека полнее уже и не надо [2, с. 459]. У П. П. Ершова есть эпиграмма Плеханову: «Сибирский наш Кащей/ Всю жизнь свою обманывал людей, / И вот на старости, чтоб совесть успокоить, / Давай молебны петь и богадельни строить. / Да только будет ли тут путь?/ Нельзя ведь Бога обмануть» [18, с. 596].

В очерке М. С. Знаменского во «Всемирной иллюстрации» помещено описание событий в пути от Березова до Обдорска, туда не вошел Сургут с его представителями власти, которых он образно, от противного, назвал именами двоюродных братьев из греческой мифологии, связанных тесной дружбой, Ореста и Пилада. Им автор уделил в путевых записках несколько страниц с образным описанием приёмов их управления и живейшими диалогами. А в юмористическом и сатирическом альбомчике «Северная экспедиция. Очерки М. Зн.» (полностью опубликован с комментариями и фотографией участников в книге «Воспоминания и дневники» [1, с. 641–660, 735–738]), нарисованном для друга и участника этой поездки Евгения Заборовского есть страничка с рисунком под названием «Орест и Пилад». В результате совершенно точно можно определить, что на парном сатирическом портрете изображено уже описанное в очерке сургутское начальство по гражданской и военной части – два неразлучных антагониста – заседатель Федоров и майор Невзоров, с оскаленными зубами, их вражда между собой отражалась на жителях городка и уезда (рис. 4).

Еще после зимней поездки губернатора в «Тобольских губернских ведомостях сообщалось: «Обозрев березовский край, г-нъ начальник губернии изъявляет свою искреннюю признательность военно-окружному начальнику полковнику Гинцу и земскому исправнику Ламони за их добросовестные труды и нравственное направление, составляющее одно из первых условий всякой администрации в полной уверенности, что и сургутский участок на будущее время не будет представлять в своем управлении такое грустное исключение». Надо сказать, «милей-

шим» Петру Ивановичу Гинцу и Якову Федоровичу Ламони Знаменский уделил не так много места в очерке, как сургутянам. Зато образ окружного начальника Гинца появился у Знаменского в рисунках.

Рис. 4. Орест и Пилад. 8-й лист из альбома «Северная экспедиция. Очерки М. Зн.» Б., акварель, 1866. ТИАМЗ (подразделение ТМПО). Карикатура на сургутян Федорова и Невзорова

Так, его можно определить по описанию в путевом очерке поездки 1866 г. [1, с. 592] на акварели «Присяга язычников самоедов на медвежьей шкуре» (РГБ, рис. 5) – седой, добродушный и благообразный в мундире с полковничьими погонами, чиновник. А также – в композиции «Скупщики у остяков» (ГИМ), здесь уже этот «добряк» изображен в халате, который судя по описанию встречи с ним зимой 1864 г. в Кондинске, он носил в окружном присутствии в будние дни [1, с. 539].

М. С. Знаменский горячо подержал идею создания Общества исследователей Западной Сибири, к которому примкнул, уже из Санкт-Пе-

тербурга и один из его инициаторов, бывший гражданский губернатор А. И. Деспот-Зенович. Это начинание в Омске переросло благодаря деятельности генерал-губернатора Г. Н. Казнакова в официальный отдел ЗСОИРГО в 1877 г. Хотя художник много работал в русле программы общества и ранее, можно сказать, что он один мог бы заменить работу филиала отдела в Тобольске, у него не сложилось счастливых отношений с появившимся в Омске Западно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества. Только один раз в отчете ЗСОИРГО за первый год существования общества фигурировало имя Знаменского, как члена отдела, писалось, что он предоставил ценную рукопись Н. А. Абрамова по истории края на предмет печати [9, с. 4].

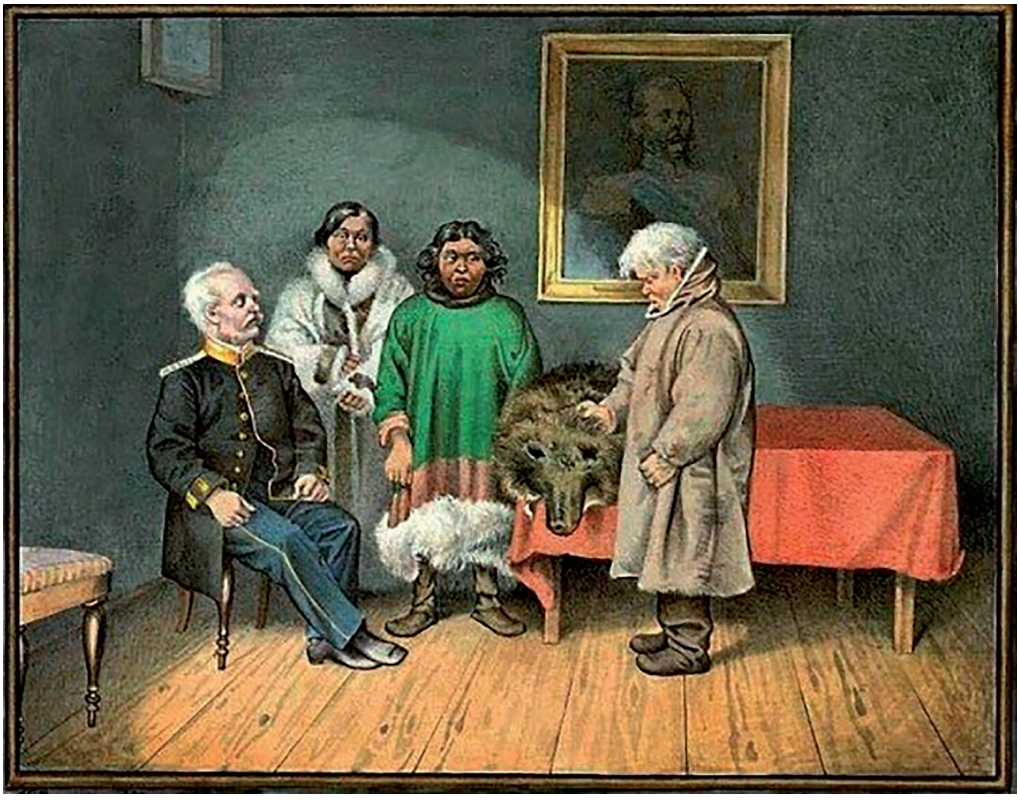


Рис. 5. Присяга самоедов язычников на медвежьей шкуре.
Лист из альбома «От Тобольска до Обдорска». Б., акварель. Конец 1880-х гг.
РГБ. Часть композиции без обрамления.
Слева изображен берёзовский начальник П. И. Гинц

Но немало свидетельств, что к Знаменскому неоднократно обращались разные ученые, в том числе и представители РГО с разными просьбами, и он всегда им был открыт, не говоря уже о том, что он продолжал заниматься изучением края. Наверное, самым ярким примером может служить письмо крупного ученого Г. Н. Потанина, адресованное

М. С. Знаменскому, где он просит тоболяка оказать гостеприимство молодому шведскому ученому Мартину и «снабдить советами и рекомендательными письмами в Березов, Обдорск, Сургут и другие места». Тот ехал «по поручению тамошнего географического общества в Тобольск, «оттуда вниз по Оби до самоедов и остяков, потом в Минусинск, Семипалатинск и далее» [14, с. 1]. Можно не сомневаться, что в Тобольске археологу и ориенталисту Фредрику Роберту Мартину было оказано Михаилом Степановичем всяческое внимание, как и ранее антропологу из Италии Стефану Соммье и др.

У Знаменского был авантюрный шанс осуществить поездку на север еще раз. Ему предлагал это сделать в 1876 г. ученый И. С. Поляков, посланный Академией наук для изучения Обской системы. В письме к родственникам в Омск Михаил Степанович характеризует молодого хранителя зоологического музея Академии наук, как славного, «простого и скромного» человека. Предложение состояло в разделении средств (2300 р.), данных на экспедицию и в совместной поездке на Обский север, но «ехать в такую даль на лодках» хорошо знающий этот путь по прежним путешествиям художник не согласился, «тем более что пришлось бы возвращаться где на собаках, где на оленях зимой» [13, с. 9]. Скорее всего, именно он и познакомил Полякова с тобольским фотографом из польских ссыльных Лютыком (часто ошибочно пишут его фамилию Лютик [12, с. 22]), который разделил «странствование ученого мужа». Фотограф после и поведал о злоключениях их поездки. Иван Семенович уже тогда был человеком пьющим, недуг этот впоследствии и свел его в могилу в 40 лет. В письме своему тестю С. И. Гуляеву, барнаульскому историку, исследователь И. Я. Словцов писал из Омска 18 июня 1877 г., что Поляков «творил там чудеса, если бы не рассказывали очевидцы, то трудно было бы поверить, т.к. на научном рауте отругал по матушке членов бременской экспедиции, разодрался со священником села Демьянского, о чем производилось следствие, на публичной лекции в Тобольске всем известные кибасья выдавал за каменные топоры каменного века и т.п. Можно перечислять десятки самых разнообразных рассказов, один другого лучше» [21, с. 368]. Трудно предположить, что бы ожидало Знаменского, если бы он поехал с таким спутником!

Похождения И. С. Полякова Михаил Степанович изобразил в серии сатирических рисунков. Рисованный альбом «очень распространяется в Западной Сибири», как писал И. Я. Словцов в том же письме. История сохранила два авторских повтора альбома: в Иркутском ху-

дожественном музее и в Тюменском музее изобразительных искусств (сейчас в составе ТМПО).

Альбомы публиковались в XXI в., но к сожалению, не совсем удачно: в «Тобольском хронографе» перепутаны подписи [18, с. 343–354], в журнале «Лук&Чок» из-за мелких репродукций авторские подписи совсем не читаемы [23, вклейка после с. 88]. К тому же название альбома перефразировано – «Полярное странствование ученого мужа». Сейчас, после знакомства с обложкой, никогда не публиковавшейся, знаем точное название некогда нашумевшего альбома: «Полярное странствование русского мужа». Да, и досадно, что предоставленная нами атрибуция публикуемого рядом в «Лукичке» этнографического альбома М. С. Знаменского «Остяки Тобольской губернии» из коллекции рисунков в ИОХМ не была использована в иллюстрациях – рисунки воспроизведены с прежними каталожными названиями или даже вообще без них («изображение не атрибутировано») [25, вклейка после с. 88].

Множество дополнительных сведений к уже сделанной ранее атрибуции изображений немецких путешественников на одном из листов из «Полярного странствования» дает статья Лидии Полторацкой, участницы бременской экспедиции в Семипалатинской области в качестве фотографа. Может и зашифрованное ею упоминание «господина П-ва», неодобрительно отзывавшегося о членах экспедиции, имеет отношение к И. С. Полякову? [11, с. 24].

Бременцы стали гостями И. С. Полякова в его именинный день в июле 1876 г., остановившись в селе Сухоруковском Березовского округа. Встретились две экспедиции, одна из которых была организована по поручению Российской Академии наук, другая – снаряжена Бременским полярным обществом. Обеим с речным транспортом помог известный своей благотворительностью зажиточный крестьянин села Самарово В. Т. Земцов. Причем специально подготовленный вместительный каюк для Альфреда Брэма Земцов отдает Полякову: «Назад тому несколько дней получил известие, что вы, Иван Семенович, командированы сюда на север от русской Академии наук с тою же целью: исследовать нашу жизнь во всех отношениях. Поэтому, а также как русский к русскому, я счёл себе вправе изменить свое первое предположение насчет каюка, т.е., не имея времени ине желая представить вас на произвол дождя, спасая в то же время иностранца, я решился предложить этот каюк в полную вашу, милостивый государь, собственность» [12, с. 26]. Справедливости ради, надо сказать, что немцев он тоже не оставил и чуть позднее пожертвовал им две крытые лодки.

На рисунке Отто Финш, Альфред Брэм и Карл Вайльдбург-Цейль, фотограф И. И. Лютык, «остяцкий бард» (по выражению О.Финша [24, с. 321]) с музыкальным инструментом «лебедь» и другие остяки наблюдают «казачок» – зажигательный танец русского ученого-сибиряка из Забайкалья. О. Финш в своем труде описал несколько встреч с И. С. Поляковым на пути экспедиции, в одном из упоминаний он называет его «наш удалой Иван Семенович» [24, с. 315], причем еще и сообщает, что знакомы они с Петербурга со встречи в «ресторане Франциля» [24, с. 320]. Портретные изображения немецких путешественников были определены по точным письменным характеристикам в письме к тестю от 22 апреля 1876 г. И. Я. Словцова, тесно общавшегося с ними в Омске [25, с. 85] (рис. 6).

Рис. 6. Лист «Ох! И было то да в Иванов день в Сухоруковом то случилося...» из альбома карикатур на И. С. Полякова «Полярные странствования русского мужа». ИОХМ им. В. П. Сукачева.
Слева направо изображены: К. Вайльдбург-Цейль, И. И. Лютык, остяк-музыкант, И. С. Поляков, О. Финш, А. Брэм, остяки-зрители

На данный момент большая часть изображенных героев вояжа ученого мужа на рисунках Знаменского известна, хотя несомненно альбом раскроет еще не одно новое имя и новые факты, связанные с экспедицией на Тобольский север И. С. Полякова.

Итак, в завершение следует сказать, что М. С. Знаменский совершил две крупные поездки на Тобольский север, одну до Обдорска, другую, летнюю – до острова Нанги (не путать с Надымом [1, с. 738]). Составил десятки альбомов разного характера на основе творческого багажа, привезенного из этих путешествий. На настоящее время требуется дальнейшая атрибуция произведений М. С. Знаменского рассеянных по музейным коллекциям, изучение их на документальной основе и научная каталогизация. Преуспел в этом отношении Омский музей изобразительных искусств, который издал к 190-летию М. С. Знаменского каталог коллекции его рисунков из своих фондов – альбома художника «Дорожные виды. 1865–1867 гг.». Надо отметить, что на одной из последних страниц в этом альбоме зарисована встреча губернатора А. И. Деспота-Зеновича и остяцкого князя И. М. Тайшина на палубе парохода «Союз» 30 августа 1866 г. [8, с. 72]. При работе были обнаружены и опубликованы в каталоге три листа из фондохранений других музеев – Тобольского музея-заповедника и Государственного литературного музея им. В. И. Даля, некогда изъятые и имеющие происхождение из этого альбома [8, с. 78, 80, 84]. Это еще раз подтверждает важность издания общего каталога-raisonne произведений сибирского художника.

Список источников и литературы

1. Знаменский М. С. Воспоминания и дневники /сост., авт. предисл., коммент. Л. П. Рощевская; авт. послесл., подбор илл. Е. П. Швецова. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2017. 773 с., илл. (Библиотека альманаха «Тобольск и вся Сибирь»).
2. Знаменский М. С. Отрывки из дневника праздношатающегося// «Всемирная иллюстрация». СПб.: Издание Германа Гоппе, 1870. Т. 3. № 78. С. 458–459.
3. Знаменский М. С. Отрывки из дневника праздношатающегося (продолжение) // «Всемирная иллюстрация». СПб.: Издание Германа Гоппе, 1870. Т. 4. № 79. С. 475–478.
4. Знаменский М. С. Отрывки из дневника праздношатающегося (окончание) // «Всемирная иллюстрация». СПб.: Издание Германа Гоппе, 1870. Т. 4. № 80. С. 487.

5. Знаменский Н. Отчет по 3-му литературному, с живыми картинами вечеру, данному 28 октября гг. любителями в пользу молодых людей, ищущих высшего образования // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 46. С. 400.

6. Крамор Г. А. К вопросу о датировке фотосъёмки Я. Я. Фидлерманом «живых картин» М. С. Знаменского по поэме П. П. Ершова «Сузге» / Еврейские портреты в интерьере времени: сборник материалов по истории еврейской диаспоры Тобольской губернии под ред. И. Е. Варкина. Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2020. С. 21–31.

7. Кушелевский Ю. И. Северный полюс и земля Ялмал: Путевые записки. СПб.: Тип. М.В.Д. и Лит. К. Штремера, 1868. 155 с.

8. Масюк Т. В., Швецова Е. П. Альбом рисунков Михаила Знаменского «Дорожные виды». 1865–1867: каталог. Омск: ООМИИ им. М. А. Врубеля, 2023. 88 с., илл.

9. Отчет Западно-Сибирского отдела Русского географического общества за 1878 г. Омск, 1879. 22 с.

10. Памятная книжка Тобольской губернии на 1864 год / сост. В. Ильин. Тобольск: тип. Тобольского губернского правления, 1864. 455 с.

11. Полторацкая Л. Бременская экспедиция в Семипалатинской области// «Охота и природа». СПб.: Орган Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты. 1879. Т. 1. С. 23–52.

12. Поляков И. С. Письма и отчёты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручении Императорской Академии наук. СПб.: тип. Акад. наук, 1877. 187 с.

13. РГАЛИ. Ф. 765. Оп. 1, Д. 188. Лл. 1–13. Письма М.С. Знаменского А. С. Знаменской.

14. РГАЛИ. Ф. 765. Оп. 2. Д. 15. Л. 1. Письмо Г. Н. Потанина М. С. Знаменскому 5 мая 1891 г.

15. РГАЛИ. Ф. 765. Оп. 1. Д. 29. Лл. 1–3. Рисунки карандашом М. С. Знаменского.

16. РГАЛИ. Ф. 765. Оп. 2. Д. 3. Лл. 1–14. Формулярные и послужные списки Знаменского М. С.

17. РГАЛИ. Ф. 765. Оп.1. Д. 32. Лл.1–10. Черновые наброски М. С. Знаменского.

18. Савченкова Т. П. П. П. Ершов. Летопись жизни и творчества (1815–1869). Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2014. 608 с.

19. Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус: Антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX вв. / сост., вступ. ст. Ю. Л. Мандрика. Тюмень: Мандр и Ка, 2004. 648 с.

20. Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы: Книга I. Антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX вв. / сост., вступ. ст. Ю. Л. Мандрика. Тюмень: Мандр и Ка, 2004. 624 с.

21. Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы: Книга II. Антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX вв./ сост., вступ. ст. Ю. Л. Мандрика. Тюмень: Мандр и Ка, 2004. 512 с.

22. Тобольский хронограф / сост. В. Ю. Софронов. Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2004. 606 с.

23. Турсунова М. М. С. Знаменский и Ч. Ч. Валиханов в экспедиции 1864 г. // «Простор». 1868. № 3. С. 84–91.

24. Финш Отто. Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брэма. Москва: тип. М. Н. Лаврова и К°, 1882. 578 с.

25. Швецова Е. Вседневные заботы «монсеньора» Знаменского // «Лук&Чок» / ред., сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень: Издательство Юрия Мандрики, 2008. Вып. 2. С. 81–91.

УДК 94(092)(571.12)
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.18.29.004
EDN: LHEICP

О ДОМЕ М. С. ЗНАМЕНСКОГО В ТОБОЛЬСКЕ

Я. Г. Загваздина
Россия, г. Тобольск, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

Статья посвящена изучению довольно узкого вопроса, связанного с местом проживания в Тобольске в разные годы жизни сибирского художника и писателя М. С. Знаменского. Для исследования привлечены архивные источники, музейные фонды, дневниковые записи и литературные произведения Михаила Знаменского. На основании этих материалов получена информация о том, что в Тобольске художник жил в нескольких домах, расположенных в подгорной части города.

Ключевые слова: Михаил Степанович Знаменский, г. Тобольск, XIX в., подгорная часть города, мемориальный дом.

ABOUT THE HOUSE OF M. S. ZNAMENSKY IN TOBOLSK

The article is devoted to the study of a rather narrow issue related to the place of residence in Tobolsk in different years of life of the Siberian artist and writer M. S. Znamensky. Archival sources, museum funds, diary entries and literary works of Mikhail Znamensky are involved in the study. On the basis of these materials we obtained information that in Tobolsk the artist lived in several houses located in the foothill part of the city.

Keywords: Mikhail Stepanovich Znamensky, Tobolsk, XIX century, foothills of the city, memorial house.

2023 год в Тобольске объявлен годом М. С. Знаменского. Михаил Степанович Знаменский – заметная личность в истории Тобольска. Он внес вклад в разные области науки и искусства региона. Воспитанник декабристов, художник, писатель, косторез, археолог, этнограф… Исследователи не раз обращались к его наследию, но и сейчас нельзя сказать, что оно полностью изучено. Кроме того, и в деталях биографии М. С. Знаменского немало белых пятен.

Только в 1997 г. впервые в России было собрано воедино большинство из написанного М. С. Знаменским [13, 14]. Практически в полном объеме дневники, мемуары, рисунки и карикатуры сибирского художника, публициста и краеведа были опубликованы в 2013 г. [12]. До недавнего времени наиболее подробной биографией Михаила Степановича считалась работа П. И. Рощевского «Воспитанник декабристов художник М. С. Знаменский», которая была опубликована еще в середине 50-х гг. XX в. [23]. В 2023 г. вышла книга Т. И. Солодовой (Матиканской) «Судьбою данный капитал Михаила Знаменского». Жизнь и творчество тобольского художника». В этой работе автор, основываясь на дневниковых записях, воспоминаниях М. С. Знаменского, его племянниц, а также иных источниках, описывает разные стороны жизни и творчества художника [24].

Есть работы, посвященные различным периодам жизни Михаила Знаменского. Кроме того, выходили отдельные статьи, касающиеся исследования литературного и художественного наследия М. С. Знаменского [17, 19, 29]. Отдельно рассматривалась его деятельность как археолога [1, 3]. О вкладе М. С. Знаменского в косторезный промысел подробно писала Е. П. Швецова [27]. Исследовалась деятельность Знаменского и как одного из первых фотографов Тобольска [5]. Некоторые авторы характеризовали в целом его творческое наследие [2, 4, 20, 28]. И это далеко не полный перечень публикаций, посвященных сибирскому художнику и писателю.

В городе, где художник прожил практически всю свою жизнь, немало мест, связанных с его именем. Это и семинария, где учился Михаил Степанович, и гимназия, где он преподавал, дома и исторические места, которые он запечатлел в своих рисунках, да и сами улицы, по которым он ходил. Наверно, не случайно в домах, где жили великие люди, устраиваются мемориальные музеи. Это не только память, но и, возможно, особая атмосфера, которая содействовала творчеству. И поэтому они так притягательны. Можно сказать, что здание, в котором жил художник, как и созданные им произведения, тоже относится к его наследию. В связи с этим нам хотелось бы обратить внимание на дом в Тобольске, в котором жил и, конечно же, творил Михаил Степанович. Таковых, как выяснилось, в городе было несколько.

Отдельных публикаций, посвященных этой теме, найти не удалось, но некоторые авторы упоминают в своих работах дома, где жил художник в разные периоды своей жизни. При изучении этого вопроса были использованы архивные источники, предметы из фондов Тобольского

музея-заповедника и Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля. Конечно же, ценным источником информации стали дневники и произведения самого Михаила Степановича Знаменского.

Как известно, родился будущий художник 14 (26) мая 1833 г. в г. Кургане. В 1836 г. отца перевели на службу в губернский город Тобольск [21, с. 4]. А. И. Сулоцкий пишет, что при переезде из Кургана в Тобольск Знаменские оставили там только что построенный хороший дом, а в Тобольске вынуждены были жить на частных квартирах, а позже, в доме, который был «много хуже прежнего» [26, с. 473].

О том, по какому адресу (или адресам) жила в это время семья Знаменских, нам пока установить не удалось. Но в «Исчезнувших людях» сохранилось краткое описание дома, где жили Знаменские в Тобольске, основанное на детских воспоминаниях писателя. «Домик у нас был отличный, маленький домик. Перед окнами такая мелкая и зеленая трава росла, что досадно было даже смотреть, как ходили по ней: совсем не для того росла она, лечь бы на нее, да так, от самого крыльца да до ворот, и катиться. Это я и делал бесчисленное множество раз. <...> Позади дома, с огорода, начиналась гора. Ух, какая славная, высокая гора! Я сначала не любил ее, да потом товарищи моего брата объяснили мне, что все на пользу человека и что в этой глинистой горе удобно можно делать маленькие печи и даже топить их лучинками. <...> К концу того лета, в которое я начал помнить себя, мои хозяйственные постройки в горе приняли огромные размеры: у меня были уже сараи, погреба, печки и комнаты» [13, с. 68].

В составе усадьбы, судя по воспоминаниям, помимо огорода, были конюшни [13, с. 71]. Конечно, установить адрес по такому описанию дома невозможно. Но можно предположить, что дом располагался в подгорной части города, на улице Кузнецкой, Богоявленской или на Вершине, так как именно эти улицы находятся у подножия тобольской «горы». Среди документов тобольского архива в фонде «Тобольская Богоявленская церковь» за 1837 г. имеется роспись о прихожанах, бывших у исповеди и причастия, где указана семья Стефана Яковлевича Знаменского, в том числе и маленький Миша [6, л. 38]. Исходя из этого можно предположить, что жили они где-то поблизости от Богоявленской церкви.

В 1840 г. семья переезжает в Ялуторовск, где с 1842 г. Миша обучается в ланкастерской школе, позже – в уездном училище. Затем Михаил снова возвращается в Тобольск, где с 1846 по 1851 г. продолжает

обучение в Тобольской духовной семинарии [22, с. 10]. Живет в это время Михаил, как он сам пишет в произведении «Тобольск в сороковых годах» в «маленькой квартире моего дяди Аполлона Николаевича, тобольского штабс-капитана и ротного командира» [14, с. 162]. Фамилия «дяди» не называется, и сложно догадаться, является ли он братом матери или отца художника, так как отчества не совпадают ни с одним из родителей. Вероятно, это какой-то более дальний родственник. Но, впрочем, Знаменский часто в своих произведениях меняет имена и фамилии главных героев, так что поручиться за точность имени и отчества дяди мы тоже не можем. Установить дом, где живет в это время Михаил Степанович, также весьма проблематично.

Во время учебы в Ялуторовске и позже, в Тобольске, Михаил Степанович находился под сильным влиянием декабристов. Можно предположить, что он жил у кого-то из тобольских декабристов, так же, как ранее жил у них его старший брат Николай [15, с. 8]. Декабристы же помогли юному Михаилу продолжить учебу Петербургской духовной семинарии, где открылись классы рисования. Туда он отправился в 1851 г.

В Тобольск М. С. Знаменский вернулся в 1854 г. и стал служить учителем живописи и иконописания в Тобольской духовной семинарии [22, с. 12].

Сложно сказать, где в это время живет Михаил Степанович, но в одном из писем, отправленном родителям в Омск в ноябре 1857 г. он пишет: «… занимаюсь фотографией – посылаю вам образчик: вид нагорной части от почтамта. Налево – дом губернатора, а направо красный дом – это наши квартиры», и еще «Сию минуту начал вкладывать в письмо вид и увидел, что его надо измять – а потому и посылаю вам другой, снятый с нашего балкона. Направо – часть нашего дом, а налево – часть Д[ома] Губер[натора], вдали Захарьевская церковь» [5, с. 246]. Исходя из вышеописанного, можно судить, что в 1857 г. М. С. Знаменский проживает на ул. Пятницкой, недалеко от здания Почтамта и губернаторского дома. Дом, по всей видимости, двух-, или даже, трехэтажный, с балконом. Судя по тому, что М. С. Знаменский пишет «наши квартиры», он, вероятно, живет там не один.

В фондах Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля есть интересный экспонат, изображающий еще один тобольский дом, связанный с М. С. Знаменским (рис. 1). Это акварельное изображение одноэтажного деревянного дома [10, 24, с. 80–81]. Акварель датирована 1870-ми гг. Надпись на обороте гласит, что в этом

доме художник прожил 16 лет – с 1859 по 1875 г. Там же указано, что дом этот располагается по Малоархангельской улице. Надпись сделана И. С. Абрамовым – этнографом, историком литературы и фольклористом, который в 1934 г. собирал материалы о пребывании декабристов в Сибири. Он познакомился с племянницами Михаила Степановича и приобрел у них его рисунки, карикатуры и дневники [22, с. 33]. Среди них, вероятно, была и эта акварель, выполненная рукой М. С. Знаменского.

Рис. 1. М. С. Знаменский. Дом, располагавшийся на Малоархангельской улице, где М. С. Знаменский жил с 1859 по 1875 гг. Акварель. 1870-е гг. ГМИРЛИ имени В. И. Даля

На акварели, помимо самого дома, видна деревянная мощеная улица, Богоявленская церковь и Троицкий мыс с расположенным на нем Домом наместника. Таким образом, мы можем узнать, что Михаил Степанович Знаменский с 1859 по 1875 гг. жил в деревянном одноэтажном доме на Малоархангельской улице. Сейчас эта улица носит имя М. Горького.

В. Рогачев в предисловии к изданным в 1997 г. сочинениям М. Знаменского упоминает, что в 1863 г. Михаил Степанович проживает в небольшом доме в нижней части Тобольска. По всей видимости, это дом, расположенный на ул. Малоархангельской [21, с. 8]. Л. П. Рощевская сообщает, что М. С. Знаменский постоянно проживал в семье старшего брата Николая и его жены Эрминии Федоровны Гесслер [22, с. 27]. Об этом пишет и Т. И. Солодова (Матиканская) [24, с. 62].

Подтверждают это и дневниковые записи. Так, в сентябре 1862 г. Михаил Степанович пишет следующее: «в пустом доме я один с собаками. Эрм[иния] Ф[едоровна] с Анисьей только что уехали в Денисово за грибами. Брат, должно быть, в Приказе». [12, с. 287]. Так как эти записи относятся к 1862 г., мы можем сделать вывод о том, что дом по Малой Архангельской улице, вероятно, принадлежал брату Михаила Степановича Николаю. Вообще, в дневнике довольно часто упоминается брат Николай, его жена – значительно реже, но из текста можно понять, что живут они в одном доме [12, с. 394, 428, 429, 436, 463, 465 и др.].

Косвенно о том, что Михаил Степанович жил вместе с семьей старшего брата свидетельствует и то, что именно дочери Николая и Эрмины – Лидия и Елена, сохранили архив дяди [22, с. 29]. Одна из племянниц – Елена, в своих воспоминаниях также отмечает участие дяди в своем воспитании: «когда маме приходилось заниматься уроками с ученицами, за нами смотрела бабушка, изредка дядя» [25].

К сожалению, на данный момент никаких похожих строений на этой части улицы Горького не сохранилось. Скорее всего, дом утрачен.

Еще один весьма интересный экспонат, находящийся в фондах Государственного музея имени В. И. Даля – фотография другого дома, расположенного по адресу: ул. Большая Архангельская, 19 (рис. 2). Период создания фотографии – 1870–1890-е гг. Карандашная надпись на обороте сообщает нам, что на фото дом, принадлежавший М. С. Знаменскому. Там же указано, что М. С. Знаменский жил здесь с 1877 г. по 1891 г. На обороте указано несколько адресов: «По Больш. Архангельской ул. №19» – адрес дореволюционный, а также наименование улицы, вероятно, во время поступления экспоната (1934 г.) – «ныне ул. Ленина». Указан и владелец дома на момент поступления фотографии в фонды музея – «в настоящее время принадл. Богословскому» [11].

В 1911 г., уже после смерти Михаила Степановича, согласно Списку домовладельцев Тобольска за 1911 г., дом принадлежал некоей Анне Егоровне Семеновой, и в нем в тот период проживало 4 человека женского пола, включая, видимо, хозяйку [7, л. 18].

Согласно сведениям, которые приводит Т. И. Солодова (Матиканская), племянницы М. С. Знаменского, Елена Николаевна и Лидия Николаевна, которые, так же, как и дядя, не обзавелись семьями, в начале XX в., после смерти родителей, стали жить вместе в наследственном доме. Автор указывает адрес дома – «ул. Большая Абрамовская (ныне Ленина), № 15» [24, с. 299]. Но в другом месте книги упоминается,

что сестры «Знаменские жили в самом центре подгорной части города, напротив женской Мариинской школы, в скромном деревянном одноэтажном доме. Три его окна глядели на улицу Большую Архангельскую. Справа к дому прилегал небольшой сад с кустами рябины, черемухи, шиповника» [24, с. 301–302]. По всей видимости, в первом случае имеет место опечатка, и имеется в виду улица Большая Архангельская. Номер дома тоже не соответствует – не №15, а № 19, но, возможно, это связано с тем, что нумерация домов менялась.

Рис. 2. Дом, располагавшийся по адресу «ул. Большая Архангельская, 19», где М. С. Знаменский жил с 1877 г. по 1891 г. Фото. 1870-1890-е гг. ГМИРЛИ имени В. И. Даля

Анна Егоровна Семенова, которая указана в Списке домовладельцев 1911 г. как владелица дома № 19 на улице Большой Архангельской, вероятно, та, о ком Т. И. Солодова (Матиканская) сообщает как о няне сестер Знаменских. Она прожила в их семье 50 лет, и ее они называли «баба» и «бусютанька» [24, с. 300, 308–309].

В переписи 1897 г. в доме по улице Большой Архангельской среди жильцов значатся: Семенова Анна Егорьевна, хозяйка, Знаменский Николай Степанович, квартир[ант], Знаменская Ерминия Федоровна, квартирантка, Знаменская Лидия Николаевна, квартирантка, Знаменская Елена Николаевна, квартирантка. (Кроме того, в переписном листе

фигурирует еще и гостья, но так как к дому и семье Знаменских она, вероятно, никакого отношения не имеет, сведения о ней мы опустим) [8, л. 20, 20об].

Таким образом, как следует из переписи, дом по улице Большой Архангельской не принадлежал Знаменским, они его снимали и жили там вместе с хозяйкой, Анной Егоровной Семеновой. По всей видимости, после смерти Анны Егоровны дом достался сестрам Знаменским.

В Реестровой книге по учету домовладений Тобольска, дом по адресу «ул. Б[ольшая] Ленинская 19» принадлежит Богословской Елизавете Александровне. Также из этого документа следует, что владелицей дом был приобретен в 1922 г. В источнике также указано, что дом крашеный, обшит тесом, крыт железом. На плане, кроме построек, указан сад и огород [9, л. 5, л.5об, л. 6, л. 6об]. (На подписи к фотографии, хранящейся в музее Даля представители семьи «Богословские» также фигурируют).

Судя по всему, об этом доме речь идет и в мемуарах племянницы Михаила Степановича. Елена Николаевна Знаменская в своих воспоминаниях пишет про дом, который купили родители, когда она была ребенком: «Особенно мне было интересно, когда родители купили дом на большой улице <...>. Раньше тут жили извозчики. <...> Предполагалось устроить сад, которым главным образом заведовал дядя. <...> В огороде руководила бабушка» [25].

Вероятно, это тот самый дом на улице Большой Архангельской. Как следует из рукописи, Михаил Степанович жил, по-прежнему, вместе с семьей брата. А около дома был организован сад и огород.

Косвенным признаком того, что именно здесь проживал М. С. Знаменский, служит строчка в некрологе о том, что отпевали его в Архангельской церкви, расположенной недалеко от этого дома [18, л. 3].

Об этом доме имеется информация и в относительно современном справочнике «Архитектурное наследие Тюменской области». Каталог сообщает, что дом являлся частью усадьбы Мазуриных, он обозначен, как флигель. Вся усадьба выстроена, как указано в том же издании, «в стиле позднего классицизма, по-видимому, в третьей четверти XIX в.» [16 с. 173]. Сам дом описан следующим образом: «одноэтажный деревянный жилой флигель усадьбы воспроизводит тип небольшого трехкамерного дома под двускатной кровлей, с уличным фасадом в три окна (рис. 3.).

Обшитые новым тесом стены теперь украшены лишь оконными наличниками с профилированными щипцовыми карнизами. Однако,

судя по старым изображениям дома, прежняя композиция главного фасада имела более стройный и нарядный вид, благодаря наличию тонких пилястр и крупных подоконных досок-панно, покрытых орнаментальной резьбой. Резными орнаментами были оформлены и несохранившиеся трехчастные ворота владения» [16, с. 173]. В каталоге есть пометка, что флигель перестраивался в 1960-х.

Рис. 3. Дом по ул. Ленина в начале XXI в. Фото из каталога «Архитектурное наследие Тюменской области».
Автор Е. М. Козлова-Афанасьева

В настоящее время этот дом, связанный с семьей Знаменских и располагавшийся на улице Ленина, утрачен.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в Тобольске с именем Михаила Степановича Знаменского было связано, как минимум, пять жилых домов. Один из них, где прошли детские годы Миши, располагался в нижней части города, возможно, на улице Кузнечной, Вершине или Богоявленской, недалеко от «горы» и Богоявленской церкви. Местоположение другого дома, поделенного на квартиры, где Михаил жил у своего дяди во время учебы в семинарии, к сожалению, пока не удалось установить. В 1857 г. Михаил Степанович жил в доме

(пока не установлено, в каком именно) по ул. Пятницкой, напротив Дома губернатора. В настоящее время, практически никакой информацией об этих сооружениях мы не располагаем.

О двух домах, где художник жил на протяжении довольно длительного времени, мы знаем чуть больше, так как сохранились их изображения. Оба дома связаны с подгорной частью города. Один из них – деревянный одноэтажный, – располагался на улице Малой Архангельской (сейчас ул. Горького). Здесь писатель жил с 1859 по 1875 гг. Другой, где художник прожил жил с 1877 г. по 1891 г. находился по адресу: «улица Большая Архангельская, 19» (сейчас – ул. Ленина). По всей видимости, в этих домах он жил вместе с семьей старшего брата Николая.

К сожалению, последние два дома, которые помнили М. С. Знаменского, и в которых он прожил несколько десятков лет, творил и мечтал, не дошли до нашего времени, но остались на снимках и в акварели художника. Возможно, в будущем, благодаря наличию изображения, хотя бы один из домов будет реконструирован и станет возможным открытие музея, посвященного нашему великому земляку, оставившему о себе память в разных областях науки и искусства.

Список источников и литературы

1. Адамов А. А. Послесловие к публикации М. С. Знаменского «Укрепление Махмет-Кула на Чувашском мысу» // Сибирская столица. 2000. Вып. 1, апрель / Урванцев А. А. (ред.). 2000. С. 30–32.
2. Белич И. В. Знамения М. С. Знаменского // Знаменские чтения: Филология в пространстве культуры: м-лы Всерос. научно-практ. конференции (г. Тобольск, 29-30 нояб. 2007 г.). Тобольск, 2007. С.7–9.
3. Белич И. В. К наследию Михаила Знаменского (заметки о провинциальном археологе) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск: ООО «Издательский дом «Наука»», 2006. Т. 9. С. 99–118.
4. Белоногова Д. К. Грани творчества Михаила Степановича Знаменского // Реликвариум. № 1 (1), декабрь 2021. С. 52–53.
5. Варенцова Е. «Явление народу тобольской фотографии». Фотографы И. Ф. Лисицын и М. С. Знаменский // Библиотека альманаха «Тобольск и вся Сибирь». Вып. 3. XV лет фонду «Возрождение Тобольска». 2009. С. 242–256.
6. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И78, оп. 1, д. 14, л. 38.

7. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И202, оп. 1, д. 3, л. 18.

8. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И417, оп. 2, д. 25, л. 20, 20об.

9. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. Р525, оп. 1, д. 49, л. 5, л. 5об, л. 6, л. 6об.

10. ГМИРЛИ имени В. И. Даля. ГЛМ КП 1169 ГК №11177874. Знаменский Михаил Степанович (1833–1892). Дом М. С. Знаменского в Тобольске. Середина 1870-х. Картон, акварель.

11. ГМИРЛИ имени В. И. Даля. ГЛМ КП 50947/297, ГК № 39295178. Тобольск, Большая Архангельская улица, 19. Дом Михаила Степановича Знаменского. Фотография монохромная на паспарту. Из собрания И. С. Абрамова.

12. Знаменский М. С. 1862. [Дневниковые записи] // М. С. Знаменский. Воспоминания и дневники / Сост., подг. текста, предисловие, комментарии Л. П. Рощевской, сост., подг. иллюстр. Е. П. Швецовой. Тобольск, 2013. 2013. 766 с.

13. Знаменский М. С. Исчезнувшие люди// Знаменский М. С. Исторические окрестности города Тобольска: соч. сост. Ю. Л. Мандрики; предисл. и примеч. В. А. Рогачева. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 67–152.

14. Знаменский М. С. Тобольск в сороковых годах// Знаменский М. С. Исторические окрестности города Тобольска: соч. сост. Ю. Л. Мандрики; предисл. и примеч. В. А. Рогачева. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 161–252.

15. Знаменские: Библиографический указатель / Сургут. центр. гор. б-ка; сост.: В. К. Белобородов, Р. Д. Истомина; Предисл. В. К. Белобородова. Сургут: РИИЦ «Нефть Приобья»; 2001. 40 с.

16. Козлова-Афанасьева Е. М. Архитектурное наследие Тюменской области: Научный каталог, Тюмень: ООО «Издательство Искусство», 2008. 488 с.

17. Мурашова Н. А. Михаил Знаменский – писатель XIX века // Ежегодник Тобольского музея. 2002. №1. Тобольск, 2003. С. 243–245.

18. Некролог // Сибирский листок, 1892, № 20. 12 марта. Л. 3.

19. Орлова Е. Пуля из Туркестана // Град Тобольск, № 5 (73), 2013. С. 38–39.

20. Платонова И. Ф. М. С. Знаменский // Уважение к минувшему…

Избр. чтения о Тобольске. Тобольск, 2003. С. 17–29.

21. Рогачев В. Гори, гори, моя звезда! Критико-биографический очерк жизни и творчества Михаила Степановича Знаменского // Знаменский М. С. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения / Составление тома Ю. Л. Мандрики, предисловие и примечания В. А. Рогачева. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 3–20.

22. Рощевская Л. П. Предисловие // М. С. Знаменский. Воспоминания и дневники / Сост., подг. текста, предисловие, комментарии Л. П. Рощевской, сост., подг. иллюстр. Е. П. Швецовой. Тобольск, 2013. С. 5–40.

23. Рощевский П. И. Воспитанник декабристов художник М. С. Знаменский. Тюмень, Тюменское книжное издательство, 1954. 146 с.

24. Солодова (Матиканская) Т. И. «Судьбою данный капитал» Михаила Знаменского. Жизнь и творчество тобольского художника. Тобольск, 2023. 340 с.

25. СП «Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник» ГАУК ТО «ТМПО». ТМ-29205. Документ. Знаменская Елена Николаевна. Воспоминания племянницы художника Знаменского.

26. Сулоцкий А. И. Протоерей Стефан Яковлевич Знаменский (Биографический очерк) // Сочинения в трех томах. Т. 2. О сибирском духовенстве / под ред. В. А. Чупина. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. С. 467–477.

27. Швецова Е. П. М. С. Знаменский и тобольский косторезный промысел // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск. 2004. С. 517–521.

28. Швецова Е. Сибирский Гранвиль // Град Тобольск. № 5, 2009. С. 14–15.

29. Швецова Е. Тобольск. Монсеньору М. С. Знаменскому // Град Тобольск, № 4, 2007. С. 28–29.

УДК 902(571.12)(092)
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.15.28.005
EDN: LYEEMF

К НАСЛЕДИЮ МИХАИЛА ЗНАМЕНСКОГО (ЗАМЕТКИ О ПРОВИНЦИАЛЬНОМ АРХЕОЛОГЕ)

Иг. В. Белич
Россия, г. Тобольск

Статья безвременно ушедшего тобольского этнографа и краеведа И. В. Белича публикуется к 65-летию со дня его рождения. Одним из направлений исследований И. В. Белича было изучение творческого наследия М. С. Знаменского. Статья ранее была опубликована в сборнике «Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума» (2006 г.).

Ключевые слова: Знаменский Михаил Степанович, Белич Игорь Владимирович, наследие, археолог,

TO THE LEGACY OF MIKHAIL ZNAMENSKY (NOTES ON A PROVINCIAL ARCHAEOLOGIST)

The article of the late Tobolsk ethnographer and local historian I. V. Belich is published on the 65th anniversary of his birth. One of the directions of I. V. Belich's research was the study of the creative heritage of M. S. Znamensky. The article was previously published in the collection "Ethnographic and archaeological complexes: Problems of Culture and Society" (2006).

Keywords: Mikhail Stepanovich Znamensky, Igor Vladimirovich Belich, heritage, archaeologist,

«*Лишь только пахнет в открытые окна весною*
и заслышится в поле голос кукушки, я, как бродяга,
стремлюсь на свободу в леса: там, в тишине, посещая
бугры и овраги, я вспоминаю историю нашего края».
(М. Знаменский)

Накануне празднования в 1881 г. 300-летия присоединения Сибири к России, причем первого за все три минувших столетия юбилея, в столичных газетах было напечатано объявление сибиряков, проживающих в

Петербурге и Москве: «В виду приближающегося 300-летия завоевания Сибири, сибиряки, сибирячки и лица, посвятившие свои труды краю, – приглашаются принять участие в обеде 26 октября, в день взятия Искера». Торжественный обед состоялся в назначенный срок в роскошной ресторации в гостинице «Демутъ», собравшей к застолью более двухсот человек.

Среди них, – как на завтра же сообщила пресса, – виднелись генералы, профессора, писатели, доктора, студенты, уроженцы Сибири, учащиеся девицы, курсистки и дамы, которым Сибирь была близка по воспоминаниям». Распорядитель приема, «либеральный бюрократ» Б. А. Милютин (брат военного министра Дм. А. Милютина), прослуживший некоторое время на ниве просвещения в Иркутске, открывая торжество, в частности сказал:

«Возбужденный в прессе спор относительно времени, с которого должно считаться присоединение Сибири, для собравшихся на трапезу не должно иметь особого значения. Составляет ли взятие Ермаком Искера частный только эпизод или же он имеет более существенное значение, при праздновании этого события допускается ли ошибка на год, на два или на три, – важен факт, а факт тот, что на призыв отпраздновать известное... историческое событие, откликнулись все те, коим дорога Сибирь по той или другой причине» [39, с. 5].

Мы сейчас не будем говорить о том, как прошла та трапеза, в помпезно-чопорной атмосфере которой вряд ли колыхнулось бы пламя хоть одной из сотен свечей, освещавших лица девиц и курсисток, и дам, просвещавших их, предаваясь воспоминаниям о Сибири, где они провели свои «лучшие» годы. По оговоренным тамадой застолья причинам, для нас также не будет иметь значения то, что за ним было сказано, равно как и то, какое это событие имело значение для Сибири. И вообще, речь пойдет совсем не об этом.

Обращение к данному факту понадобилось лишь за тем, чтобы отметить факт другой. В числе приглашенных на торжественный прием гостей, насколько известно, не было человека, которому, как позже заметит историк Сибири Н. М. Ядринцев, сибиряки были «обязаны исследованию древнего Искера». И хотя, мы не можем документально подтвердить его отсутствие на званном обеде – автобиография этого человека не опубликована и пока труднодоступна исследователям. Зато доподлинно известно, что тот праздничный день и он тоже отметил, написав свой очерк «Искер» из цикла «Прогулки по историческим окрестностям г. Тобольска», который вышел в «Тобольских губернских ведомостях» как раз в это время. Их автор – М. Знаменский.

Впрочем, Михаил Степанович Знаменский (1833-1892) – личность довольно известная не только в Тобольске. Сведения о нем, не в пример другим нашим землякам прошлого века, можно найти в Библиографическом словаре русских писателей. О нем и его творчестве был написан ряд статей в советское время; есть даже книга, посвященная воспитаннику декабристов – Знаменскому [23]. Словом, имя этого человека – художника, журналиста, литератора, историка-краеведа, педагога и проч. – всегда было более или менее на слуху в нашем крае.

К тому же, в самом конце века минувшего произошло «возвращение» и как бы новое прочтение Знаменского. Благодаря усилиям литературоведов, библиотекарей и издателей из Тюмени и Тобольска, в 1997 г. вышли в свет его «Исторические окрестности города Тобольска» – сборник, вобравший в себя практически всю опубликованную ранее прозу тоболяка. Попутно отметим, что это издание, вошедшее в серию «Невидимые времена», представляет «на сегодня самое полное и единственное собрание сочинений писателя» [5, с. 47].

Однако и после появления данного сборника оставлять «в столе» эти, из ранее подготовленных автором заметок, относящиеся к творческому наследию Знаменского, все же не приходится. Более того, их публикация сегодня стала в какой-то мере необходимостью, вызванной крайне недостаточной, как выяснилось, разработанностью литературоведами и критиками в творчестве тоболяка вопроса о его историко-краеведческих изысканиях, с одной стороны. И противоречивым, где-то предвзятым, граничащим с негативным отношением к ним, со стороны части историков и археологов – с другой.

Сложившаяся ситуация потребовала определенного разрешения, во всяком случае, попытки таковой. В этом видится и задача данной работы, которая, не претендуя на полноту и завершенность дискуссии по обозначенной теме, предполагает постановку корректного ее рассмотрения с учетом различных точек зрения и на основе привлечения сведений, содержащихся как в литературе, так и в неопубликованных материалах М. С. Знаменского.

* * *

Для того, чтобы представить первые из них на конкретных примерах, сведя их до минимума, воспользуемся высказываниями ученых, которые были опубликованы в самые последние годы. В предисловии к новому изданию сборника М. С. Знаменского, принадлежащему лите-

ратуроведу и критику В. А. Рогачеву, говорится: «М. Знаменский был един и многолик в своих страстях и занятиях: этнограф и литератор, первоклассный писатель и художник, ...он занимался также историческим краеведением, археологией (его коллекция по вполне понятным причинам была продана в годы безденежной жизни и попала в Томский университет)» [21, с 10].

Не стану возражать, если кто-то из прочитавших этот отрывок (а это и все, собственно), скажет, что для «Критико-биографического очерка жизни и творчества Михаила Степановича Знаменского» (подзаголовок предисловия) столь краткого и беглого упоминания о его историко-краеведческих изысканиях будет явно маловато, чтобы составить о них хоть какое-то представление. В то же время заметим: поскольку автор предисловия, по роду своей профессиональной деятельности, стоит ближе к литературному наследию писателя, то мы как бы не в праве требовать от него какого-то анализа исторических, в частности, археологических изысканий тоболяка.

Вместе с тем, обратим внимание на другой момент. Характеризуя очерки Знаменского «Исторические окрестности города Тобольска», как «историко-культурное и краеведческое эссе», В. А. Рогачев очень тонко и верно, на мой взгляд, прокомментировал это произведение писателя, точно расставив при этом акценты для восприятия стилистики его текста современным читателем:

«Сложная мелодия текста то волнует нашу известную страсть к познанию, наукам, открытию прошлого (археологическая нота), то заставляет вглядываться в черты жизни других народов (этнографическая нота), то завораживает старыми легендами и сказаниями (мифологическая нота), то веселит нас самоиронией автора, его веселыми парадоксами (стилевая нота), то открывает живописные окрестности, дурманит пряными ароматами трав (природно-пейзажная нота)» [21, с. 20]. В целом, таким образом, у современного читателя сложится (и правильно) весьма благосклонное отношение к историко-краеведческим работам Знаменского, несмотря на то, что исследовательская деятельность провинциального археолога останется для него совершенно неизвестной.

Обратимся теперь к другим мнениям по данному вопросу. Интересующая нас точка зрения о Знаменском-археологе, была недавно высказана историком науки и техники края профессором В. Е. Копыловым в работе, посвященной, однако, жизни и деятельности другого именитого сибиряка – И. Я. Словцова. Рассматривая вклад последнего в сибирскую археологию (бесспорно, существенный

в свое время), ее автор воспользовался книгой «Древняя история Нижнего Приобья», в которой, по его мнению, было «дано любопытное противопоставление археологических раскопок тобольского художника М. С. Знаменского добросовестно выполненным работам И. Я. Словцова» [14, с. 103].

Вот выдержка из этого фундаментального труда В. Н. Чернецова, цитируемая В. Е. Копыловым. «Не имея никаких специальных познаний и относясь с достаточной небрежностью к документации собранного материала, он (Знаменский – *И. Б.*) разрыл в окрестностях Тобольска много курганов и полностью испортил интереснейшее городище на мысу Подчеваш (Чувашский мыс), относящееся к последним векам до нашей эры. Составив из собранных материалов коллекции без соответствующей научной документации, он продал одну из них за громадную по тем временам сумму (3000 руб.) купцу Мамееву, пожертвовавшему ее в Томский университет. Другая коллекция в конечном итоге оказалась проданной в Финляндский национальный музей в Хельсинки. Незначительная часть сборов Знаменского попала в Тобольский музей» [30, с. 7-8]. Согласитесь, что купец-меценат выглядит здесь куда благороднее, чем археолог.

Естественно, что после столь отрицательной оценки работ Знаменского легендарным советским археологом, данной им, кстати говоря, без отсылки на какой-либо источник, В. Е. Копылову ничего не оставалось делать, как последовать этому, по сути дела, обвинению тоболяка в невежестве и корысти. «М. С. Знаменский – известный прогрессивный художник, судьба которого тесно связана с декабристами, отбывавшими ссылку в Тобольске и Ялуторовске – в немалой степени повредил своему авторитету неумелым участием в деле, где меркальтильная сторона возобладала над научной» [13, с. 22; 14, с. 103].

Конечно, выражать таким образом свою симпатию к Словцову и антипатию к Знаменскому – право автора. Но правомерно ли при этом морализировать по поводу изыскательских способностей и устремлений тоболяка, который, дескать, «посрамил» тех, у кого были «сердца для чести живы»? Наверное, нет. Как бы то ни было, но для этого нужно иметь веские аргументы, которые основывались бы на конкретных сведениях, а не на одной лишь апелляции к Чернецову. Поэтому нам надлежит вначале разобраться с этим, чтобы избежать оценок-клише в будущем.

Прежде всего, уточним, что коллекцию М. С. Знаменского (состоявшую из 700 предметов) купил и пожертвовал в Сибирский универ-

ситет не «купец Мамеев»[1], а крупный золотопромышленник М. К. Сидоров[2]. Сам меценат позже так оценивал свой вклад в основание музея при Томском университете: «*Я считаю себя весьма счастливым, что А. И. Деспот-Зенович, В. М. Флоринский и Н. М. Ядринцев внушили мне благую мысль приобрести и пожертвовать в музей Сибирского* (Томского – *И. Б.*) *университета редкие вещи, употребляемые жителями Сибири до покорения ее Ермаком и отысканные при раскопках на р. Иртыше г. Знаменским*» [24, с. 266].

Следовательно, инициатива в определении дальнейшей судьбы или «купли-продажи» коллекции, если угодно, принадлежала не Знаменскому и даже не Сидорову. Она исходила из научно-просветительных соображений наиболее передовых деятелей того времени – профессора В. М. Флоринского, в то время представителя Министерства народного просвещения, а также историка и общественного деятеля Н. М. Ядринцева. Они знали эту коллекцию, ее ценность для науки и университетских курсов не понаслышке – оба бывали в Тобольске, о чем сообщалось в тех же «Ведомостях». Экс-губернатор Тобольска,

---

[1] *Мамеев Степан Николаевич* (1859-1939) – историк-архивист и библиограф. С 1863 г. – в Тобольске, где обучался в губернской гимназии. В 1878 г. поступил рядовым во 2-ой Западно-Сибирский линейный батальон. Службу проходил в Акмолинске, Семипалатинске, Верном, Тобольске, Тюмени, Ораниенбауме, Ковеле, Никольске-Уссурийском. Во время русско-японской войны командовал (в чине подполковника) Нерчинским отдельным батальоном. В 1905-ом снят с должности «за непринятие мер к воспрепятствованию преступной пропаганды». В 1881 г. заведовал архивом Тобольского резервного батальона. Автор двадцати исторический работ. В 1909 г. переехал в Петербург, а в 1818-ом – в Красноярск, где состоял в библиотеке музея Приенисейского края, заведовал историческим архивом музея. В 1920 г. возглавил губернское управление архивным фондом. Умер и похоронен в Красноярске [6, с. 3-5]. С. Н. Мамеев, действительно, пожертвовал археологические предметы, но в Тобольский музей, коллекция которого частично была приобретена, а частью пожертвована самими собирателями – М. С. Знаменским, С. В. Герцигом, И. К. Голубевым, И. Н. Бутаковым и им [21, с. 19].

[2] *Сидоров Михаил Константинович* (1823-1887) – красноярский купец 1-й гильдии, золотопромышленник. Известный радетель развития судоходства, промышленности и торговли в Сибири, исследователь Севера. Один из крупнейших меценатов и благотворителей России. Он постоянно вносил деньги на обустройство школ и содержание приютов в Красноярске, Омске, Тобольске, Березове, Архангельске; учредил Ломоносовскую стипендию в Архангельской губернской гимназии (1866); пожертвовал 60 тыс. руб. на распространение грамотности в Тобольской губернии (1865); передал несколько приисков на устройство Сибирского университета и т. д. На поддержку ученных и благотворительных организаций передал в целом 1, 7 млн. руб. Принимал участие в 25 различных выставках, в т. ч. – 10 международных, затратив на пропаганду пользы Севера для России более 160 тыс. руб. личных средств. В конце жизни испытывал серьезные материальные затруднения. Умер в Германии [15, с. 54-57].

действительный член Русского Географического общества Деспот-Зенович, известный своей благотворительностью, в ту пору заведовавший сибирскими делами в Министерстве внутренних дел, не мог бы не поспособствовать ее реализации [7, с. 315–320].

Полагаю, что М. С. Знаменского, знакомого с этими, по выражению Н. М. Ядринцева, «*лучшими представителями русского общества*», не надо было и уговаривать. Этот шаг был сделан им в период тех самых торжеств по случаю 300-летия присоединения Сибири к России, «*возбудившего ожидания и надежды сибиряков... Подъем духа в Сибири в этот момент так был велик, что мы не можем не отметить его, как замечательное проявление сознательной жизни*»[1] [36, с. 635, 644]. Тем более, что всем была заведомо известна цель – использование коллекции в изучении и преподавании истории края[2] [36, с. 581, 603–618; 28, с. 9].

Но не надо подавать его как факт «сделки» археолога со своей совестью и научной этикой. По тем временам это было вполне приемлемое, притом – достойное свободного художника «проявление сознательной жизни». Пусть даже, допустим, это был и вынужденный с его стороны шаг, давший ему средства для достойной жизни на какое-то время. Однако это не должно умалять его достоинства. И примеры тому при желании можно найти.

Так, основатель Минусинского музея (создан в 1877 г.) Н. М. Мартьянов, например, продавал поступавшие в музей археологические находки (Восточное обозрение. 1882. №18). Но данный факт впоследствии не дал повод историкам «изобличать» яркого представителя «малых дел теории» в меркантильности. Известно, что Н. М. Мартьянов шел на это, с благой целью – получить средства для своих биологический исследований, представлявшихся ему по началу более полезными для «реального дела», нежели изучение сибирских древностей. Но вскоре он организовал в музее «антропологический отдел», куда потянулись археологи и востоковеды из Москвы, Петербурга и Западной Европы [См.: 12; 35].

---

[1] В библиотеке Тобольского музея можно найти труды Н. М. Ядринцева и В. М. Флоринского с их дарственными подписями. Среди них, например, книга Флоринского «Топографические сведения о курганах Западной Сибири» (Томск, 1889) с автографом: «*в Тобольский музей от автора. 11 июля 1889 г.*». Думается, что такого рода издания получал от их авторов и М. С. Знаменский, библиотека которого, насколько известно, не сохранилась.

[2] Сведения, добытые археологами, станут широко использоваться в университетских курсах истории России Д. И. Багалеем и М. К. Любавским только в предреволюционные годы. Карамзин, Соловьев и даже Ключевский об этом и не думали [См.: 29, с. 69].

Вспомним, кстати, что среди интеллигенции тогда еще преобладали призывы Д. И. Писарева к «реализму» – пропаганде естественных наук, противопоставленным «болтовне» – наукам гуманитарным. С учетом идей утилитаризма, определявших в то время отношение значительной части радикально-демократической интеллигенции к памятникам истории и культуры [См.: 29, с. 156], надо бы взглянуть и на деятельность М. С. Знаменского. И тогда мы заметим, что «радикализм» тоболяка, видевшийся прежними историками, особенно в его карикатурах и пародиях[1] [23, с. 99–120], сегодня стал пересматриваться критиками литературного наследия Знаменского в сторону «осознания» им «бесплодных радикальный путей». «Да, – пишет, например, В. А. Рогачев, – приметы „чернышевско-писаревского стиля» налицо» в художественном творчестве тоболяка. Но, если присмотреться к нему «вне идеологических пристрастий», то можно будет распознать и приметы того, что он и ему подобные видели «будущее России в эволюционных реформах и просвещении» [21, с. 11–12].

В целях просвещения Знаменский, несомненно, видел предназначение и своих археологических изысканий, в том числе коллекций. Приветствуя вклад мецената М. К. Сидорова и, разумеется, археолога в Сибирский университет, «Тобольские губернские ведомости» (№ 42), например, сообщали в октябре 1881 г. следующее. Коллекция М. Знаменского «*будет служить основанием музея сибирских древностей, мало еще исследованных археологами*». И выражали надежду, «*чтобы ревнители просвещения не оставляли и на будущее время своим содействием возможность разрабатывать исторические древности Сибири..., и чтобы по возможности все добываемые древности не вывозились из Сибири, а стенались в Сибирском университете, как научном центре*».

И свои «Прогулки» по историческим памятникам в предместьях Тобольска Знаменский как раз и адресовал тем, кто, как верил краевед, может быть, и «*вдали от родины, в более чистой атмосфере труда и науки <...> начинает чувствовать свою кровную связь с городом (добавим: и краем) и дорожит всем до нее касающимся*» [9, с. 24; 5, с. 47]. Ибо эту невидимую связь он, кровно ощущая в себе в это время, и делал зримой. Однако отдельный разговор об этом у нас уже состоялся[2*].

---

[1] Например, к романам Л. Н. Толстого «Война и мир» (Искра. 1969. №№ 2-18), И. А. Гончарова «Обрыв» (Роман классической картинный, отмечено длинный, длинный, длинный и сатирический, и чинный. Тюмень, 1875).

[2] * См.: Этюд пятый из «Тобольского предместья» в настоящем издании. – *Прим ред.*

В нашем распоряжении пока нет источников, засвидетельствовавших бы ту баснословную сумму, «вырученную» Знаменским за эту коллекцию[1]. Но, сколько бы в действительности она ни составила – это будет свидетельствовать не об удачливой выручке «корыстного» археолога и не об отсутствии деловой хватки у промышленника, а о престижном тщеславии мецената. Не Знаменский, а Сидоров, как никто другой, рассчитывал (и по праву) на общественную признательность от этой акции. Этого он и добился. В ноябре 1882 г. «Правительственный Вестник» сообщил: «*Ко дню трехсотлетия Сибири М. К. Сидоров принес в дар музею Сибирского университета коллекцию сибирских древностей, приобретенную им от Знаменского*»[2] [24, с. 266].

Теперь кратко рассмотрим обстоятельства, по которым другой части археологических сборов тоболяка суждено было оказаться в музее Хельсинки. В научном архиве Тобольского музея-заповедника сохранился рукописный «перевод с французского» (некоего В. Т.) статьи А. М. Талгрена [26] под названием «Древности Западной Сибири, хранящиеся в Финляндском национальном музее». Из нее следует, что коллекция была куплена «*в Москве в 1897 году*» – стало быть, уже после смерти Знаменского – при посредстве финского археолога «*д-ра Гейкеля*». Она состояла из «*1806 номеров*», общей численностью в 2736 предметов, «*происходящих из Западной Сибири, более прочие из Тобольской губернии*», из которых не менее 1400 – составляли находки с Искера. Объясняя причину покупки коллекции, Талгрен писал: «*Коллекция, наверно бы, исчезла в неизвестном направлении и была бы потеряна для науки, если бы она не была спасена, будучи помещенной в Финляндский музей*» [41, л. 1об.].

Не берусь судить об истинных причинах, побудивших Финляндский национальный музей в лице А. Гейкеля приобрести коллекцию Знаменского (хотя они достаточно прозрачны). Для этого предстоит еще

---

[1] Пожизненная пенсия действительного статского советника А. И. Деспота-Зиновича, к примеру, составляла 1000 руб. в год. Первая в Тобольской губернии лечебница (основана в 1863 г.) для амбулаторного приема с бесплатным отпуском лекарств для бедных, в течение первых трех лет существовала на пожертвованные Деспотом-Зиновичем 125 руб. [7, с. 316].

[2] Удалось уточнить, что коллекция Знаменского была приобретена Сидоровым за 300 руб., передавшим ее на хранение председателю Тобольского губернского правления А. И. Дмитриеву-Мамонову, с которым был лично знаком Флоринский. В Томск эта коллекция, вместе с находками из раскопок на Подчевашском мысу самого Дмитриева-Мамонова, попала только в 1885 г., когда с открытием учебного округа Флоринский переехал туда на постоянное жительство. Коллекции Знаменского, а также Дмитриева-Мамонова послужили основой формирования музея Томского университета [28; 1, с. 8].

выяснить, почему эта коллекция оказалась в Москве, где и у кого она находилась прежде, чем с ней познакомился Гейкель[1]. Но мотивы и тех, и других были, очевидно, искренними. Таким образом, с моральной и научно-этической точек зрения у нас не должно остаться сомнений или возникнуть претензий к Знаменскому. Во всяком случае приведенные данные не дают оснований обвинять его в «меркантильности» от науки.

Перейдем к рассмотрению мнений об археологических изысканиях тоболяка в научном плане. Коль скоро В. Е. Копылов воспользовался известной в археологии книгой, то и мы последуем его примеру для того, чтобы привести высказывание о результатах раскопок Знаменского другого исследователя. Археолог В. И. Мошинская, в отличие от своего мужа, В. Н. Чернецова – сурового и требовательного как к себе, так и к другим «рыцаря» Севера [См.: 19, с. 129–186] – писала по этому поводу в другом разделе той же книги следующее.

«Не мало сомнений вызвал и материал, известный с городища Подчеваш. Коллекции, собранные на городище, находятся в музеях Томска, Тобольска и Хельсинки. Наиболее крупная из них, собранная М. С. Знаменским и приобретенная позднее Сидоровым, хранится в настоящее время в Томском университете. Коллекция сопровождалась альбомом, в котором Знаменский зарисовал находки. Этот альбом был передан в Археологическую комиссию. Второй альбом Знаменского хранится в Тобольском музее, и на основании его можно выделить ряд вещей, собранных Знаменским именно на городище. Следовательно, можно считать, что коллекция Томского университета имеет достаточную документацию» (подчеркнуто мной – *И. Б.*)». И это еще не все.

«Коллекция, приобретенная у Знаменского в 90-х годах прошлого века А. Гейкелем и хранящаяся в Национальном музее Финляндии в г. Хельсинки, также сопровождалась альбомом, на основании которого А. М. Талгрен установил, что большинство вещей происходит с Искера и лишь немногие – из городища на Чувашском мысу». То есть, если следовать логике В. И. Мошинской, то и эта коллекция была достаточно документирована. «Таким образом, коллекции в музеях Томска и Хельсинки содержит ряд одинаковых вещей», что, однако, позволило Мошинской рассматривать их по имеющейся документации (и публикациям) по разным комплексам [18, с. 202–203].

---

[1] Возможно, что ответы на эти, как и на многие другие вопросы, находятся в автобиографии М. С. Знаменского (рукопись), хранящейся в библиотеке Тюменского областного краеведческого музея им. И. Я. Словцова, и оставшейся недоступной для ее публикации издательством «СофтДизайн» [21, с. 5].

Итак, к результатам археологических изысканий М. С. Знаменского у Мошинской не возникло разгромных научных претензий. Она вежливо обошла своим вниманием те вопросы, которые вызвали бы (и вызвали у Чернецова) вполне заслуженную критику для современной ей археологии, но которая была бы не вполне адекватной для археологии того времени, в котором тоболяк производил свои раскопки.

Заканчивая обзор мнений по археологической деятельности Знаменского, обратимся к «Послесловию» на его очерк «Чувашский мыс», который был переиздан недавно в «Сибирской столице». Автор «Послесловия», тобольский археолог А. А. Адамов, сразу и верно оговаривает в нем, что «о археологических изысканиях М. С. Знаменского известно немного». Для того чтобы у читателей журнала сложилось о них общее, причем объективное представление, он привлек неопубликованные рукописи («Дневник раскопок») М. Знаменского, хранящиеся в Тобольском музее, а также его отчет в Императорскую археологическую комиссию. То есть те источники, где содержатся основные цели, наблюдения, подходы и исследовательские построения провинциального археолога, и которые остались вне поля зрения предыдущих авторов.

Не вдаваясь в подробности, вслед за автором «Послесловия» выделим в них основное. «Осмысливая результаты своих исследований М. С. Знаменский отметил, что «на Чувашской площади раскопки дали нам много вещей чисто остяцкого быта: костяные принадлежности оленьей упряжи как, например, пластинки, надеваемые на голову оленя для управления его вожжей, костяные пряжки, костяные ножи для чистки рыбы и другие вещи, которые можно найти и у современных остяков; кухонные отбросы преимущественно рыбьих костей».

Но осмысления того, в чем состояла изыскательская «кухня» Знаменского, в «Послесловии» не последовало. Иначе говоря, раз так – поясним мы, при анализе этнокультурной и функциональной принадлежности артефактов, археолог Знаменский умело оперировал этнографическими сведениями, хорошо ему известными по личным наблюдениям, полученным во время его поездок для изучения быта коренных обитателей Обского Севера [См.: 23, с. 75–78].

М. С. Знаменский, раскопавший в 1879–1880 гг. Подчевашское городище, и сопоставив обнаруженный им археологический материал со сведениями сибирских летописей, говорилось далее в «Послесловии», пришел к выводу, «что Кучум, воспользовался прибрежным остяцким

селением, укрепив его мощной оборонительной системой». При этом подчеркивалось, что новейшие данные «со всей определенностью позволяют утверждать», что городище было возведено местным угорским населением задолго до известных событий – «еще во второй половине I тыс. н. э. и просуществовало до начала II тыс.

К 1852 г., когда произошла решающая битва, это поселение было давно оставлено, и местность на вершине Чувашского мыса выглядела примерно, так же как и сейчас». Современные раскопки не подтвердили и «факты строительства в конце XVI века укрепленного городка Махмет-Кула. Через сто лет после выхода «Чувашского мыса» М. С. Знаменского можно с уверенностью утверждать, что Кучум со своими приближенными наблюдал за ходом битвы, стоя на пустынном мысу, поросшем редкими березами» (Сибирская столица. № 1. 2000. С. 30–32).

Выходит, что Знаменский, впервые раскопавший этот легендарный памятник эпохи «сибирского взятья», ошибался? Получается, так. Но ведь еще довольно долго – до работ Чернецова и Мошинской в 1951 г. – вопрос о том, «является ли это поселение однослойным?» – не вызывал сомнения. «Для выяснения этого кардинального вопроса нами были проведены раскопочные работы» – писала В. И. Мошинская [18, с. 203].

Причину ошибочных выводов провинциального археолога А. А. Адамов видит в том, что «М. С. Знаменский подходил к раскопкам как кладоискатель, копая землю только в надежде найти разнообразные изделия, не ведя планов и подробного дневника, что совершенно необходимо при любых археологических исследованиях». Эта позиция автора «Послесловия» (к ней мы еще вернемся), несмотря на частичную ее правоту, свидетельствует, что археологи остаются единодушными в отрицательной оценке изысканий Знаменского.

Почему же тогда у литературоведов и искусствоведов, а также у части историков, занимавшихся изучением жизни и творчества тоболяка, он предстает перед нами «и как художник, и как историк, археолог и этнограф», воплотивший «лучшие традиции передовой русской культуры»? [23, с. 144].

* * *

Ответ на этот вопрос следует, очевидно, искать не в том, что представители разных дисциплин, занимаясь в разное время, различными сторонами деятельности «единого и многоликого в своих страстях и занятиях» Знаменского, обеспеченной разными по информативности

источниками, не в равной мере оказавшихся доступными, исходя из различных задач, приходили к разным оценкам его творчества. И хотя в перечисленных составляющих заключается все же часть ответа на данный вопрос, решающим в нем представляется разный подход исследователей к изучению наследия Знаменского. Одни, в определении места и значения его творчества исходили из заданного континуума, оптимально используя „системы координат» (пространственно-временную, историко-культурную и т. д.), другие – ограничивались историографическим задачами в решении частных вопросов.

У литературоведов, например, сама личность тобольского «старожила» как бы вписана в эпоху. Еще в какую эпоху в истории и культуре страны: «С конца 50-х до середины 80-х годов XIX века Россия переживала один из значительных духовно-нравственных, культурно-научных и общественных подъемов в своей истории». Поэтому он живет и творит в ней в соответствии с ее событиями, людьми, идеалами, ценностями, страстями и предрассудками, легко узнаваемыми в его сочинениях под их критическим пером. Оставаясь при этом верным своим идеалам и принципам, он, по их мнению, оставался «после „исчезнувших людей» чужим среди своих и своим среди чужих» в отечественной литературе. В этом «подвешенном» состоянии – «между биографической прозой, документальными жанрами и мемуарами» – Знаменский находился вплоть до недавнего времени, пока критики не определились «в более высоком месте тоболяка в нашем литературном пантеоне» [21, с. 11, 13, 17].

Отсюда - к числу «важнейших исторических работ М. С. Знаменского» ряд историков [23, с. 142] относят его «Исчезнувших людей» и «Тобольск в сороковых годах». Отсюда же литературоведы и критики [21, с. 15] считают те же самые произведения «своеобразной художественной дилогией..., не имеющей аналогов в отечественной литературе русского классического реализма XIX века».

Нельзя сказать, что археологи прошли мимо той эпохи, не придав значения ее роли в истории развития этой науки, в частности в сибиреведении. «60–90-е гг. XIX в., – читаем в одной из относительно недавних работ, – в результате интенсивного изучения древностей края появляются публикации А. В. Адрианова, И. А. Армстронга, Н. Е. Брандербурга, Ф. Ф. Брюссе, А. Вамбери, П. Кельберга, Д. А. Клеменца, И. П. Кузнецова-Красноярского, П. Лерха, А. Ф. Миддендорфа, В. В. Радлова, В. М. Флоринского и других. Внимание привлекали проблемы древней истории Сибири различных эпох: от публикаций первоисточников... до

описания каменных орудий на Амуре..., палеонтологических находок в Сибири..., результаты изучения остатков мамонта..., кладов за Байкалом... и др.».

Но, несмотря на обилие исследований, выпуск отечественной научной литературы по Сибири во второй половине XIX в. составлял всего 20% от общего объема. Специалисты отмечают при этом, что характерной особенностью научных изданий того периода была «комплексность, типологическая нерасчлененность издательских форм, широта и расплывчатость целевого и читательского назначения, а также существование типа ученого-просветителя-универсала» [34, с. 110].

Безусловно, Знаменского нельзя поставить в один ряд к названной выше плеяде ученых, некоторые из которых были знаковыми фигурами той эпохи. Однако в отмеченный тип исследователя того времени, творчеству которого была характерна «типологическая нерасчлененность», он, думается, вполне вписывается. Но в подходах археологов, в той или иной мере обращавшихся к работам своего предшественника, Знаменский «выпадал» из своей эпохи, с присущим ей тому уровню развития археологической науки (и исторических знаний), в соответствии с которым он производил свои раскопки. В результате, здесь он так и остался «чужим среди своих».

В связи с этим следует напомнить, что примерно к 1880 году завершился важнейший этап в становлении русской археологии – этап первичного накопления материала и определения задач формирующейся отрасли знания. Период 1880–1890-х годов характеризуется разработкой и уточнением ее методов: сопоставления археологических данных со сведениями письменных источников и этнографическими материалами, проведения стратиграфического анализа, хронологии, типологического метода и др. Причем процесс развития науки в это время закономерно сопровождался принципиальными идеологическими и методологическими расхождениями между учеными разных школ и поколений [29, с. 65, 68–69].

От сотрудничества с археологией уклонялись, к примеру, исследователи палеолита, открытого в России в 1871 году под Иркутском биологом и палеонтологом И. Д. Черским. Почти никто из натуралистов, определявших тогда пути развития новой области знания – следствие триумфа эволюционной теории второй половины XIX века, не соприкасался с официальной русской археологией. Последняя, к тому же, во многом еще была предана самодержавию и традиционно при-

держивалась теории «официальной народности» графа С. С. Уварова. Поэтому, быть может, его сын – А. С. Уваров, став археологом, прервал своей деятельностью монополию естествоиспытателей на исследования в области первобытности [29, с. 60–67].

В контексте рассмотрения данного вопроса, есть смысл присмотреться и к самому А. С. Уварову (1825–1884) – главному археологу России в ту пору. О нем принято было прежде писать, как об «аристократе-дилетанте», плохо раскопавшем Владимировские курганы [2, с. 530–533]. «Доля истины в этом есть, – считает археолог и историк этой науки А. А. Формозов, – но разве об Уварове нечего больше сказать?». Оказывается, есть.

«Он был учредителем Московского археологического общества, открывшего свои двери для всех, в отличие от кастово-замкнутого Археологического общества в Петербурге. Он участвовал в строительстве Исторического музея с его сплошной экспозицией от палеолита до феодализма. Он организовал археологические съезды. И всюду он стремился преодолеть раздробленность изысканий в области каменного века, античности и средневековья, прийти к какому-то синтезу. Всего этого мы не найдем во многих западноевропейских странах, где изучение национальных реликвий, первобытных и классических древностей оторвано и друг от друга, и от истории. Будущее показало, что правильным путем шел Уваров, а не Археологическая комиссия или сторонники чисто биологической «палеоэтнологии».

Этот отрывок из книги А. А. Формозова [29, с. 67–68] позволяет дополнить спектр организационно-научных проблем, которые возникли в третьей четверти XIX века перед русской археологией, и решение которых требовало огромных усилий многих исследователей как специалистов, так и «любителей старины», только что ставших на путь служения этой науке. Ибо она сама вставала тогда на отечественные „ноги» и пошла «верным путем», намеченным А. С. Уваровым.

Именно на этот сложный период становления русской археологии приходятся и первые раскопки памятников, произведенные Знаменским в исторических окрестностях Тобольска – на городищах Подчеваш, Искер, ряде курганов, обследование Сузгуна и других урочищ. Именно Знаменский первым открыл их для науки. В этом, прежде всего и состоит его заслуга и приоритет исследователя.

Раскопки краеведа, результаты которых популяризовались им в упомянутых выше работах в местной и столичной печати[1], затем – в небольших, малотиражных монографических изданиях[2], а также отразились в составленной им археологической коллекции, были ознаменованы признанием его трудов в научных кругах современников. Достаточно сказать, что работы Знаменского высоко оценил видный историк Сибири Н. М. Ядринцев, посвятивший его исследованиям специальные статьи во влиятельном «Восточном обозрении».

В одной из них Н. М. Ядринцев [37, с. 9], в частности, писал: «*Его* (Знаменского – *И. Б.*) *изыскания дали уже богатый археологический плод; составленная им коллекция года два назад отчасти приобретена при посредстве М. К. Сидорова для будущего Сибирского* (Томского – *И. Б.*) *университета. Ныне г. Знаменский прислал к нам прекрасный „Художественный альбом» с рисунками характерных находок*». По авторитетному мнению историка, обобщившего результаты археологических работ тоболяка, последние «*для всех интересующихся историей Сибири... могут дать материал и воскресить ту культуру, которую достигло царство сибирских тюрков на берегу Иртыша в момент завоевания его русскими*». Следовательно, Знаменский, находясь в сибирской глубинке, шел, пусть где-то и «на ощупь», но «в ногу» со временем развития отечественной археологии.

* * *

Учитывая сказанное, необходимо все-таки отдавать себе отчет в том, что М. С. Знаменский, по сегодняшним (отчасти и по тем) мер-

[1] Очерки Знаменского «Окрестности города Тобольска» получили общероссийскую известность после их публикации в 1887 г. в «Восточном обозрении» (№ 13-14, 15), выходившем в Петербурге. По-видимому, иронизируя по поводу готовившейся тогда же к печати и изданной в 1887 г. (к 300-летию Тобольска) книги К. М. Голодникова «Город Тобольск и его окрестности», содержавшей фасадный взгляд на историю города, Знаменский сопроводил свою работу подзаголовком «Отрывок из неизданного сочинения». Его «изданным сочинением» были, безусловно, «Прогулки по историческим окрестностям г. Тобольска», которые впервые увидели свет в «Ведомостях» в 1881 г. В примечаниях В. А. Рогачева к эссе «Исторические окрестности города Тобольска» вкралась досадная ошибка в отношении времени создания и первого издания этой работы Знаменского, имеющей, впрочем, мало общего с «Окрестностями города Тобольска», которые, кстати, не вошли в новое издание его сочинений.

[2] По сообщению современного тобольского писателя и драматурга Ю. С. Надточий, очерки «Чувашский мыс» и «Искер», как две части эссе, были отпечатаны в Типографии Тобольского губернского правления в 1891 г. И преподнесены цесаревичу Николаю Александровичу (будущему Николаю II), когда он проездом по Сибири в Японию посетил Тобольск.

кам, был, конечно, археологом-любителем, в чем-то самоучкой, но все же не дремучим дилетантом. По тем временам он обладал не только классическими, но и некоторыми специальными познаниями, залогом которых были его учителя и наставники - декабристы [23, с. 14–36; 21, с. 3–20].

Упоминание имен летописцев (Ремезова, Черепанова), историков (Миллера, Фишера, Карамзина, Словцова), бытописателей (Костомарова), археологов (Уварова), отсылки на территориально отдаленные археологические памятники Щвейцарии, Кавказа, Туркестана (Мервские курганы), встречающие, например, в «Прогулках» тоболяка, свидетельствуют не только о его знании всех этих трудов и тех или иных древностей, но и о круге его исторических, в том числе археологических интересов.

Основанием для упоминавшейся выше оценки современными археологами раскопок Знаменского, как «кладоискательство», послужил его отчет о работах на городище Подчеваш, направленный в Императорскую археологическую комиссию, фрагмент из которого цитируется автором «Послесловия». Поясняя основную цель своих исследований, Знаменский писал в отчете: «Разрывая курган, человек ищет объяснения доисторического туманного времени, считает его признаком оставшегося, пытается уяснить себе быт первоначальных обитателей известной местности. ...я же задался совершенно противоположным: искал остатки быта народа исторически известного, я проверял сибирские летописи и в своей коллекции вижу к ним иллюстрацию» (Сибирская столица. № 1. 2000, с. 30).

Но в приведенных строках содержится отнюдь не стремление М. С. Знаменского к «кладоискательству». Напротив, в них – интуитивный поиск новых методов археологических изысканий с привлечением фольклорных и письменных источников, которые позволили бы проверить информацию, содержащуюся в последних, а также в полученных при раскопках материалах, на предмет соответствия тех и других историческим реалиям.

Об этом же подходе красноречиво свидетельствует и письмо М. С. Знаменского к Н. М. Ядринцеву, в котором он писал историку по поводу своих находок, обнаруженных на Искера, следующее. «*Собранная мною коллекция по числу велика. Нового, что не было бы мне известно из летописей, хотя я ничего и не получил, зато ничего не оказалось такого, что и противоречило бы им*» [37, с. 9]. На этот же исследовательский подход археолога обратил внимание В. Н. Пиг-

натти, продолживший в 1915 году раскопки Искера. Впоследствии он так охарактеризовал историографическое значение изысканий своего предшественника: «Работа Знаменского любопытна, главным образом, правильным изложением исторических событий и точным описанием виденного им» [20, с. 7].

Важно обратить внимание и на следующий принципиальный момент в научных задачах, решавшихся Знаменским как археологом. Обрабатывая свою коллекцию с Искера, он впервые попытался определить ее историческую, этнокультурную и функциональную принадлежности. Придерживаясь своей версии о тюркском времени возникновения и происхождении этого памятника, он также впервые попытался ответить на вопрос о возможности «дотатарского» периода существования городища. В очередном письме к Н. М. Ядринцеву он, в частности, писал: *«...я отделяю некоторые вещи от времени Кучума: таковы кремневые стрелы, маленькие горшочки, которые причисляю к похоронным, так как находил их в* («чудских» – *И. Б.*) *курганах близ скелетов*» [37, с. 10].

Понимая всю сложность решения этого вопроса, и, вероятно, имея в виду, что вещи такого рода могли оказаться на городище как в результате разграбления его обитателями-татарами более древних курганов, находившихся вокруг Кашлыка, так и быть следствием жизнедеятельности его дотатарских поселенцев, Знаменский не решился дать окончательный ответ на него. Во всяком случае, в письмах к Н. М. Ядринцеву, фрагменты из которых тот приводит в названной выше своей статье, мы его не найдем. В очерке «Искер» – памятник представлен лишь в эпоху существования Сибирского ханства.

Треть века спустя В. Н. Пигнатти задастся тем же вопросом и также неопределенно предположит, что «*первыми обитателями сопки Искера была „чудь», что здесь был чудской городок*» [20, с. 20]. Но настаивать на этом и он не решится. В отличие от другого своего предположения, относительно того, что «*на сопке Искера до времени владычества татар был городок остяцкий*» [20, с. 21]. Однако и к этой гипотезе он отнесется с осторожностью[1].

[1] Его сомнения были вызваны указанием Сибирских летописей о вхождении в состав войск Кучума «остяцкие и вогульские рати», принявших участие в сражении при Подчеваше. «*Если это так, то нужно было бы допустить, что на Искере остяков было значительное количество, и что они жили здесь значительное время...*», включая не только мужчин-воинов, но и женщин. В. Н. Пигнатти понимал, что приводимых им доказательств немного для того, «*чтобы сделать заключение о существовании здесь остяцкого городка; но их значительно больше, чем для такого же предположения о чудском городке*» [20, с. 22, 23].

И тем не менее, несмотря на сомнения, в результате В. Н. Пигнатти обрисует историческую ретроспективу Искера следующим образом: «...когда-то здесь был чудской городок с его светловолосыми и голубоглазыми обитателями, историей еще не разгаданными; затем, вытесненные остяками и вогулами, обитатели эти исчезли, и здесь воцарился городок остяцкий, с каким-нибудь – теперь забытым – богатырем во главе народа, со всеми обычаями и нравами наших теперешних обитателей Севера; наконец, остяки, в свою очередь, были покорены пришельцами татарами, основавшими здесь, на пепелище чужого города, столицу Сибири – Искер» [20, с. 23].

Однако, спустя 80 лет, исторические построения Пигнатти будут опровергнуты. На основании объективной информации о культурном слое городища, полученной в результате раскопок Искера в 1988 и 1993 гг., стало возможно «с уверенностью говорить» о том, что «никаких ранних „дотатарских» культурных напластований городище не содержит. Широко распространенное мнение о многослойности этого памятника является заблуждением, возникшем в результате сборного характера коллекций, якобы происходивших с Искера». Кстати сказать, и татарский период истории Кашлыка был незначителен по времени его функционирования. Выделенные на городище „строительные горизонты» «соответствуют очень бурной и драматической, но все же достаточно короткой истории этого городища – вероятно, в пределах одного столетия. ...Поэтому нет оснований сильно удревнять и татарский период жизни памятника». Таково мнение автора раскопа – екатеринбургского археолога А. П. Зыкова [11, с. 23].

Возвращаясь к „разбору» археологических изысканий тоболяка, остается только подчеркнуть, что М. С. Знаменский, как теперь оказалось, был прав в своем предположении о непродолжительном периоде существования Искера, ограниченном эпохой Сибирского ханства. В целом же, отправной точкой в стратегии его исторических построений ему служили не курганы «доисторического туманного времени», отчасти им также раскопанные, а поздние археологические памятники сибирских татар. Путем изучение этих, по сути дела этноархеологических памятников, он пытался воссоздать эпизоды локальной истории и фрагменты культуры этого народа, прибегая к конкретным историческим событиям, отложившимся в летописях. При этом он осваивал, как бы сегодня сказали археологи, «функционально-типологический метод» по „стратиграфии» артефактов, изъятых из более ранних эпох и культур.

Решением задачи «совершенствования процедуры первобытно-исторических реконструкций» на основе изучения и анализа останков материальной культуры и данных этнографии современных народов – почти через столетие займется такое научное направление, как этно-археология. «Использование как устной, так и письменной традиции археологических данных в качестве первоисточников» при изучении бесписьменных народов – явится в наши дни основным критерием становления новой дисциплины - этноистории [См.: 33, с. 95, 170–171].

Следовательно, не будет тенденциозным высказаться за то, что археолог Знаменский в известной мере опередил свое время. Сегодня данная фраза, написанная автором этих строк несколько лет назад, не будет выглядеть неким «откровением». Критико-биографический очерк жизни и творчества тоболяка, вышедший из-под пера Рогачева, содержит немало примеров, характеризующих Знаменского, как человека «намного опередившего свою эпоху». Чего стоит один лишь факт создания им 1860-е годы рисованного романа комиксов, тогда как в США первые комиксы появились в прессе лишь в 1990-е, а роман – только в 1920-х годах [21, с. 10].

* * *

Михаил Знаменский - профессиональный художник, причем рисовальщик «по жизни». Его художественное наследие, по мнению современных исследователей его творчества [23, с. 77–81; 21, с. 7], продолжает и сегодня поражать воображение своей свежестью и документальной точностью. Он, например, открыл тобольский городской пейзаж и многоликие типы горожан. Сделал уникальные и этнографически безукоризненные рисунки коренных обитателей Севера, выезжая в составе трех «сидоровских экспедиций под начальством Ю. Кушелевского» в 1862–1864 годах в Надым, Обдорск, Березов, устье р. Таз и в другие уголки Тобольского Севера. Участвуя в качестве топографа в Кокандской военной компании 1864 года, сделал множество зарисовок по Средней Азии.

Свои путешествия, быт и нравы новых мест М. С. Знаменский отразил в иллюстрациях к книге Ю. К. Кушелевского [16] «Северный полюс и земля Ямал», показал в альбоме «От Обдорска до Ташкента». Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете присудило ему за него серебряную медаль. Его рисунки имели большой успех на Москов-

ской политехнической выставке 1872 года, на базе которой, как известно, впоследствии был создан Исторический музей. Не случайно, что многие из тех его работ ныне находятся в ГИМе. Рисунки, составившие альбом «От Обдорска до Ташкента», а также карикатуры и портретные работы художника, были предметом неоднократного внимания искусствоведов [22, с. 70–74; 25; 31, с. 343–345; 32, с. 170–172].

Однако Знаменский малоизвестен как автор другого – «Художественного альбома», составленного им по рисункам оригинальных находок, полученных в результате его раскопок в исторических окрестностях Тобольска. Вполне понятно, что художественная ценность альбома не представляла интереса для исследователей творчества живописца. Вместе с тем, источниковедческая сторона данного альбома была в свое время предметом подробного анализа Н. М. Ядринцева, резюмировавшего, что «*вещи эти могут характеризовать, какие любопытные образцы тюркской культуры найдены при раскопках около Тобольска*» [37, с. 11]. Зимой 1884 года в Петербурге Ядринцев сделал доклад о научном значении этого альбома в Обществе любителей древней письменности и археологии. И то, что «Художественный альбом» был в поле зрения академического научного общества, говорит само за себя.

В историко-археологических построениях М. С. Знаменского не следует, конечно, искать сегодня строгих научных выкладок, хотя он и старался их придерживаться в письмах к Ядринцеву, в отчете в Археологическую комиссию – людям науки. Его цели имели скорее прикладную, научно-просветительскую ориентацию, что в конечном итоге и выразилось в его «Прогулках». Впрочем, и интерес к археологии у тоболяка, был непродолжительным для того, чтобы он самостоятельно сумел бы освоить ее академическую школу и методы, к тому же еще только формирующиеся.

Известно, что Знаменский занялся местной археологией в 1878-1880 годах, будучи лишенным возможности работать в изобразительном искусстве в период реакции. «Доступ его карикатурам в демократическую печать с конца 70-х годов был закрыт» [23, с. 140]. Археология стала на какое-то время его «отдушиной», страстным увлечением. Однако думается, что он относился к ней не только с пиететом и энтузиазмом, но и с не меньшей скрупулезностью и ответственностью, чем к своим художественным работам.

* * *

Страсть – всегда щепетильна, но далеко не всегда выдержана, в силу невозможности следовать обстоятельствам, вызывающим ее удовлетворенность. Отсюда – некая неуравновешенность и непоследовательность натуры, находящейся в ее власти. Знаменский – натура страстная, к тому же азартная. Но страсть, «настоянная» на азарте – «гремучая смесь» для игроков. Знаменский – страстно азартный художник. Поговаривали, что он выиграл пари не то у своей хорошей знакомой, не то у самого тобольского губернатора в том, что в течение месяца ежедневно делал по одной карикатуре на темы тобольской жизни [21, с. 9].

О том же свидетельствует и число работ художника: более 300 его рисунков было помещено только в «Искре», а после паузы, связанной с закрытием журнала, свыше 250 карикатур – в «Маляре». «Почти все они откликались на животрепещущие вопросы дня...» [22, с. 72; 23, с. 88]. Но тут вновь все «пошло прахом».

«*А, вздор, что связаны руки... Будем делать, что можем*». Эти слова, вложенные в уста Лягушкина (Якушкина) в «Исчезнувших людях» [9, с. 112], были девизом и его деятельности [21, с. 38]. И „искры» творчества тоболяка вновь высветились в почти 200-х тщательно выверенных рисунках артефактов «в натуральную величину», в планах археологических памятников в окрестностях Тобольска, вошедших лишь в один «Археологический альбом», поступивший в Томский университет.

Раскопки – дело трудоемкое и кропотливое. Но этих качеств ему было не занимать. Выдержки и терпения – тоже. Под Кокандом, когда осенью 1864 года русские войска начали наступление на последнее в Средней Азии ханство, закончившееся 17 июля 1865-го взятием Ташкента, – бывало и хуже, много хуже. Но он справился в том пекле и успешно.

«Что ищешь ты еще в пучине темной лет минувших?» – сонетная риторика для вечеров у декабриста Свистунова. Ссыльный корнет охотно декламировал шекспировскую «Бурю». Но у него другая «буря» сомнений: Словцов ищет неизвестные стоянки каменного века под Тюменью, и натуралист знает, как; он же будет искать «*остатки быта народа исторически известного*», но…, как? У него нет научных знаний. Хватит ли ему его познаний?

Тобольск – не Москва и не Петербург с Alma mater наук. Но и здесь есть с чего начать поиск: *«...тут в нашем распоряжении несколько*

кратких летописей, да остатки тех холмов и равнин, где жили и действовали исторические личности» [9, с. 27]. В его руках план 1820-х годов «столичного города Искера» Словцова (?), труд «отца сибирской истории» Миллера, летопись Ремезова, работы археолога Уварова, краеведов – Абрамова, Голодникова[1].

Археологическая комиссия дает добро? – доверяют. Ему не хватает денег. В «Дневнике раскопок» [42] рядом с записями находок он производит мелочные подсчеты по оплате рабочим. Их мало – всего двое, многое приходится делать самому. Не успевает. Записи идут с сокращениями. Но уже тогда, в «Дневнике» он пишет первую страницу «Городка Махмет-Кула».

Сюда же вносит выписку из книги Дебуа о каких-то магических обрядах над фигурками из глины. «*Глиняные болванчики зверей и человека, сидящего верхом на оседланной лошади*», встречаются и у него в раскопе. Может, они тоже имеют отношение к магии, а не к «домашним пенатам», виденным им у остяков? Спешно делает какие-то пометки: «*топор из обсидиана*» и др., транскрибирует какие-то слова: «*къекке-меддинги - кухонные остатки; kjoekken - кухня, moeddin- отбросок*».

Тут же помечает нужные ему книги: «*Древнекаменный век. Л. К. Ионов*», «*Записки Отделения Русской и Славянской Археологии Императорского Русского Археологического Общества. Часть I; Сибирские древности*». Адресует вопросы и просьбы: «*У Ядринцева, издана ли летопись Ремезова с рисунками? Если да, приобресть. – Можно ли купить „Истории» Миллера и Фишера и за сколько?*», «*У Милина? не продаст ли свою карту – если нет, то не могут ли сделать такую в чертеже?*», «*...просить Смолева достать у Ел. Ник. Ершев[ой]. соч. Словц[ова] Прогулка по окр[естностям] Тобольска [в 1830 г.]. И не продаст ли? Книга потерялась. Из Гимн. библ. тоже потеряна*».

В задумчивости, что-то чертит. Выводит чей-то мужской профиль: эллинский нос, плотно сжатые губы, вздернутая борода, выдающая напряжение, строгий взгляд, подчеркивающий суровость образа (кто он?). Выносит крупный план его глаза – точку отсчета художника-портретиста – словно пытаясь, заглянув в него, определить точку отсчета «исторического портрета», незримо простирающегося вокруг него. «Городок Махмет-Кула» – вот, с чего он начнет свои «Исторические

[1] Новый подъем в исследовании археологических памятников Тобольской губернии, начавшийся во второй половине XIX в., был в первую очередь связан с деятельностью краеведов. В начале 1860-х гг. сведения о курганах и городищах Тюменского, Ялуторовского и Курганского уездов публикует Н. А. Абрамов. В конце 70-х гг. появилось сообщение о курганах Тобольской губернии К. М. Голодникова [См.: 17, с. 12].

окрестности Тобольска», «Сузгун» – будет последним эскизом к нему. Решено!

Да, Знаменскому есть над, чем задуматься. Да, ему многое еще нужно, многого не хватает. Прежде всего, ему не хватает специальных знаний. Но он старается, он непрерывно читает археологическую и историческую литературу, переписывается с Ядринцевым, с кем-то еще. Он многое силится понять, во многом разобраться, отправившись в одиночку в удивительный, еще неведомый мир исторических окрестностей Тобольска, чтобы поведать о нем, дабы тоболяки не взирали бы на него равнодушно.

* * *

Когда писались эти заметки, я был далек от мысли о некой «реабилитации» Знаменского как археолога. Мы, на самом деле, еще немного знаем о его наследии на этом поприще, чтобы делать однозначные выводы. А таких, видимо, и не получиться, поскольку Знаменский – личность неординарная и многозначная. И тем не менее, не вызывает сомнений то, что открытие им исторических памятников в окрестностях Тобольска для отечественной археологии, должно стать определяющим и его место в ней. «Что ж, судьба любого гения, а то, что Михаил Степанович гениальный сын России – несомненно, ...была связана с большими и малыми открытиями...» – справедливо отметил В. А. Рогачев [21, с. 9].

Но, быть может, мы преувеличиваем скромные заслуги провинциального археолога? Вопрос не корректен. Мы ведем разговор не о его заслугах, которые, действительно, были и остаются довольно скромными в археологической науке как таковой. Наша задача также скромна – определить по заслугам место М. С. Знаменского в сибирской археологии. И тут «пальма первенства» в исследовании археологических памятников эпохи Сибирского ханства, в частности Искера, по праву принадлежит ему.

Для верности, еще раз справимся у Н. М. Ядринцева. И убедимся, что в сибирскую историографию XIX столетия Знаменский впервые, еще в 1882 году, вошел не как литератор, а в первую очередь, как археолог и, во вторую – не столько художником, сколько этнографом. В фундаментальном труде Ядринцева «Сибирь как колония» прямо сказано: «исследование древнего Искера обязано М. С. Знаменскому; он же не раз представлял картины по этнографии Сибири» [36, с. 646]. Имя то-

боляка стоит здесь в одном ряду с именами таких исследователей Сибири как М. В. Певцов, И. Я. Словцов, И. С. Поляков, А. В. Адрианов, Д. Н. Клеменц, Г. Н. Потанин.

Мало того, благодаря изысканиям провинциального археолога в предместьях Тобольска, собранные им коллекции впервые стали достоянием европейской науки. В 1897 году Финляндский национальный музей приобрел большую часть этой коллекции, получившей известность в широких научных кругах, после ее публикации в работе Талгрена [1917]. В начале 1880-х годов во Флоренции готовилось к изданию сочинение Стефана Соммье «Одно лето в Сибири». Итальянский антрополог и этнолог в 1881 году побывал в Тобольске (ТГВ. 1881. № 9) и встречался со Знаменским. Глава из этой книги была составлена ее автором в знак благодарности краеведу [См: 37, с. 11].

В это солидное издание – «Un'estate in Siberia fra Ostiacci, Samoidi, Tatari, Kirgisi e Baskiri» – вошли: Карта историко-археологических памятников в окрестностях Тобольска, составленная Знаменским, иллюстративные материалы с его раскопок на городищах Подчеваш и Искер [40, p. 83, 86–87, 90–91], а кроме того, большое число рисунков и акварелей художника этнографического содержания, преимущественно на сюжеты «инородцев» Севера Западной Сибири[1] [Ср.: 23, с. 84].

Михаил Степанович Знаменский был первым, кто с лопатой и кистью пришел в исторические окрестности города Тобольска, чтобы открыть их для науки и, главное – для тоболяков и сибиряков. Первым всегда трудно. За ними идут вторые, третьи... и почти никогда не бывает последних, ибо наука, в отличие от большинства памятников истории, не стоит на месте. Важно, чтобы все было расставлено на своих местах и в науке, и в памяти.

* * *

Когда поздним, на редкость морозным вечером 26 октября 1881 г. от сиявшей в иллюминации гостиницы «Демутъ» в Петербурге отъез-

[1] В своей книге С. Соммье [40, p. 90-92, 175, 182, 235] неоднократно опирается на различные сведения М. С. Знаменского (по археологии, истории, этнографии и статистике). Ссылается на его работу в «Тобольских губернских ведомостях», а в библиографии [p. 628] указывает и на частную переписку (*in lettere private*) с тоболяком. Во введении [p. VIII] сказано, что все гравюры к иллюстрациям книги, в том числе с рисунков и акварелей Знаменского, выполнены Е. Маззанти, а их оригиналы переданы в Музей Этнографии в Венеции.

жали экипажи, развозившие разгоряченных сибиряков столицы с обеда, данного по случаю 300-летия взятия «Сибирского царства», «стольний град» Тоболеск, порядком уже отошедший в былое, погрузился в «царство Морфея». Но во флигеле одного из домов в подгорье, его постоялец, сменив свечку в бронзовом подсвечнике в виде восточной красавицы, несущей кувшин на голове, вновь сел за широкий стол, резанный местными умельцами.

На обтянутой синим сукном столешнице, в известном только ему одному порядке, беспорядочно лежали книги, чертежи, исписанные листы бумаги - выписки из поэмы друга, акварели и наброски к ней; груда черепков и прочих древностей, собранных им в окрестностях города, теперь уже занесенных снегом. Пламя свечи освещало его вдохновенное, почтенного возраста лицо, и теплые глаза, взгляд которых был устремлен в заиндевевшее окно сквозь этот единственный огонек. Он вспоминал... И глаза его памяти видели то, что было на его памяти и то, что с ним никогда не было, но запомнилось из истории его края, которую он в тот час и видел, и писал.

Строчки плотно ложились мелким подчерком на простую писчую бумагу самодельного блокнота. Порою, они срывались с одной, зачеркнутой им фразы, при переходе на другую, следуя ходу мысли их автора, который только начал свое повествование на тех страницах, и потому не совсем уверенно себя слышал. В его замыслах была последняя прогулка в историческое предместье Тобольска – на Сузгун-гору, где живала «луна-царица, черноглазая Сузге», как описал ее почивший поэт и друг. Невольно его взгляд скользнул по изящной головке красавицы на подсвечнике – подарок оружейных дел мастера Ф. Никитина из Сузгунской деревни, самолично ее же и выливший. Свеча догорала...

Отложив в сторону рукопись с намерением еще вернуться, постоялец прошелся по комнате, не боясь никого разбудить, ибо был одинок, закурил и вышел во двор под морозное, наполовину мрачное небо. И эта граница между полумраком уходящей ночи и сумраком нарождающегося дня, мелькнувшая радужной вспышкой в недосягаемой выси над его запрокинутой головой, была тем отрадным его ощущению жизни мгновением – на грани прошлого и будущего, в измерении и ради которых он и жил, и писал.

Воспоминания не оставляли его... Но заботы дня грядущего, высветившегося предрассветными лучами на золоченом кресте соборной колокольни в нагорье, как будто на парящей между небом и землею сказочной свече, возвращали его на грешную землю. И он словно сам

возвращался из прошлого, возвращая его в настоящее, и не надеясь, что в будущее.

P. S. Рукопись Знаменского [10, с. 20–39] «Сузгун» будет опубликована 120 лет спустя [3, с. 26–27]. С возвращением, Михаил Степанович...

г. Тобольск, 7 ноября 2001 г.

Список источников и литературы

1. Адамов А. А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск-Омск, 2000.
2. Арциховский А. В. Археология // Очерки истории исторической науки в СССР. Ч. I. М., 1955
3. Белич И. Рукописи не горят, рукописи возвращаются... // Лукич. № 2. 2001.
4. Белич И. В. К наследию Михаила Знаменского (заметки о провинциальном археологе) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума / Отв. ред. Н. А. Томилов, М. А. Корусенко. Т. 9. Омск: Наука, 2006. С. 99–118.
5. Горбачева Н. 2000. Возвращение Михаила Знаменского // Лукич. № 1.
6. Гордеев О. 1999. Степан Николаевич Мамеев // Лукич. № 3.
7. Гриценко Н. В. Александр Иванович Деспот-Зенович // Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000.
8. Знаменский М. С. Исторические окрестности города Тобольска. Тюмень, 1901.
9. Знаменский М. С. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения. Тюмень: СофтДизайн, 1997.
10. Знаменский М. Исторические окрестности г. Тобольска. IV. Сузгун // Лукич. № 2. 2001.
11. Зыков А. П. Городище Искер: исторические мифы и археологические реальности // Сибирские татары. Материалы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск, 1998.
12. Кон Ф. Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902). Казань, 1902.

13. Копылов В. Е. И. Я. Словцов – директор Реального училища (Из жизни провинциального ученого) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1992.

14. Копылов В. Е. Окрик памяти (История Тюменского края глазами инженера). Кн. I. Тюмень: Слово, 2000.

15. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 4. Кн. 1. Новосибирск, 1997.

16. Кушелевский Ю. К. Северный полюс и земля Ямал. Путевые записки. СПб., 1968.

17. Матвеев А. В. История изучения археологических памятников юга Тюменской области // Археологическое наследие Тюменской области. Новосибирск, 1995.

18. Мошинская В. И. Городище и курганы Подчеваш // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). Вып. 35. М., 1953.

19. Омельчук А. Рыцари Севера. Свердловск, 1982.

20. Пигнатти В. Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского Губернского музея. Вып. XXV. Тобольск, 1915.

21. Рогачев В. А. Гори, гори моя звезда! (Критико-биографический очерк жизни и творчества Михаила Степановича Знаменского) // Знаменский М. С. Исторические окрестности города Тобольска. Тюмень: СофтДизайн, 1997.

22. Рощевский П. И. Сибирский художник М. С. Знаменский (1833-1892) // Искусство. 1953. № 4.

23. Рощевский П. И. Воспитанник декабристов художник М. С. Знаменский. Тюмень, 1954.

24. Сидоров М. Труды для ознакомления с Севером России. СПб.,1882.

25. Субботина В. А. Михаил Степанович Знаменский: Каталог. Тюмень, 1984.

26. Талгрен А. М. Древности Западной Сибири, хранящиеся в Финляндском национальном музее (Каталог коллекции г. Знаменского) // Журнал Финляндского археологического общества. Т. XXIX. Вып. IV. Гельсингфорс, 1917 (Рукопись статьи, в переводе с французского «В. Т.», хранится в научном архиве ТИАМЗ. Инв. № 117. 18 л.).

27. Флоринский В. М. Речь профессора В. М. Флоринского, произнесенная при закладке Сибирского университета, 26 августа 1880 г. Томск, 1880.

28. Флоринский В. М. Археологический музей Томского университета. Томск, 1988.

29. Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986.

30. Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР(МИА). Вып. 35. М., 1953.

31. Швецова Е. П. Тобольский старожил // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2000.

32. Швецова Е. П. Соавтор Кушелевского // Самодийцы. Материалы IV-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2001.

33. Шнирельман В. А. Этноархеология. Этноистория // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988.

34. Эрлих В. А. Археология Сибири в отечественных изданиях XVIII–XIX вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. I. Новосибирск-Омск, 1996.

35. Яворский Г. И. Н. М. Мартьянов. Красноярск, 1962.

36. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882.

37. Ядринцев Н. М. Древняя столица Сибирского царства (Археологические находки М. С. Знаменского) // Восточное обозрение. 1884. № 22.

38. Ядринцев Н. М. Археологический альбом М. С. Знаменского // Восточное обозрение. 1884. № 25.

39. Stephen Sommier. Un’ estate in Siberia. Torino-Roma. 1885.

Раздел 2
Археология, этнография, лингвистика, история

УДК 902.2(571.1):903.57
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.92.93.006
EDN: MHMYYG

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА ИВАНОВСКИЙ 10 В ТОБОЛЬСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2017 ГОДА)

Н. П. Турова
Россия, г. Тобольск, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

Целью данного исследования является введение в научный оборот материалов, полученных в ходе проведения археологических раскопок на грунтовом могильнике Ивановский 10 в Тобольском Прииртышье. Дается описание, интерпретация выявленных в раскопе 2 объектов и артефактов. Охарактеризован погребальный обряд; с опорой на аналогии выполнена датировка некрополя; дана этнокультурная интерпретация.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, Тобольское Прииртышье, Предуралье, эпоха Средневековья, XIII–XIV вв., могильник Ивановский 10, погребальный обряд, керамика.

THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE MEDIEVAL BURIAL GROUND IVANOVSKY 10IN THE TOBOLSK IRTYSH REGION (BASED ON MATERIALS OF EXCAVATIONS 2017)

The purpose of this study is to introduce into scientific circulation the materials obtained during archaeological excavations at the Ivanovsky 10 ground burial ground in the Tobolsk Irtysh region. A description and

interpretation of the objects and artifacts identified in excavation 2 is given. The funeral rite is characterized; the necropolis was dated based on analogies; an ethnocultural interpretation is given.

Keywords: archeology, Western Siberia, Tobolsk Irtysh region, Cis-Urals, the Middle Ages, Ivanovsky 10 burial ground, funeral rite, ceramics.

В последние годы тобольскими археологами проведена значительная работа по выявлению и изучению археологических памятников развитого Средневековья на территории Тоболо-Иртышского междуречья [1–9; 28; 29]. Одним из первых изученных раскопками памятников XII–XIV вв. н. э. стал грунтовый могильник Ивановский 10.

Некрополь находится в Тобольском районе Тюменской области, на правобережье р. Иртыш, на удалении около 0,5 км от берега, в 4,5 км к юго-востоку от г. Тобольска. О памятнике стало известно в 2010 г., когда краеведами-любителями с помощью металлодетекторов на нем были добыты разнообразные изделия из железа, серебра и бронзы.

Могильник расположен на коренной террасе р. Иртыш, высота которой в данном месте достигает 50-ти метров от уровня поймы. Поверхность памятника бугристая, большая часть поросла лиственным лесом. Кроме многочисленных «закопушек» на его площади выявлен ряд грабительских раскопов и шурфов различных размеров и конфигурации, уничтоживших культурный слой до материка.

В 2010 г. на могильнике (вдоль террасы, в юго-западной части памятника) заложен раскоп площадью 108 кв. м, в границах которого исследовано 19 погребений [6]. Установлено, что инвентарь и костные останки погребенных сдвинуты с первоначальных мест и большей частью выброшены из могил, в фрагментированном виде разбросаны по площади некрополя. Вещевой комплекс могильника Ивановский 10 включает орудия труда и предметы хозяйственно-бытового назначения, оружие, украшения, посуду. Особенно разнообразен комплекс серебряных украшений и принадлежностей костюма, представленный подвесками, серьгами, перстнями, бусами, подвесками-пуговицами, которые позволили датировать могильник в рамках XIII–XIV вв. [6, с. 37].

В 2017 г. экспедицией Тобольской комплексной научной станции УрО РАН изучение памятника было продолжено. Раскоп № 2 размером 5 х 6 м, состоящий из двух секторов, был разбит в центральной части памятника, на которой слабо прослеживаются немногочисленные могильные западины. Для исследования был выбран наименее потревоженный грабительскими раскопками участок памятника, в глубине

поросшей лиственным лесом террасы. Дневная поверхность на месте закладки раскопа бугристая (фиксировалось несколько могильных западин), плотно задернована, поросла редким подлеском.

Мощность культурных напластований до уровня материкового суглинка составила около 0,5 м (3 условных горизонта). Находи из темно-серого слоя (лесная почва) единичны.

В толще первого условного горизонта были обнаружены: железная пряжка (рис. 1,1; 2, № 1); фрагмент кресала (рис. 1, 4; 2, № 3); два небольших скопления фрагментов от одного толстостенного лепного без орнамента (рис. 2, № 2, № 4; 6, 2) и фрагмент кости человека (рис. 2, № 6). На втором условном горизонте также обнаружены антропологические материалы (рис. 2, № 8, № 11), железное кольцо диаметром 2,2 см (рис. 1, 2; 2, № 5), фрагменты стенок и венчик от одного лепного сосуда с орнаментом (рис. 2, № 7, № 9; 6, 1). На третьем горизонте найдено металлическое изделие каплевидной формы, плохой сохранности (подвеска?) (рис. 1, 3; 2, № 10).

На уровне материка зафиксированы контуры пяти погребений и трех ям, которые были полностью исследованы (рис. 2). Костные останки выявлены в трех могилах (№ 1–3), а еще две, совершенно пустые ямы, были также отнесены нами к могильным (№ 4 и № 5) с учетом их конфигурации, пропорций, ориентировки и глубины.

Рис. 1. Могильник Ивановский 10. Раскоп 2. Находки с горизонтов 1-3 (в скобках указан номер изделия в полевой описи, совпадающий с нумерацией на плане раскопа 2 на уровне материка). Материал: железо – 1, 2, 4; олово (?) – 3

Описание погребений.

Погребение № 1 (рис. 2–3) располагалось в секторе 1, с уровня дневной поверхности не фиксировалось. Контуры могильной ямы, различимые с уровня зачистки горизонта 1 (-44 см), на уровне зачистки горизонта 3 имели неправильную подовальную форму, максимальными размерами 160 х 78 см; длинной стороной ориентированные практически в направлении север-юг; заполнение представлено темно-серой почвой. Костяк погребенного начал фиксироваться с уровня зачистки второго горизонта (-52 см): на границе секторов 1 и 2, в бровке, был обнаружен человеческий череп.

Расчистка показала, что погребение нарушено, костяк представлен малым количеством костных останков взрослого индивида: в северной части могилы in situ сохранился лишь череп, а в южной половине – фрагменты тазовых костей и бедренные, судя по которым погребенный был уложен в могилу вытянуто на спине, головой на север.

Инвентарь представлен двумя стеклянными бусинами (рис. 3, № 1, № 2). Маленькая округлая биконическая бусина голубого цвета (размером 0,8 х 0,57 см) находилась практически на дне могилы, в области предполагаемого живота погребенного. Черно-белая бусина из пастового стекла выявлена у западного края погребения, в южной его части, справа от несохранившихся берцовых костей.

Могильная яма углублена в материк в среднем на 5 см, северный край могилы на уровне материка, как и основание черепа. Яма неправильной подовальной формы (что, скорее всего, обусловлено постпогребальными проникновениями, о чем свидетельствуют и находки костных останков, керамики, выявленные над погребением, в заполнении могильной ямы); максимальные размеры ямы 140 х 64 см; длинной осью яма ориентирована в направлении север-юг. Дно неровное. Заполнение представлено темно-серой почвой.

Погребение № 2 (рис. 2, 4) находится в секторе 1, в 0,6 м к востоку от погребения № 1; фиксировалось с уровня дневной поверхности в виде западины подовальной формы размером 2 х 1 м, ориентированной в направлении ССЗ-ЮЮВ.

Могильная яма восьмерковидной формы, длиной 199 см, шириной от 57 до 86 см; углублена в материк на глубину от 4 до 16 см; длинной осью могила ориентирована в направлении север-юг. Заполнение представлено темно-серой почвой, а также линзами мешанного серо-желтого суглинка.

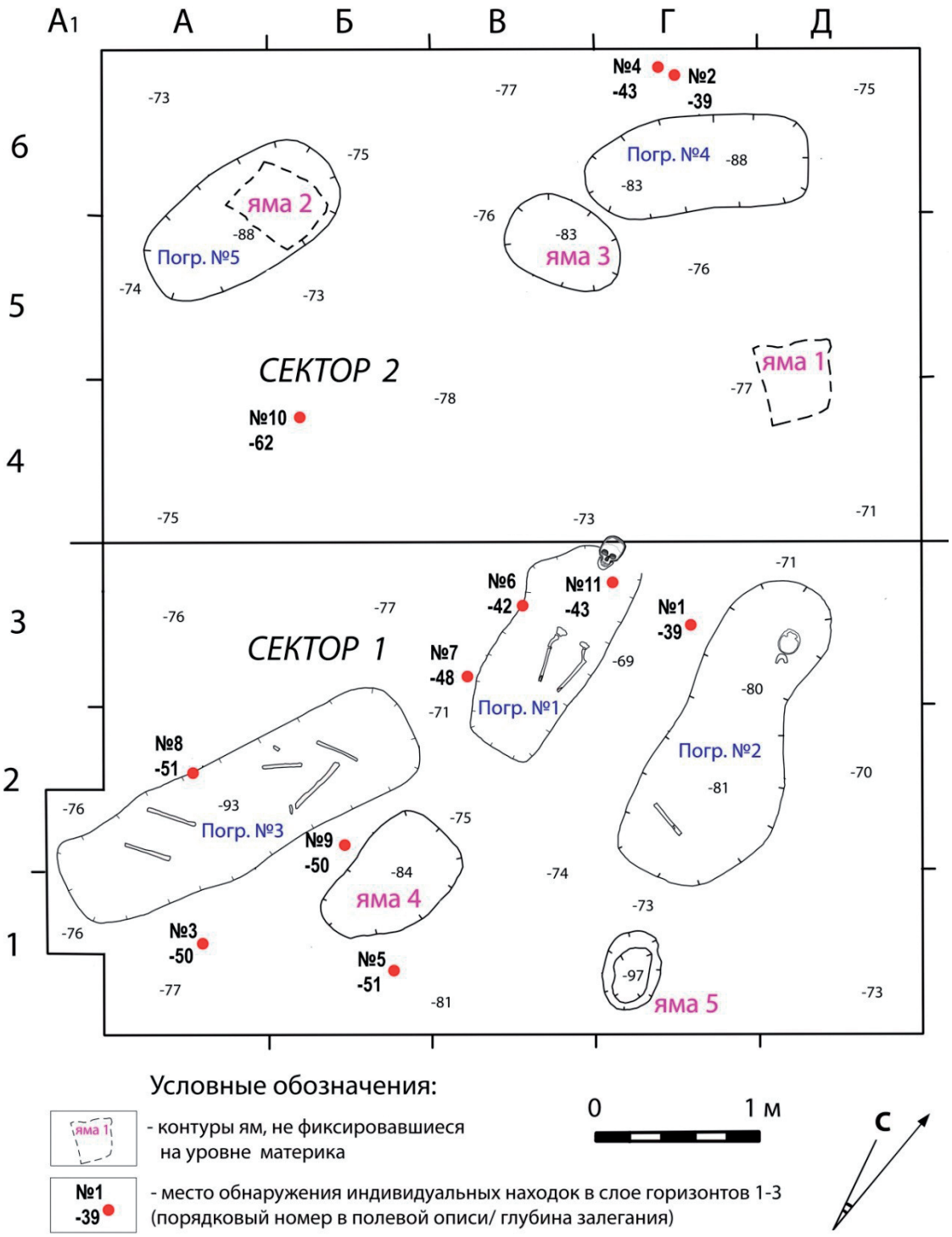


Рис. 2. Могильник Ивановский 10. План раскопа 2 на уровне материка

Расчистка показала, что погребение нарушено, костяк представлен малым количеством разрозненных, фрагментированных костных останков взрослого индивида, хаотично разбросанных по всей площади дна могильной ямы примерно на одной глубине. В северной части могилы найден крупный фрагмент черепной коробки человека и не-

сколько мелких костей; в центре также находилось несколько мелких косточек и зуб; а в южной половине – фрагмент кости нижней конечности. Инвентарь отсутствует. Лишь выше погребения, в толще горизонта 1, найдена железная пряжка, которая могла быть выброшена из этой могилы (рис. 1, 1).

Дно ямы неровное, особенно это заметно в южной половине могилы (разрез по линии А–Б), где дно покатое.

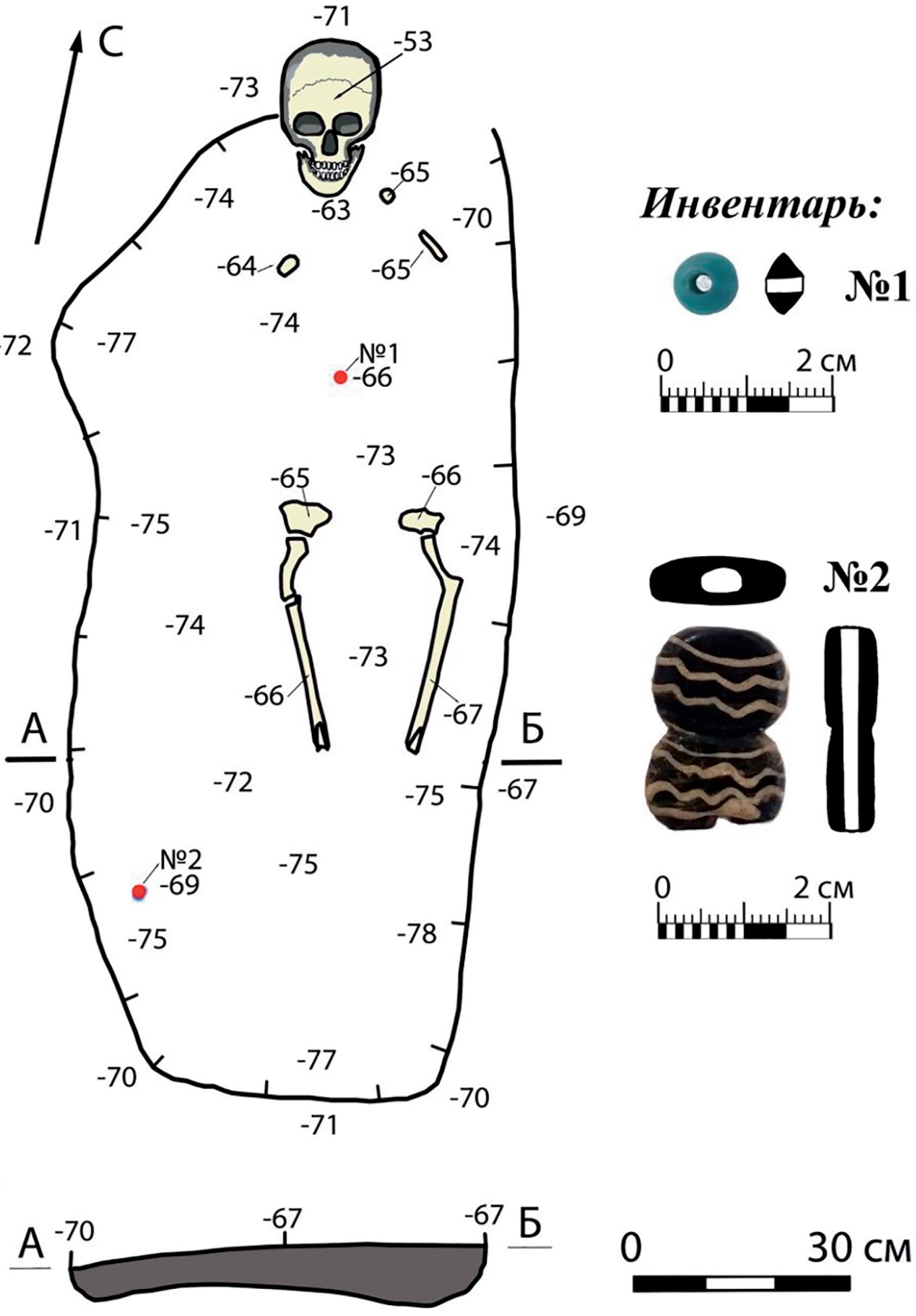


Рис. 3. Могильник Ивановский 10. План погребения № 1 и инвентарь

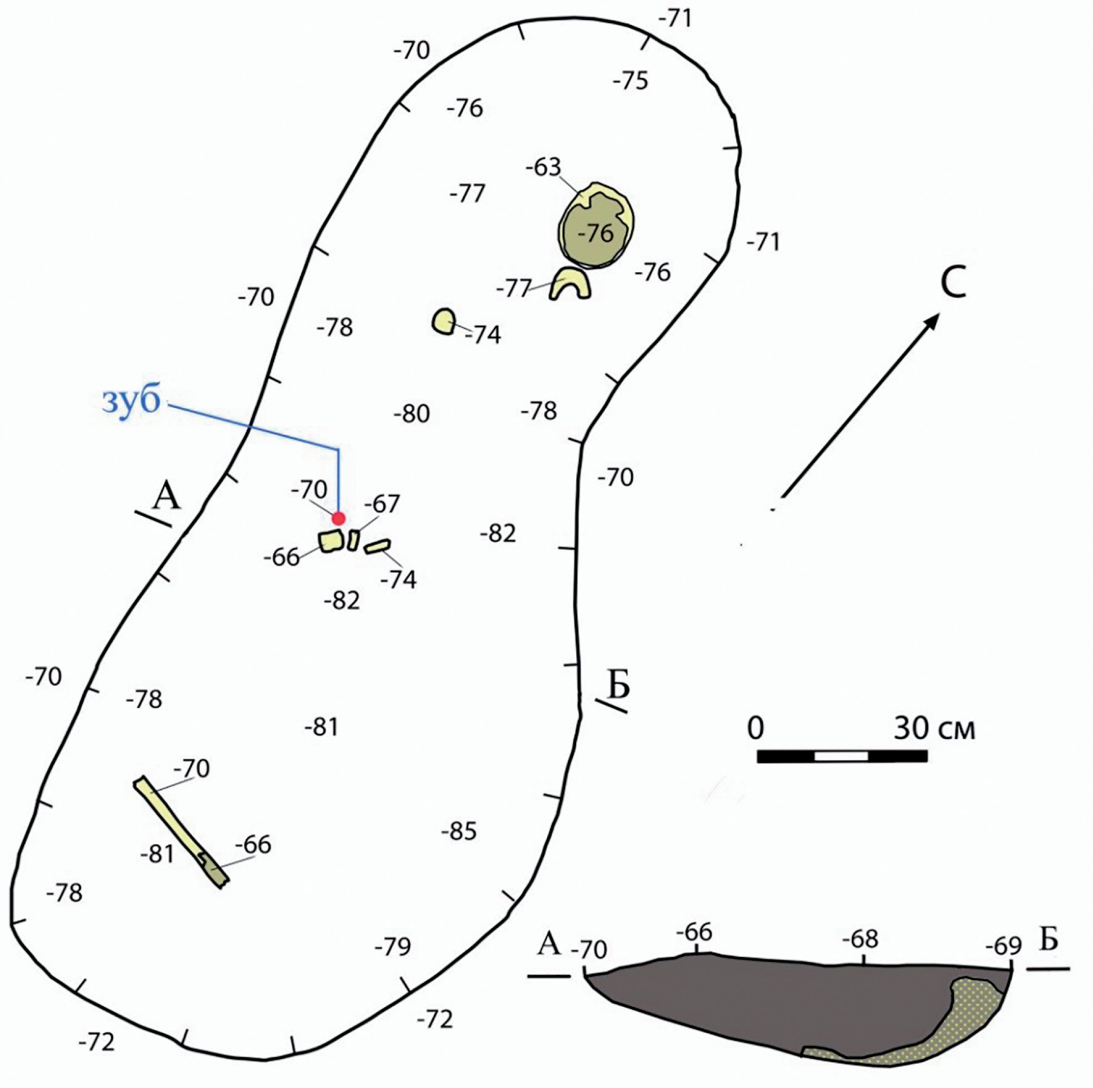


Рис. 4. Могильник Ивановский 10. План погребения № 2

Погребение № 3 (рис. 2, 5) находится в юго-западном углу раскопа, в секторе 1, в 0,4 м к юго-западу от погребения № 1. Изначально объект попал в раскоп не полностью (юго-западный край ямы выходил за пределы раскопа), поэтому была сделана прирезка к западной стенке раскопа. Погребение фиксировалось с уровня дневной поверхности в виде западины неправильной подовальной формы, размером 2,4 х 1 м, ориентированной в направлении ССВ-ЮЮЗ. Контуры могильной ямы прослеживались с уровня зачистки горизонта 1 (-51 см). На уровне зачистки горизонта 3 (-76 см) контуры погребения № 3 имели подпрямоугольную форму со скругленными углами, максимальные размеры 228 х 73 см, длинной стороной ориентированные в направлении ССВ-ЮЮЗ.

Расчистка показала, что погребение нарушено, костяк представлен разрозненными, преимущественно крупными фрагментами трубчатых костей верхних и нижних конечностей взрослого индивида, хаотично

разбросанными по всей площади дна могильной ямы примерно на одной глубине. Инвентарь представлен половинкой серебряной бусины (рис. 5, № 1), обнаруженной в верхней части заполнения могилы (у северного торца) на глубине -76 см (это выше основного уровня залегания костных останков в погребении №3 в среднем на 10 см). На этой же глубине найдено несколько мелких фрагментов костей. Над погребением, при выборке горизонта 2, был обнаружен фрагмент кости человека, а на горизонте 1 – железное кресало (рис. 1, 4), которое могло быть выброшено из этого погребения.

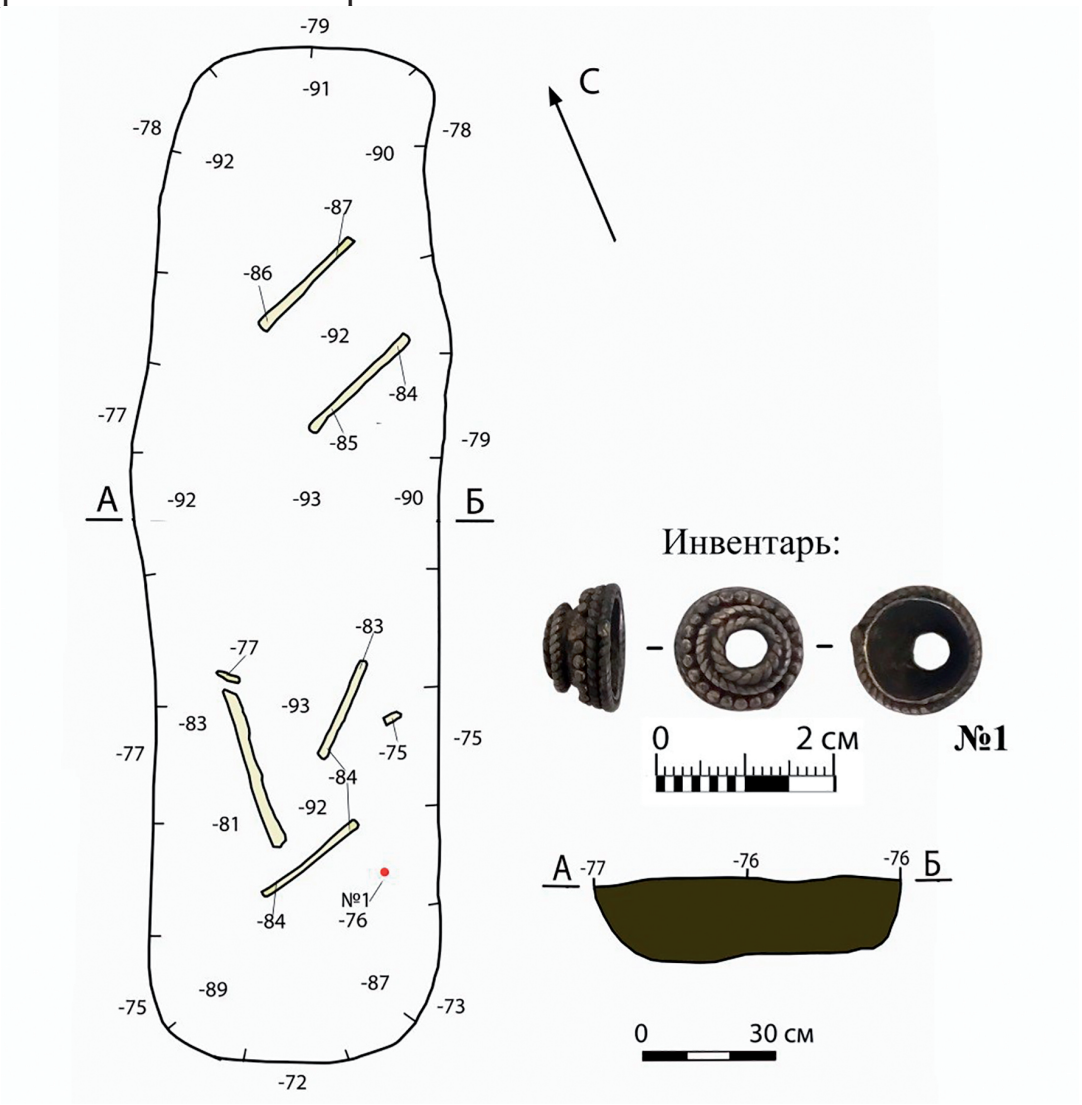


Рис. 5. Могильник Ивановский 10. План погребения № 3 и инвентарь.

Могильная яма подпрямоугольной формы, длиной 230 см, шириной от 60 до 70 см; углублена в материк на глубину от 10 до 15 см; длинной осью ориентирована в направлении ССВ-ЮЮЗ; заполнение представлено серо-коричневой почвой.

Погребение № 4 (рис. 2) находится в секторе 2, в 150 см к ССВ

от погребения 5. Фиксировалось с уровня дневной поверхности в виде западины округлой формы диаметром около 1 м. Контуры могильной ямы прослеживались с уровня зачистки горизонта 1 (-40 см). Ни костных останков, ни инвентаря в могиле не обнаружено. Яма подовальной формы, длиной 128 см, шириной 58 см; углублена в материк на 5-13 см; длинной осью ориентирована в направлении СВ-ЮЗ; дно ровное; заполнение представлено серо-коричневой почвой.

Погребение № 5 (рис. 2) находится в северо-западном углу раскопа, в секторе 2, в 1,5 м к ЮЮЗ от погребения № 4. Погребение фиксировалось с уровня дневной поверхности в виде западины округлой формы диаметром чуть более 1 м. Контуры могильной ямы прослеживались с уровня зачистки горизонта 1 (-46 см). Яма № 2, представляющая собой современную грабительскую «закопушку», зафиксирована на уровне зачистки горизонта 2, как раз в пределах контуров погребения 5.

Ни костных останков, ни инвентаря в могиле не обнаружено. Яма подовальной формы, длиной 125 см, шириной от 68 см; углублена в материк на 10-15 см; длинной осью могила ориентирована в направлении ССВ-ЮЮЗ; дно достаточно ровное; заполнение представлено серо-коричневой почвой и линзами мешанного серо-желтого суглинка.

Описание ям, контуры которых не фиксировались на уровне материка (обозначены пунктирной линией на рис. 2).

Яма 1 (рис. 2) располагается в восточной части сектора 2. Контуры подквадратной формы, размерами 48 х 44 см, фиксировались с уровня зачистки горизонта 2 (-51 см). На материке (глубина -74 см) следы ямы не прослеживались. Судя по конфигурации контуров и плотности заполнения (темно-серая рыхлая почва), данная яма представляет собой современную грабительскую «закопушку».

Яма 2 (рис. 2) локализована в восточной части сектора 2, над погребением № 5. Контуры подпрямоугольной формы, размерами 48 х 40 см, фиксировались с уровня зачистки горизонта 2 (-55 см). На материке (-72 см) контуры ямы № 2 не прослеживались. Судя по конфигурации контуров и плотности заполнения (темно-серая рыхлая почва), данная яма также представляет собой грабительскую «закопушку».

Характеристика ям, зафиксированных на уровне материка.

Яма 3 находится в секторе 2, практически примыкая с юга к погребению № 4 (между ними имеется перешеек шириной около 6 см) (рис. 2). Следы ямы слабо фиксировались с уровня зачистки горизонта 1 (-40 см). Яма овальной формы, размерами 72 х 50 см, углублена в материк на 7 см, заполнение – темно-серая почва. Находок не обнаружено.

Яма 4 находится в секторе 1, в 0,1м к востоку от погребения № 3 (рис. 2). Следы ямы фиксировались лишь с уровня зачистки горизонта 3 (-76 см). Яма подовальной формы, максимальными размерами 90 х 57 см; заполнение представлено темно-серой почвой, углублена в материк на 5 см, дно ровное. Находок не обнаружено.

Яма 5 (рис. 2) находится в секторе 1, в 0,35 м к югу от погребения № 2. Следы ямы фиксировались лишь с уровня зачистки 3 горизонта (-78 см). Яма овальной формы, максимальными размерами 48 х 34 см; заполнение представлено темно-серой почвой и линзами серо-желтого суглинка. Яма имеет уступ, придонная часть конусовидной формы. Углублена в материк на 16 см. Находок не обнаружено.

Погребальный обряд. Захоронения совершались в неглубоких ямах (глубина могил колеблется от 50 до 60 см от уровня современной дневной поверхности). Могильные ямы овальной или подпрямоугольной формы, со скругленными углами, длинной стороной ориентированы практически в направлении север-юг (погребения № 1-4) и ЮЗ-СВ (погребение № 5).

Немногочисленный погребальный инвентарь (железная пряжка, кольцо, кресало, стеклянные и серебряная бусины, а также фрагменты керамических сосудов) встречен в межмогильном пространстве и в заполнении могил. Выявленные в слое памятника артефакты частью могут происходить из погребений (выброшены при ограблении), а часть из них может быть связана с поминальными комплексами.

Погребения основательно потревожены еще в древности: анатомический порядок костей нарушен; кости и инвентарь встречаются выше уровня захоронения, как непосредственно над погребениями, так и в межмогильном пространстве. По положению костных останков в наименее потревоженном погребении №1 можно сказать, что умерших укладывали в вытянутом положении на спине, головой на север. После погребения, через определенный промежуток времени могилу вскрывали, целостность костяка преднамеренно нарушали, инвентарь при вскрытии могилы попадал в основном в верхний горизонт почвы и уже в последние годы стал предметом поиска черных копателей.

Датировка погребений из раскопа 2 устанавливается по аналогиям вещевому комплексу.

Фрагмент стального кресала (рис. 1, 4). От изделия сохранилось лишь ударное лезвие с выступом-язычком дугообразной формы на внутренней поверхности; длина кресала – 5,6 см. Несмотря на практически полное отсутствие дужек, можно утверждать, что изделие представля-

ет собой однолезвийное кресало калачевидной формы. Такие кресала были широко распространены на территории Европы и Азии на протяжении длительного времени.

Калачевидные с язычком кресала относятся к раннему варианту первого типа кресал по типологии Б. А. Колчина, часто встречающиеся в слоях Новгорода с X и практически до конца XII вв. [21, рис. 4]. В Западной Сибири подобные изделия найдены в погребальных и поселенческих комплексах, датированных периодом с X по XVII в. [18, с. 102].

Пряжка ременная (рис. 1, 1). Железная пряжка с язычком имеет рамку подквадратной формы, размерами 3,2 х 3,8 х 0,35 см; длина язычка – 4 см. Пряжка таких размеров могла использоваться как в качестве подпружной, поясной или портупейной.

Рамчатые квадратные и прямоугольные пряжки также были популярны на территории Евразии, где бытовали на протяжении I–II тыс. н. э.

Бусины, обнаруженные в количестве трех экземпляров (2 стеклянные и 1 серебряная), имеют более узкие хронологические рамки.

Бусина стеклянная, монохромная (рис. 3, № 1). Маленькая бусина голубого цвета, биконической формы, округлая в поперечном сечении, из непрозрачного стекла голубого цвета, размером 0,8 х 0,51 см. Аналогичные биконические бусины бирюзового цвета встречаются при раскопках Москвы, Переяславля-Залесского в слоях середины XIII – начала XIV вв. [26, с. 228–229, цв. вкл., рис. 14, 7; 16, с. 138, 140, рис. 12, 2; 15, 14, 15], памятников Верхнего Прикамья XIII – начала XIV вв. [14, с. 61, цв. вкл., 105, 196].

Подобные бусы в большом количестве встречаются в материалах Болгарского городища, и происходят из поздних слоев, начиная с середины XIII в. [24, с. 167]. Происхождение этих бус связывается с традициями Ближнего или Среднего Востока (Египет, Месопотамия, Сирия, Средняя Азия), или Венеции [16, с. 138].

Бусина стеклянная, полихромная (рис. 3, № 2). Бусина из непрозрачного стекла, двухчастная, восьмерковидной формы, уплощенная, овальная в сечении, размером 2,3 х 155 х 0,6 см, с прямыми и зигзагообразными полосками белого цвета на черном фоне.

Полных аналогий данной двухчастной бусине не выявлено. Одинарные шаровидные двухцветные бусины, у которых на основном фоне имеются прямые и/или зигзагообразные поперечные лини, встречаются на памятниках Верхнего Прикамья XIII – начала XIV в. [14, с. 61, цв. вкл., 122], Поволжья XIII–XV вв. [12, с. 23, рис. 14, 17; 22, рис. 1, 7–9; 2, 9, 19–22], в новгородских слоях XIII–XIV вв. [30, с. 176, табл. 11, 13–16].

Плоские одинарные бусины черного цвета с поперечными линиями и зигзагами имеются в материалах памятников первой половины XIV в. Среднего Посурья [23, с. 102, рис. 9, 10-11], второй половины XIII – XIV вв. Нижнего Поволжья [15, рис. 1, 23].

Серебряная бусина (рис. 5, №1). Бусина бочонковидной формы (сохранилась половинка изделия), округлая в поперечном сечении, размерами 1,35 х 0,8 см. На широкий край полусферы напаяно по два колечка скани в «елочку» и ряд зерни. Отверстие декорировано двумя колечками скани. Несомненно, данная полусфера является частью так называемой бусины с «талией» – с колечком-перетяжкой, соединяющим половинки двух полусфер. Ранее подобные изделия уже встречались на могильнике Ивановский 10 [6, с. 36-37, рис. 1, 4, 7].

Бочонковидные серебряные бусины с «перетяжкой», украшенные сканью и зернью, известны на вымских могильниках XI–XIV вв. [25, рис, 34, 41, 42, 49]. В Западной Сибири похожие бусины присутствуют среди материалов могильников XIII–XV вв. Сайгатинского комплекса с Сургутском Приобье [19, № 244–247, 249], Кинтусовского могильника XII–XIV вв. [19, № 250], могильника XVI в. Моховая 45 [27, № 284], Моховая 46 (конец XVI – начало XVII вв.) [27, № 294], Ликинского X–XIII вв. [13, № 284–285], а также поминального комплекса XIII в. памятника Зеленый Яр [17, с. 141, цв. вкл. 1-3]. Наибольшее же их количество выявлено на памятниках Тобольского Прииртышья XII–XIV вв. [5, с. 6, рис. 2, 9–12].

Таким образом, датировка данного участка могильника Ивановский 10 по аналогиям вещевому инвентарю устанавливается в рамках XIII–XIV вв., подтверждая ранее установленный период функционирования могильника Ивановский 10, выполненный на основе анализа серебряных украшений из раскопа 2010 г. [6, с. 7].

Культурная принадлежность населения, оставившего грунтовый могильник Ивановский 10, может быть установлена на основе анализа керамического комплекса памятника.

Коллекция раскопа 2 представлена фрагментами всего двух сосудов, разительно отличающихся друг от друга как по морфологическим, так и по декоративным характеристикам.

Сосуд без орнамента (рис. 6, 2). Фрагменты венчиков, стенок и дна (8 шт.) от толстостенного сосудика были выявлены в напластованиях первого горизонта (на глубине от 11 до 15 см от дневной поверхности) двумя скоплениями (№ 2 и № 4), располагавшимися рядом (сектор 2, квадрат 6-Г, вблизи погребения № 4). Сосуд лепной, грубой вы-

делки, без орнамента, толстостенный: толщина дна – 1 см; венчика – 0,8 см; стенок – от 0,8 до 1,1 см. На одном фрагменте имеются следы налепа-выступа продолговатой формы (ручка). Из-за сильной фрагментированности изделия, его форма может быть определена лишь приблизительно. По всей видимости, емкость имела форму приземистой открытой, практически прямостенной кружки небольшого диаметра (около 12 см), с плоским дном и с овальной в сечении ручкой.

Подобная посуда (кружки с ручками) в X–XIV вв. нередко встречается в материалах погребальных и поселенческих памятников Предуралья, где наибольшее распространение получает в XII–XIII вв. [10, с. 66, рис. 23; 11, рис. 103, 118; 20]. Исследователи считают, что появление и дальнейшее распространение кружек с ручками в Предуралье следует связывать с массовым копированием привозной булгарской посуды этого типа [10, с. 66].

Сосуд с орнаментом (рис. 6, 1). Фрагменты венчиков и стенок (19 шт.) от лепного сосудика были выявлены в напластованиях второго горизонта (на глубине 17-19 см от дневной поверхности) двумя скоплениями (№ 7 и № 9), располагавшимися на расстоянии около 1,2 м друг от друга, на площади сектора 1 (рис. 2, № 7, № 9). Подавляющая часть фрагментов (18 экз.) находилась над погребением № 1, в квадрате 3-В, у края юго-западной части могилы (рис. 2, № 7); материал сильно фрагментирован: кроме двух черепков (рис. 6, 1), размеры остальных осколков составляют от 1,1 до 2,5 см. Еще один венчик выявлен в квадрате 2-Б, вблизи погребений № 1 и № 3 (рис. 2, № 9).

Сосудик небольшого диаметра (не более 15 см по венчику), горшковидной формы, со слабо выраженной шейкой, тонкостенный (толщина стенок от 0,26 до 0,45 см). Орнаментальная зона прослеживается полностью; декор представлен двумя горизонтальными рядами из прямо поставленного гребенчатого штампа, между которыми расположены две горизонтальные линии из оттисков того же штампа, а также ряд ямочных вдавлений, образующих на внутренней стороне сосуда жемчужины. Срез венчика также украшен отпечатками гребенки (рис. 6, 1).

Посуда подобного облика характерна для материальной культуры западносибирского средневекового населения X–XIII вв., в частности, для коллективов юдинской и усть-ишимской археологических культур.

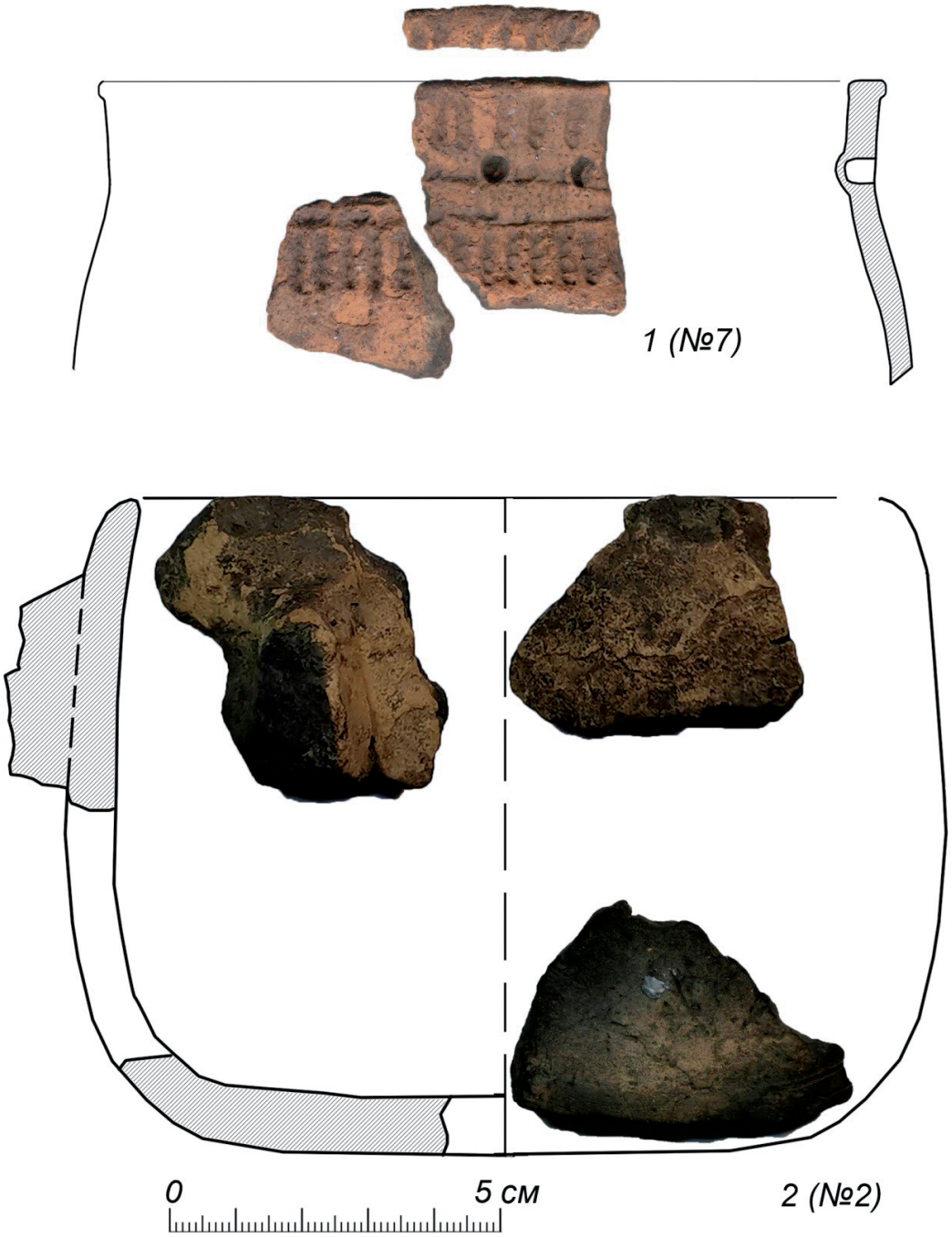


Рис. 6. Могильник Ивановский 10. Керамика с горизонтов 1-2. Все – глина.

Ранее А. А. Адамовым была высказана точка зрения о том, что многочисленные памятники XII–XIV вв. в Тобольском Прииртышье оставлены значительными группами пришедших из-за Урала родановцев, а также смешавшимися с ними местными группами угров (юдинцами, кинтусовцами) [5, с. 7]. Присутствие этих двух совершенно разных сосудов на данном участке некрополя может свидетельствовать в пользу этого предположения, иллюстрируя процесс смешения пришлых предуральских коллективов с местным населением.

Список источников и литературы

1. Адамов А. А. Городища XII–XIV вв. в Тобольском Прииртышье // Тезисы XVII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции: «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий», посвященной 110-летию В. Н. Чернецова, 110-летию Г. Ф. Дебеца, 115-летию А. П. Дульзона (20–22 апреля 2016 г., Томск, Россия). [Электронный ресурс]. URL: / http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%89%D0%B0%2012-14%20%D0%B2%D0%B2..pdf (дата обращения: 30.09.2023).
2. Адамов А. А. Наральники XII–XIV вв. из Тобольского Прииртышья // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. Материалы межрегионального круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. С. 66–69.
3. Адамов А. А. Новые данные о культовых местах в Нижнем Притоболье // Тобольск научный – 2011. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Тобольск, 2011. С. 108–109.
4. Адамов А. А. Предварительные итоги исследования грунтового могильника близ с. Абалак // Тобольск научный – 2010. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Тобольск: Полиграфист, 2010. С. 68–69.
5. Адамов А. А. Серебряные перстни XII–XIV веков из Тобольского Прииртышья // Екатеринбург: УрО РАН, 2022. 136 с.
6. Адамов А. А. Серебряные украшения из Тобольского Прииртышья (по материалам могильника Ивановский 10) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 34–39.
7. Адамов А. А. Этнокультурная ситуация в Тобольском Прииртышье в XII–XIV вв. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сборник научных трудов. 2017. С. 43–44.
8. Адамов А. А., Балюнов И. В. Ярковское 1 городище – памятник XII–XIV веков из Тобольского Прииртышья // Поволжская археология. 2020. № 4 (34). С. 199–211.
9. Адамов А. А., Корона О. М., Рябогина Н. Е. Палеоэтноботанические и археологические данные о пашенном земледелии на памятниках XII–XIV вв. в Тобольском Прииртышье // Экология древних и традиционных обществ. материалы V Международной научной конференции. 2016. С. 15–19.

10. Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: из-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. 200 с.

11. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. 603 с.

12. Валиулина С. И. Стеклянные изделия Торецкого поселения // Ученые записки Казанского университета. Т. 155: Гуманитарные науки. Кн. 3. Ч. 1. Казань, 2013. С. 20-29.

13. Викторова В. Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург: Квадрат, 2008. 208 с.

14. Голдина Р. Д., Королева О. П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск: Удмуртский университет, 1983. С. 40–71.

15. Егорьков А. Н., Недашковский Л. Ф. Химический состав стеклянных изделий с золотоордынских селищ Саратовского Поволжья // Краткие сообщения Института археологии. 2022. Вып. 268. С. 325–338.

16. Зейфер В. А., Мазурок О. И., Леонтьев А. Е., Столярова Е. К., Сапрыкина И. А. К вопросу об усадебной застройке Переславля-Залесского (Переяславля) в XIII–XV веках (по материалам исследований 2016 года) // Археология Подмосковья. Вып.15. М.: ИА РАН, 2019. С. 132–149.

17. Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи Средневековья в Северном Приобье / коллектив авторов; под ред. Н. В. Федоровой. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2005. 368 с.

18. Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: Волот, 2001. 320 с.

19. Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 159 с.

20. Иванова Т. В. Редкие виды лепной посуды городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск, 1995. С. 72–83.

21. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

22. Курышова Н. П. Стеклянные подвески из погребений кочевников XIII–XV вв. // Археология Евразийских степей. 2021. № 4. С. 141–148.

23. Мясников Н. С., Березина Н. С. Исследование средневекового Утюжского поселения в Среднем Посурье в 2011-2012 годах // Чувашская археология. Вып. 2. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 97–110.

24. Полубояринова М. Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.

25. Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: ЛГУ, 1987. 200 с.

26. Столярова Е. К. Стекло средневековой Москвы. М.: РГГУ, 2016. 692 с.

27. Сургутский краеведческий музей. Археологическое собрание: каталог / Сост. А. Б. Агаркова, А. Я. Труфанов. Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2011. 152 с.

28. Турова Н. П. Коллекция костяных изделий с городища Тобол-Тура 1 (по результатам археологических исследований 2016 года) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году: археология, этнография, устная история. Материалы XII международной научно-практической конференции. Омск: Издатель-Полиграфист, 2017. С. 57–60.

29. Турова Н. П., Адамов А. А., Данилов П. Г., Загваздин Е. П., Данилова В. А. Исследования на городище Тобол-Тура 1 в Нижнем Притоболье // Археологические открытия. 2018. Т. 2016. С. 382–384.

30. Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 55 / Отв. ред. А. В. Арциховский и Б. А. Колчин. М.: АН СССР, 1956. С. 164–179.

УДК 902.2(571.1):351.853
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.49.62.007
EDN: MZFENI

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ПОТЧЕВАШСКОМ МЫСУ: МОНИТОРИНГ СОСТОЯНИЯ

Е. П. Загваздин
Россия, г. Тобольск, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

Статья посвящена анализу состояния памятников археологии на Потчевашском мысу (Киселевская гора) в г. Тобольске. Для сравнения использованы опубликованные картографические материалы XIX–XX вв., а также результаты полевых разведочных работ, проведенные автором в 2004 г., которые сопоставлены с их текущим состоянием. Показаны негативные изменения, которые затронули прилегающую к ним территорию. К примеру, зафиксировано окончательное разрушение восточного кургана № 2, расположенного близ кромки восточного берегового склона, из-за установки православного креста.

Ключевые слова: Киселевская гора, Потчевашское городище, Потчевашские курганы, М. С. Знаменский, А. И. Дмитриев-Мамонов, мониторинг, археология.

ARCHAEOLOGICAL SITES ON THE POTCHEVASH CAPE: CONDITION MONITORING

The article is devoted to the analysis of the state of archaeological sites on Potchevash cape (Kiselevskaya Gora) in Tobolsk. Published cartographic materials of the XIX–XX centuries, as well as the results of field reconnaissance work carried out by the author in 2004, which are compared with the current state of the monuments, are used for comparison. For example, the final destruction of the eastern mound No. 2, located near the edge of the eastern bank slope, was recorded due to the installation of an Orthodox cross.

Keywords: Kiselevskaya Gora, Potchevash settlement, Potchevash barrows, M. S. Znamensky, A. I. Dmitriev-Mamonov, monitoring, archaeology.

Впервые археологический памятник, находящийся в черте города, был обозначен в «Чертежной книге Сибири» (1701) С. У. Ремезовым [13, л. Аоб.]. На плане города, на высокой террасе близ д. Киселевой, отмечено городище Потчеваш: имеется надпись «мыс Подчевашской и городище». Именно с раскопок этого памятника художником-краеведом М. С. Знаменским, а также Потчевашских курганов А. И. Дмитриевым-Мамоновым в 1878 г. начинается активное изучение древностей Тобольска. В начале 1950-х гг. московский археолог В. И. Мошинская по материалам раскопок на городище Потчеваш выделила новую археологическую культуру, назвав ее потчевашской. Сейчас она датируется в пределах VI–IX вв. н. э. и многими исследователями соотносится с предками современных угорских народов – хантов и манси. Результаты многолетнего изучения древностей Потчевашского мыса наглядно свидетельствуют о том, что мыс заселялся неоднократно; фиксируются следы населения, бытовавшего здесь с Бронзового века до Средневековья.

Потчевашское городище и Потчевашские курганы расположены на правом берегу р. Иртыш, на вершине коренной террасы Киселевской горы, на юго-восточной окраине г. Тобольска, в 70-80 м к северу от бывшей нефтебазы, размещавшейся у подножья мыса.

Площадка Потчевашского городища находится на подтреугольном мысу, образованном естественным обрывом Потчевашского мыса и длинным логом с западной стороны, перерезающим его. «С северо-восточной стороны городище укреплено двойным рядом валов и рвов, идущих по овалу от южного склона мыса к логу. Внешняя система укреплений состоит из рва шириной до 6 м и глубиной до 1, 5 м и сильно оплывшего вала. Внутренняя система укреплений проходит параллельно внешней, отступая от нее на 20-36 м и состоит из рва шириной 10 м и глубиной до 4 м и внутреннего вала шириной до 5 м и высотой 1 м» [1, с. 19].

Курганы идут цепочкой по южной и частично западной стороне Потчевашского мыса. Курганный могильник состоял из 17 курганов, 15 из которых раскопаны А. И. Дмитриевым-Мамоновым в 1878 и 1882 гг. [10, с. 189]. Часть курганов была раскопана на снос, а часть – по методике двух широких перпендикулярных траншей.

В 2004 г. на этой территории проводился мониторинг состояния археологических памятников [6]. Обследование городища показало, что его площадка находится в удовлетворительном состоянии. Местами наблюдается истощение дернового слоя вследствие его активного

посещения отдыхающими. Территория городища сильно заросла деревьями, в основном березой, а также мелким кустарником. Площадка городища неровная из-за раскопок, проводившихся здесь в разное время, начиная с работ М. С. Знаменского в 1878–1880 гг. и далее на протяжении всего XX в. [10, с. 203; 2, с. 8–9, 31].

Рвы городища также поросли высокой травой и мелким кустарником. На дневной поверхности фиксируются относительно хорошо. При осмотре западного склона городища, близ лога, ведущего от подножья к вершине, обнаружена грабительская траншея, из обнажения которой собрана керамика.

При анализе состояния Потчевашских курганов, их идентификации привлекались планы XIX в., составленные М. С. Знаменским [1, с. 70–71]. Первый план, скопированный М. С. Знаменским с чертежа 1806 г. губернского землемера В. Филимонова, А. А. Адамовым датирован достаточно близко – 1820-ми гг. [1, с. 70, рис. 1; 3, л. 17]. Поздний план Потчевашского мыса, начерченный М. С. Знаменским, датирован 1880-ми гг. [1, с. 71, рис. 2]. Не известен план курганов, ко-торые раскапывал А. И. Дмитриев-Мамонов, так как сохранился днев-ник раскопов лишь одного кургана, хранящийся в Тобольском музее [1, с. 8–9]. Поэтому план М. С. Знаменского 1880-х гг. остается главным ориентиром для идентификации курганов, исследованных А. И. Дмит- риевым-Мамоновым.

Как уже отмечено, при изучении дневниковых записей А. И. Дмитриева-Мамонова, хранящихся в архиве Тобольского музея-заповедника записей, выяснено, что им изучено 15 курганных насыпей. В общей же сложности упоминаются 17 курганов [10, с. 189]. Вероятно, неизученными остались два полуразрушенных кургана, близ кургана № 2, у южной кромки мыса [1, с. 71, рис. 2].

В 2004 г. при осмотре курганов установлено, что в восточной части террасы, близ береговой линии, сохранился лишь курган № 2, частично разрушенный, с вбитой в него металлической трубой, служившей геодезическим знаком (рис. 1:1). По данным А. И. Дмитриева-Мамонова, раскопавшего этот курган широкими траншеями крест-накрест, никаких находок не обнаружено. В 1938 г. сотрудники Тобольского музея под руководством В. Карцева продолжили раскопки кургана № 2, но ничего, кроме нескольких костей человеческого скелета, не нашли [10, с. 190]. В 2014 г. курган был окончательно уничтожен возведением семиметрового поклонного креста на бетонном основании (рис. 1:2, 1:3). Его установка состоялась 3 июля [9].

Разрушение восточного кургана № 2 не единственная потеря. Курган, фиксируемый в планах В. Филимонова и М. С. Знаменского, под № 1, еще раньше сполз в реку из-за подмыва Иртышом восточного склона. Таким образом, все уцелевшие от оползания в реку курганные насыпи имеют следы разрушений либо фиксируются достаточно условно, так как оказались срыты при исследованиях А. И. Дмитриева-Мамонова, что доставляет определенные трудности в их идентификации (рис. 2, 3).

При сопоставлении планов памятников на Потчевашском мысу 1806 г. и 1880-х гг. с топопланом конца XX в. расположение курганов до-статочно хорошо согласуется между собой. Явные несоответствия: на плане В. Филимонова нет двух полуразрушенных курганных насыпей южнее кургана № 2, по краю террасы (рис. 2), а на плане М. С. Знаменского 1880-х гг. не зафиксированы курганы в юго-западной части Потчевашского городища (рис. 3).

Также важно было оценить скорость разрушения восточного склона Киселевской горы водами Иртыша, так как от этого зависит физическое состояние уже ближайшего к обрыву Потчевашского городища. Сопоставление современного топографического плана с рассмотренными планами XIX в. показало, что рекою Иртыш с 1806 г. по 2022 г. с востока на запад было разрушено около 192 метров береговой полосы. Следы разрушения культурного слоя в форме фрагментов керамики обнаружены в 2004 г. на обнажившемся берегу у восточного склона. Здесь от стрелки мыса на протяжении 140 м вверх по течению реки была собрана небольшая коллекция керамики, характерная для Потчевашского городища и Потчевашских курганов [10; рис. 4].

При анализе динамики разрушения Иртышом восточного берега Киселевской горы привлечены данные спутниковых снимков Google с 2004 по 2022 гг. По нашим подсчетам, в этот период река поглотила 13,2 м восточного берега. Таким образом, средняя скорость разруше-ния берега составляет около 0,6 м в год. При этом, судя по тем же сним-кам в последнее десятилетие, этот процесс ускорился. Если с 2004 по 2012 гг. скорость размыва берегового склона составила около 0,2 м в год, то с 2012-2022 гг. этот процесс ускорился и составляет около 1 м в год. Строившийся несколько лет и введенный в строй в июле 2014 г. участок дамбы у Потчевашского мыса [5] не замедлил этот процесс. Так крупные обвалы берега произошли в июне 2016 г. [8], 2018 г. [7], в начале апреля 2019 г. [11]. Законодательно защита археологических памятников на Киселевской горе закреплена в ряде распоряжений и приказов Правительства

Тюменской области. Впервые выдающееся расположение Киселевской горы с редкими растительными сообществами стало основой для принятия решения Исполнительного комитета Тюменского областного Совета депутатов трудящихся № 515 от 22.08.1968 г. об отнесении этой территории к памятникам природы областного значения.

В дальнейшем Распоряжением губернатора Тюменской области №359-р от 13.06.2001 г. были впервые установлены границы, определена площадь охраняемой территории и режим особой охраны памятника природы. Действующим Постановлением Правительства Тюменской области № 140-п 09.04.2018 г. эти нормы приведены в соответствие с законодательством и результатам межевания. Охраняемая площадь памятника природы определена в 92 га.

В отношении памятников археологии в этом документе от 2018 г. интересны пункты, в которых продекларирована охрана археологического памятника под наименованием «Чувашский мыс» и разрешены археологические исследования на охраняемой заповедной территории в установленном порядке по согласованию с Департаментом недропользования и экологии Тюменской области.

В целом, несмотря на природоохранный статус Киселевской горы это не способствовало улучшению состояния растительных сообществ и исторического рельефа в этом уникальном месте. В 2012 г. разрушению подверглась северная часть горы из-за глубокого боронования земли [12] даже несмотря на то, что подобные действия запрещены Постановлением. Хвойными была плотно засеяна западная часть Киселевской горы, а восточная – более редко. Площадь боронования террасы, оцененная нами, составила 35 га.

В результате возникшего скандала прозвучала примирительная риторика, что данные меры были направлены на посадку саженцев ели и сосны, а мероприятие согласовано с Администрацией города и Департаментом экологии. Впрочем, продекларированные «прогрессивные» действия по облагораживанию территории обнуляют саму концепцию природной охраны Киселевской горы: зачем охранять редкие и краснокнижные биоценозы, если на их место можно искусственно поместить другие виды, типичные, уничтожив аборигенные?

Также распашка прошла на расстоянии 45 м к северу от края городища и цепочки курганов мыса. Данные действия не навредили городищу, однако невозможно также категорично ответить в отношении западной группы курганов из-за критической близости зоны земляных

работ к их границам. Этот вопрос требует более четких ответов и дополнительного изучения этой части мыса. Также отметим присутствие с начала XVIII в. на этой террасе деревни Киселевой [4, с. 72-73; 13, л. Аоб.], археологизированные следы которой по федеральному законодательству также могут приобрести статус памятника археологии. К сожалению, не известны даже её примерные границы, поэтому не ясна и степень разрушения культурного слоя этой деревни.

Если природоохранный статус Киселевской горы хотя бы косвенно защищал памятники археологии на её территории, то непосредственно юридической защиты от соответствующего профильного государственного органа охраны длительное время не существовало. Лишь Приказом Комитета по культуре администрации Тюменской области № 84 от 24.05.1999 г. внесены в реестр памятников археологии Тюменской области под наименованиями «городище Потчеваш» и «курганный могильник Потчеваш».

Увы, но в Приказе Комитета по культуре не фигурирует топоплан памятников, а их топографическое описание в приложении устарело и изобилует фактическими ошибками, начиная от административной локализации памятников, которые помещены в Тобольский район, и оканчиваясь неверной привязкой по сторонам света и к несуществующим инфраструктурным объектам города, таким как старый автовокзал, находившийся у южного подножья Киселевской горы с 1959 по 1998 гг.

Также ни в одном из правовых актов не определена точная локализация памятников археологии на Потчевашском мысу: в Приказе Комитета по культуре администрации Тюменской области присутствует более-менее удовлетворительное описание их расположения, но нет картографической привязки; в Распоряжении об охране памятника природы пояснены задачи охраны памятника (или памятников), но на представленной в приложении карте не отмечено место расположения объектов охраны. И это кажется удивительным, несмотря на их достаточную известность, а главное – изученность.

Приведенный обзор природного и антропогенного воздействий на состояние памятников археологии на Потчевашском мысу показал достаточно безрадостную картину. Особую озабоченность вызывает скорость разрушения водами р. Иртыш восточного склона Киселевской горы в последнее десятилетие, что создает угрозу утраты в скором времени и Потчевашского городища. Для мониторинга этого процесса, оценки динамики размытия склона, необходимо проводить более ча-

стую геодезическую фиксацию состояния Киселевской горы, а также выработать предложения по замедлению разрушения.

Прискорбно, что, несмотря на то, что существует законодательная составляющая, призванная способствовать сохранению здесь объектов археологического наследия, а также исторического рельефа, нормы права, по сути, не исполняются.

Что касается Потчевашского городища и Потчевашских курганов, то законодательно их границы на местности определены лишь приблизительно, что создает проблемы в регламентации режима их использования. Учитывая достаточно актуальную проблему их топографической фиксации, связанную уровнем раскопок XIX в., возникает острая необходимость провести более тщательную микронивелировочную топографическую съемку не только городища, но и курганов в научных и охранных целях.

Список источников и литературы

1. Адамов А. А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск-Омск, 2000. 95 с.
2. Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
3. Атлас Тобольской губернии, состоящий из одной генеральной карты и девяти городовых планов с описанием на оных древних происшествий и приложением планов остатков Кучумова столичного укрепления и разных крепостных древних иноверческих до покорения Сибири состоящих развалин и местоположению где Ермак утонул схоронен и где им учинена в реку Иртышь копь / Сочинен в Тобольске 1806 года губернским землемером класса 8-го Филимоновым. Тобольск, 1806. 22 л.
4. Балюк Н. А. Тобольская деревня в конце XVI–XIX вв. Тобольск, 2007. 224 с.
5. В Тобольске продолжаются мероприятия по водопонижению в подгорной части города (11.06.2019) // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области: Тобольск. 2019. 11 июня. URL: https://tobolsk.admtyumen.ru/mo/Tobolsk/news/news_section/more.htm?id=11643397@egNews (дата обращения 25.09.2023).
6. Загваздин Е. П. Отчет об археологической разведке в Тобольском районе Тюменской области в 2004 г. Тобольск, 2005 // НА ИА РАН.

7. Калина В. Как быстро размывает Чувашский мыс в Тобольске? // Тобольск.ru. 2018. 15 октября. URL: https://tobolsk.ru/news/126/53928/?sphrase_id=1296283 (дата обращения 25.09.2023).

8. Калина В. Уровень 859: в Тобольске осыпается Чувашский мыс // Тобольск.ru. 2016. 22 июня. URL: https://tobolsk.ru/news/126/37998/?sphrase_id=1296283 (дата обращения 25.09.2023).

9. Калина В. Чувашский мыс в Тобольске не оставляют в покое: на нем установили гигантский крест // Вслух.ру. 2014. 7 июля. URL: https://vsluh.ru/novosti/obshchestvo/chuvashskiy-mys-v-tobolske-ne-ostavlyayut-v-pokoe-na-nem-ustanovili-gigantskiy-krest_271751 (дата обращения 25.09.2023).

10. Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваша (К вопросу о потчевашской культуре) // МИА. № 35. М., 1953. С. 189–220.

11. Нескоров А. В. Куда ползёт Тобольск // Тобольская правда. 2019. 09 апреля. URL: https://tobolka.ru/2019/04/09/kuda-polzjot-tobolsk (дата обращения 25.09.2023).

12. Решетников А. Л. Памятник природы вспахали // Тобольск-информ. 2012. 27 августа. URL: https://tobolsk.info/narodnyj-reporter/10609-pamyatnik-prirody-vspaxali (дата обращения 25.09.2023).

13. Чертежная книга Сибири (составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году). СПб., 1882. 59 л.

1

2

3

Рис. 1. Вид с юго-запада на состояние кургана № 2 в 2004 г. и его последнее месторасположение в 2014 г. после установки креста и в 2023 г. (1, 3 – полевые материалы Е. П. Загваздина; 2 – с новостного ресурса tobolsk.info)

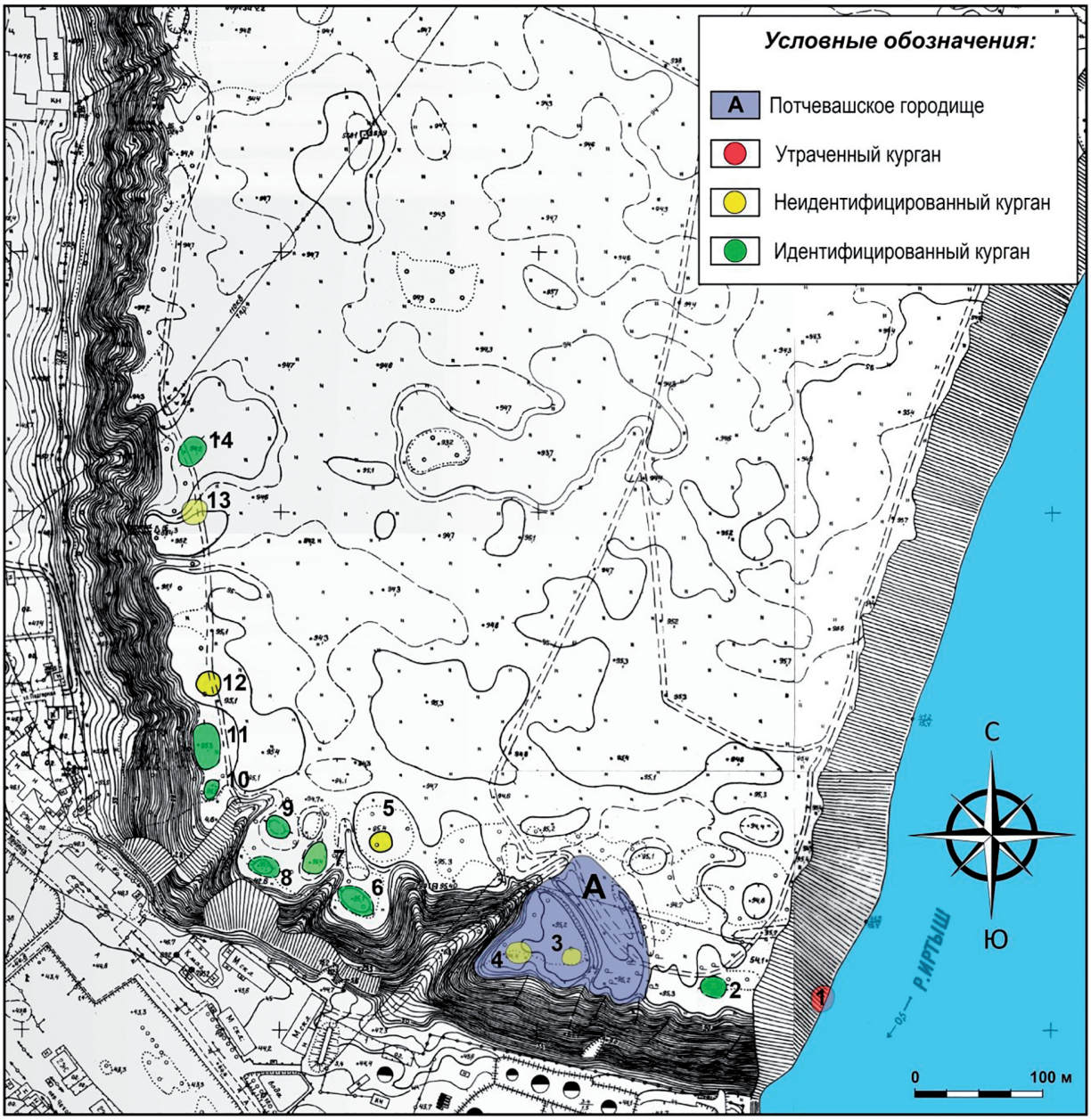


Рис. 2. Сопоставление расположения памятников археологии на Потчевашском мысу на топоплане 1990-х гг. с планом 1806 г. В. Филимонова

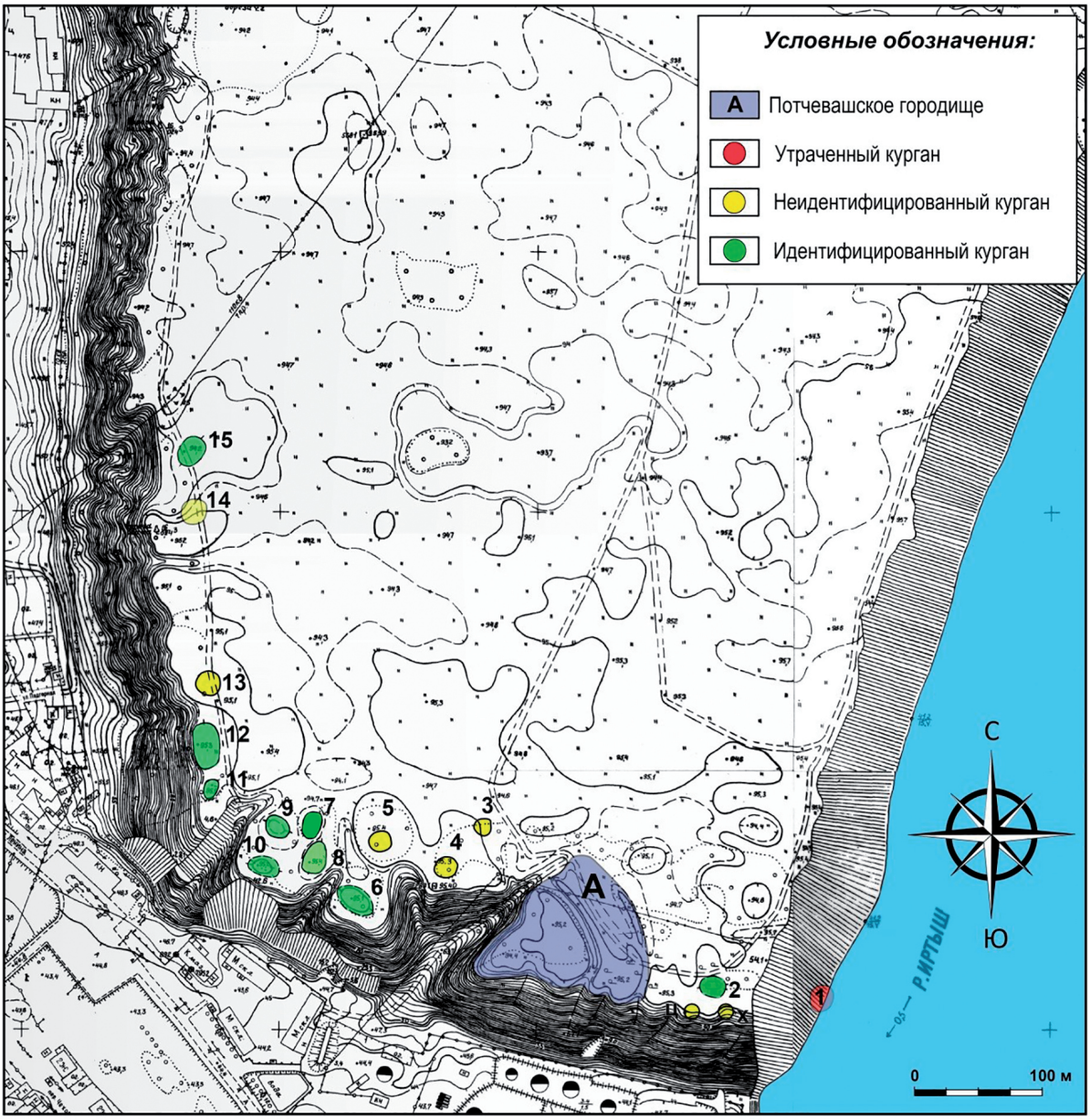


Рис. 3. Сопоставление расположения памятников археологии на Потчевашском мысу на топоплане 1990-х гг. с планом 1880-х гг. М. С. Знаменского.

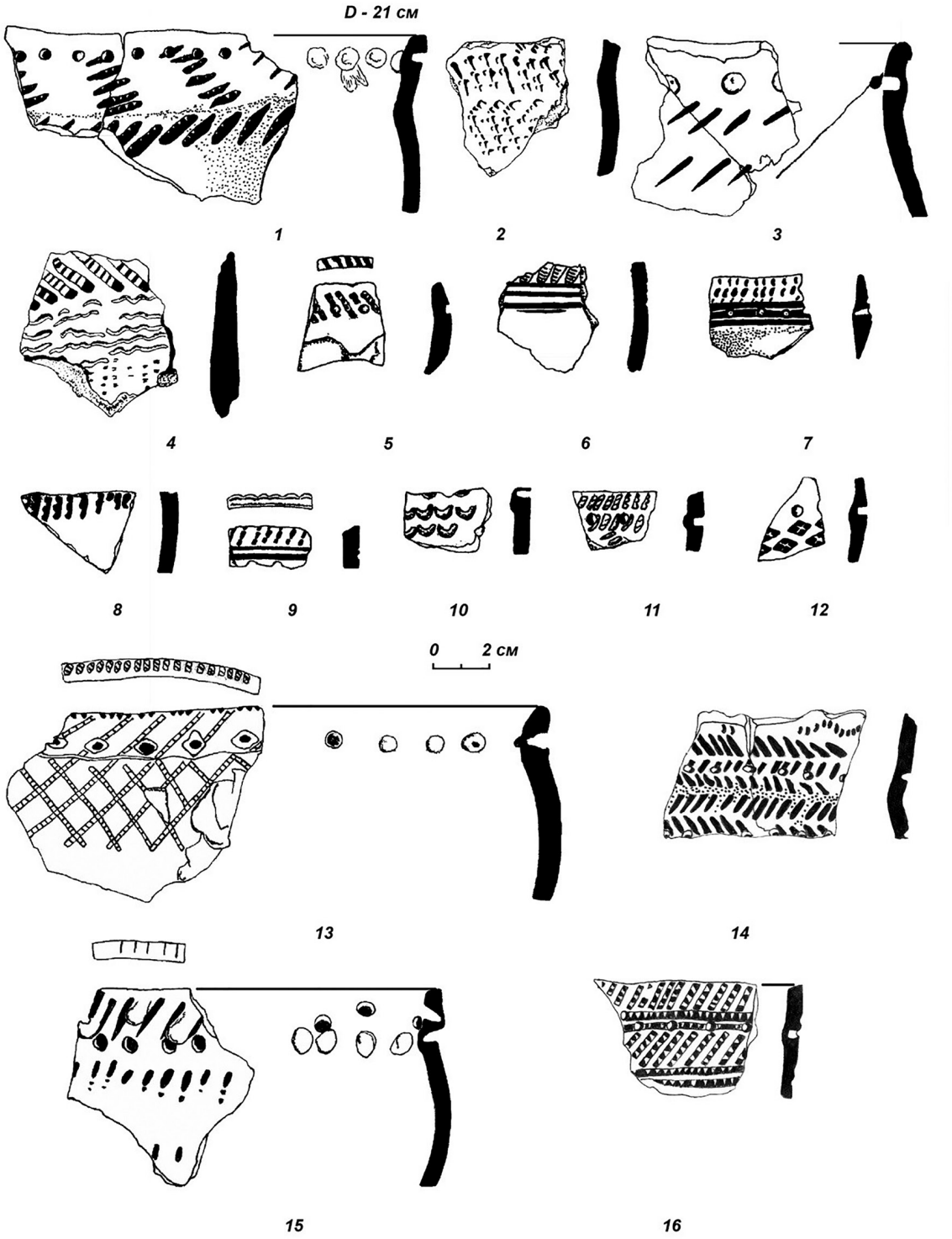


Рис. 4. ПМА, 2014. Сборы керамики (1-12 – с площадки Потчевашского городища); 13-16 – по берегу р. Иртыш, у восточного края Потчевашского мыса

УДК 903.2 (571.1)«17/18»
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.14.14.008
EDN: NZFLBP

НОВЫЕ НАХОДКИ ИЗРАЗЦОВ НА ПОСАДЕ ТОБОЛЬСКА

П. Г. Данилов
Россия, г. Тобольск, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

В статье дана характеристика изразцов, полученных в ходе археологических исследований на территории Александровского сада нижнего посада города Тобольска. Изразцы относятся к полихромным эмалевым рельефным изразцам барочного типа печей от нескольких наборов с разных городских усадеб, датируемым серединой XVIII – началом XIX века.

Ключевые слова: Тобольск, Александровский сад, раскопки, изразцы.

NEW FINDS OF TILES IN THE TOBOLSK SETTLEMENT

The article characterizes the tiles obtained in the course of archaeological research on the territory of the Alexander Garden of the lower town of Tobolsk. The tiles belong to polychrome enamel relief tiles of the baroque type of stoves from several sets from different city estates, dating back to the middle of the 18th – early 19th century.

Keywords: Tobolsk, Alexander Garden, excavations, tiles.

До появления центрального отопления главной составляющей любого дома была печь, которая не только давала тепло, но и могла стать украшением интерьера благодаря облицовке ее керамическими изразцами. Печи с изразцами клали как в общественно значимых зданиях, храмах и дворцах, так и в частных постройках, прежде всего в деревянных домах. Изразцы в России производились в ряде крупных центров в Москве, Балахне, Великом Устюге, Нижнем Новгороде. Исследователи указывают несколько форм распространения изразцов по стране: покупка готовых изделий жителями других городов; «трансфер» технологий; перемещение мастеров из Москвы в провинцию [2, с. 100].

В свою очередь, на местах появляются новые изразцовые мастерские, свидетельством чему в последние десятилетия служат материалы археологических раскопок. Археологические исследования, проводимые в сибирских городах в последние годы, позволяют сделать вывод о достаточно широкой географической распространенности изразцов. Изразцы сегодня фиксируются в Тюмени, Томске, Енисейске, Иркутске, Тобольске, Кузнецке, Абалаке [1, с. 63–64; 3, с. 101].

Целью данной работы является введение в научный оборот новых находок печных изразцов из раскопок на нижнем посаде города Тобольске.

В Тобольске в 2023 г. проводились археологические раскопки в нижней, подгорной части города в Александровском саду на площади около 450 кв. м. Был исследован культурный слой и городские усадьбы середины XVIII – начала XIX веков. В обширной коллекции материалов присутствуют и фрагменты изразцов. Целых предметов не обнаружено. Выявленные изразцы относятся к полихромным эмалевым рельефным изразцам барочного типа печей от нескольких наборов [5, с. 7, 9]. Фрагменты изразцов найдены в границах разных построек на площади раскопа и принадлежали нескольким печам.

Рис. 1. Изразцы из раскопа в Александровском саду.
1-3 – стенные; 4 – плоский пояс.

Приведем характеристику выявленных изделий:

1. Стенной (лицевой) изразец (рис. 1, *1*). Размеры фрагмента 14,5 х 10,5 см, толщина лицевой пластины ближе к середине плитки 0,9–1,2 см, по краям 2,9 см. Форма лицевой пластины прямоугольная, точные размеры не установлены ввиду значительной фрагментированности. Румпа не сохранилась, однако отступ ее от края плитки фрагмента составляет 3,1 – 3,4 см, при толщине в основании 1,5–2,4 см. Эмали четырех цветов: белая, зеленая, желтая, синяя. Рисунок представлен растительным орнаментом в виде веточек с листьями. По периметру лицевой пластины проходит рамка из двух параллельных линий с мелкой «веревкой» внутри желтого цвета. Центральная часть пластины утрачена.

2. Стенной (лицевой) изразец (рис. 1, *2*). Размеры фрагмента 8,3 х 7,9 см, толщина лицевой пластины не определяется ввиду отслоения верхнего, сохранившегося, слоя плитки с рисунком. Форма лицевой пластины прямоугольная, точные размеры не установлены ввиду значительной фрагментированности. Румпа не прослеживается. Эмали двух цветов: белая и зеленая. Рисунок представлен растительным орнаментом в виде веточек с листьями. Рамка по краям лицевой пластины отсутствует. Близкие аналоги по рисунку известны в материалах Великого Устюга, датируемых концом XVIII – началом XIX вв. [4, рис. 194].

3. Стенной (лицевой) изразец (рис. 1, *3*). Размеры фрагмента 6,3 х 2,8 см, толщина пластины 1,8 см. Форма лицевой пластины прямоугольная, точные размеры не установлены ввиду значительной фрагментированности. Румпа не сохранилась. Эмали трех цветов: желтая, синяя и зеленая. Рисунок ввиду малого размера фрагмента не определяется. Прослеживается фон зеленого цвета, бордюр желтого цвета и «веревочный» орнамент синего цвета.

4. Плоский пояс (рис. 1, *4*). Размер сохранившегося фрагмента 9,1 х 9 см, толщина пластины в центре 1,8 см, по краям 2,8 см. Изразец угловой, сохранился угол с рисунками на двух плоскостях, форма лицевой пластины прямоугольная. Частично сохранился край румпы толщиной 1,4 см. Эмали трех цветов: белая, желтая и зеленая. В центре геометрический узор в виде выпуклого прямоугольника с рамкой, вокруг которого растительный узор. Аналог со схожим сюжетом рисунка известен в коллекции из Дворца Наместника города Тобольска [3, рис. 4, *1*]. Близкие по сюжету изразцы сохранились в облицовке печи в Приказной палате музея-заповедника «Коломенское» (80-е годы XVII в.) [4, рис. 141].

Приведенная характеристика фрагментов изразцов свидетельствует о том, что они принадлежат нескольким печам на разных городских усадьбах, датируемым серединой XVIII – началом XIX в. Единичность находок, однако, вызывает сомнение в том, что эти печи были полностью, или частично изразцовыми. Возможно, имел место факт применения отдельных изразцов в качестве элементов убранства печи. Следует отметить, что находка изразцов в раскопе в Александровском саду является первой на территории нижнего посада города Тобольска, что может свидетельствовать о широком распространении изразцов в городском быту жителей Тобольска в XVIII – начале XIX в.

Список источников и литературы

1. Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск: Б.и., 2008. 114 с.
2. Баранова С. И. Московский изразец XVII века в пространстве России // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 100–106.
3. Данилов П. Г. Тобольские изразцы XVIII века из Дворца Наместника // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3 (50). С. 101–109. DOI.ORG/10.20874/2071-0437-2020-50-3-8.
4. Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М: «Изобразительное искусство», 1983. 270 с.
5. Немцова Н. И. Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII–XVIII вв. М.: «Росреставрация», 1989. 35 с.

УДК 903.5(571.1)
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.34.15.009
EDN: ONRVZT

ЖЕЛЕЗНЫЙ НАВЕСНОЙ ЗАМОК ИЗ ТОБОЛЬСКА

А. А. Адамов
Россия, г. Тобольск, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

При археологических исследованиях в г. Тобольске в 2023 г. был обнаружен корпус железного горизонтального навесного замка с лабиринтообразной ключевой прорезью. Изделие сохранилось частично, поэтому на основании аналогий были реконструированы его утраченные детали. Замок, по классификации Б. А. Колчина, относится к типу Е. В Сибири находки таких устройств не известны, а в Восточной Европе обычно датируются в пределах XV–XVI вв. Артефакт из Тобольска позволяет расширить хронологию замков типа Е по крайне мере до конца XVI – первой половины XVII в. Сравнение тобольского замка с находками близких по форме механизмов с территории русского государства, позволяет поставить вопрос в выделении в типе Е двух вариантов: с лабиринтообразной ключевой прорезью и прямоугольной.

Ключевые слова: Западная Сибирь, г. Тобольск, археологические исследования, навесной горизонтальный замок, типология замков, тип Е по Б. А. Колчину.

IRON PADLOCK FROM TOBOLSK

During archaeological research in Tobolsk in 2023, the body of an iron horizontal padlock with a labyrinthine key slot was discovered. The castle was partially preserved, therefore, based on analogies, its lost details were reconstructed. The castle according to the classification of B. A. Kolchin belongs to type E. In Siberia, the finds of such devices are not known, and in Eastern Europe they are usually dated within the XV–XVI centuries. The artifact from Tobolsk makes it possible to expand the chronology of Type E locks at least until the end of the XVI – first half of the XVII century. Comparison of the Tobolsk castle with the finds of similar-shaped mechanisms from the territory of the Russian state, allows us to raise the question of distinguishing two variants in Type E: with a labyrinthine key slot and a rectangular one.

Keywords: Western Siberia, Tobolsk, archaeological research, horizontal padlock, typology of locks, type E according to B. A. Kolchin.

Тобольск – один из старейших городов Сибири (год основания 1587), располагается вблизи устья Тобола. За время существования населенного пункта образовался мощный культурный слой, содержащий огромное число артефактов. При этом исторически город поделен на нагорную и подгорную части. Нагорная – располагается на высокой надпойменной террасе (высота до 60 м), подгорная – в пойме р. Иртыш, и до недавнего времени подтапливалась его водами в период половодий. Мощность культурных отложений в нагорной части достигает 2 м, в Подгорной из-за высокого уровня грунтовых вод – до 4 м. Масштабные археологические исследования в г. Тобольске начались лишь в самом конце XX в. По подсчетам Е. П. Загваздина на 2012 г. общая площадь вскрытых раскопов составила не менее 4343 кв. м [6, с. 141].

В 2023 г. сотрудниками лаборатории археологии и исторической антропологии Тобольской комплексной научной станции под руководством Е. П. Загваздина на территории подгорной части Тобольска, в Александровском Саду, проводились масштабные археологические исследования, общая площадь раскопа составила 450 кв. м. В раскопе найдено несколько тысяч находок и одну из них мы проанализируем.

Корпус железного горизонтального навесного замка, обнаруженный в нижних культурных напластованиях раскопа, сохранился не полностью. Он прямоугольный, ромбического сечения, его размеры 4,7 х 4,2 х 3,3 см. В верхней части имеется вырез, за счет которого образовались два дугообразные выступа, заменяющие верхний цилиндр в двухцилиндровых замках (рис. 1, *а*). При этом не сохранилась крышка, закрывавшая корпус замка сверху (рис. 1, *г*), с лицевой стороны (рис. 1, *б*), и передний край заднего дугообразного выступа. Однако сохранилась глухая задняя крышка замка, в которой имеется лабиринтообразная ключевая прорезь (рис. 1, *в*). На замке прослеживаются следы от пайки медью.

Мы реконструировали недостающие детали замка, которые состоят из лицевой пластины (рис. 2, *а*) с отверстиями для дужки замка (рис. 2, *б*) и отверстия для стержней пружинного блока (рис. 2, *в*), горизонтальной пластины, прикрывавшей корпус замка сверху (рис. 2, *г*) и передней пластины заднего бокового выступа (рис. 2, *д*) с отверстием для дужки (рис. 2, *е*).

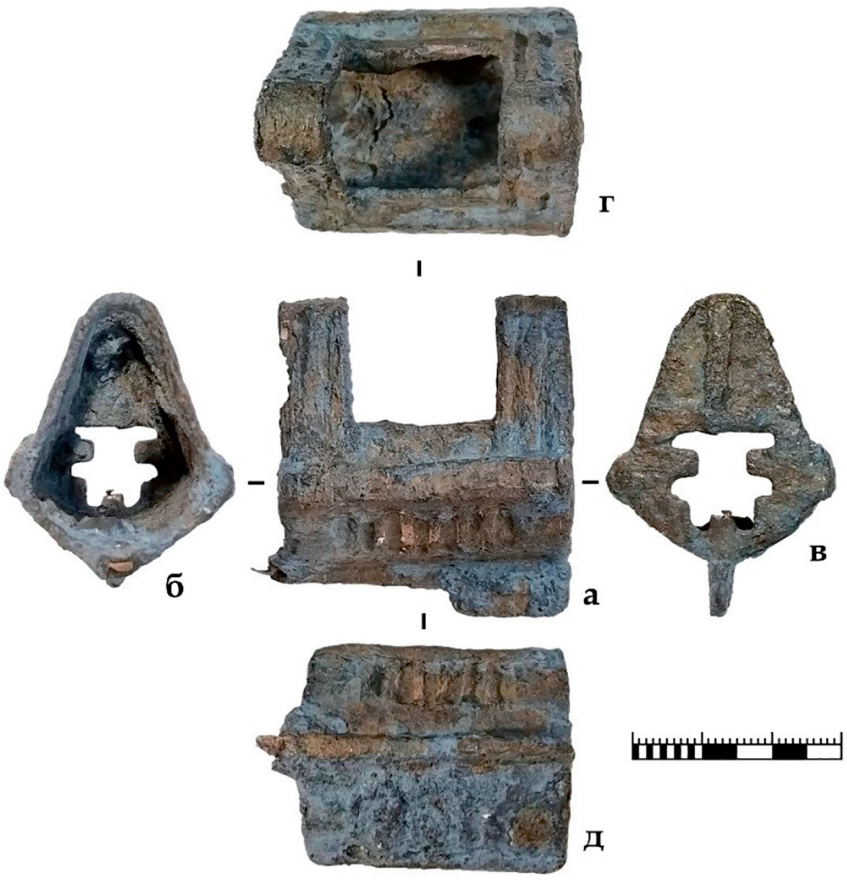


Рис. 1. Горизонтальный навесной замок из г. Тобольска

В целом, механизм запора данного замка продолжает древнерусские традиции, когда дужка замка имеет два параллельных конца. В этом случае верхний вставляется в малый цилиндр (в двухцилиндровых замках) или, как в нашем случае, в дугообразные выступы. Нижний конец (база пружинного блока) состоит из одного или нескольких стержней, на самый край которых крепятся расходящиеся пружины. При вставлении пружинного блока в корпус замка стержни с пружинами проходят через отверстия в передней стенке корпуса, которые по мере продвижения сжимают пружины, а затем, при достижении пружинного блока передней стенки корпуса, пружины свободно расходятся, упираясь своими концами в переднюю стенку и запирая тем самым замок. Чтобы его открыть нужно сжать пружины ключом, который вставлялся с противоположной стороны. Для замка из Тобольска ключ, судя по замочной скважине, был спаян из нескольких пластин.

Железным замкам, обнаруженным при археологических исследованиях в Тобольске, уже была посвящена публикация Н. М. Зинякова, в которую вошли материалы из раскопок О. М. Аношко и А. В. Матвеева

на Тобольском посаде [7]. В публикации были рассмотрены семь замков, из которых только четыре – навесные. Причем все замки имеют подвижную дужку, один конец которой закреплен на оси в металлическом корпусе, а другой запирается ригелем. Все они открывались поворотными ключами. Н. М. Зиняков в зависимости от конструкции запорного механизма выделил три типа. Тип А – плоский ригель с четырьмя выступами и V-образная пружина, 1 экземпляр. Тип Б – Г-образный ригель и V-образная пружина, 2 экемпляра. Тип В – Г-образный вильчатый ригель, посаженный на винтовой стержень. На винт надета цилиндрическая пружина. Открывался замок полым ключом с внутренней нарезкой на который навинчивался стержень, сжимая пружину и освобождая дужку [7, с. 111, 112]. Еще один навесной замок с подвижной дужкой, выпуклой лицевой стороной и отверстием с для поворотного ключа с торцевой стороны, происходящий из Тобольска, опубликован Е. П. Загваздиным установившим, что замок является импортным и датируется в пределах 1740-1830-х гг. [5, с. 57,5 8, рис. 6].

Как мы видим, замок, обнаруженный в 2023 году, не относится к перечисленным типам по классификации Н. М. Зинякова и существенно отличается от замка, опубликованного Е. П. Загваздиным.

Для поиска аналогий нужно, прежде всего, обратить внимание на замки с Руси, где традиция изготовления железных навесных замков начинается с рубежа IX–X вв. [15, с. 114]. Пожалуй, первым классификацию древнерусских навесных замков предпринял Б. А. Рыбаков, подразделивший их на два типа – с ключом с бородкой и изогнутыми на конце [22, с. 218]. Р. Л. Розенфельд подразделил русские замки домонгольского времени на пять групп, которые отличались формой, расположением замочной скважины и формой ключей [21, с. 36–38]. Б. А. Колчин неоднократно возвращался к проблеме классификации навесных замков по материалам Новгорода. В 1953 году исследователь выделил шесть основных конструктивных типов, которые получили буквенные обозначения от А до Е [11, с. 154, рис. 127]. В 1959 г. Б. А. Колчин выделил уже 10 типов с обозначением от А до З [12, с. 78–84, рис. 70]. Позднее ученый несколько пересмотрел свою классификацию, убрав из нее тип З, как относящийся к путным замкам [13, рис. 3]. Уже в XXI в. А. А. Кудрявцев подробно рассмотрел многочисленные находок замков и ключей с Неревского раскопа Новгорода и им была уточнена хронология некоторых типов замков. В том числе было отмечено, что ключи для замков типа Д и Е появляются уже во второй половине XIII в. [16, с. 121].

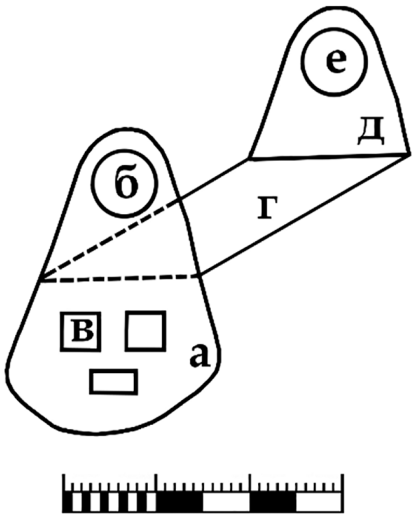


Рис. 2. Реконструкция утраченных деталей замка
а – лицевая пластина, б – отверстие для дужки замка, в – отверстия для стержней пружинного блока, г – горизонтальная пластина, прикрывавшая корпус замка сверху, д – передняя пластина заднего бокового выступа, е – отверстие для дужки

Замки, схожие с древнерусскими, бытовали и на территории Волжской Булгарии. Работы по их классификации предприняты в исследованиях Е. П. Казакова и Ю. А. Семыкина [10, с. 70–74; 26, с. 86, 87]. За основу классификации замков с Болгара Л. Л. Савченкова взяла схему, предложенную Б. А. Колчиным, несколько дополнив ее типами замков неизвестных в Новгороде [24, с. 40–45]. Ею же опубликован замок аналогичный типу Е [24, рис. 14, *9*]. Однако ключи к таким замкам в Болгаре отсутствуют.

Железный навесной замок из Тобольска аналогичен замкам типа Е по классификации Б. А. Колчина. Он также горизонтальный, а не вертикальный как остальные типы, ключ к нему составлен из сваренных вместе пластин [13, рис. 3]. Исследователь пишет, что подобные замки существовали в Новгороде весь XV в. и встречаются в XVI в. Кроме Новгорода замки подобной формы известны из Твери, где датируются второй половиной XI – XVI вв. [17, с. 93, рис. 82, *3*]. Замки типа Е выявлены при исследовании усадьбы 1540-1550 гг. на посаде Радонежа [23, рис. 6, 13, 36]. Ключи от замков типа Д и Е, обнаруженные на селище Скрипино 1 в Московской области, датируются авторами в рамках XIII–XV вв. [1, с. 112, рис. 11, 22 *а*, 244, 371]. Замки типа Е с лабиринтообразной ключевой прорезью происходят из Пскова, с территории

Нового Торга [25, 2016, рис. 6, 4, 5]. Замок типа Е имеется в материалах из раскопок Н. П. Милонова в Коломне [18, рис. 29, *6*]. В Туле при археологических исследованиях на территории Тульского кремля неоднократно находили замки типа Е и ключи к ним [4, с. 79, рис. 16, *1–3, 6–8*]. Ключ из спаянных пластин известен в Чебоксарах [14, рис. 71,5]. Ключ от замка типа Е по Б. А. Колчину происходит из погребения начала XIVв. из прусской земли [2, с. 28, рис. 3, 10]. А. В. Никитин приводит в своей монографии, посвященной русскому кузнечному ремеслу XVI–XVII вв., рисунки замка и ключей к нему, аналогичные тобольскому [19, табл. 8, 1]. При этом автор отмечает, что вертикальные замки к середине XV в. исчезают и появляются горизонтальные замки, а опубликованные изделия датируются им в рамках XVI–XVII вв., хотя исследователь и признает, что все они беспаспортные [19, с. 43].

Большая серия замков и ключей XV–XVI вв. типа Е, аналогичных нашему, известны в Сибири с городища Искер – столицы Сибирского ханства [28, pl. III, 16, 17; 8, рис. 27, 24, 25, 27]. Ключи с Искера из сваренных пластин опубликованы С. Ф. и Ф. С. Татауровыми [27, рис. 4, 5–7].

В Сибирских городах нам не известны находки замков типа Е. Но очень похожий замок происходит из г. Березова, где в слое конца XVI–XVIII вв. был обнаружен горизонтальный навесной замок подромбического сечения. Единственное отличие – отверстие для ключа прямоугольного сечения [3, рис. 4.1.06,6], а значит ключ к нему коленчатый, характерный для древнерусских замков. Именно такой замок с ключом к нему был обнаружен в Костромском Поволжье [9, рис. 30, 1]. В Пскове известны близкие березовскому по форме горизонтальные замки, также с прямоугольной ключевой прорезью [25, рис. 6,2]. В Смоленске в слое XVII в. был обнаружен горизонтальный замок с прямоугольной прорезью [20, с. 134, илл. 112, 2]. Вполне возможно, аналогичные березовскому замки имели хождение и в Тобольске, так как из раскопа в Александровском саду происходит коленчатый ключ, предназначенный для сжатия расходящихся пружин.

Обнаруженный в Тобольске горизонтальный навесной замок типа Е по Б. А. Колчину может быть по формальным признакам датирован в пределах XVII–XVIII вв., монеты именно этого периода – самые многочисленные в раскопе. Однако в Восточной Европе подобные замки распространены в XV–XVI вв. Тобольский артефакт свидетельствует о том, что по крайне мере в первой половине XVII в. такие замки еще имели хождение у горожан. Вероятнее всего, прибывавшие на посто-

янное место жительство в Тобольск из-за Урала кузнецы [7, с. 116], на первых этапах могли изготавливать в единичных случаях замки устаревших конструкций, производство которых в европейской части русского государства к концу XVI в. прекратилось. Поэтому мы можем датировать замок типа Е из города Тобольска в пределах самого конца XVI – первой половины XVII в. Хотя и возможно бытование таких изделий весь XVII в. В этот же период в Сибири могли изготавливаться и замки близкой формы корпуса, но с запором под коленчатый ключ.

Находки в Березове, Смоленске, Пскове, Костромском Поволжье горизонтальных навесных замков, по форме корпуса близких к типу Е, но имеющих запорный механизм под коленчатый ключ, позволяют выделить в типе Е два варианта замков в зависимости от ключевой прорези: 1 – с лабиринтообразной ключевой прорезью, 2 – с прямоугольной прорезью под коленчатый ключ.

Таким образом, археологические исследования в Александровском саду г. Тобольска привели к обнаружению, впервые в русских городах Сибири, замка типа Е по Б. А. Колчину. В результате обнаружения в Сибири замка этого типа, период его существования несколько расширяется – до первой половины XVII в., а возможно подобный тип замка бытует и весь XVII в. Сравнение тобольского замка с находками с других территорий русского государства позволяет поставить вопрос в выделении в типе Е двух вариантов: с лабиринтообразной ключевой прорезью и прямоугольной ключевой прорезью.

Список источников и литературы

1. Баранов Н. А., Модин Р. Н., Попов А. А., Прошкин О. Л., Терещенко Е. И. Селище Скрипино-1: результаты археологических исследований 2013-2014 годов // Археология Подмосковья. 2019. № 15. С. 96–131.
2. Валуев А. А., Денисов С. А., Скворцов К. Н. Бытовые предметы XIII–XV веков из некрополя Альт-Велау // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 3. С. 22–37.
3. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Березов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып 20. Ханты-Мансийск – Нефтеюганск – Сургут, 2022. 158 с.

4. Екимов Ю. Г. Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999-2000 гг. (Раскоп 1) // Позднесредневековый город: археология и история. Тула, 2007. С. 66–131.

5. Загваздин Е. П. Новые материалы по археологии Тобольского кремля // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 3 (27). С. 52–65.

6. Загваздин Е. П. Спасательная археология Тобольска // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 1 (25). С. 138–146.

7. Зиняков Н. М. Тобольские замки XVII–XVIII вв.: разновидности механизмов и технология производства // AB ORIGINE: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Вып. 4. Тюмень: Из-во Тюм. гос. ун-та, 2012. С. 106–117.

8. Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В. Город Сибир – городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Изд-во Наука–Восточная литература, 2017. 559 с.

9. Кабатов С. А. Памятник русского средневековья Костромского Поволжья – селище Вежи // Археология Подмосковья. Вып. 7. М., 2011. С. 222–248.

10. Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.

11. Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период) // МИА. № 32. М.: АН СССР, 1953. 260 с.

12. Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технологии) // МИА. № 65. М.-Л.: АН СССР, 1959. С. 7–120.

13. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. / Отв. ред. Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 156–177.

14. Краснов Ю. А. Каховский В. Ф. Средневековые Чебоксары. М.: Изд-во Наука, 1978. 192 с.

15. Кудрявцев А. А. О появлении замков и ключей в Древней Руси // Российская археология. 2016. № 1. С. 114–122.

16. Кудрявцев А. А. Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // Российская археология. 2012. № 4. С. 119–124.

17. Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993-1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.

18. Мазуров А. Б. Раскопки Н. П. Милонова в Коломне 1935-1936 гг. // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2017. № 1 (25). С. 3–62.

19. Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. САИ, Е1-34. М.: Изд-во Наука, 1971. 84 с.

20. Пронин Г. Н., Соболь В. Е., Гусаков М. Г. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск, 2011. 208 с.

21. Розенфельдт Р. Л. Русские замки домонгольского времени // КСИИМК, Вып. XLIX. М.: АН СССР, 1953. С. 32–38.

22. Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 792 с.

23. Савельев Н. И., Сергеев А. Ю., Чернов С. З. Усадьба служилого человека 1540-150 годов на посаде Радонежа по данным раскопок 2014 года // Археология Подмосковья. Вып. 12. М.: Институт археологии РАН, 2016. С. 299–332.

24. Савченкова Л. Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 5–153.

25. Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г., Михайлов А. В. Особенности состава вещевого комплекса с территории Нового Торга Пскова (по материалам раскопов 2005-2013 гг.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2016. № 31 (61). С. 123–134.

26. Семыкин Ю. А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII вв. Казань: Отечество, 2015. 168 с.

27. Татауров С. Ф., Татауров Ф. С. Археологические коллекции с Искера: новый взгляд на памятник // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 77–85.

28. Tallgren A. M. Catalogue de la collection de M. Znamenski: Antiquités de la Sibéria occidentale conservées au Musée national de Finlande // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki – Helsinfors, 1922. Vol. XXIX. No. 4. P. 2–29. Pl. I–VI.

УДК 398.3 (511.1=512.1)
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.42.80.010
EDN: OVPUFV

ПАРАЛЛЕЛИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СИБИРСКИХ ТАТАР И ОБСКИХ УГРОВ[1]

З. А. Тычинских
Россия, г. Тобольск, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

В статье рассматриваются сходства в материальной и духовной культуре сибирских татар и обских угров. Показано, что эти многочисленные параллели в различных сферах традиционной культуры появились в результате многовекового проживания сибирских тюрок и обских угров в контактной зоне, что определяло постоянство их взаимодействий и взаимовлияний.

Ключевые слова: сибирские татары, обские угры, ханты, манси, материальная культура, духовная культура, культ медведя, Хатаневы, угорский компонент.

PARALLELS IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE SIBERIAN TATARS AND THE OB UGRIANS

The article examines the similarities in the material and spiritual culture of the Siberian Tatars and the Ob Ugrians. It is shown that these numerous parallels in various spheres of traditional culture appeared as a result of the centuries-old residence of Siberian Turks and Ob Ugrians in the contact zone, which determined the constancy of their interactions and mutual influences.

Keywords: Siberian Tatars, Ob Ugrians, Khanty, Mansi, material culture, spiritual culture, bear cult, Khatanevs, Ugric component.

Еще в XIX в. Н. А. Абрамов писал, что «несмотря на то, что остяки около 270 лет находятся под русской державой, русское влияние менее заметно на них, чем татарское» [1, с. 331]. Современными этнографами также отмечается сходство целого ряда элементов в хозяйственной, социальной, духовной организации, и даже антропологического облика

[1] Материалы статьи частично опубликованы в разделе «Академической истории Югры», т. 2 (в печати)

некоторых групп тюркоязычных сибирских татар и угроязычных хантов и манси, что во многом определялось многовековыми межэтническими контактами народов, проживавших на смежной территории, образующих военно-политические союзы, торгующих и воюющих между собой.

По мнению Е. Г. Федоровой, формирование этнографических групп хантов и манси (в специальной литературе выделяются три таких группы у ханты и четыре у манси), началось после того, как остяки и вогулы подверглись влиянию татар, вызвавшему серьезные миграционные процессы у обских угров [17, с. 328]. При этом влияние татар на хантов и манси не было односторонним. По существу, здесь мы наблюдаем взаимодействие между сибирскими татарами и уграми, прежде всего, в сфере материальной культуры и языка.

Что касается материальной культуры обских угров, то татары оказали на нее существенное влияние. Наряду с тем, что, как пишет Н. А. Абрамов, «хижины остяков строятся, подобно татарским, с нарами и чувалом», у них отмечалось также наличие амбаров «для поклажи разных вещей и съестных припасов на высоких стойках», что признается им заимствованием у татар. На это в свое время обратил внимание и Ф. Т. Валеев, который считал, что «говоря о «высоких стойках», Н. А. Абрамов, вероятно, имел в виду широко распространенный в прошлом в жилищах сибирских татар помост (таскак) для сна» [5, с. 21]. Но на наш взгляд, здесь все же речь идет об «амбарах», которые ставили в лесу или на болотах для хранения добычи и др., распространенные как у угров, так и у иштякско-токузских, большеуватских и заболотных татар, проживавших в сходных природных условиях, существующие и поныне [11].

Влияние татар прослеживается также в распространении земледелия и животноводства у вогулов. Так, С. В. Бахрушин сообщает, что в Туринском уезде еще до прибытия русских у вогулов были пашенные земли, которые впоследствии были заняты под острог, а состоятельные вогулы обзаводились скотом. Примером он приводит сообщение, относящееся к 1636 г., где сын лялинского сотника Меркушин хвалится, что у его отца много коней и коров [3, с. 18].

Кроме охоты и рыбной ловли имело большое значение в хозяйстве вогулов бортничество. Источники сообщают о жалобах сылвенских и сосвенских татар и вогуличей в 1621 г. на то, что у них «мед не родится, и они де помирают голодною смертью». Есть сведения, что за 74 сылвенскими татарами и остяками было «бортей… тысячи с три и больше» [3, с. 17].

В. Н. Адаев и Р. Х. Рахимов отмечают присутствие целого ряда параллелей в традиционных промыслах обских угров и татар – охоте, рыболовстве и собирательстве [2, с. 249–250]. Особо обращает на себя внимание сходство в объектах и способах рыбной ловли, совпадение терминов, обозначающих элементы конструкции запоров и других промысловых приспособлений и т. д.

Собирательский промысел у тех и других представлен сбором кедровых орехов, ягод. При этом сбор грибов в традиционной хозяйственной деятельности татар и угров до недавнего времени не присутствовал. У обоих народов распространен сбор кедровых шишек с земли [2, с. 249]. Любопытно сходство терминов, связанных с данным промыслом. Так, у сибирских татар сито для провеевания орехов называется *иляк*, у демьянских хантов – *илек*, кедровка, соответственно, – *варап* и *воррэп*.

Сходство просматривается и в названиях некоторых ягод. Так, морошка – у сибирских татар – *мракх*, у демьянских хантов – *марынк*.

Лингвисты обращают внимание и на другие татарские заимствования в хантыйском языке (*нян* – хлеб, *ханзя* – курительная трубка и др.). У сибирских татар *канса* – трубка, обычно свернутая из газетной бумаги, наполнявшаяся табаком. Хантыйское слово *ханзя* – курительная трубка, *нан* – хлеб, в сургутском наречии хантов – *нан* / *нян* – квашня. Далее, *аба*/а*на* в сибирско-татарском – девушка/женщина, старшая по возрасту, а в хантыйском языке *ауа* – «дочь/девушка/девочка» [8, с. 98–99].

В ономастиконе сибирских татар встречаются топонимы и гидронимы, имеющие угорское происхождение. Так, хантыйскими являются названия рек: Носка, Вагай – притоки Иртыша, Лайма, Махла – притоки Носки, названия юрт: Мэхле, Янгутум, Лаймытамак, Носкы, Вацир, Лэнче, Нешшэ в Тобольском районе, Иштэр, Лаймы, Юрмы – в Вагайском районе [5, с. 21].

Аналогии выявляются в этнографических материалах сибирских татар и хантов, относящихся к одежде, головным уборам, вышивкам, низанию бисером, ткачеству, берестяной посуде, вязаным изделиям, предметам, отлитым из олова и плетеным циновкам.

С. В. Суслова, как и З. П. Соколова, обращает внимание на любопытную особенность традиционной одежды ханты и манси, выделяющую их из круга остальных народов Сибири. Это способы ношения женщинами головного платка: «Никто в Сибири не носил платки таким образом», считают названные этнографы. Первый способ ношения –

большой платок с кистями, который складывался по диагонали и надевается на голову так, что два сложенных конца лежат на груди, был широко распространен у татар казанских, пермских и сибирских (*кыекча*). Эта треугольная косынка именовалась *хатан-охчам*. Второй способ, когда платок набрасывается на голову в развернутом виде так, что все четыре его конца свешиваются, – известен в этнографической литературе как тюрко-татарский, когда основное полотнище покрывала-платка распускается по спине и скрывает фигуру женщины [15, с. 114–115].

Способы ношения платка «по-татарски» и обычай избегания, до сих пор рудиментарно сохраняющиеся у татар Поволжья, Урала и Сибири, обскими уграми, вероятно, были восприняты именно от соседних приуральских и сибирских татар и башкир [15, с. 114–115].

Следует обратить внимание на широкое бытование у сибирских татарок женских головных уборов в виде налобных повязок – *сарауҗ*. Этнографы отмечают присутствие у южных ханты налобной повязки *саровать*. Татарский головной убор типа *сарауҗ* представляется достаточно отчетливым влиянием финноугорской культурной традиции. Е. Ю. Смирнова считает наличие архаичного женского головного убора *сарауҗ* у курдакско-саргатских татар опосредованным результатом участия в их этногенезе групп угорского населения, массовая ассимиляция которого началась в лесном Прииртышье с начала XIII в. Угорский компонент в традиционной одежде курдакско-саргатских татар проявляется большей частью на структурном уровне (сочетание ткани и кожи в обуви, использовании чехлов на поясную одежду), но, возможно, и на терминологическом [13, с. 112].

Искусствоведами отмечаются также параллели в художественно-технических приемах, используемых при создании изделий из кожи, меха. К примеру, художественная обработка меха и кожи в технике мозаики с использованием специальных оконтуривающих швов на узорах (техника полихромной татарской кожаной мозаики и мозаика из рыбьей кожи у обских угров [6, с. 94] Среди сходных мотивов орнамента в искусстве – изображения оленя, змеи, утки, журавля, орла, филина, глухаря, тетерева, лебедя и т. д. Они объединяются также характером трактовки и стилизации орнаментальных мотивов.

К возможным следам тюркско-угорского взаимодействия относят исследователи некоторые характерные элементы погребальной архитектуры аялынских татар – дощечки антропоморфной формы деревянных оград-штакетников, которые были обнаружены на кладбищах д. Юрт-Бергамак, Чеплярово, Аттачка, Речапово и др. [9, с. 103–104].

Некоторые общие черты присутствуют и в традиционном свадебном обряде обских угров и сибирских татар. К ним относятся обязательные атрибуты сватов – посох и платок, «прятание жениха», традиция проведения свадебного пира сначала в доме невесты, а потом жениха, невеста могла жить в доме отца до полугода, пока выплачивался калым. Ряд параллелей присутствует в комплексе норм поведения – запрет для женщин переступать через мужчину и его вещи. Обычай закрывания женщинами лица платком и избегания определенной категории лиц мужского пола [19, с. 123].

Существовали параллели и в духовной культуре. Особое место занимает в них присутствующий как у сибирских татар, так и угров, культ медведя. Причем, в традиционной культуре обских угров культ медведя и связанный с ним медвежий праздник занимает важное место, выступая, в определенной степени, этномаркирующим элементом. З. П. Соколова относит следы культа медведя у сибирских татар к реликтам угорского компонента в их культуре. Вместе с тем многие, порой буквальные совпадения данного культа у сибирских татар обнаруживаются в почитании медведя у других тюркоязычных народов Сибири [14; 4, с. 89].

Этнографами зафиксированы обрядовые действия заболотных татар, связанные с убитым на охоте медведем. Специально на медведя не охотились, убивая его лишь при неожиданной встрече в лесу или случайном обнаружении берлоги. У заболотных татар, как и у ряда других групп татар, в прошлом существовал запрет на употребление в пищу медвежьего мяса.

Старались избегать называть медведя по имени, полагая, что медведь «все слышит и понимает под землей» и заменяли слово *аю* – «медведь» на другие наименования: *бабай* – «дедушка», *йер-колак бабай* – «старик-земляное ухо», *йап-колак бабай* – «старик-закрытое ухо». «Бабушка меня в детстве учила: «Не говори *аю*, чтобы медведя не злить. Если скажешь так, то он где-нибудь тебя поймает и голову оторвет, потому что он там, в берлоге, все слышит. Хоть маленький медвежонок, все равно *бабай* называй». За нами маленькими раньше следили на счет этого очень строго» (д. Ачиры) [4, с. 87]. Эти названия встречались у тобольских и барабинских татар. При нарушении табу медведь мог, со своей стороны, нарушить обязательства по отношению к членам «своего» рода. Аналогичное табуирование имени медведя характерно для хантов и манси, называвших его обычно *пупи/моми*. Подобные нормы и этикет в обращении к медведю бытовали у многих народов Сибири.

И. В. Белич описывает обряд «встречи медвежьей головы» у заболотных татар. Убивший медведя охотник нес его шкуру с головой на плече. Подходя к селению, он производил три выстрела в воздух. В ответ начинали стрелять и в селении. В селении наступало оживление: «Вот медвежья голова идет, надо встречать». Имеются сведения о том, что когда по деревне несли мертвого медведя, то старухи выходили и «целовали его в морду», обращаясь к нему со словами: «не тронь, дядюшка, детей моих и меня». Затем собирались в доме охотника, угощались, а охотник «в лицах» рассказывал, как был убит медведь. Медвежью шкуру в свернутом виде он укладывал посредине пола или на почетном месте нар против входа, таким образом, «голова и лапы сверху, глаза на месте, уши, как живой». Аналогичным было положение медведя за столом на медвежьем празднике у угров. Во время трапезы обязательно выполнялся следующий ритуал: один из представителей от каждой семьи подходил к «сидящему» медведю и немного смазывал его морду сметаной или сливочным маслом, обращаясь к медведю со словами: «Здравствуй, дедушка. Вот тебе, дедушка, от семьи я принес угощение. Ты никого из моих не трогай, если встретишь, Коров наших не трогай, если увидишь» [4, с. 89].

Как видим, сходство данного ритуала заболотных татар с «медвежьим праздником» обских угров очевидно. Особенно ярко проявляются параллели с угорской традицией в ритуале «медвежьей присяги» заболотных татар, сохранявшемся вплоть до первой трети XX в. Клятва на медвежьем черепе происходила следующим образом: подозреваемый в совершении преступления (кражи и т. д.) должен был принародно рубить череп топором или ножом и отрицать свою вину, обращаясь к медведю: «Я не крал. Если я украл, то пусть медведь мне голову оторвет». Предполагалось, что виновный не станет этого делать, т.к. нарушивший клятву непременно будет задран медведем, если не при жизни, то после смерти человека «медведь все равно из могилы его выроет и голову оторвет».

У многих групп сибирских татар среди тотемных названий тугумов встречается название тугума *аю* – медведь. У заболотных татар бытует вариант происхождения *аю тугума* – «от охотника, убившего 101 медведя». Другое предание сообщает: «Из рода Айдуллиных, под именем знатного медвежатника, выделился некий Янгуча, основав тем самым новую ветвь в роду – Янгучиных. Этот Янгуча подстрелил 41 медведя, а по преданию 41-й медведь считался роковым» [11]. Многочисленные предания связывают происхождение *аю тугума* с браком женщины и

медведя (у барабинцев, курдакско-саргатских татар), либо со вскармливанием представительницей рода своим молоком маленьких медвежат (у заболотных. искеро-тобольских, иштякско-токузских татар). В д. Ачиры (заболотные татары) существует следующее предание о происхождении *аю тугума*: «Из деревни Кума пришли русские охотники и заночевали у Садыковых. Они убили медведицу, а маленьких медвежат принесли с собой. Голодные медвежата бегали около шкуры медведицы. Бабка Садыковых пожалела их и покормила грудью. Отсюда и пошло название тугума – *аю*» [16, с. 118–119]. Считалось, что до 7-го колена медведь покровительствует членам рода [4, с. 87].

Аю тугум считался древнейшим в Ачирах и Изымети. По преданию, бытующему у заболотных татар, аул Ачиры «пошел от 7 братьев», к которым относятся сейчас такие фамилии, как Нагиповы, Сеитовы и др., «все они относятся к *бабай тугуму*». Аналогичные легенды о происхождении *аю тугума* были распространены у многих групп татар.

Между тем известно, что представители известной фратрии Пор обских угров, по легенде, происходят от «медведицы, родившей первую женщину-пор» и живут «они по порядку когтистого старика (медведя)» [18, с. 20, 29]. У аганских, тром-аганских, пимских и юганских хантов наряду с Мах-сир (Бобровый народ) и Нев-сир (Лосиный народ), существует Пупи или Моми-сир (Медведя народ). К Пупи-сир относились фамилии Каюковы, Рысины. Их духом-покровителем был Явун-ики (юганский старик), который выступал в облике медведя.

В основе этих преданий и, особенно, легенды о вскармливании медвежат – идея родства человека и природы. Для жителей тайги, ведущих промысловое хозяйство, характерно особое отношение к медведю. Для них медведь является не только олицетворением тайги, но и всей природы: засыпая и просыпаясь с ней, он являет собой звено, связующее человека и природу, будучи самым «человекоподобным» среди животных (анатомическое сходство человека и медведя). Поэтому неудивительно, что для таежных жителей «звериный мир замыкается на медведе, в его же лице природа заключает «договор» с человеком» [7, с. 266–267]. Особенно явно двойственная сущность медведя выступает в сказке о старике-оборотне, записанной Е. В. Переваловой у сынских хантов: «Человек-медведь поселился в своей избушке на краю поселка. Подходя к избушке, он снимал шкуру и оставлял ее на задней стороне (со стороны леса, а потом уже входил в дом… Люди, глядя в

сторону леса, всегда видели старика-медведя в облике зверя, а глядя в сторону деревни – в образе человека» [10, с. 295].

Аналогичные представления существовали и у сибирских татар: «Медведя татарам грешно есть. Старые люди говорили, что он от человека произошел. И правда, если снять с него шкуру, голову отрубить, то медведь на мужика похож, а медведица – на женщину», сообщает информант Ч. И. Абдулин из д. Ачиры [4, с. 87]. Медвежьи клыки и когти использовались татарами в качестве амулетов от «злых духов», болезней, при громе и молнии [5, с. 190–191].

Жесткого запрета охоты на медведя не было в роде *аю* сибирских татар и *Пупи-сир* обских угров. При этом считалось, что если член *аю тугума* случайно встречал в лесу медведя, «то зверь не трогал его» [11].

На наш взгляд, в *аю тугуме*, распространенном у многих групп сибирских татар, по всей видимости, можно видеть одно из проявлений взглядов представителей древнейших уральских субстратных элементов, являвшихся общими для этногенеза как сибирских татар, так и обских угров, что и определяло столь явные аналогии в культурах этих народов.

Надо иметь в виду, что отдельные группы татар могли в достаточно ранний период проникнуть достаточно далеко на север. В частности, об этом сообщает Е. Г. Федорова. Одной из таких групп татар, согласно приводимой исследовательницей легенде, была основана мансийская деревня Ясунт, расположенная у начала р. Ляпин, при слиянии речек Хулга и Манья (против устья последней), откуда и название: «селение устья реки» [17, с. 328–329]. Легенда («Рассказ о роде Хатаневых») повествует о поездке отца с сыном на лодке вверх по Ляпину. По пути их трижды останавливали женщины и просили подвезти, но они им отказывали, поскольку первый раз увидели, что у женщины вместо ноги коровье копыто, второй раз – лошадиное копыто, третий раз – медвежья лапа. Когда плыли обратно, женщина сказала: «Раз ты меня не посадил, в этой твоей деревне только одна искра будет продолжать род, пятьдесят [мужчин] пусть в обратную сторону потекут» (умрут). Дальше в легенде рассказывается о том, что в деревне, откуда были эти мужчины (татары), жили еще 50 мужчин-татар. Они стали умирать: каждый день один заболевал и умирал. Потом уже успевали хоронить (кладбище было там, где появилась женщина) и сделали кладбище в конце деревни. Умирали до тех пор, пока не остался один мужчина – продолжатель рода.

В приведенной легенде есть некоторые детали, обращающие на себя внимание. Во-первых, упоминание домашних животных (коровы,

лошади), разведение которых у манси стимулировалось неугорским населением, в т.ч. и татарами. Во-вторых, женщина с ногой медвежьей лапой ассоциируется с фратрией Пор. Татар также принято относить к людям Пор («приплывшим»). По данным З. П. Соколовой, Хатаневы относятся к фратрии Мось. Большинство информантов-манси придерживаются того же мнения, поскольку оленеводы, которым стали и Хатаневы, считаются людьми Мось, хотя некоторые утверждают, то Ясунт – «место» людей Пор. В-третьих, Ясунт – единственная из небольших мансийских деревень, где кладбище, считающееся новым, расположено выше по течению реки относительно селения, что не соответствует общепринятой модели: кладбище угров должно находится ниже.

Фамилию (род) Хатаневых манси выводят из слова *хатань*, которым они называют татар, информанты (среднее течение Северной Сосьвы) упоминали еще *хатань махзум*, *топл ус махум* – тобольских татар, приходивших зимой на лошадях, примерно 200 лет назад, а также «старых татар» в пос. Няксимволь (верховья Северной Сосьвы). Хатаневы фиксируются на этой территории с конца XVIII в. На 1816 г. их было 31 человек, на 1858 – 29 человек.

Есть мнения по поводу происхождения фамилии от мансийского названия лебедь [14, с. 130; 12, с. 49]. Однако, по предположению Е. Г. Федоровой, происхождение фамилии все же следует связывать с татарами. В пользу этого она приводит и отсылку к тотему Хатаневых – волку. У других родов обских угров такой тотем не встречается. Выстраивается цепочка: тюркское божество – волк – волк – предок-покровитель манси Ясунта – *Хуль-отыр* – божество нижнего мира и одновременно дух-покровитель ясунтских манси [17, с. 328].

Таким образом, история взаимодействий тюркского и угорского населения, определяемая соседством лесостепного и таежного мира, насчитывает многие столетия. В течение второй половины I и первой половины II тысячелетия происходила постепенная тюркизация коренного населения Западной Сибири.

Не вызывает сомнений участие значительного угорского компонента в этногенезе многих сибирско-татарских этнических групп. Как видим, его вхождение в состав сибирских татар происходило на разных этапах формирования общности, как в период Сибирского ханства, так и в более позднее время. В результате проживания сибирских тюрок и обских угров в контактной зоне происходит взаимовлияние в разных сферах традиционной культуры.

Список источников и литературы

1. Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Тобольские губернские ведомости. Тобольск, 1858. № 19–25. 85 с.
2. Адаев В. Н., Рахимов Р. Х. Тюрко-угорские параллели в традиционных промыслах // Тюркские народы: материалы V-го Сибирского симпозиума. Тобольск, 2002. С. 248–250.
3. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 86−152.
4. Белич И. В. К культу медведя у сибирских татар // Обские угры: материалы II-го Сибирского симпозиума. Тобольск, 1999. С. 86–90.
5. Валеев Ф. Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань, 1993. 208 с.
6. Валеева-Сулейманова Г. Ф. К сравнительному изучению традиционного искусства татар и обских угров // Обские угры: материалы II-го Сибирского симпозиума. Тобольск, 1999. С. 94–95.
7. Головнёв А. В. Говорящие культуры. Екатеринбург, 1995. 608 с.
8. Исхакова С. М. Языковые контакты сибирских татар с хантами // Обские угры: материалы II-го Сибирского симпозиума. Тобольск, 1999. С. 98–99.
9. Корусенко М. А., Корусенко С. Н. Угорские элементы в культуре тарских татар // Обские угры: материалы II-го Сибирского симпозиума. Тобольск, 1999. С. 102–104.
10. Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.
11. ПМА, 1989. Тюменская область, Тобольский район. Заболотье. Д. Ачиры, Изыметь, Ишменево.
12. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993. 208 с.
13. Смирнова Е. Ю. Угорский компонент в традиционном комплексе одежды курдакско-саргатских татар // Обские угры: материалы II-го Сибирского симпозиума. Тобольск, 1999. С. 111–113.
14. Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблема фратрии и рода. М., 1983. 325 с.

15. Суслова С. В. К вопросу об этнокультурных связях волго-уральских татар и обских угров // Обские угры: материалы II-го Сибирского симпозиума. Тобольск, 1999. С. 114–117.

16. Тычинских З. А. Аю-тугум и Пупи-сир (параллели в традиционных культурах сибирских татар и обских угров // Обские угры: материалы II-го Сибирского симпозиума. Тобольск, 1999. С. 118–119.

17. Федорова Е. Г. Деревня Ясунт: к вопросу о взаимодействии татар и обских угров // Тюркские народы: материалы V-го Сибирского симпозиума. Тобольск, 2002. С. 328–330.

18. Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. № 2. 1939. С. 20-42.

19. Шарифуллина Ф. Л. Этнографические параллели в традиционной духовной культуре обских угров и татар // Обские угры: материалы II-го Сибирского симпозиума. Тобольск, 1999. С. 122–124

УДК 615.89(=512.1):133.4:398
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.70.75.011
EDN: PVRWNP

ОСОБЕННОСТИ МАГИЧЕСКИХ СПОСОБОВ ЛЕЧЕНИЯ У ЗАБОЛОТНЫХ ТАТАР

Г. И. Зиннатуллина
Россия, г. Тюмень, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

В данной статье рассматриваются магические способы лечения в народной медицине заболотных татар. Приводится сравнительный анализ обрядов с другими группами сибирских татар, выявляются особенности и условия бытования некоторых магических обрядов в среде заболотных татар.

Ключевые слова: культура, заболотные татары, народная медицина, магические обряды, обереги, духи болезней, способы лечения.

FEATURES OF MAGICAL METHODS OF TREATMENT IN SWAMPY TATARS

This article discusses magical methods of treatment in folk medicine of swampy Tatars. A comparative analysis of the rituals with other groups of Siberian Tatars is given, the features and conditions of the existence of some magical rituals among swampy Tatars are revealed.

Keywords: culture, zabolotny Tatars, folk medicine, magical rites, amulets, spirits of diseases, methods of treatment.

Одним из важных компонентов традиционной культуры любого народа являются способы сохранения здоровья, в которых отражено этническое своеобразие народа, специфика его культуры. Магические обряды позволяют нам получить представление о мировоззрении, древних верованиях, культурных взаимосвязях с другими народами и др.

Одним из уникальных субэтосов сибирских татар являются заболотные татары, проживающие в северо-западной, труднодоступной, части Тобольского района. Во многом благодаря особенностям своего проживания заболотные татары сохранили самобытную культуру, которая нашла свое отражение в некоторых, характерных только для заболотных татар, архаичных обрядах и поверьях.

Основы народных медицинских знаний заболотных татар, как и у всех групп сибирских татар берут начало из проявлений древнейших верований сибирских тюрков. Предки сибирских татар верили в целительную силу фетиша, который использовали как оберег от болезней, он служил и психологической защитой. Заболотные татары издавна считают мощными оберегами коготь медведя и челюсти щуки, которые и сегодня используются в этом качестве.

По наблюдениям В. В. Храмовой сибирские татары носили амулеты из клыка и когтя медведя в целях «защиты от молнии, грома, злых духов, болезней… Амулеты подвешивались и к детским колыбелям» [9, с. 464]. Возможно, почитание медведя заболотными татарами отражает угорское влияние, т. к. медведь является культовым животным для угорских народов Сибири.

Наиболее распространенным сверхъестественным духом болезней среди татар юга Тюменской области считался *йел* (ветер, вихрь). Он представлялся в виде существа, способного проникать в организм человека. Проникновение могло произойти мгновенно ударом (*сугылаты* / *кагылаты* / *тейәте*), преимущественно в темное время суток, поэтому не рекомендовалось после наступления ночи выходить на улицу.

У заболотных татар также были представления о схожих злых духах: *сөрхөвәт йел*, который они представляли в виде огненного шара, попав в него человек заболевал или умирал, и *йелбихә / йелбихән*, являющийся в образе женщины [1, с. 138].

Поскольку в доисламских представлениях сибирских татар болезнь имела материальный облик и виделась им живым существом ужасного вида, в древних приемах исцеления знахарь как бы выгоняет «живую» болезнь, угрожая ей. Сибирскими татарами широко применяются такие способы лечения больных, как вытряхивание (*аврыуны кагыу*) из организма духа болезни можжевеловой веткой, мужскими штанами.

Кроме обряда *кагыу* для лечения болезней использовали и запугивание, для чего жгли рядом с больным порох (*порох көйтерү*), а также стреляли из ружья (*аттыру)*. У заболотных татар стреляли из ружья сзади над плечом больного, так как считалось, что злой дух *әрвак* цепляется на спину (*йелткәгә ябышат*) человека. Этот обряд так же сопровождался чтением мусульманских молитв. Очевидно, что с принятием ислама предками заболотных татар, некоторые заговоры начинают заменяться сурами и аятами из Корана, что привело к значительной их утрате.

Среди заболотных татар сохранился магический обряд для лечения травм опорно-двигательного аппарата «*пиртех-пиртех*». Данный обряд совершался с целью исцеления ушибов, ревматизмов и других костных заболеваний. Сам лечебный обряд состоял в следующем: если кто-то ломал или повреждал ногу, позвоночник, член семьи больного отправлялся совершать обряд «*пиртех-пиртех*». Для этого он с металлическим ковшом обходил семь домов, открывал в каждом из них дверь так, чтобы его не было видно, и, просовывая ковш, стучал, называл имя больного и говорил: «имярек, *пиртех-пиртех*». Хозяева дома, в свою очередь, должны были что-нибудь положить в ковш, обычно что-то съедобное: кусок хлеба, конфету и т.п. Затем все собранное съедалось больным, после чего должно было наступить исцеление. Иногда, шутя, могли положить медную монету, которую также рекомендовалось погрызть [5, с. 132–133]. Хотя непосредственно во время экспедиции мы этот обряд не зафиксировали, однако, по данным наших информаторов, он проводился совсем недавно, в последние десятилетия XX в.

Заболотные татары называют ревматизм и травмы позвоночника «*пирт пулу*», где *булу* / *пулу* означает «быть». Также в лексике тюменских татар словосочетание «*пиртеген куйтым*» означает получение человеком каких-либо травм.

Возможно, значение слов «*пиртех-пиртех*» происходит от глагола *бирү* / *пирү* – дать. Но в некоторых словарях встречаются похожие слова: у В. В. Радлова слово «*миртик*» означает слово «перелом» [3, с. 234], а у Д. Г. Тумашевой «*миртек*» использован в значении «немощный», «увечный» [7, с. 152]. В хантыйском языке также есть схожее с «*миртек*» слово «*мөрыты*», также означающее перелом [8, с. 184]. Как видно, значения слов близки и могут указывать на наличие угорского компонента в культуре заболотных татар.

Похожий обряд для лечения радикулита (*биләнке*) с некоторыми отличиями описан Ф. Т. Валеевым у тобольских татар. Больной сам должен был ходить с железным ковшом и бить им по дверям семи домов. Если больной заставал хозяев за едой, то он должен был поесть с ними, но только из своего ковша [2, с. 167].

Особый интерес представляет сохранявшийся до 80-х гг. XX в. среди заболотных татар обычай «прикладывания ребенка к груди» другой женщины (*палага авыз ацтыру*). Этот процесс доверялся женщине, у которой уже был грудной ребенок. Она вскармливала ребенка четыре дня. Впоследствии эту женщину называли *цөц инә* или *имцәк инә*,

она становилась молочной матерью ребенка. Среди народа бытовало мнение, что якобы ребенок мог перенять черты личности кормилицы, что влияло на факт выбора кормилицы. Также со слов информантов, некоторые женщины сами напрашивались в кормилицы, возможно это было связано с тем, статус «молочной матери» являлся значимым для женщины.

Данный обряд был зафиксирован только среди заболотных татар, очевидно, является следствием влияния определенной культуры, где имелись подобные традиции, поскольку приглашение кормилиц в первые дни после рождения ребенка было достаточно распространённым явлением среди некоторых народов. Это было связано, в первую очередь, с тем, что молозиво считалось вредным и нечистым. Например, древнегреческие врачи рекомендовал отлучать ребенка от груди в первые несколько дней после рождения, пока у женщины образуется молозиво (которое считалось вредным и нечистым), а на этот период использовать молоко другой женщины [4, с. 16]. Среди мусульманских народов, наоборот, отмечалась значимость грудного молока матери для новорожденного.

Возможно, этот обычай восходит к аналогичному обычаю у тюрков и монголов золотоордынского периода, представленный «институтом имельдяшей (молочных братьев)», как способа установления родства между двумя родами [6, с. 163–164].

Среди заболотных татар был зафиксирован магический способ лечения больного зуба. Данный метод был заимствован у русских: больного усаживали и имитировали движения забивания гвоздя в зуб, при этом про себя читали русский заговор. Данный обряд мог проводить только мужчина. Текст заговора желательно было никому не открывать, передавая только при острой необходимости. После лечения необходимо было чем-нибудь отблагодарить лечащего. Факт использования сибирскими татарами русского заговора, говорит о том, что случаи межэтнического взаимодействия случались. Возможно, именно отрыв от внешнего мира настраивал заболотных татар на активный поиск новых знаний.

Таким образом, на примере магических обрядов заболотных татар можно сделать вывод, что на формирование традиционной культуры тоболо-иртышской группы сибирских татар оказывали влияние этнические контакты, природно-географические особенности территории проживания, а также мировоззрение, определенное конфессиональной принадлежностью.

Формирование народной медицины сибирских татар шло на общетюркской основе, так как традиционная сфера народно-медицинских знаний сибирских татар содержит общетюркский пласт, который включает в себя доисламские традиции и обряды, отражающие мировоззрение тюрков Сибири. Трансформация народных знаний связана с прохождением сибирскими татарами различных этапов развития, влиянием народных верований, взаимопроникновением культур соседних народов.

Список источников и литературы

1. Барсукова Р. С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнении. Казань, 2004. С. 138.
2. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. 208 с.
3. Древнетюркский словарь. М., 1969.
4. Захарова И. Н., Мачнева Е. Б. История грудного вскармливания народов мира // Медицинский совет № 16, 2016. С. 14–21.
5. Зиннатуллина Г. И. Народные медицинские знания тоболо-иртышской группы сибирских татар: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2010. 182 с.
6. Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань, 2007.
7. Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992.
8. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2014. 386 с. // https://ouipiir.ru/sites/default/files/docs/635-1402.pdf Дата обращения: 20.10.2023
9. Храмова В. В. Западносибирские татары // Народы Сибири. М.–Л., 1956.

УДК 911.373(=512.1) «18/20»
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.95.55.012
EDN: QBKUVL

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА СИБИРСКИХ ТАТАР XIX–XXI ВЕКОВ

З. Т. Шарипова
Россия, г. Тобольск

Поселения и жилища сибирских татар издревле имели свои особенности. В статье на основе сведений информантов и некоторых литературных источников отражены особенности жилищ с конца XIX по начало XXI веков. Также описаны происходившие в рассматриваемый период изменения поселений и жилищ, проведено сравнение двух населённых пунктов Вагайского района на сегодняшний день. Цель работы – выявление этнокультурных особенностей сибирских татар, которые необходимо возрождать и развивать.

Ключевые слова: сельские поселения сибирских татар, жилища сибирских татар, К. Д. Носилов, деревня Катангуй, деревня Баишевская.

RURAL SETTLEMENTS AND DWELLINGS OF SIBERIAN TATARS OF THE XIX–XXI CENTURIES

Settlements and dwellings of Siberian Tatars have had their own characteristics since ancient times. What features of dwellings from the end of the XIX to the beginning of the XXI centuries are known to us thanks to the memories of informants and some literary sources, we have reflected in this article. In addition, we described how settlements and dwellings changed during this time period and compared two settlements of the Vagaysky district to date. The purpose of our work is to draw the attention of the population to our ethno-cultural peculiarities, which need to be revived and their development supported.

Keywords: rural settlements of Siberian Tatars, dwellings of Siberian Tatars, K. D. Nosilov, Katanguy village, Baishevskaya village.

Вопрос о жилищах и поселениях сибирских татар изучен, на наш взгляд, недостаточно. Среди учёных, кто затрагивал эту тему в своих исследованиях: Ф. Т. Валеев, Н. А. Томилов, Ю. Г. Мухаметшин, Н. А. Балюк, Е. В. Титов и другие [1, 2, 3, 8, 9].

В статье использованы материалы, собранные автором в селениях сибирских татар в 2022–2023 гг. в Тюменской области и историко-этнографические публикации XIX–XXI вв. [4, 5, 6]. Работа направлена на обзор сельских поселений, конструкций, внешних декоративных элементов и интерьера жилищ в конце XIX – начале XXI в. В нашу задачу входит раскрытие темы в двух сравнительных аспектах: первый – изменение сельских построек в течении трёх выделенных нами периодов в д. Катангуй и в д. Баишевская Вагайского района и второй – различие данных поселений в начале XXI века. В статье также уделяется внимание терминологии этнографических элементов, дополняющих информативную нагрузку материалов.

Поселения сибирских татар

Сибирские татары издревле расселялись по берегам рек и озёр. Традиционно существовали зимние (*кышлык / кышлау*) и летние поселения (*йәйлек*). Летом селились на территориях, удалённых от зимнего поселения, с целью выпаса скота.

Современные деревни сибирских татар (*ауыл*) имеют уличную планировку с переулками (*урам* и *тыгырлык / тыгырык*). Часть поселений не имеет планировки, дома там строят на возвышенных местах. В центре часто располагаются: административное здание, медпункт, магазины (*лапка, кибет*). Мечеть (*мәцет*) может находится как в центре, так и на берегу реки или озера. Обычно дома одноэтажные, однако до советского времени баи или обычные трудолюбивые многодетные семьи строили двухэтажные дома – *ике катлы өй / йугары өй*. О двухэтажных домах сибирских татар во второй половине XIX в. писали такие исследователи как К. М. Голодников [9], К. В. Ельницкий [9], К. Д. Носилов [4, с. 162]. Сегодня эта традиция частично возрождается.

Заборы и плетни в прошлые времена устанавливали не все, так как не занимались огородничеством (и не переживали за своё имущество). Об этом пишет и Султан Садыков в автобиографической повести «Тропы жизни» [6; с. 20]. Сегодня же появились и огороды, и цветники, поэтому со второй половины XX в. почти повсеместно началась их установка. До 80-х годов XX в. бытовал плетень. Его изготавливали из гибкого тальника обычно в мае. Горизонтальный плетень носил название *үрмә, үрәцә, койма*, вертикальный плетень – *тесмә*. Материалом для изготовления изгороди из жердей (*цитән)* служили колья (*цәнецмә*) и жерди (*сыргый*). С образованием лесхозов появились тесовые заборы. Средняя высота заборов составляла один метр. Иногда вместо заборов складывали поленницы. Сегодня популярны заборы из профлиста, высотой 1,5 м и выше.

Планировка усадьбы

Жилой дом на участке располагается либо в центре двора (*ишек алт*), либо на линии улицы. Животноводческие постройки (*ҡура*) обычно находятся вдоль задней стороны двора. Туалет (*әҙәтлек*) устанавливают подальше от входных ворот. Рядом с домом нередко садят можжевельник для отпугивания нечистой силы. Среди посадок популярны ягодные кусты, многолетние цветы, а в последнее время всё чаще садят плодовые деревья. Среди хвойных растений на заднем дворе иногда садят кедр как символ благополучия, плодородия и богатства.

Строительство дома. Материалы и конструкция

В прошлом в строительстве дома добровольно помогали родственники и односельчане. Помощь в заготовке леса носила название – *пүрәнә өмә*, помощь в строительстве дома – *өй күтәреү өмә* [7, с. 274]. Дома изготавливали обычно из сосны (*карағай*), реже из ели (*урман ағаҙ / терге*) или пихты (*пайлан*). Считается, что последние два вида деревьев наиболее практичные и долговечные. Строевой лес заготавливают на деляне зимой, там же ошкуривают. На участок завозят в марте-апреле. Работы начинают после традиционного ритуала почитания предков – цым, в начале мая. Среди рабочих инструментов: топор (*палта*), пила (*әррә, әрлә, иғәү*), скобель (*йышҡы*), рубанок (*струг / арҙыйтыған йышҡы*), фуганок (*пуған*).

Сруб (*киртмә*), рубленный «в чашку» или «в лапу» (чистый угол), устанавливали на высушенных или обожжённых пеньках (*түңкәк*), позже – на бетонный фундамент. Между брёвнами закладывали мох (*мөк*), а между первым и вторым бревном ещё и серебряную или другую монету – для богатства в доме, для защиты от злых духов и от сглаза. Под полом сооружали подполье или погреб (*итән асты, урын асты, өй асты*). Матица (*арғалык*) в пятистенных домах располагается так, чтобы отгораживать гостевое пространство (при входе в дом – поперёк). За матицу клали лучину (*ҡасҡаҡ*) при отъезде члена семьи, хранили выпавшие зубы, документы.

Крыша (*түбә*) у четырёхстенных домов была двускатной с фронтонами, а у пятистенных и крестовых домов – четырёхскатной. Последний вид крыши наиболее устойчив при ураганных ветрах. В целях утепления жилища стены замазывали составом из глины и конского навоза, а над потолком (*өй түбә*) раскладывали бересту (*тус*), ржаную солому (*арыш салам*) и насыпали землю (*йер*).

Окна состояли из двух цельных рам. Между рамами располагали небольшие сосуды с солью или мох для впитывания влаги. От злых

духов клали ягоды можжевельника, черёмухи, острый стручковый перец. Для богатства в доме – кедровые орехи и конфеты. В редких домах окна состояли из двух створок (*йарацылма*). Иногда в окне делали форточку (*ацылма, төннөк*). Наличники (*обналичниклар / кырма тәрәс капкалар*) в домах сибирских татар появились с конца XIX в. с целью украшения жилища и защиты от сглаза и злых духов. В основе их украшения – растительный или зооморфный орнамент. Последний вид орнамента сибирские татары воспринимают нейтрально, так как наравне с исламом в сознании народа до сих пор сохранилось тенгрианское мировоззрение. До широкого распространения стекла (*шешә*) для изготовления окон использовали внутренние органы крупного скота. Такие окна бытовали вплоть до 40-х годов прошлого века.

Рис. 1. Двухэтажный дом в с. Большой Карагай, Вагайский район

Входная группа – сени (*аран*) с кладовкой (*кәсәнкә*) – часто располагается на севере, т.к. с севера наименьшая освещённость, а также пристрой на северной части защищает дом от холодных ветров. На остальных сторонах света вырезают окна (*тәрәс*), чтобы в дом проникало достаточное количество солнечного света. В прошлом у некоторых домов не было веранды, а крыльцо (*аран паш, таҡта паш, пацҡыц паш*) вело прямо в дом. Благодаря старинным фотографиям с конца XIX в. можно наблюдать на крыльце крутую лестницу (*пацҡыц*) без перил или с перилами с одной стороны (рис. 1). В домах с крестовой планировкой (крестовик) одна четверть дома использовалась в качестве сенок или клети.

Рис. 2. Кирпичная и железная печь с общим дымоходом в Тобольском Заболотье. Деревня Иземеть

Система отопления

Дома до первой половины XX в. отапливались чувалом (*цуал*) – это печь, открытая спереди, наподобие камина, очаг с прямым дымоходом для приготовления пищи и обогрева жилища [7, с. 437]. Позже стали складывать кирпичные печи, к которым иногда приставляли железную печку (*тимеркә, тимер мейец*) и делали общий дымоход (рис. 2). Металлические печи позволяют быстро нагреть помещение, а также служат для кипячения чая или приготовления пищи. Нередко используют круглые голландские печи – так называемые «контрамарки». Близ печей изготавливали перекладины для сушки дров – *цейағац* или *мауыл*. Печи также располагаются в летней кухне или на улице (рис. 3). Уличные печи под навесом (*тышкы мейец, тыш мейец, урам мейец*) для приготовления хлеба сохранились в разных поселениях Юга Тюменской области (Тобольское Заболотье, д. Аллагуловская, д. Ренчики, с. Казанское Вагайского района и т.д.). Современные дома отапливают с помощью радиаторов отопления.

Рис. 3. Уличная печь в д. Ишменева, Тобольский район

Внутренняя планировка, обстановка, убранство

Перегородки (*пүлмә пүлеү, пүлмә таҡта*) в доме делали не до потолка, чтобы осуществлялось движение тёплого воздуха. В пятистенных домах устанавливали межкомнатные двухстворчатые двери – *йа-*

рацылма – высотой 150-160 см или вешали занавески. До того, как появились половые краски, полы подметали гусиным крылом (*канат*) или мыли, выскабливая грязь ножом. На чистые полы стелили дорожки ручного ткачества (*аламыш, алатурап, келәм*).

В начале XX в. почти у всех имелись нары – *урын, урынтык*. Сегодня они сохранились в редких деревнях. Автору известны нары в д. Абаул, Баишевская, Малый Уват, Ренчики, в с. Тукуз Вагайского района. Изготовлены в новых домах в Казарово (рис. 4), имеются в некоторых музеях (рис 5). Днём на нарах принимали пищу за круглым низким столиком высотой 25-30 см, диаметром 90-130 см (*түгәрәк өстәл, урын өстәл)*, а ночью спали. Под нарами хранили овощи. В середине нар у стены располагалось почетное место *түр*, которое занимал глава семьи или уважаемые гости. Для таких гостей после приветствия произносили следующую фразу: «*Куш килтең, түргә ус*» или «*Куш килепсес, түргә усың*» (Добро пожаловать, проходите на почётное место).

Рис. 4. Урынтык в Казарово. Ретро-дом Зулейхи Алишевой

Нары накрывали камышовыми циновками (*йегән*), коврами из войлока (*кейес*), безворсовыми шерстяными коврами (*үрмәк*). Для сна расстилали пуховые перины – *түшәкләр,* пуховые тюфяки – *ментәр*, стёганые ватные матрасы тёмной расцветки – *күбешмә* или стёганые

ватные лоскутные матрасы – *күшмә,* простыни – *йәймә*, подушки с гусиным пухом – *йастыкклар*. Укрывались стёганым одеялом из ваты – *йурған,* одеялом из овчины – *тире йурған,* лоскутным покрывалом – *корама,* стёганым ватным лоскутным одеялом – *корама йурған / цицем*. Днём все постельные принадлежности складывали на сундук и накрывали покрывалом. Обычно на нарах сундуки стояли слева и справа в углу. На матице (*аргалык*) близ нар вбивался крупный гвоздь, на который подвешивали люльку – *цәңкелцәк / шәлтөп / шәлтеп / сәлтеп*. Над нарами располагали жердь (*мауыл*), на которую вешали одежду: платья, камзолы, шали, платки. Хозяйки старались вешать только красивую одежду, остальную складывали в сундуки или чемоданы.

Рис. 5. Урынтык в музейной комнате п. Андреевский, Тюменский район

В кухонной части дома и над входом располагались полки – *киштә*. На полку у входа – *ишек киштә* – клали шапки, рукавицы, шарфы. Рядом со входом располагалась вешалка с деревянными крючками или гвозди для верхней одежды – *цөй*. Вся одежда покрывалась тканевой завесой – *цымылтык / туң цатыр*. В домах охотников у входа размещали лосиные рога (*аң мөйөс*), на которые вешали шапки. В прошлом у входа размещали загородку для новорожденных телят, ягнят или козлят, это место называли *иргәнәк*.

Один из важных элементов дома XX в. был сундук – *сантыҡ*. Сундуков в доме было несколько. В них хранили одежду, украшения, деньги, книги, продукты. В прошлом веке в интерьере появились столы с высокими ножками, стулья, кровати, диваны, буфет (*кишт*ә), комод (*тарма*), маленькие и большие зеркала (*көскө*). Дом украшали вышивки, оконные (*тәрәс пәртә*) или дверные занавески (*ишек пәртә*), полотенца и салфетки. В богатых домах висели бархатные занавески – *маҡмал пәртә*. Особенно тщательно относились к заправке кроватей. К покрывалу или к простыне пришивали кружевные подзоры (*цилтәр*), над ними иногда делали вышивки. Вязанными элементами или вышивкой украшали и наволочки. Подушки ставили парами, накрывали накидкой для подушек. Некоторые кровати располагали под шатром (*цатыр*) или скрывали за занавеской (*цымылтыҡ)*. На стены вешали плюшевые ковры с изображениями животных или ковры местных фабрик с крупными цветами (Тобольской, Тюменской, Ишимской и т.д.). Над каждой дверью располагали молитвы на арабском языке написанные от руки, а позже напечатанные. Новшеством XX в. стали керосиновые лампы, самовары, настенные часы, будильники, утюги, телевизоры.

Описания домов сибирских татар путешественником К. Д. Носиловым

Русский путешественник Константин Дмитриевич Носилов так описывал один из домов в Юртах Осиновских в конце XIX в. в своём труде «По Туре, Тоболу и Исети»: «Мы заходим в один из дворов и поднимаемся по крутой лестнице. Неизменная татарская печь с колонками и восточной архитектурой, чистые, умазанные белой глиной стены, нары вдоль стен, на них циновки-коврики, неизменный низкий громадный таз (*тасайаҡ*) с медным кувшином (*ҡумған*) для омовения… Я помню, мы прекрасно ночевали на перинах и мягких пуховых подушках» [5, с. 130]. А в Юртах Тархановских исследователь отметил, что у состоятельных татар были дома в два этажа с обязательным высоким во двор крылечком с балясами, маленькими окошечками без ставней и плоскою крышей. «По крутой лестнице мы поднялись на второй этаж и попали в приёмную для гостей. Потолок низкий, окна маленькие, нары устланы циновкой и ковриками. В комнате нет почти никаких украшений: ни зеркал, ни картин, ни цветов, всё просто, стены голые и чистые, пол тоже, щели сруба плотно умазаны белой глиной, и всё так вымыто, выскоблено, что производит приятное впечатление» – пишет этнограф [4, с. 162].

Сравнительный анализ д. Катангуй и д. Баишевская

Как изменились жилища сибирских татар в период со второй половины XIX в. до начала XXI в. мы рассмотрим на примере деревни Катангуй (*Катымҡуй*) и деревни Баишевская (*Пайыш*) Вагайского района. Для удобства анализа разделим данный временной отрезок на три периода:

первый – вторая половина XIX в. – первая половина XX в.;

второй – вторая половина XX в.;

третий – начало XXI в.

Катангуй отдалён от города Тобольска на 130 км. Уличная планировка определяется наличием трёх параллельных улиц и двух поперечных. Имеется культовое сооружение – мечеть. На кладбище расположены священные захоронения – астана, в которых покоятся Шейх Юсуф, шейх Ильяс, шейх Кутби, Аптряй-куча и Мамет-куча.

В первый период деревня была очень плотно застроена. В населённом пункте было пять двухэтажных домов (*йуғары өй*). Они принадлежали местным баям (*пайлар*) или обычным трудолюбивым людям с большим количеством детей. Среди них Хайдаров Пахватдин, Сабитов Сабит, Бикшанов Айнитдин, Таушев Кульмухамет (Колгалы). Дом Таушевых был украшен деревянной резьбой, что для данной деревни того времени было большой редкостью. Одноэтажные дома были двух видов – пятистенные или шестистенные (с крестовой планировкой) с четырёхскатной крышей. Межбрёвенные щели и швы конопатили и смазывали составом из глины и конского навоза, иногда с добавлением соломы. Глиняных ям (*палцыҡ оро*) в деревне было две.

В этот период начали переходить на стеклянные окна. Абсолютно во всех домах имелись нары – *урынтыҡ*. Для отопления и приготовления пищи использовали чувал (*цуал*), пользовались и уличными летними печами. Во многих домах имелись ткацкие станки, а соответственно и домотканные дорожки. Среди мастериц были Абульбаисова Ниясбига Чаппаровна и Таушева Ашряпчамал. Для освещения применяли лучину – *цыраҡ* и керосиновые лампы. Керосин набирали в специальной ёмкости в центре деревни, стоимость оплачивали в магазине, который был открыт в конце 30-х годов. Питьевую воду приносили с Иртыша в вёдрах с помощью коромысла. Среди общественных построек функционировала двухэтажная мечеть, построенная в конце XIX в. В 30-х годах в ней расположили детский сад и клуб. В 30-х годах в центре деревни появилась шестилетняя школа. В первой половине 60-х годов открыли новую, на этот раз начальную школу близ местечка «*Кара тал*». К школе вели деревянные тротуары.

Во второй период плотная застройка сохранялась, т. к. огороды располагались на окраине деревни. Однако к концу XX века старые дома были разобраны и участки стали просторнее, благодаря чему огороды разбили на участке. Сейчас каждый участок занимает от 15 до 40 соток. Двухэтажные дома переделали в одноэтажные либо разобрали на два дома. Начали строить четырёхстенные дома. Во многих домах стены были выкрашены известью. К концу XX века в деревне появился один каменный дом.

Нары были разобраны в течение 70-х годов. Народ начал преобретать железные и деревянные кровати, кухонные серванты, шкафы. В этот период изготавлением мебели, наличников, строительством домов занимался плотник и резчик по дереву – Айнуллин Инай Айнуллович. Его работы до сих пор хранятся в домах катангуйцев.

В быту остались сундуки, самовары, лоскутные одеяла. Низкие круглые столики стали использовать для уличного чаепития «на природе». Для хранения одежды и книг появились чемоданы, однако верёвки для развешивания одежды также сохранялись. В конце 60-х годов в деревне появилось электричество, и керосиновые лампы стали элементом интерьера. Плетёные заборы сохранялись до 70-х годов. В деревне установили колонки, существовал самотёк из водонапорной башни. Закончили существование магазин и школа.

Третий период связан с разбором старых жилищ и строительством новых – четырёхстенных домов, часто с мансардной крышей. Дома за этот период обновили более половины жителей поселения, сейчас в деревне около 40 дворов. Десять домов покрыли металлическим сайдингом, построили ещё один каменный дом. Также в этот период провели газ и водопровод, закрыли колонки. В домах появились туалетные комнаты с душем, отпала необходимость строительства печей. Предметы быта прошлых периодов хранят в кладовых помещениях или отдают в местный частный музей семьи Шариповых. Возобновила деятельность сельская мечеть, построили детскую площадку, открыли ферму, где разводят коров и лошадей. 9 мая 2015 г. при финансовой поддержке Рависа Маликова открыли памятник участникам Великой Отечественной Войны «Книга памяти».

Деревня Баишевская удалена от города Тобольска на 74 км. В деревне имеется две параллельные улицы. Единственное общественное место – мечеть. Населённый пункт славится наличием очень значимого для сибирских мусульман священного места – Астана Хаким-ата.

В первый период располагалось два двухэтажных дома, которые принадлежали Хучашеву Садыку Нигмановичу и Хучашеву Усману Нигмановичу. Одноэтажные дома – пяти и шестистенные с четырёхскатной крышей. Мастером по изготовлению оконных рам был Хучашев Мухаметкалы Аптелманяпович. Во всех домах имелись нары – *урынтык* – высотой 45-50 см. В некоторых домах изготавливались дополнительные спальные места, лежанка под потолком – *лоблат*. Полы застилались домотканными ковриками – *кәләм*.

Во втором периоде нары стали заменять мебелью. На домах появились наличники, изготовлением которых занимался Хучашев Туктасын Алимович, он же был кузнецом. С 1990-х годов появились четырёхстенные дома и двухскатные крыши. На трёх домах имеются треугольные фронтоны с килевидными украшениями, что у сибирских татар ассоциируется с восточным стилем. Вертикальные плетёные заборы *тесмә* сохранялись до 80-х годов. Они изготавливались в высоту 1,5–2 метра.

В третьем периоде сохранились дома, построенные в прошлые два периода. Всего в деревне 32 двора. Один из домов имеет крестовую планировку, веранды в нём не было. Примечательно то, что почти все дома данного населённого пункта традиционно имеют веранды с северной стороны дома. В одном из домов, который принадлежит Хучашеву Максуту Аптельманяповичу, до сих пор сохранились нары. В декоративном оформлении домов применяют резные наличники, в одном из старинных домов имеется резной карниз, а новый дом на окраине украшен причелинами. Эти элементы изготовливали как в XX, так и в XXI в. В последнее десятилетие в дома провели воду, благодаря чему появились ванные комнаты.

Если сравнить Катангуй и Баишевскую, которые располагаются в одном и том же районе, но на разных берегах Иртыша, можно отметить, что в Баишевской сохранилось много старинных домов, развита резьба по дереву, до сих пор сохранились нары, что очень ценно. Деревня Катангуй имеет более современный вид, домов, построенных в прошлом веке, осталось очень мало, однако в этой деревне сохраняют старинные предметы быта, вышивки бабушек, формируют деревенский музей. В обеих деревнях имеется мечеть, древние кладбища со священными захоронениями, нет магазина, отсутсвуют медпункт и школа. Отрадно, что новые дома по традиции строят деревянными, а окна по-прежнему украшают наличниками. Близость или отдалённость от города, на примере данных деревень, не играют особого значения для развития сельской местности.

Радует, что деревни сибирских татар продолжают жить. Люди обновляют дома, содержат их в чистоте, ухаживают за своими участками и общий вид сибирскотатарских деревень всегда создаёт приятное впечатление. Подоконники часто украшены цветами, в летний период участки изобилуют яркими красками цветников.

Как бы не изменялось жилище с течением времени, частный дом в сельской местности по-прежнему является местом сохранения и развития традиций, обычаев, религиозных обрядов. Многие горожане сибирскотатарского происхождения целенаправленно задолго до пенсии начинают строить дом в родной деревне, чтобы переехать в него сразу после выхода на пенсию. Корни зовут на Родину, ближе к природе, к роду, к традициям.

Список источников и литературы

1. Балюк Н. А. Тобольская деревня. Тобольск. Типография ЗАО «Штрих», 1997. 224 с.
2. Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. 208 с.
3. История и культура сибирских татар (с древнейших времён до начала XXI века): Краеведческое пособие для студентов и учащихся старших классов общеобразовательных школ. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт», 2014. 440 с. + 32 цв. вкл.
4. Носилов К. Д. По Туре, Тоболу и Исети // Лукич. 2002. № 1.
5. Носилов К. Д. По Туре, Тоболу и Исети // Лукич. 2002. № 2.
6. Садыков С. А. Тропы жизни: Воспоминания учителя о жизни, школе, воспитании. Тобольск: ИП Жмуров С. В., 2020. 284 с.
7. Сибирскотатарско-русский словарь (Себертатарца-урысца сүслек): около 30 000 слов / сост. Ф. Ф. Марганова. Тюмень, 2019. 470 с.
8. Титов Е. В. Культура домостроительства татар Тарского Прииртышья в конце XIX – XX в. // Вестник КемГУКИ 32, 2015. С. 34–44.
9. Томилов Н. А. Этнокультурные процессы у татар Западной Сибири XVIII–XIX вв. Омск, 2011 // http://safe-rgs.ru/5775-razvitie-poseleniy-tobolo-irtyshskih-tatar.html

Информанты:

Абайдуллина (Каричева) Галия Тухватулловна, 1940 г.р., уроженка д. Саусканы Тобольского района, проживает в Тобольске с 1990 г.

Аймашев Марсель Бахватдинович, 1963 г.р., уроженец д. Супринская, проживает в д. Катангуй с 1978 г.

Айнуллин Данияр Равильевич, 1972 г.р., уроженец с. Большой Карагай, проживает там же.

Аширяпов Мухаметали Сабукович, 1935 г.р., уроженец д. Катангуй, проживает там же.

Кожевникова (Халитова) Зухра Ахметзяновна, 1947 г.р., уроженка д. Ревда Ялуторовского района, проживает в д. Петелина Ялуторовского района.

Кульмаметев Ислам Янабаевич, уроженец д. Кызылбаевская, проживает в с. Санниково.

Кульмаметева (Шарипова) Максута Шавалиевна, 1964 г.р., уроженка д. Тоболтура Тобольского района, проживает в с. Санниково Тобольского района.

Лавроненко (Арипова) Сайнура Ахтамовна, 1957 г.р., уроженка д. Подъёмка, проживает в Тобольске с 1972 г.

Маликов Дамир Таирович, 1952 г.р., уроженец д. Катангуй, проживает там же.

Махмутов Ильяр Сайдуллович, 1958 г.р., уроженец д. Медянки Татарские.

Махмутова (Махмутова) Фарида Фаридовна, 1958 г.р., уроженка г. Тобольска, проживает в д. Медянки Татарские.

Муртазина (Таймусова) Аликамал Имковна, 1949 г.р., уроженка д. Подъёмка, проживает в Тобольске с 1969 г.

Ниязов Маннур Низамович, уроженец д. Катангуй, проживает там же.

Сагитуллина Вакиля Сагитулловна, 1962 г.р., уроженка д. Катангуй, проживает там же.

Сайдуллина (Шарипова) Зульхайда, 1966 г.р., уроженка д. Малый Уват, проживает в с. Тукуз с 1995 г.

Сиаутдинова (Пурганова) Асия Салиховна, 1960 г.р., уроженка д. Ирек, проживает там же.

Таушев Зиннур Кучахабисович, уроженец д. Катангуй, проживает там же.

Тухватуллин Маркс Туктасынович, 1968 г.р., уроженец д. Катангуй, проживает там же.

Тушаков Эдуард Сафарович, 1948 г.р., уроженец д. Меримовская, проживает в Тобольске.

Тушакова (Сагачеева) Райхана Шамилевна, 1959 г.р., уроженка д. Меримовская, проживает в Тобольске с 1983 г.

Хабибуллина Суфия Хусаиновна, 1952 г.р., уроженка с. Большой Карагай

Хучашева Нурикамал Хакимчановна, 1957 г.р., уроженка д. Баишева, проживает там же.

Шарипов Шигап Чамалетдинович, 1939 г.р., уроженец д. Тоболтура, проживает в Тобольске с 1988 г.

Шарипова (Тухватуллина) Люция Туктасыновна, 1963 г.р., уроженка д. Елань-Яр Вагайского района, проживает в Тобольске с 1980 г.

УДК 83’373.6(=512.1)
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.13.30.013
EDN: QJMAXA

К ИСТОРИИ И ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМА «БАРАБА/ БАРАБ/ БАРАП»

Ж. О. Артыкбаев
Республика Казахстан, г. Астана, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева

В статье рассматривается топоним Бараба, встречающийся на территории Юго-Западной Сибири, Центрального и Южного Казахстана. Автор показывает неслучайность и связанность между собой названий этих, находящихся на значительном расстоянии друг от друга, местностей. Он приходит к выводу, что Барап – древнее понятие, означающее переход от степной территории к глухим лесам, которое стало базовым по отношению к лесостепным участкам на всем протяжении Меридионального пути между севером и югом в кочевых культурах.

Ключевые слова: Бараба/ Барап, Средневековье, лесостепь, кочевники, Юго-Западная Сибирь, Центральный Казахстан, Южный Казахстан.

ON THE HISTORY AND ETYMOLOGY OF A TOPONYM «BARABA/BARAB/BARAP»

The article considers the toponym Baraba, which occurs in the territory of Southwestern Siberia, Central and Southern Kazakhstan. The author shows the non-randomness and connectedness of the names of these localities located at a considerable distance from each other. He comes to the conclusion that Barap is an ancient concept meaning the transition from steppe territory to deep forests, which has become the basic one in relation to forest–steppe areas throughout the Meridional Path between north and south in nomadic cultures.

Keywords: Baraba/ Barap, Middle Ages, forest-steppe, nomads, South-Western Siberia, Central Kazakhstan, Southern Kazakhstan.

На огоромных пространствах Центральной Азии мы сталкиваемся с большим количеством интересных топонимов. Некоторые из них повторяются не раз, и не два, соединяя территории, народы в одно загадочное прошлое. Одним из таких распространенных исторических

топонимов является Бараба (*Бараб, Барап*). Этот топоним встречается на территории Туркестанской области Республики Казахстан, то есть на самом юге Центральной Азии. Бараб (*Фараб*) – историческое название территории, где в эпоху средневековья существовал город Отрар. Вот что пишет Ибн Хавкал об этом городе: «*Бороб – узунлиги ва эни бир кунлик (йул) дан қамроқ булган нахийадир. Унда (харбий) куч ва одамларнинг (сони) куп...*», то есть «Бороб, большой город, длина и ширина его на один день ходьбы и более. В нем много войск и людей...» [9, с. 76].

Многие исследователи средневековья склонны считать, что Бараб на юге Казахстана заимствован от арабского, и пишут на арабский лад – Фараб, хотя к этому утверждению предоставить какие-либо доказательства невозможно. Из-за этой ошибки имя великого ученого-философа Востока, уроженца Бараб Абу-Наср ал Бараби (873–950) мы пишем – аль Фараби, что является большим искажением.

Если идти по меридиональной динии, с юга на север, то следующий топоним Барап (*Бараб, Бараба*) мы встречаем в Центральном Казахстане, по пути из Астаны (историческое название – Қараөткел) в Боровое (*Көкше, Бурабай*). В данном маршруте Барап занимает серединную территорию на стыке степей и лесов. В целом центральную часть Великой Евразийской степи, которую занимают в основном мелкосопочники, казахи называют поэтическим именем Сарыарқа (*Желтая или Золотая возвышенность)*. На территории Сарыаркинского Барапа есть масса древних топонимов, овеянных в легендах и в эпическом наследии народов Центральной Азии – Домбыралы, Моншақты (эти топонимы упоминаются в эпосе «Қозы көрпеш-Баян сұлу»), Мықтың үйі (от слова Мық (Муг) – имеются ввиду курганы и рудники эпохи бронзы и РЖВ), Қыздың төбесі, Қыздың қара суы (Девичья сопка, река), Қазы батыр (один из легендарных героев постзолотордынского периода), Ханым сүйегі (место захоронения Өрес ханым, жены-калмычки Аблай хана) и т.д. На этой территории есть село Барап, озера Үлкен Барап, Кіші Барап көлдері. Мы в своих исследованиях давали описание Барапа, где отмечено, что это название отражает переход степи в лес, то есть Барап это и есть лесостепь [5, с. 146–149]. Если идти дальше по меридиану, мы встречаем следующий топоним Бараб, в формате Бараба, на территории Юго-Западной Сибири. Это огромная лесостепная местность в междуречье Оби и Иртыша, начиная от Омска до окраин Томска, включая Новосибирский регион (52°-56° с.е.). Здесь как и в Центрально-Казахстанском и Южно-Казахстанском Барапах в прошлом существовали уникальные

памятники и совершались великие исторические события, о некоторых из них расскажем ниже.

География

Рельеф для всех трех Бараб почти одинаковый, это степные равнины и луговые пространства, чередующиеся с островками берёзово-осинового леса, проще сказать, что все Барабы представляют собою классическую лесостепь. Среди этого пространства встречаются небольшие возвышенности, например, в Центрально-Казахстанском Барапе – Домбыралы (выс. 472 м) и Моншакты (выс. 230 м). В Сарыаркинском Барапе зимы холодные, продолжительные. Средняя температура примерно 17-18°С; лето, наоборот жаркое, короткое, средняя температура – 20°С. Такие же зимы бывают и на юге, де температура порою падает до -25°С. Сырдарья обычно замерзает в начале декабря и лед держится до марта месяца. Как в Сибирской Барабе, так и в Сарыаркинской лесостепи преобладают чернозёмные почвы, на юге же преобладают сероземные почвы.

Видовой состав лесостепных трав в трех Барабах конечно же отличается, поскольку юг Казахстана ближе к субтропической зоне, север же представляет континентальную. Однако между всеми тремя Барапами есть много общего в фауне и флоре. Это прежде всего ковыль (көде), которая сохраняется на нераспаханных степных участках Сарыарки и Южно-Сибирской Барабы. Ковыльные степи наиболее любимы коневодами, особенно в зимнее время. Лучшим тебеневочным кормом для лошадей служат типчак (*қау*), ковыль (*көде*), чий (*ши*), солянка (*қожа*), на севере – полевица (*иілген*), хвощ (*қырықбуын*), и в особенности – полынь (*жусан*). На территориях, занимаемых лесостепью, растут в обилии кустарники – шиповник, степная вишня и т. д. С самого начала весны пригорки Сарыаркинского Барапа покрываются разноцветными подснежниками (*бәйшешек*), все лето среди трав ярко выступают клубни разнообразных цветов. На Южно-Казахстанском Бараб флора также разнообразна, земля покрыта полынью, солянкой и джантаком, ближе к рекам преобладают тугайные заросли из ивы, тамариска, туранги и чий. Вообще Отрарский оазис занимает в долине Сырдарьи выгодное положение. Бараб в своих северных границах примыкает к хребту Каратау, южные склоны которого изрезаны многочисленными ущельями, из которых вытекают многочисленные родники и речки. В целом вся территория южного Бараба покрыты луговыми травами, зарослями шиповника, здесь встречаются ополя и карагач. Ближе к предгорьям Каратау – места удобные для выпаса скота, ближе к Сырдарье – для земледелия.

Общей всех трех Бараб является наличие многих степных рек и озёр. На юге кроме Сырдарьи все остальные реки короткие, они мелководны и неторопливы. Большинство озер в Отрарском оазисе образованы разливами р.Сырдарьи. Как отмечал еще в IX–X вв. аль-Масуди «во время половодий река заливала пространства шириной более 30 фарсахов (1 фарсах – 7-8 км – *Ж.А.*), и тогда деревни и поместья, расположенные на вершинах холмов сообщались при помощи лодок» [8, с. 224]. В «Михман наме-йи Бухара» Рузбихана читаем следующее красочное описание Сырдарьи: «В самом деле эта река необыкновенна... Течет (река) на расстоянии более трехсот фарсахов по Туркестану... все берега и окрестности ее покрыты в изобилии кормовыми травами и зарослями камыша. Из притоков и рукавов ее ответвляются большие каналы и ими орошаются возделанные земли... Может быть, среди рек мира ни одна река по множеству пользы и доходов от травы, древесного топлива и мест охоты не близка к Сейхуну. Прозрачная ее вода дарует жизнь животным... А края – словно ланиты красавиц, украшенные порослью душистых трав, – являются предметом зависти садов стран света из-за радующих душу лугов... Ты сказал бы, она – река рая, ибо полна беспредельными дарами, или, она – само милосердие, которое по милости вседержителя сказалось в обилии пользы...» [22, с. 73–74]. Из рек Южно-Казахстанского Бараба, кроме Сырдарьи, нам известны Арысь, Бөген, Боролдай, Шаян и др.

В Сибирской Барабе также много рек, из них Чулым и Каргат питают своими водами самое большое озеро Западной Сибири – Чаны көл. Среди рек Барабы известны Баган, Карасук и другие. В Сибирской Барабе немало горько-солёных озер, впрочем в казахстанских Барабах то же самое. В этих степных озерах соль плотными корками покрывает всю поверхность, местами сквозь соль проступает горько-солёная вода [7]. В такой воде практически нет жизни. Солончаки – характерная особенность всех отмеченных нами Бараб.

На юго-западе Сибирская Бараба плавно переходит к Кулундинским степям. В казахских героических сказаниях Кулунды – это легендарные зимние пастбища для богатых коневодов. Вплоть до начала XIX в. казахи осенью перегоняли через Иртыш в Кулундинские степи сотни тысяч лошадей на зимнюю пастьбу [3, с. 139–153].

Следует отметить некоторые особенности Сарыаркинского Барапа. В нем преобладает ковыльная степь, местами встречаются сосновые боры, березовые колки, прекрасные озера, окруженные причудливыми скалами и лесами. Здесь главные реки: Калкутан, Талкара, Аксуат. Озёр

также много, но в основном мелкие, соровые. Наиболее крупные из них: Итемген, Акколь, Балыктыколь, Шортанколь, Жарлыколь.

По пути из Астаны (Қараөткел) до Көкше-Бурабай мы можем четко выделить три ландшафта, во первых, расстояние от Астана до границ Аккольского административного района носит степной характер, со всему присущими ей особенностями. Во вторых, от Акколь начинается Бараб, то есть лесостепь, которая доходит до Аю тобе, центра Буландинского района. Отсюда уже начинаются сосновые леса, которые все более и более устеют к Кокше- Бурабай, из-за чего эта часть лесной территории носит название Меңіреу Қарағай. Сейчас этот топоним уже забыт, последнее упоминание его мы встречаем в географическом обзоре начала XX века: «Дорога от Алексеевки (речь идет о г. Акколь – *Ж. А.*) до с. Никольского и далее до Щучьего идет уже не по степи, а по всхолмленной местности, среди березовых и сосновых рощ (лес Менреу-Карагай)» [19, с. 358; 10, с. 143]. Таким образом, здесь как и на юге, и севере мы видим разнообразие природных ландшафтов, но все же преобладающим являются волнистые степи, который ближе к северу сменяются снова лесами.

Что касается животного мира всех трех Барапов надо отметить, прежде всего, множество косяков косуль (елік) среди березово-осиновых колков и в зарослях кустарника. Этот небольшой олень распространён не только в Сибирской Барабе, но и в южных. Еще в начале XVI в. Захир ад-дин Бабур в своем описании верхней части Сырдарьинской поймы пишет: «Сторона реки Сейхун, где стоит Ахси, степная; там много белых кийиков. Андиджанская сторона — густой кустарник; там попадается много бугу-маралов и зайцев, они очень жирные» [6, с. 22].

Вообще повсюду в Барабах можно встретить различных животных и насекомых, многие из которых тесно связаны с почвой. Здесь много трудолибивых муравьёв, включая крупных степных пауков – (*бүйі*). Повсюду можно встретить лис и корсаков, а также ушастых ежиков. Во всех Барабах водятся волки, барсуки, степные пеструшки, суслики. В Центрально-Казахстанском Барапе много сурков. В водоёмах много щук, сазанов и других рыб.

Таким образом, все три Барабы обьединяются сходством ландшафта, флоры и фауны, климатических условий, и, соответственно, идентичностью культуры и ментальностью населения.

История

В историческом плане Центрально-Казахстанский Барап входит в географическую область – Сарыарқа. Она в целом охватывает Северо-

Центральный Казахстан. В свою очередь, Сарыарка входит в систему «Арка», что означает возвышенность или хребет и включает всю степную зону Евразии, включая и Сибирскую Барабу [23, с. 110]. Сравните др.греч. Arkadia – идиллическое пространство, жители которого ведут простую пастушескую гармоничную жизнь, пастораль. От Arkadia – латинское выражение «Et in Arkadia ego».

Пастушество появилось в неолите, в результате доместикации диких животных, что привело к зарождению скотоводства, а затем и земледелия. Возникновение производящих форм хозяйства имело огромное значение для развития человеческого общества. Вся дальнейшая многотысячелетняя деятельность человека есть в значительной степени история развития, совершенствования этих двух форм хозяйства. Безусловно, уровень производительных сил, достигнутый первобытным населением в эпоху неолита, обусловил появление и других культурно-бытовых новшеств. У древнего населения Казахстана возникают зачатки горного дела и ткачества, ему уже известна керамическая посуда. Племена культуры микролитов Сарыарки выбирали в качестве поселения лесостепные районы, более защищенные от зимних невзгод, ветров и буранов, и расселились у родников и небольших рек. Этнические группы, вероятно, предки арийских и тюркских народов, обитавшие в центральной части Казахстана были связаны на юге с оседлыми регионами Мавереннахра. В центральной части территории Великой степи сохранилось громадное число древних курганов, поселений, рудников, отвалов, карьеров, оплывших ям, пещер. Из большого разнообразия памятников добычи древнего металла выделяются грандиозные рудные объекты и места обработки, месторождения золота и меди в районах, примыкающих к казахской лесостепи.

Как известно, определяющее влияние на переход к пастушеству, а затем и кочевому скотоводству сыграло коневодство. Использование лошади продвинуло древнее население степи далеко вперед. Кочевники использовали все универсальные возможности лошади как транспортного, пищевого, военного средства. Лошадь помогла беречь другой скот, отвоевывать его у других, и даже облегчала им доступ к траве, разбивая своими копытами снежный покров. Коневодство, как стержневой элемент и символ кочевой хозяйственно-культурной системы, появляется еще в III тыс. до н. э. Одновременно с конем появляются протоюрта (алашык) и другие атрибуты кочевого скотоводства.

С этим этапом истории связаны сформировавшиеся к этому времени пути миграции племен из степных равнин Сарыарка в Сибирь.

На наш взгляд, именно в это период и появляются топонимы Бараба (*Барап, Бараба*) на всем протяжении меридианального пути.

Под влиянием групп Сарыарка на древнее аборигенное население лесостепной полосы Западной Сибири, генетически связанное с современным угорским населением региона, постепенно сложилась этническая общность нового антропологического типа коренного населения западносибирской лесостепи – тюркоязычных сибирских татар [17].

В истории нового времени достаточно много фактов, иллюстрирующих тесные отношения между Сибирским ханством и степными регионами Казахстана. Более того, Сибирь в политическом и экономическом плане была тесно связана с Мавереннхром. Абулгазы хан в «Истории тюрков» местности по Иртышу, Тоболу, Туре относит к понятию Туран, а Кучум хана называет последним правителем Турана [2, с. 56–57]. Г. Ф. Миллер в «Истории Сибири» также указывает на широкие политические связи сибирских татар «в одной летописи, от которой мы имеем только небольшой отрывок, но известия которой вполне согласны с известиями других летописей, сообщается следующее: во времена Едигера и Бекбулата пришел на Иртыш с войском хан Казакской орды по имени Кучум хан, сын Муртазы, взял город Сибирь... Сын Бекбулата, спасся от него и был отправлен для безопасности в Бухару» [14, с. 192]. Получается, что не только казахская степь, но и Бухара была связана с Сибирью политическими интересами. С этого времени, то есть с XVI в. барабинцы платили ясак Сибирскому ханству, но сохраняли автономность. Наместником Кучума в Барабе был Буян (Баян)-бий, из аргынского племени, резиденция которого находилась в городе Тон-Тура (Вознесенское городище, Кузнецова Гора) [12].

Известно, что после многолетней борьбы против русской оккупации Сибири Кучум направился вверх по Ишиму (Есіл) и некоторое время жил у озера Коргалжин [14, с. 293]. С конца 20-х годов XVII в. колониальная война получила второе дыхание. Борьбу против русских возглавили внуки хана Кучума Аблай-Керей (Аблайгерим), Девлет-Керей, Тауке и Бука султан. Летом 1628 г. Аблай-Керей с большим войском, составленным из своих воинов и присоединившихся восставших барабинских татар сжег Барабинский острог. Все деревни вокруг острога была разграблены и сожжены [1, с. 75–84]. Основной базой сопротивления служили регионы в верховьях р. Ишим (Есиль), которые входит в понятие Барап, то есть Центрально-Казахская лесостепь.

Тесные контакты, включавшие как политические, так и экономические, а также культурные между населением казахстанских Барапов и Сибирской Барабой сохранялись вплоть до конца XVIII в. Эти взаимоотношения между казахами и сибирскими татарами были особо актуальны в период правления Тауке хана (в самом конце XVII – начале XVIII в.) [21, с. 177–180].

Меридиональный путь

Для дальнейшего анализа темы нам следует попытаться раскрыть содержание понятия «Меридиональный путь».

В научных кругах уже давно известно о том, что Центральный, а также Северо-Восточный Казахстан в древности были одними из самых мощных центров древней металлургии и территорией с развитыми по тем временам транспортными коммуникациями. Многочисленные археологические и этнографические материалы свидетельствуют об участии населения Казахстана в основных цивилизационных прорывах человечества.

Судя по археологическим материалам, уже в эпоху неолита меридиональный путь становится путем интенсивной торговли между югом и севером. В степях Казахстана, вдоль маршрутов Великого меридионального пути возникают крупные очаги неолитической культуры в виде небольших городищ – центров кремневой индустрии и ранних металлургических разработок [13].

Великий меридиональный путь с момента возникновения колесных повозок и верхового коня (III тыс. до н. э.) приобрел определяющее значение для всей последующей истории Евразии. Надо полагать, что вдоль маршрутов Великого меридианального пути проходили интенсивные культурные и политические контакты, обмен и торговля, проникновения технологий и развития цивилизационных ценностей. Науке еще предстоит выяснить периодичность и интенсивность его действий на различных этапах истории, определить основные трассы и ответвления, со временем охватившие огромную территорию Евразии от таежных просторов до Среднеазиатского междуречья. «Меридиональные связи с цивилизациями юга в сибирских просторах были также исконными, постоянными и естественными, их существованию благоприятствовало направление рек и долин» – пишет известный исследователь И. Л. Кызласов в статье «Закономерности Евразийских степей с древности до нового времени» [11, с. 10].

Выгодность и преимущество меридионального пути прямо связано с близостью на юге развитого земледельческого региона. К Мавe-

реннахрскому очагу оседлой культуры примыкал связанный с Великой степью маргинальный Туркестано-Ташкентский оазис. Вероятно, еще в поздненеолитическую эпоху, когда на юге действовали Намазги, Джейтун и др., на юге Казахстана, на стыке двух хозяйственно-культурных типов, появились первые городские поселения. Вряд ли стоит доказывать, что причиной появления ранних городов в Туркестано-Ташкентском оазисе (по р. Сырдарья) была торговля и обмен между кочевниками и земледельцами юга. Именно торговля рассматривается нами как основной градообразующий фактор в указанной маргинальной территории. Город растет, в первую очередь, как пункт торговли, во-вторых, как центр ремесленного производства, и, в-третьих, как административный центр.

Мы, уже говорили о том, что хозяйственное освоение меридиональных путей относится ко времени возникновения и формирования коневодства, т.е. к эпохе позднего неолита. В различных архаических вариантах древних сказаний параллельно встречаются как охотничьи, так и коневодческие сюжеты.

Переход к постоянным маршрутам и стабилизация мест зимних стоянок племен связывается с наступлением сакской эпохи. Речь идет о формировании не столько стабильных маршрутов, а скорее всего, комплексного хозяйственно-культурного уклада, сочетавшего кочевое скотоводство в северных регионах и оседло-земледельческое на юге. Временами, в силу каких-либо внутренних причин или под давлением внешних обстоятельств, происходит выплескивание части племен за пределы Великого степного пояса Евразии. Эти, так называемые элитные движения, оказывали кардинальное воздействие на судьбы оседлых культур Востока и Запада. В то же время, для большинства из них характерна обратимость. Так, легендарный предводитель кочевников Огуз хан после каждого похода возвращается в свой коренной юрт, в горы Эрь-таг и Герь-таг, т. е., в Центральный Казахстан [4, с. 99–110].

Великий меридиональный путь самый рациональный путь ведения хозяйства у поздних кочевников. В золотоордынское и постзолотоордынское время этой системой было охвачено не менее миллиона человек, находящихся в состоянии постоянных перекочевок с севера на юг и обратно.

Меридиональный путь с древнейших времен стал служить культурно-духовным целям народов Центральной Азии, следовательно, его можно рассматривать как ось Великой степной культуры Евразии. Эпицентр системы координат Евразийского степного мира находился в

Сарыарке, известной как политический и культовый центр, как «отчий дом». Здесь вызревали наиболее сложные процессы в истории кочевничества и наиболее остро ощущалось нарушение мировой гармонии, по зову которой стремились степные пассионарии.

Что означает Барап?

Обычно в российской историографии значение Бараба объясняют как «чистое поле, плохая земля, где растет полынь», что совершенно не соотвествует первоначальному смыслу этого слова. Географическое и историческое описание трех рассмотренных нами в данной статье Барапов в трех точках меридионального пути сами по себе говорят о местах, удобных для проживания и ведения хозяйств. Бараба (*Барап, Бараб*) – это, прежде всего, лесостепь, где богатые рыбой озера и реки, плодородная почва, где произрастает все, где можно строить зимовки, защищаться от буранов, пасти лошадей зимой.

В казахской архаике изначальное значение слова «барап» – пучок конских волос, прикрепленных к верхушке шлема (дулыға) степных воинов. Интересно, что в Центрально-Казахстанском Барап мы видим отдельные сосны, возвышающиеся над березово-осиновыми колками. Внешне это очень напоминает пучок конских волос, прикрепленных к навершию шлема. Следует отметить, что к шлемам наиболее известных особ, представителей дома чингизидов спереди прикрепляется «жыға» (султан), из позолоченных и серебряных перьев.

Основой для оявление понятия Барап, возможно, послужило слово «бар», что в переводе с языка означает «переход» (өту, өтпелі), указывая на то, что Барап – это переходная территория от степной зоны к лесам [18, с. 364–366; 20, с. 65].

Таким образом, мы можем подытожить, что Барап – очень древнее понятие, означающее переход от степной территории к глухим лесам (Меңіреу қарағай). Со временем оно стало базовым по отношению к лесостепным участкам на всем протяжении Меридионального пути (Ұлы жол) между севером и югом. В географическом плане лесостепь – наиболее типичный ландшафт всех трех Бараб.

Первое звено на этом пути – Южно-Казахстанский Барап, начинается в тех местах, где река Арысь впадает в Сырдарью. Устье р. Арысь, когда она поворачивает в сторону Сырдарьи, носит название Шәуілдер (shaulder). Безусловно, это место, сплошь покрытое тугайными зарослями, и есть начало распространения понятия Бараб. Одновременно это слово также указывает на древность базовых топонимов Центральной Азии.

Список источников и литературы

1. Абдиров М. Ж. Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы: «Жалын», 1996. 188 с.
2. Абул-л-Гази. Родословное дерево тюрков / пер. и предисл. Г. С. Саблукова; с посл. и примеч. Н. Ф. Катанова. Казань: Типо-лит. Имп. Ун-та, 1906. 336 с.
3. Андреев И. Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. 2-е изд. Астана: «Алтын кітап». 2007. 210 с. (Библиотека казахской этнографии. Т. 26).
4. Артыкбаев Ж. О. Казахское шежире: источник и концепция истории Великой степи. Астана: «Алтын кітап», 2012. 496 с.
5. Артыкбаев Ж. О. Есіл-Нұра екі су. Ақмола облысы жер-су атауларының құпиясы. Нұр-Сұлтан: Л. Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, 2021. 368 б.
6. Бабур Захир ад-Д ин. Бабур-наме. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1992. 312 с.
7. Бараба и Кулунда. http://www.balatsky.ru/VIDEO/Video_Baraba.htm // Авторы фильма Николай Балацкий, Андрей Мугако. Новосибирск, 2002.
8. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана / В. В. Бартольд. Соч. Т. III. М., 1965.
9. Ибн Хавкал. Китоб сурат ал-ард. Тошкент, 2011. 400 б.
10. Красовский М. Область сибирских киргизов. Ч. 1. СПб., 1868. 128 с.
11. Кызласов И. Л. Закономерности Евразийских степей с древности до нового времени // Степной край Евразии. Материалы III-го Международного Евразийского форума. Астана, 2003. С. 8–10.
12. Культурное наследство НСО/ http://www.nasledie-nso.ru/node/290
13. Маргулан А. Х. Сарыарка. Горное дело и металлургия в эпоху бронзы. Джезказган – древний и средневековый металлургический центр (городище Милыкудук) // А. Х. Маргулан Сочинения. Т. 2. / сост. Д. А. Маргулан, Д. Маргулан. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 144 с. + вкл. 40 с.
14. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.–Л., 1937.
15. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М.–Л., 1941.

16. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. М., 2005.

17. Наумова О. Ю. Этническая генетика тоболо-иртышских сибирских татар по данным о разнообразии митохондриальной ДНК. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук. М., 2008 // https://earthpapers.net/etnicheskaya-genetika-tobolo-irtyshskih-sibirskih-tatar-po-dannym-o-raznoobrazii-mitohondrialnoy-dnk.

18. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. 1–3. М., 1958.

19. Россия. Полное географическое описание. Т. 18. Киргизский край / под ред. В. П. Семенова. СПб., 1903. 470 с.

20. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1978. 349 с.

21. Тычинских З. А. Об этнических контактах сибирских татар и казахов в период средневековья // Научное творчество Л. Н. Гумилева и история народов Евразии: современные подходы и перспективы: Труды VIII Международного Евразийского научного форума, посвященного 20-летию независимости Республики Казахстан / под ред. Е. Б. Сыдыкова. Астана: изд-во ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2011. С. 177–180.

22. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р. П. Джалиловой / под редакцией А. К. Арендса. М.: Восточная литература, 1976. 106 с.

23. Халид К. Тауарих хамса шархи: бес тарих. Алматы, 1992. 304 б.

УДК 398.5(=512.1)
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.30.39.014
EDN: QUYUBC

ЖИВОТНОВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ТЕКСТАХ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯЗЫКА ТОБОЛО-ИРТЫШСКИХ ТАТАР[1]

Х. Ч. Алишина
Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет

В статье на основе описательного метода анализируется богатая терминология сибирских татар Притоболья и Прииртышья, связанная с коневодством. Лексемы, отражающие занятия верховым коневодством, названия лошадей в зависимости от внешнего вида, масти, возраста, терминология конской сбруи, народных игр впервые выявлены в малых жанрах устного народного творчества сибирских татар – пословицах, поговорках, коротких песнях.

Ключевые слова: диалекты сибирских татар, фольклор сибирских татар, коневодческая лексика, лошадь, конь, кобыла, жеребенок, конская упряжь, игры в кости.

LIVESTOCK VOCABULARY IN THE TEXTS OF FIELD STUDIES OF THE LANGUAGE OF THE TOBOLO-IRTYSH TATARS

The article analyzes the rich terminology of the Siberian Tatars living near the Tobol and the Irtysh rivers related to horse breeding on the basis of a descriptive method. The lexemes reflecting breeding of riding horses, the names of horses depending on appearance, color, age, terminology of horse harness, folk games were first identified in verbal folklore of the Siberian Tatars – proverbs, sayings, short songs.

Keywords: dialects of the Siberian Tatars, folklore of the Siberian Tatars, horse breeding vocabulary, a horse, a male horse, a female horse, a foal, horse harness, dice games.

Сибирские татары живут в бассейне Иртыша, Средней Оби и их притоков. Они расселены в сельских населенных пунктах и го-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект»

родах Кемеровской, Новосибирской, Томской, Омской, Тюменской областей.

«Сибирские татарские диалекты относятся к кыпчакской группе тюркских языков, в которой тоболо-иртышский диалект занимает промежуточное положение между татаро-башкирской и кыпчакско-ногайской подгруппами; барабинский диалект носит следы смешения признаков той и другой группы с восточно-тюркскими элементами, проявляя сходство с алтайским, киргизским, хакасским, шорским, чулымско-тюркским и тувинским языками, томский диалект соединяет в себе черты северо-восточной группы с поволжско-татарской с тенденцией развития в сторону последней» [19, с. 266].

Цель работы – комплексное междисциплинарное исследование и описание лексики коневодства в современном устном народном творчестве сибирских татар.

Богатое устное народное творчество татарского народа представлено в многотомных сводах, изданных Академией наук Республики Татарстан. У каждого региона в зеркале многовекового татарского фольклора есть своё лицо. Сибирь в науке называют страной дастанов, т.к. здесь В. В. Радловым были обнаружены и опубликованы ценнейшие памятники духовной культуры «тобольских, тюменских, тарских и эскалбинских татар» – сказки, дастаны, баиты, исторические песни и предания [10].

Материалом исследования послужили неопубликованные данные, собранные автором во время многолетних полевых экспедиций в татарские населенные пункты Тюменской области. Кроме того, использованы единичные фольклорные сборники народных собирателей-энтузиастов Альминур Патршиной, Зульхайды Сайдуллиной, Зайтуны Каримовой, изданные малыми тиражами. В качестве источника фольклорных данных использован роман местного писателя Я. К. Занкиева «Ялкында өтелгән мәхәббәт» [6; 7]. Роман написан на татарском языке, переведён на русский язык и издан в Тюмени автором данной статьи.

Древние, богатые, самобытные и многообразные лексические единицы группы «Скотоводство», входящие в состав тоболо-иртышского диалекта сибирских татар, изучены недостаточно. С этой точки зрения наша работа о функционирующих в современном фольклоре названиях лошади, конского снаряжения, представляет большой интерес как для тюркского, так и для татарского языкознания.

Нами впервые предпринята попытка обратиться к анализу песен, пословиц и поговорок татар Тоболо-Иртышского языкового ареала, в которых в оригинальном виде сохранилась интересующие нас слова.

При исследовании лексики мы обращались к двуязычным словарям, таким, как «Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище учителем татарского языка Иосифом Г'игановым и муллами юртовскими свидетельствованный», «Словарь диалектов сибирских татар» Д. Г. Тумашевой. Из словарей современного типа использован новейший «Отраслевой словарь кумыкского языка», изданный в бумажном и электронном вариантах. Кумыкский язык, как и татарский, входит в кыпчакскую группу тюркских языков. Базовыми словарями стали толковые, диалектологические словари татарского языка. Автор статьи является носителем тоболо-иртышского диалекта.

Лошади с древних времен играли в жизни человека немаловажную роль. Люди приручили этих животных более четырёх тысяч лет назад. На территории Тюменской области археологами обнаружены древнейшие захоронения человека с конем, бедренной частью ноги домашнего животного. Такие захоронения находят аналогии в погребальном обряде скифов, савроматов, кочевников Алтая, сарматов, они характерны для погребений знати. В качестве сопроводительной пищи использовали переднюю ногу, лопатку, крестец лошади, реже - заднюю ногу, голову, тазовую кость [5, с. 91].

Кони выполняли функцию транспорта, их запрягали под вьюк, в сани и телегу, ездили на них верхом. Их выращивали для продажи русскому населению. Конские шкуры выделывали, из полученной кожи изготавливали ремни, конскую сбрую, обувь.

Общетюркское название лошади, коня – «**ат**». Зоолексема «**ат**» встречается в фольклорных текстах тоболо-иртышских татар в прямом значении. Например, «Карурманны үткән чакта, **атым** китте сыу буйлап» (Проходя сквозь дремучий лес, пошёл мой конь вдоль реки» (инф. Юнусова Г. А.). «Кеше **аты** – тирчел, кеше киеме – керчел» (Чужая лошадь – потливая, чужая одежда – маркая) [8, б. 32]. **Атың** йемер булса, бирде Ходай! Хатының йемер булса, орды Ходай! (Если аппетит у коня хороший, дал Бог. Если аппетит у жены хороший, кинул Бог) [8, б. 32].

«Күл буена томан төшкән, күреп булмый **атларны**. Битләремә йабып йоклыйм сездән килгән хатларны» (У озера густой туман, не видно лошадей. Я сплю, закрыв свое лицо вашим письмом» (инф. Анварова А. В.). «Қом сәхрәсентә вақ-вақ қар йауа, ямщикның **аты** моңай-

ып пара» (В песчаной степи идет мелкий-мелкий снег. Лошадь ямщика идёт, понурив голову) (инф. Юнусова Г. А.) «Шәмшетдиннең **атлары** ашлау төбөн кимерә. Рәгесләрнең қыслары йегет күрсә тилмерә (Кони Шамшетдина грызут дно корыта. Девушки аула Рагес с ума сходят, увидев джигитов) (инф. Абдубаков В.) «**Атны** йебәртем атлатып, француз шәлен таптатып. Қыс йанына йегет йөрей, ун пармағын шартлатып» (Пустил свою лошадь иноходью, французскую шаль топчет. Джигит ходит вокруг девушки, щелкает десятью пальцами) (инф. Янтимиров И. Б.)

Лексема «**ат**» используется в сравнительных оборотах «Егет аның алдында бурычлы. Шуңа күрә кулга **ияләштергән аттай**, ни кушсаң, шуны эшләр» [7, б. 131]. «Джигит ему должен, поэтому будет подчиняться, как объезженный конь [6, с. 133].

Лошади (**ат**) и кобылы (**бия, пейә**) в фольклорных текстах дифференцируются по масти. Окрас волосяного покрова коня имел большое значение для наших предков. Существовало предубеждение: «Никогда не покупай рыжей лошади, продай вороную, заботься о белой, а сам езди на гнедой». В словаре Иосифа Гиганова в конце XVIII в. зафиксированы следующие цветовые лексемы: **акъбузъ** атъ – бълко, **ала** – пестрый, **ала** атъ – пегой, **дуры** атъ — гнъдая лошадь, **ираннъ** – рыжїй, **ирянnъ** атъ – рыжей, **кара** атъ – вороной, **каръ** атъ – мухортой, **кюгъ** атъ – сивый, **кюкъ** – синїй. Спустя две сотни лет после Гиганова, пройдя экспедиционными тропами по населенным пунктам юга Тюменской области с целью изучения говоров сибирских татар, мы также обратили внимание на специфику обозначения мастей: Рыжая – **ирәң** ат, бурая лошадь – **көрәң** ат, вороная – **қара** ат, гнедая – **туры** ат, чалая – **бурыл** ат, каурая – **қола** ат, сивая, белая – **күк** ат, голубая – **соро** ат, **цал** – пегая, **цаптар** – рыжая с белой гривой, **пылайақ** – пестроногая [5, с. 81].

Во многих кыпчакских языках описания масти совпадают с нашими. Возьмем, к примеру, кумыкский: **акъ ат** – белая лошадь (масть); см. КРС **акъ ат** лошадь серой масти, **акъ гоган тюс** – светло-серый цвет (коня) (букв. цвет белого тёрна), **акъ ял ат** – белогривый, соловый (о масти лошади) [14, с. 53], **гёк ат** 1) – серая лошадь (масть); **гоган тюслю** ~ серый конь цвета тёрна 2) редкий вид красивой лошади [14, с. 54]. **Жийрен ат** – (каяк. къанцIа) рыжая лошадь (масть); ~ елге елимес рыжая лошадь ветра не испугается [14, с. 54]. **Сари ат** – желтогривая лошадь (масть). **Сариот ат** – буланый конь [14, с. 56]. **Тор ат –** гнедая лошадь (масть) [14, с. 56].

Приведем примеры, в которых существуют анализируемые лексемы цветообозначения. **Көрәң ат** – название сенокоса «Бурая лошадь». С определением «**күк**» в д. Чебурга Тобольского района имеется микротопоним «**Күк ат йаткан**» (синяя лошадь похоронена), что может указывать на захоронение «синего», т. е. белого, священного коня. «Салаларның йеккән **аты - ак** бия дә **күк** бия, Күкрәндегә китеп бара. Аппас белән Зәкия» (Жители аула Сала запрягают своих коней – сивую кобылу да белую кобылу. Аппас и Закия поехали в аул Кукранде) (инф. Карманов Я. А.). Цветообозначение «**күк**» (букв. синий) находим в коротких лирических песнях татар:

Ай, **күк атлартай** гына йат була.
Қулың белән тапқан малың бетсә,
Үз туғаннарың да йат була

(Ай, серые лошади бывают чужие. Нажитое трудом имущество кончится, свои родственники тоже станут чужие (инф. Шангиряева М.).

«Қара атымны тапшыр әткәмә. Қайнар сәламем – газиз әнкәмә» (Моего вороного коня передайте отцу, мой горячий привет – милой маме) (инф. Юнусова Г. А.). «Әптелмән купецның **қара туры аты**. Цапқан атқа қаршы йурғалый». (У купца Аптельмана вороная лошадь. Идёт навстречу бегущему коню) (инф. Хабибуллина З.).

«Соры атқайым солы ашадың, Сабира өчен башымны ашадың» (Голубая лошадь овес ела, из-за Сабиры моя голова пропала) (инф. Юнусова г. А.). «**Ала бия** атламас, **йерән бия** йысламас» (Пегая кобыла не пойдет, рыжая кобыла не понюхает). [8, с. 15]. «Ақ укқа белән сары укқа, **Ақпүс атқайыма** пулсын **тилбегә** (Белый бисер и желтый бисер, моей белой лошади пусть будут вожжи) [9, с. 64].

Слово **«йылғы**» в значении «лошадь, конь» у сибирских татар сейчас почти вышло из употребления. Например, в предложении «Урал гына тауның, ай, башынта йөрей икән **йылғау** көтөүе» (На высоких горах Урала пасётся стадо коней»), словосочетание «**йылғау** көтөүе» (стадо коней) ошибочно определяется информантами как «стадо овец».

Жеребенок – детеныш лошади до двух-трех лет. В говорах сибирских татар для его обозначения существуют следующие словоформы: **«қолым, қолонцақ, қолон, қонцақ** – жеребенок» [2, с. 120]. Данная лексема также может употребляться в переносном смысле как синоним слова «сын». В 1963 г. я впервые услышала его от бабушки. Сидя на похоронах у изголовья сына, она гладила его голову, лоб, негромко говоря: «**Қолыным, қолыным**...» (Мой жеребенок...).

В баитах, сложенных в связи с трагическими событиями, в значении «сын» тоже может употребляться слово **«қолын»** (жеребенок):

«Йалаң йертә туқмақ йеләк уңар мигән,
Аны йыйып сауыт қына тулар мигән?
Қолыным Ибәтулла өйгә әйләнеп
Кайтыр ғына көнө пулар мигән?
Йалаң йертә сыйыр йата посау белән,
Ибәтулла көне-төне сар йотаты
Сықтау белән, сықтау белән».

(Вырастет ли клубника на поляне, собрав ее, наполнится ли посуда? Мой «жеребенок» Ибатулла вернется ли домой, наступит ли такой день? На полянке корова лежит с теленком, мой Ибатулла горюет день и ночь, плачет он, плачет он). Собиратель баитов Әлминур Патршина отметила: «Этот баит у жителей д. Чечкино Ярковского района Тюменской области записал Шарапов Ильдар Талхатович в 1992 г.»

«**Тай**» – жеребец в возрасте двух-трех лет. «Пулған икән Пикчәнтәй, йеккән икән сиксән **та°й**» (Жил-был Бикчентай, запряг он восемьдесят жеребцов) (инф. Талипова М. Б.)

В диалектах сибирских татар имеется специфический состав слов, связанный с предметами и принадлежностями для седлания, запряжки, управления лошадьми. К конской сбруе традиционно относятся вожжи, дуга, недоуздок, подбрюшник, подпруга, потник, седло, удила, узда, хомут, чересседельник, шлея и др.

«Конская сбруя: **айцық** – пряжка узды, **айыл** – подбрюшник, **йағлық** –закрутка на губу лошади, которая неспокойна при ковке, **қамытқолақ** – гуж, **қанцыға** – ремешки у седла, **қаңға** – остов седла, **қойошқан** – шлея, **қолақпау, күмелтек** – часть верхней сбруи, **мөйәт** – хомут, **сулық** – удила, **сыртлық** – чересседельник, **таға** – подкова, **үгән, йөгән –** узда, **сағалтырық** – ремень узды под нижней челюстью, сом алтын – «нокталары сум алтын» (уздечки из чистого золота) [5, с. 91].

В работе томского ученого М. А. Абдрахманова приведены названия конской упряжи, телеги, саней: аркалык, дугъа, йәр, йугъән, кал’ца, камът киизь, камът эце, камцы, камът, камът йагъы, кулак пау, кулан, намйотка, нокта, сулук, сыртылык, тескен, үзәнгъе [1, с. 196].

В фольклорных текстах, собранных нами, чаще встречаются **«тилбегә»**, «**йөгән**», «**тага**», «**ийәр**».

Тилбегә (вожжи):

Мин ауылтан киткән чақта

Қалты **қайыш тилбегәм.**

Тилбегәмә қайғырмайым

Қалты туған ил генә

(Когда я уезжал из деревни, остались там кожаные вожжи. Я не горюю из-за вожжей, жалко только родную страну) (инф. Шангиряев С.)

Иләнгәкәй **атым** пулса игән,

Тилбегәсен қақмай илсә игән

(Был бы у меня быстрый конь, при наклоне головы не сбрасывал бы вожжи) [9, с. 67].

«Можно предположить, что слово **«тилбегә»** происходит от монг. дэл «конский волос». Ср.: як. дэлбэргэ «веревка из белой конской гривы, для перевязывания чаш и ковшей во время религиозного обряда». В мишарском диалекте татарского языка «делбегә – веревка потоньше канатной веревки» [11, с. 101]. В кумыкском языке «телбав» (арх.) – поводья для рабочей лошади, вожжи» [14, с. 56].

Узда (**йөгән**), одна из важных частей упряжи, позволяет четко управлять лошадью. Она состоит из удил, поводьев, недоуздка, который надевается на голову. Словарное гнездо данного термина в кумыкском языке выглядит так: «**юген** (*гелин*. ёген) узда, уздечка, чембур; ~ этмек изготавливать уздечку; ~ин салдым я обуздал коня. **Юген**ин чечмек (*башл*. егьерлерин тайдирмакъ) разнуздать (*букв*. снять узду). **Юген**лемек (*башл*. юген салмакъ) надевать узду» [14, с. 56].

О важном значении уздечки иносказательно говорится в поговорке ялуторовских татар «Ирсез хатын – **йөгәнсез ат**» (женщина, не имеющая мужа, что лошадь без узды) [8, с. 15].

Подкова (**дага, тага**) – это металлическое изделие для защиты копыта коня от износа.

Атымның **тагасы** алтын, айайым алтырғалы.

Айайым, иркәм, айайым йатларға қалтырғалы.

(У моего коня подковы золотые, жалко их снимать. Жалею свою любимую, жалею оставлять чужим) [9, с. 77].

Седло (**ияр**) – предмет конской амуниции для езды верхом.

Әти миңа **ат** пирте,

Иярлә тә **цап,** тите.

Урамта матур қыслар күрсәң,

Қоцақла та йат, тите.

(Отец дал мне коня, запряги его и скачи, сказал. Увидишь красивую девушку, обними её и ложись, сказал). (инф. Мухаметшина М. Н.)

В культуре сибирских татар раньше существовали игры с костями животных, в частности, с конскими бабками. Вообще, это древние игры народов, живших вдоль Великого Шелкового пути. Игра заключается в ловкости бросания костей животных. В эту игру охотно играли и дети, и взрослые. Описание старинной игры **«Бәкмә»** находим в романе Якуба Занкиева. Семантика слова казанским и сибирским читателям непонятна, поэтому в сносках он даёт пояснение: «**Пәкмә** – атның тубыгының сөяге (косточка коленного сустава лошади). В литературном языке этому термину соответствует «**бәкәл**».

«**Бәкмә**» (**ат бәкәлләрен** тезеп бәрү уены) уйныйлар олатасы белән малай. Әллә кайчаннан бирле сакланып килгән бер чиләк **ат бәкәлләрен** шыңгырдатып бушаталар. Кызылга буялган иң саллы **бәкәл «сага»** белән унбиш-егерме адымнан чиратлашып тезеп куелган бәкәлләргә бәрәләр» [7, б. 17]. (В свободное время они с дедом любили играть в «**бәкмә**» (игру с костями) или бабки. Конские бабки, сохранившиеся с незапамятных времен, высыпают из ведра на землю. Выстраивают их рядком. Задача – свалить бабки с нескольких метров ударом тяжелой биты, выкрашенной в красный цвет. Играют с азартом: то дед собирает выигранные бабки, то внук бросает в свою сторону упавшие кости) [6, с. 19].

В фольклоре татар Ялуторовского района Тюменской области под названием «**Саға**» мы записали упоминание об этой игре от информанта Шариповой Палкии, 1937 г.р.: «**Саға. Пәкмә**не салып ир баллар уйнаған. Урамның оцона цығып китәтегеннәр ите. Орған сайын анауы **пәкмә** оцаты, а°наулар қуып цығып китәтләр” (В игру “Сага” играли мальчики. Обычно они уходили в самый конец улицы. При каждом ударе косточки далеко летят, мальчишки бегут за ними).

Раньше в татарских деревнях держали много скота. Каждый мальчишка имел свой мешок с коленными косточками лошадей. Среди всего набора обязательно находилась козырная кость или **«саға».** Если выиграешь этот главный трофей, ты победитель. Кость «**саға**» красили в красный цвет. Иногда в такую кость для веса заливали «кургаш», т.е. свинец. Говорят, в стародавние времена ханским детям «**саға**» заливали даже золотом.

Детское словечко «**бахбай**» в значении «**лошадь**» выписано из книги Я. К. Занкиева, где автор с лошадью сравнивает автомобиль: «Чыгымчы **бахбай** кебек, машина уңга, сулга боргалана башлады» [7, б. 53] («Машина, как норовистая лошадь, начала поворачиваться то вправо, то влево» [6, с. 55].

Таким образом, обращение к фольклорным материалам тоболо-иртышских татар оказалось весьма плодотворным. В неопубликованных произведениях устного народного творчества хорошо сохранились названия, связанные с понятиями лексико-семантического поля «Лошадь. Конская сбруя». Анализируемые слова в основной массе являются общетюркскими, что также подтверждается лексическими параллелями в одном из кыпчакских языков, а именно, в кумыкском языке.

Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что мы методом фронтальной выборки обнаружили новые термины «пәкмә», «сага», отсутствующие в современных словарях татарского языка. Сопутствующим результатом нашей работы является выявленный факт, что у сибирских татар при игре в бабки («пәкмә», «сага») применялись конские кости. Мониторинг ресурсов интернета показывает, что у других народов используются кости быка, козы, овцы. Упоминания о конских костях отсутствуют.

Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством, на материале произведений устного народного творчества таит в себе огромный потенциал для научных открытий и эту работу необходимо продолжать.

Список источников и литературы

1. Абдрахманов М. А. Особенности развития словарного состава при диалектно-языковом смешении // Уч. зап. Томского гос. пед. института (ТГПИ). Т. XVIII. 1959. С. 195–220.
2. Алишина Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. Казань, 1994. 118, [2] с.
3. Алишина Х. Ч. Язык сибирских (тоболо-иртышских) татар. Тюмень: Печатник, 2019. 197 с.
4. Алишина Х. Ч. Ономастикон сибирских татар: (на материале Тюменской области) [в 2 ч.]. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 1999.
5. Алишина Х. Ч. Исторический ономастикон сибирских татар. Тюмень: «Печатник», 2016. 573 с.
6. Занкиев Я. Любовь, объятая пламенем: роман / пер. с тат. Х. Алишиной. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2001. 280 с.

7. Зәнкиев Якуб. Ялкында өтелгән мәхәббәт. Роман. Төмән: Вектор-Бук нәшрияты, 1999. 312 б.

8. Каримова З. Авылым сөйләшләре. Ялуторовск: Ялуторовская типография. 2006. 33 б.

9. Патршина А. Себер татар халык җәүхәрләре. Төмән: Сити-пресс. 2006. 84 б.

10. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872. 411 с.

11. Рахимова А. Р. Лексика диалектов сибирских татар (сравнительно-исторический анализ промысловой и хозяйственной лексики). Казань: Мастер-Лайн, 2001. 128 с.

12. Сайдуллина З. С. Себер татар халык авыз иҗаты. Тубыл. 2019. 74 б.

13. Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище учителем татарского языка Иосифом І'игановым и муллами юртовскими свидетельствованный. СПб., 1804. 280 с.

14. Таймасханова Т. Г., Абдуллабекова У. Б. Словарь отраслевой лексики кумыкского языка. Махачкала: Алеф. ИЯЛИ ДФИЦ РАН. 2020. 236 с.

15. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. Казан: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. 1977.

16. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге /төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыйкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Тат. кит. нәшр., 2009. 839 б.

17. Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань: изд-во КГУ. 1992. 255 с.

18. Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар: опыт сравнительного исследования. Казань: Издательство Казанского университета, 1977. 289 с.

Информанты

Абдубаков Валинур, 1970 г.р. Ярковский р-н, д. Матмассы

Алимбаев Рахимгарай Ильясович, 1928 г.р. Ялуторовский р-н, с. Яр

Анварова Абиля Варисовна, 1935 г.р., Ярковский р-н, д. Новокаишкуль

Карманов Янтимир Абдувалиевич, 1921 г.р., Ярковский, Новокаишкуль

Мухаметшина Монавара Нургалиевна, 1924 г.р., д. Юрт Иска

Талипова Майкамал Бариевна, 1926 г.р., Тюменский р., д. Янтык

Уразаева Хальбичамал Аплалимовна, 1923 г.р., Ярковский, Чечкино

Хабибуллина Закира, 1924 г.р.. Ялуторовский р-н, с. Аслана.

Шангиряев Сабирчан, 1940 г.р., Ялуторовский р-н, с. Яр

Шангиряева Маргарита, 1980 г.р., Ялуторовский р-н, д. Яр

Шарипова Палкыя, 1937 г.р., Ялуторовский р-н, с. Яр

Юмашева Хадичэ, 1927 г.р., Ярковский р-н, д. Новокаишкуль

Юнусова Гайния Абдрахмановна, 1935 г.р., Ярковский р-н, с. Чечкино

Янтимиров Искандар Булатович, 1928 г.р., Ялуторовский р., с. Аслана

УДК 81’373(=551)
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.43.72.016
EDN: QVMUYR

ТЕРМИНЫ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ МАРКИРОВКИ СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ В РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЯХ ОЛЕНЕВОДСТВА

Г. С. Вртанесян
Россия, г. Москва, Центр изучения религий,
Российский государственный гуманитарный университет

В работе дан обзор, сравнение и анализ терминов половозрастной маркировки (ПВМ) северного домашнего оленя в основных моделях оленеводства, - транспортного (таежное) и мясного (тундровое) у народов Северной Евразии. Выявлены особенности формирования терминов ПВМ в различных моделях оленеводства. В тундровой модели очень подробно приведены термины ПВМ для самок (ненцы, чукчи, восточные эвены, коряки), в транспортной (эвенки, охотские эвены, ороки) – для самцов. Выявлены разные схемы маркировки возраста оленей у самодийцев (тундровые ненцы) и тунгусов (эвенки, эвены, негидальцы ороки). Коряки и чукчи имеют особую систему ПВМ. У саамов, эвенков, энцев, северных хантов, юкагиров нет числовых терминов ПВМ. Ненцы, коряки, чукчи, эвены, ороки широко используют числовые термины ПВМ, но по разным счетным схемам. Выявлено, что числовые термины ПВМ в разных традициях, полнее и последовательнее, реализованы у ороков и эвенов.

Ключевые слова: Северный олень, модели оленеводства, термины половозрастной маркировки.

TERMS OF GENDER AND AGE MARKING OF REINDEER IN VARIOUS MODELS OF REINDEER HUSBANDRY

The paper provides an overview, comparison and analysis of the terms of sex and age marking (GAM) of the reindeer in the main models of reindeer husbandry – transport (taiga) and meat (tundra) among the peoples of Northern Eurasia. The features of the formation of the terms of GAM in

various models of reindeer husbandry revealed. In the tundra model, the terms of GAM for females (Nenets, Chukchi, eastern Evens, Koryaks) are given in great detail, in transport (Evenks, Okhotsk Evens, Oroks) – for males. Different schemes of marking the age of deer among Samoyeds (Tundra Nenets) and Tunguses (Evenks, Evens, Negidals, Oroks) revealed. Koryaks and Chukchi have a special GAM system. The Saami, Evenks, Enets, Northern Khants, and Yukaghirs do not have numerical terms for GAM. Nenets, Koryaks, Chukchi, Evens, and Oroks widely use numerical terms of GAM, but according to different counting schemes. The numerical terms of GAM in different traditions, more fully and consistently implemented in Oroks and Evens.

Keywords: Reindeer, reindeer husbandry models, gender and age marking terms.

Введение. Северный олень и проблемы оленеводства в России до событий 1917 г. были тесно связаны с Тобольским Севером. Реальная численность оленей в начале XX в. в Тобольской губернии была близка к полумиллиону, а вероятнее всего, и более (см. напр. [42, с. 224–226]). При всей важности оленеводства для истории как Сибири, так и Северной Азии в целом [22; 26], автору неизвестны сводные работы, посвященные сравнению специальной лексики – терминов половозрастной маркировки оленя (ПВМ) как в разных моделях оленеводства (транспортного / таежного и мясного / тундрового), так и в разных типах (лопарский, самодийский, саянский и др.). Настоящая работа призвана восполнить этот пробел.

Известны две основные модели оленеводства в Северной Азии – транспортное таежное и тундровое мясное [22, с. 9]. Любая производящая экономика создает или трансформирует специальную лексику, описывающую почти все её аспекты, в нашем случае, половозрастную маркировку (ПВМ) животных, их роль в воспроизводстве стада, части тела, окрас, названия элементов упряжи и т. д. Термины ПВМ являются, по-видимому, одной из важнейших частей оленеводческой лексики, и обычно описываются и приводятся в первую очередь.

Освоение оленеводства привело к радикальному изменению не только структуры производства и потребления пищи. Как, основа экономики ряда народов Северной Евразии оленеводство сыграло важную роль и в трансформации общественной идеологии, трансформируя мифы, обряды и счет времени, соотнося их со стержневой фигурой экономики – оленем (см. напр. [4, с. 5–42; 18, с. 59, 60]. С его

развитием формируется и система ПВМ домашних оленей. Автору неизвестны работы по сравнительному изучению терминов ПВМ в различных традициях и типах оленеводства, чему посвящено настоящее исследование.

Г. М. Василевич и М. Г. Левин выделили пять основных типов оленеводства в Северной Евразии – лопарский, самоедский, саянский, тунгусский и чукотско-корякский [10, с. 64–80] с опорой на характерные особенности (таежное / тундровое, использование собаки, доение, вьючное и т. д.). Деление по языковому признаку было условным, так как развитое тундровое крупностадное оленеводство было у коми-ижемцев, ненцев, северных хантов, манси и долган, а транспортное оленеводство – у некоторых групп кетов, лесных ненцев, эвенков и др. [21, с. 23]. Туруханские и верхнетазовские селькупы практиковали таежное оленеводство, средне- и нижнетазовские – тундровое [22, с. 32].

Процесс трансформации транспортного оленеводства в крупностадное описан в [16, с. 88; 61, с. 182]. С переходом менялась структура стада: в транспортной модели основа стада самцы, в тундровой – самки, обеспечивающие за счет репродукции убой на мясо 9-13 оленей на человека в год [61, с. 185]. Ниже приводятся термины ПВМ.

Саамы. Наиболее давние (1673 г.) сведения о терминах ПВМ у саамов приведены в [60, с. 115, 116]. Название дикого оленя *herki* или *puatze,* домашнего – *reen*. Годовалый теленок – *mees*. Двухлетний – *orach*, трехлетний – *worsu*, четырехлетний – *kosott*. Более четырех лет – *namiloppin* (безымянный). Если это самец, то добавляют *hiruas или herki*. Стельная самка – *waiiar,* бесплодная самка – *raone*. Перечень, по-видимому, далек от полноты, учитывая давнюю, не позднее IX в. н. э., историю оленеводства у саамов [10, с. 82; 61, с. 185].

Термины ПВМ есть в [13, с. 20] (иоканьгский диалект). Самцы: *аресьвус* – новорожденный, *подцымквосквыссе* – двухмесячный («скверная шкурка), *аресьпепырк* – трехмесячный (около осени), *аресьлыхпаль* – четырехмесячный, *сарьвесьарейк* – двухлетний (урак), *иаыбрдсь* – на третьем году (холощеный), *контас* – четвертый год; *сарьвес* – четырехлетний (нехолощенный), *пырзям шалмахтке* – пятый год (бык); *пиерьке* – шестой год (первый год быком), *пырерьк* – в полной силе бык. *Пэрэсерьке* – старый бык. Самки: *няналавыссэ* – новорожденная; *няналас чепрык* – трехмесячная; *няналасьлыхпаль* – самка однолетка; *вынья* – вонялка (гуляет с *сарьвесом*) – двухлетка; *выныл вач* – третий год; *шалмат вач* – четвертый год; *контос* вач – четырех – пяти лет; *нурвач* – молодая важенка; *матреалта* – старая важенка. Отметим

термин *пиерьке*, в котором в явном виде нет числа пять, но оно подразумевается, обозначая «первый год быком».

В кильдинском диалекте: *коанньт* – дикий олень*; пуаз* – домашний. *Вуссь* (*вӯзь*) – пыжик (олененок до 3-4 месяцев); *чēперк* – олень трех-пяти месяцев; *лӯhпель* (лопанок) – олененок с шести месяцев до года. Важенки: *вӯнял* – самка 1-2 лет; *важь* (*ваджемь*) – трехгодовалая самка; *āлт* (*āллт*) – оленья самка с 4 до 8-10 лет, вожак стада. Быки: *оарехь* (*урак*) – олений бычок от года до двух; *вӯбресь* (*ӯварс*) – олень-самец трех лет, когда начинают обучать для езды; *кōнтас* (*контус*) – четырехгодовалый олень-самец; *сарьвес* (*гирвас*) – олень-производитель старше трех лет; *ēррьк* (*ēрьк*) – олень-самец с 5 до 12-15 лет [52, с. 117, 268, 58, 390, 167, 57, 33, 23, 233, 52, 123, 317, 81]. Выделим, общие по форме и смыслу названия (*вусь, вынья /вунял, вач/важ, контас, сарьвес, пыр(ерьк/ ēррьк*).

Сопоставление терминов ПВМ в коми, ненецком, русском и саамском языках для разных половозрастных групп (телята, самки, самцы) есть в работе [30, с. 368–376]. Телята маркируются по трем возрастам – до трех месяцев *viss'a*, от трех месяцев до полугода *чēпэрк*, и от полугода до полутора лет *лӯhпель / lixpal*. Особо выделены телящиеся самки первогодки (*ниӈӈлэсс вӯссь*) [30, с. 370]. Иногда дополнительно маркируют пол теленка – *оаресь вӯссь* (олененок-самец), *ниӈӈлэсс чēпэрк* – олениха 3-4 месяцев, *оаресь чēпэрк* – олененок самец 3-4 месяцев (русское «чепурок»). *Оарехь / чирмах* – олений бычок от года до двух. Название половозрелой самки оленя «важенка» является заимствованием от *vādź* (кильдин. диал.). Двухлетняя самка – *вундел (вонделка*). Старая самка – *пуарэсь* (старый, дряхлый) или *āллт*. Бесплодные молодые самки – *vuźhem* или *čoavźex*. Нехолощенные самцы: *vūbres* ˈ – олень-самец трех лет; *кōнтас / контус, нēльйыгса пуаз* или *шелмахт* – четырехгодовалый олень-самец; *kuiskos* или *пыэрсемшалмахт* – пятилетний самец-олень.

Выводы. Самостоятельная терминология ПВМ есть только в старо-оленеводческих культурах – саамской и ненецкой, не имеющих общего происхождения. В коми и русском есть заимствования терминов из обоих языков [30, с. 377]. В терминах ПВМ числительные в явном виде не просматриваются. Сравнивая термины ПВМ, можно выделить сохранившиеся названия самца до двух лет – *orach* [60, с. 115], *урак* (кильдин. диал) и *оарехь,* а также термин *hiruas /сарьвес* – название четырехлетнего (нехолощенного) оленя самца [13, с. 20; 30, с. 370; 52, с. 233, 317; 60, с. 115]. Фонетическая форма и смысл наиболее характерных терминов

ПВМ в разных диалектах удовлетворительно воспроизводятся: *чēпэрк, вундел, лӯhпель, оарехь, сарьвес* и др. Характерна детальная маркировка возраста телят до года по состоянию шкуры. В кильдинском диалекте самцы старше пяти лет и самки старше 4 лет не имеют градации по возрасту. Числовых терминов маркировки возраста нет.

Самодийское оленеводство. Наиболее ранние сведения о терминах ПВМ у «самоедов» приведены Г. Ф. Миллером. Домашний олень – *tya*, дикий – *kedere*. Новорожденный олень – *nádoku*. Следующей осенью – *tágu*. Лето второго года: 1. самец – *kórraku* 2. самка – *sirriku*. На третий год становился взрослым оленем – *tjä*. Олень самец имел у «самоедов» особое название *kátte*, оленуха – *djóhadde* [32, с. 223, 228, 230, пр. 30]. Числовые термины ПВМ у Г. Ф. Миллера отсутствуют.

Ненецкое тундровое оленеводство имеет разработанную систему терминов ПВМ. Дикий оленя *илебц,* домашний *ты* [56, с. 140, 678]. Для тундровых ненцев (юраки, записи 1911–1912 гг.) сведения есть в работе Т. Лехтисало [62, с. 12–15]. Приведены данные только для обдорских (ямальских) ненцев, как наиболее полные. Новорожденный олень (независимо от пола) *şujj(i/u (şojjā, şujjikko),* как домашний, так и дикий. Термин *nall(o/u)* на Нижней Оби имел разное значение в разных диалектах, обозначая и двухмесячного олененка, и новорожденного оленя, не умеющего ходить. Однолетки: самцы – *namna (namnikku),* важенки *sirrai (с* вариациями *hirrissəa, hiδδişşəa).* Общее название самца *xorra* (как домашнего, так и дикого), самки – *jahadei.*

Числовые термины ПВМ известны для оленей обеих полов, начиная с двух лет. Различие их в том, что у самок возраст указывался по количеству рожденных телят, фактически они были старше на год, так как обычно они начинали телиться с двух лет. Это *şiråj nimme* – дважды отелившаяся важенка (фактически трехлетка от рождения); *şidej nimme* – важенка трижды отелившаяся; *nahar nimme* – важенка, отелившаяся четырежды; *tiet nimme* – важенка, отелившаяся пять раз; *mal nimme* – важенка, отелившаяся шесть раз, фактически семилетка. Для самцов возраст исчислялся от рождения. Двухлетка – *şidanş xorra*; трехлетка – *naharaŋ kōrra*; четырехлетка – *tiettanş xōrra*; пятилетка – *şamblaŋgans xōrra;* шестилетка – *mattanş xorra;* семилетка – *şieββanş xorra*. Старые оленихи назывались *puhul'ej ti*. Особо выделялись самки-нетели – *wangadi (βāŋkaδi. βāŋγaδi)* без потомства в этом году, и *nienşaδi* – важенки, не телившиеся в прошлом. Теленок от важенки-однолетки назывался *nawdi* («Hurenkind», нем., букв. ублюдок). Холощенные самцы *xāpt* [62, с. 13, 14].

Подробный список терминов ПВМ записан А. П. Пыреркой (конец 30-х гг. XX в.). *Сую* – теленок, *таску сую* – новорожденный теленок, *пендуй сую* – теленок на грани линьки первой шерсти, *няблюй сую* – теленок в летнем волосе, *мальцясана сую* – теленок, пригодный для малицы, то есть основной маркер возраста – состояние шкуры. Далее это *хора нялуку* – самец-годовалый теленок, *етя нялуку* – годовалый теленок-самка. *Хора намна* – самец полутора лет. *Сидесь' хора* – двухгодовалый самец, *сырэй нисе'мя* – двухгодовалая самка или самка на первом отеле. Подробно маркированы важенки, со второго по седьмой отел. Это *небой сырэй нисе'мя* важенка, на втором отеле; *няхар' ни'мяхананда мэна* – важенка на третьем отеле; *тет ни'мяхананда мэна* – важенка на четвертом отеле; *самлянгг ни'мяхананда мэна* – важенка на пятом отеле; *матад ни'мяхананда мэна* – важенка на шестом отеле; *си'ив ни'мяхананда мэна* – важенка на седьмом отеле. Здесь последовательно использована числовая маркировка: *сидя* – два, *няхар* – три, *тет* – четыре, *самлянг* – пять, *матад* – шесть, *си' ив* – семь. Старая важенка – *пухуле'э хабтили яхадей* (*пуху* – старуха). Учтем, что если нормальный возраст самки при рождении первого теленка два года, то фактически рожденное число телят определяет возраст самок плюс год, поэтому максимальный репродуктивный возраст самок по этой схеме должен соответствовать девяти (2+7). Числовые термины ПВМ для самцов приведены для двух- (*сидесь хора*), трех- (*няхара хора*), четырех- (*тет пота хора*) и пяти- (*самлянг пота хора*) леток [46, с. 67]. Олень самец 6 лет (*мат" пота ты хора*) (цит. по [30, с. 372]).

По Н. М. Терещенко *нэ вёлув* – важенка до 1 года. *Сырэй нэвы* – важенка до двух лет. *Сырэй вангды* – яловая двухгодовалая важенка (при *вангды* яловая важенка). *Сыреця* – двухгодовалая важенка. Известны также *тетанзь'* – четырехлетний олень (при *тет* – четыре, фактически «четверик»), *сиднdетм' пота* – восьмилетний [56, с. 651, 575, 557]. В отличие от данных Т. Лехтисало и А. П. Пырерки с последовательной числовой маркировкой важенок старше 3 лет, родящие важенки выше трех лет в [56, с. 575] называются одинаково – *сыра нимя*.

Практику подробной маркировки оленят до года, подтверждает М. Я. Бармич. *Таско сую* – букв. «целенький», название олененка в возрасте 1-2 недель. (*тас* «целый» + уменьш. суффикс –ко). *Нерденя сую* – впереди идущий оленёнок (от *нерденя* – передний, нерде(сь) – ехать впереди), т.е. оленёнок, родившийся до массового отёла. *Нядко* (< *ня* 'брат' + – *ко*), – олененок, родившийся после массового отёла или *нятта хаюбэй* – отставший в появлении от своих братьев. *Хора сую* «телё-

нок-самец». *Ятя сую* «телёнок-самка». *Суико сую* – полуторамесячный оленёнок (букв. пыжик-телёнок). *Эрёй сую* – «осенний оленёнок» (доживший до осени – *эрё*). *Сырэй сую* «зимний телёнок» (*сыра* – зима). Термином *сырэй сую* «зимний телёнок» в Канинской тундре называют иногда годовалую важенку. *Ня”лко* – общее название телёнка на втором году (*ня”лана(сь)* – вертеться, быть непоседливым). Выделяется *ядей* – важенка (олень-самка), приносящая приплод, и её антиподы – бесплодные самки (*хабтарка,* досл. быку подобная) или быки кастраты *хабте* (от *хабтазь – кастрировать).* Один и тот же возраст может обозначаться разными терминами. *Сидьсявко* – олень-самец двух лет (*сидя* – два). *Хора ня”лко* – телёнок-самец на втором году, от *хора «*самец». *Ятя ня”лко* – телёнок-самка на втором году (*ятя* – самка). *Хоре* – олень-производитель в возрасте от двух или двух с половиной лет и старше. *Мат” пота ты* «олень шести лет» (*мат* = «шесть» + *пота* «быть в годовалом возрасте»). *Вэско хабте* «старик-бык», *пухулэ* – старая самка [2, с. 153–155]. В работе нет сведений о числовой маркировке возраста самок. Согласно [30, с. 368–371] период от рождения до 1,5 лет разделен на четыре части. Это недельный – *таско сую*, двухмесячный – *пендуй* (по смене шерсти на более короткую и грубую), *неблюй* – три-четыре месяца (линька – смена летней шерсти). Телята, избежавшие забоя, в начале второго года жизни называются *нялуко* и *намна* после линьки в августе второго года. Двухгодовалая самка (нетель) – *сырица*.

Видно, что форма терминов ПВМ оставалась неизменной почти 100 лет (*сую, нало, намна, хора, яхадей /ядя* и др.). Особенность терминов ПВМ ненецкого тундрового оленеводства – отражение особой роли первого года (проблема сохранения приплода), и маркировка возраста по состоянию шкуры. Второе – последовательное использование числовой маркировки, с двух лет, с особым условием для важенок – плюс один (+ 1) год «в уме» в ранних записях (Т. Лехтисало, А. П. Пырерка). И третье – это отсутствие числовых терминов ПВМ для оленей обоих полов старше 8 лет.

Лесные ненцы. Данные по терминам ПВМ даны в [62, s. 12–15], записи 1914 г. *Korraə* (*kоδδa*) – название самцов домашнего и дикого оленя. Название самок *jahatsei (jaatşi, datşi).* Новорожденные телята *hojja (hojjaş, hodde*) *Общее название самки jahatşei (jaatşi, datşi).* Название годовалой важенка *hirrissəa (hirri, hiδδi).* Термины числовой маркировки самцов: двухлетка *şiţ’ţ’ş’ien’ş kōδδa;* трехлетка – *nahand kōδδa;* четырех лет – *t’sieht’sie kōδδa;* пяти лет – *hampienδ kоδδa*; шестилетка – *mattanş*

kōddə; семилетний олень-бык – *şieβienş kōddə.* Для самок: *hirri nimmə* – отелившаяся двухлетка, начало числового отсчета возраста, *şittşe niemə* – дважды отелившаяся (то есть трехлетка). *Nahar nimmə* – отелившаяся трижды (четырехлетка). *Tşiet nimmə* – отелившаяся четырежды (пятилетка). Отелившаяся пять раз – *şamlaŋg nimme* (шестилетка) и *mal nimme* – отелившаяся шесть раз, фактически семилетка.

Есть записи И. А. Карапетовой конца XX в. Домашний олень – *ты*. Самцы дикого и домашнего оленя – *колд.* Общее название важенок – *дячи*. Яловые важенки – *ваңкат*. Общее название теленка до года – *ходю*, годовалый олень самец *намна*. Затем идет числовая маркировка возраста. *Шичанш* – двухлетка (от *шича* – два), двух- трех годовалый самец – *няхалд,* четырех лет – *чётанш* (чёт – 4) и т. д. до 10 (автор глубоко благодарен к. и. н., в. н. с. Российского этнографического музея (Санкт-Петербург) И. А. Карапетовой за предоставление этих записей). Продолжение счетного ряда по возрасту до десяти, скорее всего, инновация, так как традиционный счет у ненцев был до девяти *(ю* = 9*,* а *юмбась* – узел*,* счетная единица при счете множеств [56, с. 813]). Сравнивая термины ПВМ у тундровых и лесных ненцев, отметим одинаковую *сую* или близкую форму *яхадей / ятя - datşi)* (*djóhadde* по Г. Ф. Миллеру, см. выше) для важенок, и *хора* для самцов. И что, важно – это отсутствие у Г. Ф. Миллера термина ПВМ для нетели (тундр. модель), как маркер высокого уровня развития тундрового оленеводства. И наконец, это система счета возраста самок по числу рожденных телят с началом отсчета от двух лет, возраста первого (естественного) отела.

Нганасаны – наиболее северные оленеводы Евразии. В работе [44, с. 68] название домашнего оленя – *ta.* Олени самцы: *jojbaku* – однолетка, *mojьdangku* – трехлетка, *ngakuruta* – четырехлетка, *tatamta* – пятилетка, *sambamta* – самец-шестилетка. Самец-производитель – *kurie*. В работе приведено лишь одно название самки однолетки – *sьraku*. В глоссарии название дикого оленя *бахи (баби)*. *Дирхиа* – олененок до года. *Тосу* – новорожденный олененок. Годовалый олень – *дөйба”ку*. От года до трех – *сира”ку*. *Накур уутəə* – бык-трехлетка (*накур* – три). *Неми”э* – важенка. *Komie* – яловая важенка. *Кобта”а* – самец оленя (бык, кастрированный). *Куру* – бык-самец оленя [24, с. 21, 43, 66, 70, 75, 107, 108, 178, 303]. Если сравнить временну́ю устойчивость терминов ПВМ, то сохранились названия и значения двух терминов, однолетки – *дөйба”ку* (*jojbaku*) и самца производителя – *kurie (куру).* Термин *sьraku* стал обозначением молодых важенок от 1 до 3 лет *(сира”ку)*. Что касается терминов числовой маркировки возраста оленей, это *накур* – три,

причем у А. А. Попова это обозначение четырехлетки (то есть 3+1). Возможно, та же схема лежит в основе термина *t'atamta* – пятилетка и более явно в *sambamta* (шестилетка), производного от *saŋholaŋka* «пять». То есть в записи А. А. Попова возраст самцов дается по схеме, которую ненцы использовали для числовой маркировки самок (плюс 1 год). Числовые термины использованы частично, лишь для самцов от трех до шести лет (А. А. Попов) и трех лет (по словарю Н. Т. Костеркиной и др [24]), что указывает на упрощение (и, по-видимому, утерю) начальной лексики.

Селькупы. У селькупов специальных названий дикого и домашнего оленя нет, они образуются сочетанием видового названия оленя (*өтӓ*) с определителем «домашний» (*моткый*) vs «лесной» (*мачыль*) или *нувын* «божий» то есть дикий [20, с. 71, 93, 228]. Основная часть оленеводов находится в бассейне р. Таз, хотя фрагменты оленеводческой лексики сохранилась и на Оби и её притоках (Кеть, Васюган) (шешкупы, чумылькупы), левобережье Енисея (р. Елогуй, р. Турухан) [6, с. 12, 21, 123]. Наиболее подробный список терминов ПВМ приведен Е. Д. Прокофьевой. Новорожденный теленок – *торняк (тор'як*). Полугодовой теленок в начале зимнего сезона (октябрь) назывался *патыль торняк.* К февралю следующего года (возраст 10 месяцев) самцы назывались *корыль тор'як,* самки – *чекыль тор'як.* Следующий промежуток времени, до октября следующего года, *корыль кэрпак* – самец и *чэкыль кэрпак* – самка. После полутора лет все нехолощенные самцы назывались одинаково – *қоры*. Самцы от 1,5 до 2,5 лет назывались *каткас* (или *лончак*), отдельно выделялись кастрированные самцы *қопты* и самки *чэкты*. Следующую возрастную категорию составляли «третьяки» *накыр поль åтӓ*, при этом опять выделяли кастрированных самцов (*қопты*) и самок, родивших одного теленка (*уккыр ийятокыль чэкты* или *копсат*). Общее название оленя-четырехлетки – *тэтты поль åтӓ*, при этом отмечалось число принесенных самкой телят (*шиты ийятокыль чэкты* – дважды родившая самка) [45, с. 142]. Вхождение самок-«первотелок» в группу трехлетних животных, а также последний термин (дважды родившая самка) выявляет ту же схему формирования возраста самок, что и у ненцев, с учетом двух лет («в уме») – возраста первого естественного отела.

Спустя полвека сохранились лишь термины *кәрпа* – олененок до года (верхнетазовский), *нялқы* – полугодовой (среднетазовский говор). С учетом *нялқы* – пух и *нялк–ал-қо* – линять, в основу маркировки возраста легла, по-видимому, линька первой (летней) шерсти. Не сохрани-

лись названия оленей старше четырех лет. *Ванкыта* – яловая важенка (заимств. из ненецкого) согласно [20, с. 27, 38, 88].

Отметим частичное использование числовых терминов ПВМ, маркировку возраста телят по состоянию шкуры и идиому *шиты ийятокыль чэкты* – дважды родившая самка.

Лесные энцы (карасинские самоеды). Термины ПВМ достаточно подробно известны у носителей диалекта *бай*, практикующих в основном, модель таежного оленеводства (число оленей – менее 2-3 сотен, вольный выпас летом, дымокуры и др., см. напр. [11, с. 67–70]). Термины ПВМ приведены по [53] (далее в круглых скобках номера страниц). Видовое название оленя *тэ*, дикого, – *кез(е/а)р тэ*, домашнего *мякэ тэ* – «пасущийся у чума» (464). *Дёхозь* – самка оленя (112), *хабтарка* – бесплодная важенка (473), *кора* – самец производитель (190), *єзєрє* – кастрированный олень (140). *Нази* – новорожденный олень (261). *Неблюй* – теленок 3-4 месяцев (266) или *пендуй* (332). *Нялоко* – годовалый теленок (295). *Таго дяба* – олень, родившийся прошлой весной (423). *Нона* – олень бычок 2-3 лет (281). *Ноут* – теленок годовалой важенки (перен., внебрачный ребенок) (273). *Сырику* двухгодовалая важенка, *сырнеоз* – важенка на третьем году (408). *Мор* – старый самец дикого оленя (242). Однолетки могут иметь разные названия *нялоко* или *таго дяба*. Нет названий оленя старше трех лет, полностью отсутствуют числовые термины ПВМ.

Возвращаясь к данным Г. Ф. Миллера, отметим близкие названия дикого оленя *kedere* у «самоедов» и лесных энцев – *кез(е/а)р тэ*. Близки названия однолетки *tágu* [32, с. 230] и *таго дяба* [53, с. 464, 112, 408, 423]. Также близки названия самок оленя у лесных энцев – *сырику* (двухгодовалая важенка) [52, с. 408), у нганасан *sьraku* (самка-однолетка) [44, с. 68] и *sirriku (*важенка-двухлетка *у* «самоедов» по Г. Ф. Миллеру [32, с. 223, 228, 230, пр. 300]. Это можно отнести и к названиям самок – *djóhadde* (оленуха по Г. Ф. Миллеру) и *дёхозь* – самка оленя [53, с. 112].

Коми-ижемцы. По А. Р. Хаузенбергу [58, с. 100–111] коми-ижемцы переняли крупностадное оленеводство у ненцев. В коми названия дикого и домашнего оленя одинаковы. *Кöр* – олень самец. *Теля* – олененок в возрасте 3,5-4 месяцев (в первую осень). *Нялуку* – годовалый олень. *Намнюку* – самец 1-2 лет. *Лöнсяг* – бык-двухлетка (от *лони* – в прошлом году). *Сырица* – важенка до двух лет. *Нядко* – отелившаяся самка одного года. *Хапторка* – яловая самка. *Менурей* – неприрученный кастрат, старше 4-5 лет. По данным С. А. Мызникова картина следующая. Са-

мец по второму году – *намн'уку*, теленок годовалой важенки – *н'авута*, важенка, отелившаяся в возрасте года – *н'адко*, годовалый теленок – *н'алуку*, осенний теленок – *н'эблуй*, двухгодовалая самка – *сырича*, теленок до года – *т'эл'а*, новорожденный – *пежгу*, теленок 2-3-недельного возраста – *пэндук*, олененок от 4 месяцев до года – *мал'ча вол'*, годовалый самец – *хорейко*, бесплодная важенка – *хапторка*, некастрированный самец более двух лет – *зора* [34, с. 138]. Видно, что сохранились названия яловой важенки х*апторка,* самка до 2 лет – *сырича;* важенка, отелившаяся в возрасте года – *н'адко* и др. Появились и новые термины: *мал'ча вол', хорейко, зора, пежгу.* В целом, термины ПВМ домашнего оленя у коми-ижемцев не имеют разнообразия, характерного для ненецкой оленеводческой лексики. Числовые термины ПВМ полностью отсутствуют. По данным Н. А. Повод (Березовский район, 1991 г.) у зауральских коми были обозначения оленей самцов (*хор) нёльара* («четвертая осень»), пяти лет — *витарахора* («пятая осень быка») [42, с. 228], отмечающие наступление активного репродуктивного возраста *хоров*.

Северные ханты. Тундровое оленеводство северных хантов возникло не позднее XVIII в. [22, с. 10]. Названия дикого оленя – *онт валы* (Юган), *вон вели* (Тромъеган), самцов производителей *кар* (Вах, Тромъеган), *каемкар* (Юган) и важенок *новтах* (Вах), *нопьтех* (Юган) есть в [29, с. 121]. Наиболее подробно термины ПВМ известны для сынского говора (шурышкарский диалект). Дикий олень *ут улы*, домашний *хот улы*; названия без указания пола: *нёлув* – маленький, для оленей до года; *суюв* – олененок, для телят от рождения до 6 месяцев; *хорты хопты* – олень-кастрат, оставленный на убой; *молха* – кастрированный бык; хопторка – яловая, бесплодная самка. *Не суюв* – самка до 6 месяцев; *не нёлув* – важенка до одного года; *сыра* – важенка двух лет; *сыра нима* – важенка от трех и и старше; *не улы* – самка от 4 лет и старше. Самка нетель – *вонкита*. *Хор суюв* – самец до 6 месяцев, *сурты* – годовалый олень, *хор нёлув* – самец-двухлетка. *Номна* – домашний олень самец 3-4 лет, *хор* – олень-самец 3-5 лет. Важенка более трех лет *сыра нима*. *Минрув* – название вожака стада [36, с. 24–28].

Термины ПВМ есть в [47, с. 10, 11] (приуральский диалект). Северный олень *калаӈ,* дикий *ур калаӈ,* домашний *хот калаӈ.* Общее название важенки домашнего оленя *ныӈ калаӈ*. *Хоптарка* – бездетная важенка. *Вонхаты* – яловая важенка. *Хор* – олень производитель. *Хопты* – холощенный олень. *Сыюв* – телята до 2-3 месяцев. *Нялув* – общее название годовалых оленей. *Менаруй* – олень которого не запрягают

(жирующий). *Вурты сыюв* – теленок до 2 месяцев. *Тохам нёпалув* – телёнок 1-2 месяцев с полувылинявшей шерстью. *Нёпалув (неблюй)* – 2-3 месячный теленок после первой линьки. *Номна (песы) хор* – годовалый самец. *Сыра* – годовалая важенка. Названия оленей старше года в работе не приведены. Особенности лексики – название оленя *калаӈ,* подробная маркировка возраста телят до года и отсутствие специальных терминов (и числовых в том числе) для оленей обоего пола старше года. Общая схема формирования терминов ПВМ у хантов, является составной: видовое название плюс определители домашний / дикий (лесной) и полное отсутствие числовых терминов, в отличие от ненцев, нганасан, селькупов.

У северных манси с достаточно развитым крупностадным оленеводством сохранилось мало терминов ПВМ. Общее видовое название оленя *сали, вор сали* – дикий олень *(вор* – лес, тайга*).* Важенка *нэви сали,* неплодоносящая важенка – *нэнсати.* Бесплодная самка – *хоптырка.* Олень-бык (производитель) – *хар,* холощенный олень – *хопт;* годовалый олененок – *сурти.* В кондинском диалекте *хөнэй* – олень*; нехөнэй* – важенка, при *нэ* – женшина [1, с. 98, 24, 66, 67, 138, 134, 138, 109]. Термины ПВМ имеют, в основном, составной характер, с основой из видового названия плюс определители. Полностью отсутствуют числовые термины ПВМ и подробные названия животных до полугода, характерные для крупностадного оленеводства.

Саянское оленеводство. Основные характерные признаки саянского оленеводства – вьючно-верховое, без пастушеской собаки, с дымокурами, пастьба со спутанными ногами, доение [10, с. 76]. Саянский тип оленеводства в России был у сойотов, тувинцев-тоджинцев, тофаларов, населяющих Восточные Саяны, у дархатов и цаатанов в Монголии [50, с. 217]. По мнению В. Г. Богораза [5, с. 42] тофалары были наиболее древними оленеводами.

Сведения о терминах ПВМ в языке модоров, населявших северные отроги Саян, приведены Г. Ф. Миллером. Новорожденный олень – *chaimàk*. Следующей осенью также *chaimàk*. Лето второго года – *kyschchatòsch*, взрослый олень на третий год – *méinde*. На четвертый – *uire*. На пятый год – *kalubúde*. Для животных старше пяти лет терминов ПВМ нет. В тайгинском, карагасском языках (южносамодийские), *méinde* – название дикого оленя [32, с. 230, пр. 30]. В связи с утратой языка и перехода на тюркские или на бурятский, трудно ожидать, что исконные самодийские термины ПВМ оленя сохранили свою первоначальную форму.

Для окинских сойотов термины ПВМ оленя приведены в [49, с. 216]. Домашний северный олень назывался *(с/ц)агаан*, дикие назывались *ойн цагаан* или *гурөөһэн цаган.* Олененок до года – *индзаган* (букв. козленок, детеныш дикой козы). Самки до года – *балаган индзаган*, самец до года – *зари индзаган (*при том, что *зари* – кастрированный олень, годный для верховой езды*)*. Телка до двух лет – *даспан (олень-самка до 2 лет)*, бычок до двух лет – *мухатар*. Трехлетки: тёлка, – *гуньджан цагаан*; бычок – *шудлэн*. Четырехлетки: важенка *улэгшэн* / *эмэ цагаан*; бык-олень *хизаалан*. Бык в возрасте от четырёх до пяти лет – *һоёолон*, и свыше пяти – *һур һоёолон*. Бык-кастрат – *зари*. По мнению К. А. Новиковой корневой элемент монгольского числительного *γurban* – три, в форме γu- сохранился в названиях *гунан* – теленок (коровы) трех лет (эвенки, Брг), и общем названии *гунжан* (монг.) название трехлетней самки крупных животных [35, с. 116; 53, с. 171]. Неясно использование *һоёолон* – кобылица 5 лет [59, с. 654] для обозначения оленя-быка возраста 4-5 лет. Отсутствуют числовые термины ПВМ (кроме названия важенки-трехлетки), нет подробной маркировки возраста телят до года и для животных старше пяти лет. Как отмечалось в [48, с. 99, 103], название оленят *индзаган,* общее с детенышами изюбра *инзаган* и антилопы *injaga*. Термины ПВМ у окинских сойотов воспроизводят в той или иной степени бурятскую анималистскую лексику, одна из причин – прерывание оленеводческой традиции, а её восстановление сопровождается заимствованием терминов скотоводческой или охотничьей лексики.

В западно-бурятских говорах название домашнего северного оленя *сагаан*, причиной появления его В. И. Рассадин полагал омонимию с *сагаан* – белый. В какой-то степени это согласуется с легендой об одомашнивании саянского оленя, белого смирного дикого предка домашнего оленя, в отличие от черного – неприручаемого [37, с. 32].

Термины ПВМ оленя у тофаларов отличаются от сойотских, они приведены в [49] (далее в круглых скобках номера страниц – *Г. В.*). Домашний олень – *и(б/в)и* (34) или *һойл(у/ы)га* (224), дикий *ак-аң* (14). Важенка домашнего оленя, – *иңген* (35). *Таърһыш* – олененок до года (94). Годовалый бычок домашнего северного оленя *һоонай* (58). Двухгодовалый бычок – *даспан* (224). *Мундучақ* – двухлетняя телка домашнего оленя (66). *Куудай* – бык домашнего северного оленя в возрасте 2-3 лет (48). Быки-производители домашнего оленя *эътэр чары* (138). Ездовой или вьючный бык-олень – *чары* (224).

Термины ПВМ у тувинцев – тоджинцев (Сев. – Вост. Тува) есть в [7, с. 59]. Общее название оленя – *иви*. Яловая важенка – *кызыр мынды*, важенка после отела *мынды*. Стельная важенка – *колчангы*. Самец (нехолощенный) – *эдер чары*. Теленок до 6 месяцев – *доңгур*. Олени до 2 лет – *деспан*. Самка до 2 лет (первой стельности) – *мындычак*. Самец до 2 лет *дуктуг мыйыс.* Бык (не холощенный) старше 3 лет – *эдер дуктуг мыйыс*, старше 4 лет – *чары*. Ездовые быки – *мунар чары*, холощенные под верховую и вьючную езду – *куудай*. Быки, холощенные после четырех лет – д*өңгур.* Одичавший домашний олень – *ан иви.*

Видно, что у тофаларов и тувинцев-тоджинцев есть частично схожие термины (*иви* – домашний олень, *чары* – бык-производитель, *мундучак* – телка-двухлетка), но отличаются возрастные. Иногда один и тот же термин может иметь разное значение (*куудай* у тофаларов – бык-олень, у тоджинцев – олень-кастрат). У тофаларов и окинских сойотов есть общий термин *даспан*. Общая черта лексики саянского оленеводства – отсутствие числовых терминов ПВМ (кроме *гунан / гунжан*) и отсутствие названия бесплодных важенок.

«Тунгусское» оленеводство. По охвату территории особое место занимает «тунгусское» (в своей основе эвенкийское). Оленеводство у разных групп эвенков сохранило ряд общих черт – доение, бескровная кастрация, пастьба без собаки, седлание на лопатки, посадка справа и др. [10, с. 76, 77]. По этим признакам к ним примыкают негидальцы, ороки и, частично, эвены. Оленеводческая лексика эвенов и долган есть в работах А. А. Петрова (см. [39; 40, с. 25–34], с библиографией), излагать их полностью нет необходимости. Ниже приводятся термины ПВМ, в них отсутствующие.

Наиболее ранняя запись терминов ПВМ, по-видимому, встречается у Я. И. Линденау (1744 г.). Собирательное название домашнего оленя у удских тунгусов – *oron,* самец – *giluka*, самка – *niami*, олененок – *oengnikan*. Дикий олень – *irun*, независимо от пола. Однако далее в глоссарии приводятся *anam* – название дикого олененка (?) в 6 лет, *mottu* – дикий олененок в пятый год, *nergutschan* – дикий олененок в первый год [28, с. 83, 96, 98, 99]. Термины ПВМ домашнего оленя следующие: до года – *ewkan* / *enchan*, двухлетка – *hanoe*, трехлетка – *nioorkan*, четырех – *amarkan*. По достижению пятилетнего возраста самцы получали названия (*muttun / multun*). Самцы от шести и выше – *giluka*, самки *niami* [28, с. 83, 84]. По Г. Ф. Миллеру новорожденный олененок *öngnakan*, на следующую осень *öwkan*, на следующее лето: самец – *iktánna,* самка *njämi* (мать); на третье лето самец *njogerkánna*, самка – *njämi*, на

четвертое лето самец – *amarkánna*, самка опять *njämi*. На пятое лето самец назывался *öttöp* (термин неизвестный для тунгусской лексики, по мнению д.ф.н. А. М. Певнова). На шестое лето он становится взрослым оленем – *oron* [32, с. 228]. Приведенные термины ПВМ близки: (*ewkan / öwkan*, название оленят до года, *itana / iktánna* название двухлеток, *nioorkan / njogerkánna* трехлеток, *amarkan / amarkánna* четырехлеток. Одинаковы и названия самок (*niami / njämi).* Отличаются названия самцов-пятилеток *mutton / multun* (удские, Линденау) и *öttöp* (Миллер), и от шести и выше – *giluka* и *oron*. Этимологии терминов ПВМ неизвестны, отметим лишь, что в них в явном виде нет ни одного числительного. Приведенные термины ПВМ относились, по-видимому, к домашним оленям, дикие назывались *schokdscho*, этот термин сохранился к середине XX в, в форме *согдё* (Тк) [51, с. 141]. Вероятно, дикий олень также имел систему ПВМ, возможно и не столь детализованную (см. [8, с. 181]), это подтверждается также существованием особых терминов ПВМ лосей [32, с. 228].

Сравним их с терминами ПВМ середины XX – начала XXI в.: *Ēвкāн* (Тмт, Учр.), *ēпкāн*, *ēпкāчāн* (П-Т, Д, Нак, Тк) название домашнего оленя-самца 2-3 лет, и лосенка до одного года. У эвенов – *æвқан* Ол, Б, П, (*ēвкāн* Ох), (*нævкан* Ск), *(навкан* М), (*јавкан* Алл, К-О, М, Т) – теленок (домашний) 1-2 лет. В Алл, М, Т *јāвкачан* дикий олень 1-2 лет. У низовских негидальцев *ēвкāн* – это название домашнего теленка до года [54, с. 288].

Термин *итана /иктана* (двухлетки) также сохранился в форме *иктэнэ, ектана* (Ткм), *иктонэ* (Тит, эвенки), как название домашнего оленя 2-3 лет. У эвенов **(**Ол, Алл, М, Ох, П, Ск, Т, *итэн* – домашний олень 2-3 лет, ороков – то же самое. Негидальцы (Н, В) *иктэнэ* – домашний олень 2-3 лет [54, с. 301]. Названия трехлеток **(***nioorkan* / *njogerkánna*) сохранили и огласовку, и смысл. *Н'ōγаркан* (П-Т, Алд, В-Л, Е, И, М, Сх, Тк, Ткм, Тмт, Тнг, Урм, Учр, Члм, Чмк). *Н'ōваркана* (В, Е, Тит) олень-бык 3-4 лет, и трехлетний лось с тремя «пальцами» на рогах (Тит) и возводится к *н'оγи* – передняя лапа животного, передовой, передний, вожак, передовой олень. В солонском н*'ōгу* – первый, прежний. В эвенском, подобных значений терминов нет, *н'ōγ*, используется только в смысле «передовой, ведущий» (Ол, Алл, Арм, Б, М, Ох, П), или *н'ōв* (Ск, Т) [54, с. 641]. У самцов старше четырех лет термин *amarkan* / *amarkánna* сохранил и смысл, и форму (*амаркан,* эвенки. П-Т, Алд, Е, З, П, Н, Урм, Учр, Чмк олень бык 5 лет и старше; *амаркон*, эвены, домашний олень 4-5 лет Ол, Б, П, К-О, Ох, М, Т; негидальцы (низовые), *амаркан* – домашний олень-самец 3-4 лет [54, с. 36].

Названия самцов пяти лет и выше *mutton / multun* (по Г. Ф. Миллеру) сохранились хуже. У эвенков *мутуча* – олень-самец 4-5 лет (М, Тк, Тит) и *муту* в Учр, Тит [54, с. 561]. Если сравнить приведенные термины ПВМ с таковыми для самцов домашнего оленя у эвенков ороченов, то окажется, что кроме названия двухлетки *(ченукучан*), они близки – *эныкан* (до года), *иктан* (трехлетка), *неоркана* (четырехлетка) и *мотча* (*мотударан)* после пяти лет. Самки оленя моложе года имели особое название *сачирикан* [31, с. 125] (*сачари* – важенка двух лет П-Т, Алд, З, Н, Н, Сх, Тк, Тмт, Учр, Хнг, Члм, Тит) [55, с. 68]. Термин сохранился до конца XX в. в зейском говоре (*сачари*) и в орокском (*сачей / сате*) [55, с. 68].

Названия яловых важенок – *кэтэм* эвенки (Сх, Учр); эвенское *кэтъм* (Ол, Алл, Б, М, Т); *кэтэм* (Арм, Ох); *кътъм* (Алл, Б, М, Т); негид. кэтэм (Н) [54, с. 456]. Выделяются термины, определяющие число рожденных самкой телят. Это *гяври* – второй раз родящая; *илаври* – третий раз родящая; *дигэври* – четвертый раз родящая; *тунн'аври* – пятый раз родящая. С учетом *ту́нӈиврӣ* (эвены, Б) «пятый раз приносящая приплод» [55, с. 214], эта схема была в быстринском говоре восточного наречия (Камчатка). С учетом *гулки* – названия важенки, отелившейся первый раз и *гулкэ* – названия самки двухлетки домашнего оленя [39, с. 28, 29], можно говорить о формировании числового ряда, в основе которого лежит (подразумевается) число два – возраст первого (нормального, естественного) отела важенки. В эвенском *гулкъ* (Ол, Б, М, П – (*гулка* К-О, *гулкэ* Арм, Ох), *гулкъчэн* Ол, М, П, Т, (*гулкъчэн* Б, *гулкэчэн* Ох) – самка двух лет. *Гулкъ гæври* – самка 4-х лет (Б) [54, с. 170]. Можно выделить ряд терминов *гæври*, *илаври, дигэври, тунн'аври,* маркирующих возраст по числу рожденных оленят, чего нет в эвенкийском. У ороков эта схема несколько изменилась: *гулу* – олень-самка 3 лет; *гулу эjγэни* – самка 4-х лет [54, с. 170]. То есть у ороков опорной точкой для отсчета становиться возраст самки-трехлетки, но схема расчета возраста остается той же и схожа с самодийской (ненцы, нганасаны, селькупы) схемой – «дважды родившая».

Ни в одном говоре эвенкийского или эвенского не сохранился термин *öttöp* – название оленя старше пяти лет (Г. Ф. Миллер, см. выше). Поскольку ранние сведения о терминах ПВМ, в целом, скудны, поэтому трудно судить о реальной картине, но думается, что перечень используемых терминов ПВМ в разных говорах мог быть шире. Свидетельство этому – их разнообразие в глоссариях и полевых материалах, относящихся к XX в. Например, кроме *иктэнэ*, олень-бык 2-3 лет на-

зывался *мулкачан* (эвенки З, Сх, Урм, Олкм, С, С-Б, Тк, Тнг) [54, с. 555] или *гэрбичэ* (П-Т, Е, И, С, Учр) [54, с. 180]. Олень до года (*öwkan*, по Миллеру) назывался *авлакан* (М, И, В-Л), *абалакан* (М, Сх), *алакан* (Учр). Олененок дикого оленя до года – *чэнучу* (Тнг, З, Алд, Хнг, Учр) [9, с. 534]. Домашний олень старше 5 лет назывался *гилдука* (Тм) [50, 10, 38], а кастрат старше 5 лет – *гилгэ* [54, с. 150]. Отметим, что терминов ПВМ для самцов намного больше, чем для самок, которые после двух лет имеют общее название *нами*. Кроме того, термины ПВМ для самцов в некоторых говорах эвенков иногда обозначают возраст на один год старше, в отличие от эвенов и негидальцев. *Мулкачан* у эвенков (З, Сх, Урм, Олкм, С, С-Б, Тк, Тнг) – это самец 2-3 лет, *мулкан* (олень-бык 1-2 лет, эвены, Алл, М, Ох, Т), *молкан* (негидальцы) – дикий олень-самец 1-2 лет [54, с. 555]. Исключение *мулкан* – холощеный олень от 1,5 до 2 лет (М) [51, с. 101]. В целом, выделяются некоторые доминантные названия самцов – *итен(э), неоркана* (с дериватами), *амаркан* и самок – *нями*, сохранившиеся на протяжении более 250 лет, как, впрочем, и общее название домашнего оленя – *орон (ораан)*.

Сводка терминов ПВМ у ороков есть в работе [14, с. 37], и с учетом сказанного, при всем разнообразии терминов ПВМ самцов до шести лет, можно выделить несколько общих названий домашнего оленя у эвенков, эвенов и ороков. Это *сондо (эныкан), авлакан* (до года), *иктан* (до трех), *неоркана* (до четырех), *амаркан* – 5-летний олень-самец, *сачари (сачей, сате*) – молодая важенка до года, *нами* – важенка от 2 лет и старше. У эвенков они сохранялись почти неизменными по огласовкам и смыслу почти триста лет. Второе, термины ПВР у эвенков, эвенов и ороков не содержат никаких следов числовой маркировки (однолетний, двухлетний и т. д.) для обозначения оленей до пяти-шести лет. Можно также выделить общий для тунгусов-оленеводов термин *ваңгај* – название яловой важенки (от *ваңга* – выкинуть плод, преждевременно родить). В эвенском *мāңгај* (Ол, Алл, М, Ск,; *маңгај* Б, К-О, Ох, Т; *мāңгāj* Арм – яловая важенка домашнего оленя. У негидальцев (Н, В) *ваңгај* – яловая важенка, у ороков *ваңга, ваңгај* неогулявшаяся важенка или важенка, у которой погиб теленок [54, с. 130). Хотя некоторые группы эвенков, эвенов и негидальцы имели и другие обозначения яловых важенок (*кэтэм,* эвенки Сх, Учр*; кэтэм,* негид. Н*, кэтъм* Ол, Алл, Б, М, Т (эвены) [54, с. 456].

Анализ схем счета возраста оленей у эвенов и ороков [14, с. 37–38], выявил их особенность: впереди счетной конструкции стоит число, которое при сложении с ним пятерки, дает искомый возраст, то есть эта «пятерка» подразумевается («в уме»), на что указывает, по-видимому,

определитель *дюптари / дубчи* – указатель повторности действия и соотнесения его со второй «счетной» пятеркой. И более того, эта схема переходит и на третью «пятерку». При этом переход ко второй пятерке выражался с помощью идиомы «надевающий вторую одежду», поэтому при формировании «шестерки» единица уже не указывалась. Это дает некоторые основания допускать, что иногда наращивание счета у некоторых групп эвенов и ороков внутри первой десятки могло идти по схеме n + 5 («чуванский счет»). С учетом того, что олени в среднем не жили более 7-8 лет [28, с. 84], появление счетных терминов ПВМ для третьей пятерки, с опорой на реалии не ясно.

Юкагирам в XVIII в. такая (эвенско-орокская, с опорой на указание повторности *дюптари / дубчи*) схема маркировки возраста была неизвестна. Названия оленя в записях Миллера Г. Ф. (*аачэ, илбэ/илэ)* сохранились до настоящего времени наряду с заимствованными терминами ПВМ (*иитэнэл, амаркэнэл*, *nuorkanal* и др.*).* [27, с. 90; 25, с. 271; 62, с. 310]. Сохранился и большой пласт исконных юкагирских терминов. Дикий олень – *толоу (т(а/о)л(а/о)wн'*). О*нчиэ* – огромных размеров бык дикого оленя, более 5 лет; домашний олень – *аачэ* или *илэн'* (тундровый диал.) [19, с. 448, 462, 452]. *Ирокод'э* – важенка оленя (лесной диал.); *пад'эjэwлид'эк* – теленок-самка; *т'урган* – самка оленя двух лет; *т'ургапурэwрэ* – самка трех лет (тундровый диалект) [25, с. 281, 276, 279]). Ниже даны термины ПВМ по [27] (номера страниц приводятся в круглых скобках).

Дикий олень – *талау, толон илэ* (458). *Толон ньорхуойэ* – важенка дикого оленя (469). *Монхомоɲодьаа – годовалый дикий олень, у которого появились панты* (255).

Домашний олень. *Ньархаййэвлидьэ* – новорожденный олененок (311); *паадьэвлидьэ* – олененок-самка (360). *Л(ь)ичуоркэ* – важенка (206); *Ээнил* - годовалая важенка домашняя (606); *ээнидуо* – теленок, родившийся от годовалой важенки (606); *элуойэркэ* – яловая важенка (595). *чурҕа* – важенка двух лет (572), *чурҕанбурэврэ* – важенка трех лет (573); *хуньэ* – двухгодовалый олень самец (524)*). Личиэ* – домашний бык-олень, старше 6 лет (206), *личиэсальҕарээйуол* (206) – кастрированный олень-самец 6 лет; *хундиэ* – ездовой олень-самец 2 лет (524), ездовой олень старше шести лет – *хундиэтэгэ* (524)].

Термины ПВМ по [63] (номера страниц в круглых скобках). Диалекты: К – колымский, Т – тундровый, KJ – колымский по В. И. Иохельсону, ТК –тундровый по И. Л. Крейновичу, SU – по Суворову (Шифнеру, см. с. xii [63]).

Общие названия. *Oŋyl* – олень SU (329); *narga–jevlid'e* новорожденный олененок Т (290); *oŋd'e-narga-jewlid'e,* Т – олененок новорожденный (334); *jeroje* – олененок меньше года KJ (189), *jel-go:led'e* – теленок-однолетка К (456); *kuod'e ile* – олененок самец *(216); pa:de-jewlid'e* – теленок-самка ТК, 340; *qune* – самец двух лет Т (390); *qoroi* – самец-двухлетка К (388).

Дикий олень. *Molle* – дикий олененок (272); *yebule (колымский диал.)* – самец-олень *(190); č(ir/ur)* – дикая самка-трехлетка (*146); itenken* – трехлетка-самец (бык) дикого оленя (178).

Домашний олень. *Kitcha* – важенка двух лет (213); *ketemel* – бесплодная (телка) Т (208); *ile raal / ilelichie* – самка домашнего оленя (171).

Приведенный материал позволяет говорить о подробной ПВМ дикого оленя, оленят в возрасте до года, особом выделении самок-однолеток с телятами (и без), отсутствии названий самок старше трех лет при полном отсутствии числовых терминов ПВМ. При этом опора для счета возраста важенок – два года, судя по этимологии названия трехлетки (*čurγan purevre* – самка трехлетка (букв. выше двухлетки *čurγa)* [63, с. 146]. Отсутствует общее (эвенки, эвены), название бесплодной важенки *ванкач/т*. Кроме очевидных заимствований (*амаркэнэл, иитэнэл, nuorkanal)*, выделим также *ketemel,* название бесплодной важенки, близкое к эвенским и эвенкийским терминам. Из названий холощенных оленей сохранилось *личиэсальҕарээйуол* – кастрированный олень-самец 6 лет (см. выше). Полностью отсутствуют числовые термины ПВМ. Юкагирские названия домашнего оленя *аачэ* и *ilwe*, приведенные Г. Ф. Миллером, сохранялись почти в течение трех веков.

У *оленекских якутов* известны следующие термины ПВМ. *Суонах* – новорожденный, *тугут* – полугодовой олень, *муойка* 1-2 года, *абылахан* – самец 2-3 лет, *итээнэ* – самец трех летка, *ньымархана* – четырех летка, *амархана* – 5 летка, *буучээрин* - шестилетка. *Суочарыы* – самка 2-3 лет, *тыпы* – самка от 3 лет и выше [17, с. 48]. Основная часть этих терминов заимствованы из эвенкийского (*суонах* < *сонга*), *муойка* (< *молкан*), *абылахан* (< *авлакан*), *ньымархана* (< *негаркана / неоркана*), *амархана* (< *амаркана*). У якутов название домашнего оленя *taba'*, дикого *тепах* или *taba' kil (kil* – дикое животное) [18, с. 59]. *Xoroi* – название оленя-самца трех лет А. М. Пекарский возводил к тунгусскому *korai,* бурятскому *xûrai,* монгольскому *ҕуран.* Другие якутские термины *ӱстӓ* – название оленя трех лет и *чачары* – олененок двух лет [37, ст. 3507].

У *долган абалакан* – самец-двухлетка, *иктана* – самец-трехлетка,

ньогаркаана – четырехлетний олень-самец, *амаркана* – пятилетний самец [57, с. 60]. Самки (*тыһы)* особых возрастных названий не имели. Для указания возраста самок использовали оборот *biirde toөrөөbyt* – однажды родившая (трехлетка) и *ikkite toөrөөbyt* – дважды родившая (четырехлетка) [43, с. 203]. Выявляется расхождение при исчислении возраста с «ненецкой» схемой (число принесенных телят, плюс один). Неясен и источник этих счетных лексем в долганской оленеводческой лексике. Что касается эвенкийских терминов ПВМ, то они сохранили, в основном, фонетическую форму и смысл. В работе А. А. Петрова [39, с. 11–14] есть долганские термины ПВМ, отсутствующие в [43]. Самки: до полугода – *тыһы тугут*; до года – *тарагай*; до двух – *тыһы*. Другое название самки до 2 лет – *муойка* (с вариациями по форме и смыслу в разных говорах). Первородящая самка трех и более лет – *иньэ тыһы*. Бесплодная – *кытырак*. Старая – *һокдоку*. Самец до полугода – *иргэк тугут*. Самец пяти лет – *буур*; шести лет – *актами*. Олени 7-10 лет называются одинаково – *буур.* Самец 11 лет *–л(ы/и)ŋтаа.* Более поздние термины ПВМ являются в основном якутскими *(таба, тыһы, тугут, ӱстӓх)* заимствованиями. Значения терминов ПВМ могут меняться в разных говорах. Например*, муойкаа:* 1. Олень-самец двух лет (верхоянский говор) 2. Самка оленя до года (нюрбинский говор).

Корякские термины ПВМ. Название домашнего оленя у коряков *xojanja (kojanga, xojanga, jawakal)*, дикого – *карнгугуи* или *оллевет* [32, с. 223, 229, пр. 8]. В словаре Г. М. Корсакова [23] (в круглых скобках номера страниц – *Г. В.*) домашний олень – *хоян'а* (210); дикий олень – *ылвэил* (224). *Ванхатхой* – яловая важенка (30); *пэнвэл* – годовалый олень (179); *кыйымхой* – важенка по третьему году, *кыйымынта* – олень-самец третьяк (115); *н'ыехэвылъын* – олень-пятилетка (160), *н'ыяныкиымхой* – важенка пяти лет (162); *н'ыёнхыйымхой* – важенка 6 лет, *н'ыёхавылчын* – олень шестилетка (161); *н'ыяхавылъын* – олень семи лет (163).

Термины ПВМ по [33] (в скобках номера страниц). *Ылвэыл* – дикий олень (104), *қояŋа – домашний олень (63). Каюю* – олененок (62). *Гивилг'ын* – годовалый олень (22). *В'аңқатқой* – двухгодовалая важенка (19). *Г'айнгапанвальпиль* – бычок-двухлетка (27). *Ныеқэвылг'ын – олень двухлетка (82). Кыйымқой* – важенка трех лет (56). *Чоччачымынта* – четырех годовалый олень 103). Нет названий оленят до полугода, и двухлеток. Имеются числовые термины для оленей обоих полов трех, пяти, шести лет. При этом возраст важенок исчисляется непосредственно с рождения, без учета принесенных телят (в отличие от тун-

дровых ненцев или эвенов). Сравнивая списки, отметим постоянство названия домашнего оленя, начиная с Г. Ф. Миллера (исключая термин *jawakal*). Названия дикого оленя в обоих списках одинаковы, несколько отличается по смыслу термин *в'аңқатқой* (*ванхатхой*). В первом списке (Г. М. Корсаков) есть термины числовой маркировки для самцов в возрасте пяти-семи лет и важенок пяти-шести лет. В обоих списках нет подробной маркировки возраста оленят до года-полутора, характерной для тундровых ненцев и саамов. Нет сведений о числовой маркировке возраста оленей старше семи лет. Числовые термины ПВМ для самцов и самок от пяти лет и выше имеют одинаковое числовое значение, отличаясь этим от ненецких.

Чукотские термины ПВМ. Наиболее ранние сведения о терминах ПВМ есть в работе В. Г. Богораза (сборы конца XIX в.). Atal-вен-*қ'*ор – выученная (смирная) важенка. Олень-производитель – *ы'лк'эльын*. Теленок в середине лета (по-видимому, начало августа) – *кгају,* от середины лета до конца зимы – *пеечвак*. От начала зимы до двухлетнего возраста – *пэнвэл* (*лончак*). От двух лет до трех – *крымыптыл* (третьяк). От трех до четырех лет – *таачымынты* (четвертак). От четырехлетнего возраста и выше – *чумңыл* бык или *кырыңыл* – матерый бык. Важенка-нетель – *ван'кач.* Отметим *äсқэку* – яловая важенка, уклоняющаяся от самцов, не имеющая телят, с более толстыми и ветвистыми рогами. Дикий олененок – *ылвэк'эй*. Новорожденный бычок – *қликин*. Двухлетняя важенка – *ван'к'аск'ор*. Важенка 3-4 лет – *н'эраныгрымк'ор*. Самка 4-5 лет – *туррэквытэтыльын*. Самец в возрасте свыше 3 лет – *кырымк'ор*. Самец 7-летка – *чымн'ы*. Олень четырёх-пяти лет – *н'ирэк'эвыльын* [4, с. 2, 15, 16, 18, 126].

В наиболее полной сводке И. В. Куликовой есть почти три десятка терминов ПВМ [26, с. 156, 157]. Название дикого оленя *ылвылю,* домашнего *корангы* и, по её мнению, многие термины ПВМ домашнего оленя образованы из основы **ыл* – названия дикого оленя *ылвылю*, напр. *ычвэк,* теленок-самка до одного года (досл. «дикого оленя сын» (так по тексту). Для обозначения олененка (от рождения до полугода) употребляется *қэюу* – «теленок», его ставят на второе место, а перед ним обозначение пола – муж. (*қликкин*) или жен. (*ычвэк*). Напрмер: *қэюуқликин* телёнок-самец до года. Для обозначения оленей от полугода до года, - *пээчвак*, плюс *нав* – самка или *қлег* – самец. От года до двух *пэнвэл* – бычок, *ваңқасқор* – телка в возрасте от полутора до двух лет, вынашивающая первого теленка. *Кырымқор* – важенка трёх лет; *кырымынты(ң)* – трёхгодовалый олень-самец.

После четырех лет для обозначения самцов используются числа от двух до пяти, вместе с определителем «*авыльын*». Особенность счета в том, что в основу берется число четыре, а искомый возраст определяется, например, как «идущий вторым после четырех» (то есть пять). Самцы: *таачымыты* – четырехлетний олень-самец. *Нирэкгвыльин* – пятилетний олень-самец (букв. пребывающий вторым, находящийся в двойном возрасте, где *нирэкг* – два, *авыльин* – определитель), шестилетка – *нырокавыльин* – олень-самец в возрасте шести лет (основа *нырок* – три). Самец семилетка – *ныракавыльын* (при *ныракг* – четыре). Возраст самца восьмилетки – *мытлынкавыльын* (где *мытлынгэн* – пять). Числовая маркировка возраста на этом не завершается, известны обозначения *мытлыңкавыльын* – десятилетний олень-самец; *мытлыңыгрымқор* важенка в возрасте десяти лет.

Обозначение старых самцов – *кырың,* холощенных быков – *кээргэл; тыркыльын* – олень-производитель. Воспроизводство стада, как доминирующий фактор – причина появления многочисленных терминов для обозначения репродуктивного состояния важенок без использования числовых обозначений. Это *ваңқасқор* – самка оленя в возрасте от полутора до двух лет, вынашивающая первого телёнка; *ваңқач* – яловая важенка; *вэлыгръольын* – важенка, родившая мертвого телёнка; *вэңкэнру* – важенка в возрасте двух лет (и старше) с телёнком. *Етгыр* – недоразвитый новорожденный телёнок; *кывъильын* – важенка, лишившаяся телёнка [26, с. 22–28,156–157].

Если сравнить списки, то числовые термины ПВМ из [26], у В. Г. Богораза представлены лишь названиями самки 3-4 лет – *н'эраныгрымк'о* и четырёх-пятилетнего оленя – *н'ирэк'эвыльын.* Существование корякских числовых терминов ПВМ, их структура и близкая фонетическая форма, кажется, подтверждают их общее происхождение с чукотскими. Своеобразие чукотского числового способа формирования терминов ПВМ – применение его с четырех лет и для самцов, и для самок, в отличие от ненецкого способа отсчета возраста самок.

Обсуждение. Т. к. предмет исследования – термины ПВМ, уместны данные о предельном возрасте северного оленя. По Г. Ф. Миллеру – это 10-12 лет [32, с. 227] (без указания породы и типа оленеводства). По Я. И. Линденау северные олени живут не более 7-8 лет (эвены) [28, с. 84]. И. Шеффер (саамы) писал о 12-13 годах жизни для оленей, избежавших раннего забоя [60, с. 116]. Для тундровых оленей (ненцы) срок жизни 7-12 лет (без указания пола и рабочих функций [12, с. 102]). Карагасские холощеные самцы доживали обычно до 10, редко

– 15 лет. Оленихи могли жить до 20 лет [38, с. 15]. У долган холощенные (тундровые) олени жили 5-6 лет, иногда доживая до 12-15 лет, а незапрягаемые олени-самцы могли жить до 30 лет [43, с. 198]. Предельный возраст рабочего холощеного оленя 13 лет, гулевого (самцы) 18-20 лет (Сахалин, ороки). Важенки жили не менее 12-14 лет, принося ежегодно оленят [41, с. 51]. Самцы диких оленей обычно живут 4-5 лет, самки 6-7, а максимальный возраст 14-19 лет. Самок домашнего оленя сохраняют обычно до 9-10 лет и более при сохранении репродукции. Быков используют до 4-5 лет, затем основную часть кастрируют [3, с. 8, 138]. То есть оценки возраста для самых разных пород домашнего оленя, сделанные за последние 300 лет достаточно близки и, с учетом структуры стада и выполняемых задач, можно говорить о средней продолжительности жизни в таежном (транспортном) оленеводстве 10-15 лет, а в тундровом 8-10 лет.

Названия домашнего оленя у самодийцев близки (*ты* тундровые и лесные ненцы, *та* нганасаны). Дикий олень: тундровые ненцы *илебц,* нганасаны *баби / бахи.* У лесных энцев видовое название *тэ* сочетается с определителем *мякэ* (домашний + олень), дикого – *кез(е/а)р тэ*. По этой же схеме формируется название оленей у селькупов, хантов и манси. У обских угров видовое название оленя *улы (вели)* сочетается с определителем локуса – дом /лес (кроме приуральских хантов, у которых домашний олень – *каланг* [47, с. 10]).

У коряков и чукчей – *қояӈа / корангы* обозначение домашнего оленя. Названия дикаря – *ылвэыл / ылвылю* (коряки, чукчи). У эвенков название домашнего оленя *орон*, дикого – *irun* [28, с. 83] или *бэjӯн* (дикий, как объект промысла) (эвенкийский, Алд, З, Сх, Тнг, Урм, Учр, Чмк). Домашний олень у ороков *ула/о* (см. выше), дикий *сиро(н)* или *буjун* [54, с. 121, 122].

Выявляются два способа для обозначения дикого и домашнего оленей. Первый, когда они имеют разные названия (тундровые ненцы, нганасаны, чукчи, коряки, ороки, эвенки, эвены, юкагиры) и второй, когда общее видовое название животного сопрягается с понятиями дом (чум) = домашний или лес (тайга) = дикий, т. е. объект охоты (обские угры, саамы, лесные энцы (бай), селькупы, окинские сойоты). Возможны сочетания обеих схем (ороки, эвенки, якуты)

Безусловная доминанта мотива репродукции стала основой при выборе характерных признаков ПВМ. Для важенок отсчет начинался чаще с двух лет, возраст начала участия в гоне самцов – от трех лет, обучение под верховую езду / вьюк и холощения не позже четырех лет.

Вступление оленя-самца в «полную силу» с пяти лет. Поэтому понятно появление терминов, описывающих отклонения от этих норм. Маркировка производилась, в первую очередь, с опорой на какие-то возрастные особенности животного: состояние шкуры, подвижность, поведение в период гона, ранние репродуктивные контакты, приручаемость и др. В этих терминах (а их большинство) числительных, как правило, нет, примерный возраст уже подразумевается по косвенным признакам. Поэтому не ясны причины появления параллельных числовых терминов для маркировки возраста, разной степени полноты у ненцев, эвенов, ороков, чукчей, коряков.

Для тундровой крупностадной модели (саамы, ненцы, коми, коряки, чукчи, камчатские эвены) характерна подробная маркировка возраста до 1,5-2 лет, чего почти нет в тунгусском и саянском оленеводстве. При этом саамы, саянские оленеводы, эвенки, лесные энцы и тундровые юкагиры не используют числовые термины ПВМ. Числовые термины ПВМ сохранились у тундровых (2-8 лет) и лесных (2-7 лет) ненцев, нганасан (3-5 лет), селькупов (3, 4 летки), чукчей (4-10 лет), коряков (5-7 лет). Эвены и ороки использовали две системы числовой маркировки возраста: для самок старше 2 лет и самцов старше пяти лет (6-15 лет). Отметим общий алгоритм формирования числовых терминов ПВМ, когда некое число (двойка, четверка или пятерка), взятое в основу счетной конструкции, не указывается, а лишь подразумевается за счет использования определителей: «*дюптари* – двойная одежда», «идущий вторым», а числовое значение указывается лишь у второй (значащей) части.

Выводы. Приведенный материал позволил выявить общие и особенные черты терминов ПВМ домашнего оленя в Северной Евразии. Общая, использование корневой лексемы **ванк/х-* (с вариациями), для обозначения бесплодной важенки, от ненцев на западе, и до чукчей на востоке. Это *вангды* – тундровые ненцы, *ваңкат* – лесные ненцы, *ваңқач* – яловая важенка (чукчи); *ванхатхой* – яловая важенка (коряки); самка нетель – *вонкита* (шурышкарские ханты), *воңхаты* (приуральские ханты) – яловая важенка; ва*ңгај* (эвенки, негидальцы, ороки), *мангай* (эвены, с метатезой начальной в > м). Наряду с ней известны и особые названия для бесплодных важенок *кэтэм* – бесплодная (Сх, Учр эвенки, негидальцы, Н), *кэтъм* (Ол, Алл, Б, М, Т эвены) [54, с. 456], у саамов *raone* [60, с. 115, 116]. В нач. второй пол. 20в у саянских оленеводов яловая важенка – *кызыр мынды* (тувинцы-тоджинцы) [7, с. 59], у тофаларов и окинских сойотов этот термин не сохранился, видимо, в

силу двух факторов – смены языка и временной утраты оленеводства. У тундровых ненцев это *хабтарка* – бесплодная важенка (букв. подобная кастрированному оленю) [56, с. 709] или *хоре хабтарка* (ни разу не отелившаяся, букв. «бесплодная важенка, самцу подобная» [2, с. 154]; *хапторка* (коми) [58, с. 111]. У шурышкарских хантов *хопторка* – яловая, бесплодная важенка [36, с. 28]; у приуральских хантов *хоптарка* – бездетная важенка [47, с. 11]. Другая общая черта – маркировка факта вступления важенок в возраст репродукции с двух лет. У эвенков и ороков – это одинаковое название самок *нами* после двух-трех лет, у ненцев, селькупов, долган – счет возраста самок по числу рожденных телят, начиная с двух лет, у эвенов сочетание названия самки двухлетки (*гулкъ)* с числовым определителем (*гæври, илаври* и т.д.) или формирование термина для важенок старше двух лет как производных от названий двухлетки (юкагиры).

Особый счет возраста оленей у эвенов и ороков насчитывает не меньше 300 лет [14, с. 38]. В связи с этим, неясно отсутствие даже следов этой счетной схемы у юкагиров, воспринявших согласно [15, с. 16] оленеводство у эвенов. Как версия, специфический «эвенский» счет возраста был известен не всем группам эвенов-оленеводов, а лишь тем, которые могли иметь контакты с чуванцами [14, с. 38]. Появление подробной системы ПВМ на числовой основе у коряков и чукчей, которых нет и у Г. Ф. Миллера, и В. Г. Богораза, возможно, является стадиально более поздним. Если выбор «двойки» в качестве основы для особой маркировки возраста самок и «пятерки» для маркировки возраста самцов соотносится с реалиями и более или менее понятен, то выбор четверки, как основы счета возраста при маркировке возраста животных у чукчей и коряков не ясен.

Отметим большее разнообразие названий самцов в транспортном, и самок в крупностадном (тундровом) оленеводстве, в силу разного их назначения. В транспортном оленеводстве – это физическая сила и выносливость, в тундровом – максимум репродукции. Что касается взаимовлияний, то заслуживает внимания почти полное отсутствие терминов ПВМ эвенкийского или эвенского происхождения у чукчей и коряков. Неясна близость названий дикого оленя в чукотском и корякском (*ылвылю* / *ылвэил)* и домашнего оленя *илбэ / илэ* в тундровом диалекте юкагирского. Сравнение чукотских терминов ПВМ с эвенскими и орокскими показывает, что числовая маркировка в чукотском известна лишь для 6-8 и 10 летних особей, то есть без той полноты и последовательности, которая есть в «оленьем» счете у эвенов и ороков.

Сокращения. Абревиатуры эвенкийских (Алд, Брг, Е, З, Нрч, П-Т,

Сх, Тк, Тнг, У, Урм, Учр, Чмк) и эвенских (Ол, Алл, Арм, Б, К-О, М, Ол, Ох, П, Ск, Т) говоров приводятся по [53, с. XXIV].

Приятный долг автора, принести благодарность д.ф.н. А. М. Певнову (ИЛИ РАН СПб) за просмотр рукописи, ценные советы и рекомендации.

Список источников и литературы

1. Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь. Л.: ГУПИ, 1958. 228 с.
2. Бармич М. Я. Лексическая характеристика языка канинских ненцев // Вопросы уралистики. Научный альманах. СПб., 2014. С. 148–299.
3. Баскин Л. М. Северный олень. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2009. 293 с.
4. Богораз В. Г. Чукчи. Ч. I. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе Богоразом В. Г. СПб., 1900. 466 с.
5. Богораз В. Г. Луораветланско-русский словарь. М.-Л.: Учпедгиз, 1937. 164 с.
6. Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Изд. ТГПУ, 2005. 348 с.
7. Вайнштейн С. И. Тувинцы тоджинцы: историко-этнографические очерки. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 216 с.
8. Василевич Г. М. Русско-эвенкийский словарь. М.: ГИИНС, 1948. 332 с.
9. Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1958. 803 с.
10. Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. 1951. № 1. С. 63–87.
11. Васильев В. И. Система оленеводства лесных энцев и её происхождение // Краткие сообщения института этнографии. Вып. 37. 1962. С. 67–75.
12. Вербов Г. Д. Оленеводство у ненцев // Ненецкое оленеводство. География, этнография, лингвистика. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 101–132.
13. Волков Н. Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки. МАЭ. 1990. 106 с.
14. Вртанесян Г. С. Ороки или ульта: заметки к этнониму и этногенезу // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO. 2021. 4(34). С. 32–46.

15. Гоголев А. И. История Якутии (обзор исторических событий до начала XX века). Якутск: ЯГУ, 2000. 201 с.

16. Головнев А. В. Кочевники тундры. Ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.

17. Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленеводов. М.: Наука, 1977. 247 с.

18. Йохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. 238 с.

19. Йохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.

20. Казакевич О. А., Будянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург: Издательство «Баско», 2010. 368 с.

21. Козьмин В. А. Типология оленеводства народов Западной Сибири // Историческая этнография. Вып. 3. Л.: ЛГУ, 1985. С. 17–25.

22. Козьмин В. А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 236 с.

23. Корсаков Г. М. Нымыланско(корякско)-русский словарь. М.: ГИИНС, 1939. 350 с.

24. Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю. Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2001. 415 с.

25. Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М.-Л., 1958. 288 с.

26. Куликова И. В. Олень в языке, жизни и душе чукчей. СПб.: ЛЕМА, 2016. 214 с.

27. Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 607 с.

28. Линденау Я. И. Описание народов Сибири. Магадан: Магад. кн. изд-во, 1983. 175 с.

29. Лукина Н. В. Материалы по оленеводству восточных хантов (конец XIX – 70-е годы XX вв.). // Советская этнография. 1979. № 6. С. 110–121.

30. Люблинская М. Д., Мызников С. А., Эрштадт А. М. Наименования оленя в уральских языках и севернорусских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб., 2017. С. 361–379.

31. Мазин А. И. Быт и хозяйство эвенков ороченов. Новосибирск: Наука, 1992. 156 с.

32. Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. Т. 8. Ч. 1. Памятники исторической мысли. М., 2009. 456 с.

33. Молл Т. А. Корякско-русский словарь. Л.: ГУПИ ЛО, 1960. 237 с.

34. Мызников С. А. Некоторые аспекты изучения оленеводческой лексики (на материале уральских и северно-русских говоров) // Финно-угорская мозаика: Сборник статей к юбилею И. И. Муллонен. Studia Nordica I. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 135–142.

35. Новикова К. А. Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике относящиеся к животному миру // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, 1972. С. 104–150.

36. Онина С. В. Оленеводческая лексика в хантыйском языке. Дисс… канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2002. 170 с.

37. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. 3. Вып. 10-13. 2ое изд. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Ст. 2509–3858.

38. Петри Б. Э. Оленеводство у карагас. Иркутск: Изд-во «Власть труда», 1927. 46 с.

39. Петров А. А. Оленеводческая лексика долганского языка: этнолингвистический словарь. СПб.: Алмаз-Граф, 2015. 80 с.

40. Петров А. А. Оленеводческая лексика эвенов и долган в практике вузовского преподавания // Вестник СВФУ. Серия «Педагогика. Психология. Философия». 2018. № 2. С. 25–34.

41. Плотников М. Олени острова Сахалин // Советский Север. 1935. № 1. С. 48–54.

42. Повод Н. А. Оленеводство коми-ижемцев Северного Зауралья (вторая пол. XIX — нач. XX в.) // Вестник археологии, антропологии, этнографии. 2006. № 6. С. 224–233.

43. Попов А. А. Оленеводство у долган // Советская этнография. 1935. № 4-5. С. 184–205.

44. Попов А. А. Нганасаны. Ч. 1. Материальная культура. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1948. 122 с.

45. Прокофьева Е. Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 139–175.

46. Пырерка А. П. Материалы по ненецкой оленеводческой терминологии // Ненецкое оленеводство. География, этнография, лингвистика. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 57–94.

47. Рандымова З. И. Оленеводческая культура приуральских хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 136 с.

48. Рассадин В. И. К сравнительному изучению анималисткой лексики бурятского языка // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск: Наука, 1981. С. 97–119.

49. Рассадин И. В. Тофаларско-русский и русско-тофаларский словарь. СПб.: Дрофа, 2005. 298 с.

50. Рассадин И. В. О характере оленеводства у окинских сойотов // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2012. № 4. С. 214–217.

51. Романова Е. Н., Мыреева А. Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Л.: Наука, 1968. 215 с.

52. Саамско-русский словарь. М.: Русский язык, 1985. 568 с.

53. Сорокина И. П., Болина Д. С. Энецкий словарь. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение». 2009. 311 с.

54. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. 1. Л.: Наука, 1975. 672 с.

55. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. 2. Л.: Наука, 1977. 992 с.

56. Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М.: СЭ. 1965. 952 с.

57. Убрятова Е. И. Язык норильских долган. Новосибирск: Наука, 1985. 216 с.

58. Хаузенберг А. Р. Название животных в коми языке. Сравнительно-исторический анализ. Таллин: Изд-во АН Эстонской ССР, 1972. 238 с.

59. Черемисов К. М. Бурято- монгольско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1951. 852 с.

60. Шеффер И. Лапландия. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2008. 440 с.

61. Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема) М.: Наука, 1980. 334 с.

62. Lehtisalo T. Beitrage zur Kenntnis der Renntierzucht bei den Juraksamoeden // Serie B: Skrifter XY. Institut for Sammmenlignende Kulturforskning. V. 36. Oslo, 1932. 180 s, 16 ill.

63. Nikolaeva I. A historical Dictionary of Yukagir. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2006. 500 p.

УДК. 81’373(=512.145)(093)
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.43.72.015
EDN: RPFHKL

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «НАРЕЧИЯ ТАТАР ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ»

Г. Ч. Файзуллина
Россия, г. Тобольск, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

В статье актуализируются дореволюционные источники, содержащие материал по языку сибирских татар. Установлено, что в источниках имеется разнообразный лексический материал, необходимый для анализа слов в семантическом, этимологическом, историко-сравнительном аспектах. Кроме того, лексический материал интересен к изучению с точки зрения вариативности и синонимии, усвоения иноязычных слов, словообразования и т.д.

Ключевые слова: источниковедение, Тобольская губерния, «наречие татар», лексика, лексикография.

LEXICAL FEATURES OF THE “DIALECTS OF THE TATARS OF THE TOBOLSK PROVINCE”

The article updates pre-revolutionary sources containing material on the language of the Siberian Tatars. It is established that the sources contain a variety of lexical material necessary for the analysis of words in semantic, etymological, historical and comparative aspects. In addition, lexical material is interesting to study from the point of view of variability and synonymy, assimilation of foreign words, word formation, etc.

Keywords: source studies, Tobolsk province, “Tatar dialect”, vocabulary, lexicography.

Лексика сибирских татар находится в зоне научных интересов не одно столетие. В этом плане выделяются лексикографические источники. Лексические особенности языка сибирских татар стали объектом изучения исследователей уже в XVIII в. Особую ценность представляют «Сравнительные словари всех языков и наречии» П. С. Палласа. Словарь включает в основном общетюркскую лексику. Приведем некоторые

примеры из «татарского языка в г. Тобольске»: *Тянгри*, *Худаи* ‘Бог’, *аува*, *асман* ‘небо’, *атаи* ‘отец’, *ана*, *иняй* ‘мать’, *кыс* ‘дочь’, *туган*, *абятю* (больш.), *синглым* (меньш.) ‘сестра’, *бича*, *битця* ‘жена’, *кыс-хина*, *таиланмак* ‘дева’, *юзи* ‘лицо’, *кулу*, *кулох* ‘ухо’, *манглай* ‘лоб’, *ит*, *кюш* ‘мясо’, *іюрях*, *узяг* ‘сердце’, *тямлик*, *кучакламак*, *саибатам* ‘осязание’, *кицкирык*, *кацьхрамен* ‘крик’, *тавыш*, *кауга*, *оржобец* ‘шум’, *каиналамас*, *кисяньмаклик* ‘труд’, *кюц*, *кошмо* ‘сила’, *ирикли*, *туряляр* ‘власть’, *исьдям*, *ис*, *ес* ‘дух’, *улюм*, *илтя* ‘смерть’, *салкын*, *совох* ‘стужа’, *юмалак*, *топ* ‘шар’, *іольдус*, *елшас* ‘звезда’, *конгонта*, *шавле* ‘луч’, *катти-иль* [9].

Однако первые попытки научного осмысления сибирскотатарских диалектов были предприняты на рубеже XVIII–XIX вв. Научные работы преподавателя татарского языка Тобольского главного народного училища Иосифа Гиганова являются не только одними из первых фундаментальных трудов в области татарского языкознания, но и представляют собой ценнейшие лингвистические источники конца XVIII – начала XIX в.

В 1801 г. выходит в свет книга И. Гиганова «Грамматика татарского языка», в которой приводятся «слова нужнейшие к сведению языка, коренные». К примеру, первая часть данного раздела состоит из следующих тематических блоков: 1) область и его части с принадлежностями: *виляят* ‘страна’, *юрт* ‘владение’, *шагар*, *тура* ‘город’, *калга* ‘крепость, замок’; 2) дом и его части: *уй* ‘дом’, *бадшасарае* ‘дворец царской’, *кюшак* ‘покой’, *бяна*, *аймарат* ‘сроение’; 3) разные вещи: *сандала* ‘скамья’, *иляйтакта* ‘лавка’, *урундук* ‘полок’, *юрган* ‘одеяло’, *тушак* ‘перина’; 4) конский прибор: *мїят камут* ‘хомут’, *сыртлык* ‘черезседельник’, *камце* ‘плеть’, *цыбырткы* ‘кнут’, *ауслык* ‘удило’; 5) пища: *аш*, *тагам* ‘пища, кушанье’, *итмяк* ‘хлеб’, *туз* ‘соль’, *буламук* ‘каша мучная’, *нарын* ‘похлебка’, *шушбуря*, *букма* ‘пельмени, пирожки с гвядиною’, *бал итмяк* ‘пряник’ [1].

В 1804 г. издается «Словарь российско-татарский» (составитель И. Гиганов). Этот словарь включает около одной тысячи слов и выражений, среди которых имеются как слова тюркского происхождения (*шабала* ‘ложка’, *ишик* ‘дверь’, *көн* ‘день’, *аул* ‘деревня’, *ямгур*, *ягмур* ‘дождь’, *кызцыгацым* ‘дочка’), так и заимствованные из арабского и персидского языков (*никах* ‘брак’, *ахшам* ‘вечер’, *тахтя*, *такта* ‘доска’, *гомер* ‘жизнь’), из (посредством) русского языка (*арыш* ‘жито’, *бараза* ‘борозда’, *бүрәнә* ‘бревно’, *дуга, лягань* ‘лохань’, *машинә* ‘машина’, *мичкә/ мүцкә* ‘бочка’, *мїюц* ‘печь’, *монасир* ‘монастырь’, *мунца / мунча / муюлца* ‘мовьница’, *эритник* ‘рыбник’) [2] и др.

Особую значимость приобретает изучение синонимии и вариативности в пределах лексико-тематических групп с позиции современного деления на литературные и диалектные единицы. В качестве примера рассмотрим тематическую классификацию зоонимической лексики (136 единиц), отобранных методом сплошной выборки из Словаря российско-татарского, собранного в Тобольском главном народном училище преподавателем татарского языка Иосифом Гигановым, и их функционирование в современном татарском литературном языке и диалектах. Известно, что И. Гиганов прожил недолго (около 1764 – 1800 г.). Труды И. Гиганова были опубликованы его учениками в начале XIX в. Следовательно, материал Словаря составляют лексические единицы, функционировавшие на рубеже веков.

Исследователь И. Н. Юшков в статье «Сибирские татары», опубликованной в газете «Тобольские губернские ведомости», обратил внимание на использование русизмов в речи сибирских татар: «Некоторые слова, употребляемые татарами в простом разговоре, очевидно, имеют русское происхождение, например, *фонарь* по-татарски – ***панар***, *сани* – ***цана***, *ведро* – ***пядра***, *лохань* – ***ляган***, *лагун* – ***елягун***, *решотка* – ***ряшитка***, *шлея* – ***шлия***, *желоб* – ***жулаб***, *погреб* – ***пугряб***, *бревно* – ***буряна***, *дуга* – ***туга***, *борозда* – ***бараза***, *чебак* – ***чабак***, *мулек* – ***млик***, *муксун* – ***муксум*** и др.» [16, с. 4].

Во второй половине XIX в. накоплением и изучением материалов по сибирско-татарским диалектам занимался В. В. Радлов. Основными трудами лингвиста являются «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи» (1872), «Опыт словаря тюркских наречий» (1893, 1899). Языковед представил материал в транскрипции, основанной на германской буквенно-знаковой системе. В. В. Радлов зафиксировал «живую» речь населения, при этом обозначил населенный пункт, в котором был собран материал. К населенным пунктам Тобул халк относятся Сарҕац аул, Караҕай аул, Сала аул, Саускан аул, Jўртышак аул; к селениям Туманликлар – Рägіс аул, Тарҕам аул, Калмаклар аул, Сäіт тігän аул, Кackара аул. Представленный материал дает возможность для изучения лексического богатства языка в функциональном аспекте, проследить семантическую структуру лексических единиц. Приведем пример из произведения «Мäргän»: *Ўіlänйптй бір шähärдä бір jігіт. Бу jігіт мäрäгän ігän. Кijäўlän каін jуртында jатады käläшäйlän. Кijäўldä мäргän ігän, каіныда мäргän ігän* [10, с. 299].

В начале XX в. в рамках миссионерской деятельности издаются книги на языке сибирских татар. Нужно отметить, что на титульном

листе книг миссионерского толка указывается – «на русском языке и на наречии татар Тобольской губернии». «По ходатайству Преосвященнейшего Антония, Епископа Тобольского и Сибирского, и по благословению Св. Синода указом от 15 февраля 1900 г., за № 1046, открывается противомусульманская миссия, в лице одного миссионера на всю губернию, с пребыванием в г. Тобольске» [3, с. 4]. В этом отношении известны работы Ефрема Елисеева, выпускника миссионерских курсов Казанской духовной академии: «Первоначальные сведения о православной христианской вере, сообщаемыя татарину Тобольской губернии, готовящемуся ко святому крещению» (1903) и «О единой истинной вере. Миссионерско-христианская апологетика» (1910).

Вышеуказанные работы написаны на двух языках – русском и татарском (перевод). О необходимости просвещения инородцев на их родном языке отмечает Н. Никольский: «Церковь Христова росла и росла. Видя подобные добрые плоды проповеди и объясняя их не только воздействием спасительной благодати, но и употреблением родного языка, как орудия просвещения инородцев, апостолы завещавают своим преемникам непременно пользоваться языком просвещаемого народа в целях евангелизации последнего. <…> Для иноязычника богослужение должно соврешаться исключительно на его языке. “Ибо”, говорит апостол, когда я молюсь на незнакомом языке, то хотя дух мой молится, но ум мой остается без плода» [8, с. 5].

Книга «Первоначальные сведения о православной христианской вере, сообщаемыя татарину Тобольской губернии, готовящемуся ко святому крещению» состоит из 9 глав на татарском и русском языках: *Кряслянеп Христоснын цын тиненя кергян атямгя нитяен сауап пула тыганын мин санга айтяен. Колагынг салып тынглацы! Христос тиненя кермягян, кряслянмягян атямненг цаны ясык пасулыгыннан карангыланып арямь пулаты; амьмя кряслянгянлян сонг агарып тасаланаты. Ницек атямнен кяутясе мунцата су пелян іыуынып тасаланаты, шононг шигелле кряслянгян атямненг цаныта Котай котеряте пелян аппак, тап-таса пулаты* [5, с. 6].

В книге «О единой истинной вере. Миссионерско-христианская апологетика» материал расположен в трех столбцах: в первом дается информация на русском языке, во втором – на татарском языке арабской графикой, в третьем – на татарском кириллицей. Автор указывает, что настоящая книга по поручению Св. Синода была на рассмотрении профессоров миссионерского отделения Казанской Духовной Академии и признана полезной для противомусульманских миссий восточ-

ных губерний России и Сибири. Приведем пример из книги: «*Перенце пюлем. Пер цын тин турасынта. Тоньятагы петря кешеляртя пер исгы тяулятны, аммя: якшы торуны, пы тоньята пахетле пулыуны, киляцяк тоньята янны мянге асаптан коткарыуны, аннан сунг калтыгынта, кюктяге мянге рахятлекне алгалы тырышатылар*» [4, с. 1]. В источнике наблюдается использование русских заимствований: *престол, икона, кряс, крясляну, манасыр, церков, священник, суббот коне, книга, сакон* и т.д. Е. Елисеев приводит и авторские кальки. Вот некоторые из них: *Алла Ата (Бог отец), Алла Улы (Сын Божий), Аулия атямляр (Святые угодники), Аулия кыс Мария (Святая Дева Мария), Коткаруцы (Спаситель), Саклауцы пярештя (Ангел хранитель), Бултырыуцы (Творец)* и др. Однако данные кальки не закрепились в языке сибирских татар.

В начале XX века помимо миссионерских текстов издавались словари и разговорники на наречии татар Тобольской губернии. Книга «Краткий русско-татарский словарь» (1904) состоит из 42 тематических разделов, например: 1) Бог: *Алла*, *Котай*, *Тянгри* ‘Бог, Господь’, *мянге*, *умерлек* ‘вечный’, *пойорок*, *амерь* ‘заповедь’; 2) человек: *кше*, *атям*, *пянтя* ‘человек’, *цан* ‘душа’, *тян* ‘тело’, *паш* ‘голова’, *цац* ‘волоса’, *манлай* ‘лоб’; 3) родство: *ата* ‘отец’, *иня* ‘мать’, *пала*, *ул* ‘сын’, *кыс* ‘дочь’, *кыс нябяря* ‘внучка’, *куца* ‘дядя’, *балацогац* ‘ребенок’; 4) занятия: *игенце* ‘земледелец’, *мал котюце* ‘пастух’, *табиб, багуце* ‘лекарь’, *доктор*, *пагуцы табип* ‘доктор, врач’, *сатуцы*, *саутягярь* ‘продавец’, *сатып-алуцы* ‘продавец’, *купяц*, *пай* ‘купец’ [7].

В книге «Русско-татарский разговор. Практические уроки русского и татарского языка» (1905) дается 46 уроков, которые содержат материал на какую-либо тему: «знакомство», «числа», «торговля», «грамота», «счет», «скот», «дни недели», «праздничные дни», «семья» и др. Приведем некоторые примеры из уроков: 1 урок: *мин нугай, мин урыс* ‘я татарин, я русский’; 2 урок: *син ницек килтен*? ‘как ты приехал?’, 3 урок: *кунак катереня самауар куйгалы пойортом* ‘я велел поставить для гостя самовар’; 4 урок: *манга тагыта килеп іорь* ‘приходи ко мне еще’ [15].

Книга «Имамеддин (Столп веры). Автобиография мухаммеданина, обратившагося в христианство» (1907) состоит из предисловия (подписано священником Е. Елисеевым) и основной части, которое традиционно представлено в двух варианта – на татарском и русском языках. Книга имеет повествовательный сюжет от первого лица Имамеддина – «весьма образованного мухаммеданина из центра мусульманского

просвещения – Индии», который принял христианство в 1866 г. Автобиография Имамеддина появилась в Лагоре в Индостане, затем миссионером Кларком в Амритсаре была переведена на английский язык. Следовательно, источник является переводным. Приведем пример из книги: *Кысыл кейм кейеп мин торатан торага, аултан аулга, пер пашым пер уйсыс торло якта, ашкяря ерак, ашкяря осакка цаклы еретем. Мухаммят тине кешенен кюнгелен цын кюнгельтян тырышып Котайны эсляуне тынгытмай. Мин цыннан Котайны эслятем, кайсы цакта кюнгельтя тонья сагышлары керсятя, мин Котайны тапкалы тырыштым* [6, с. 29].

Таким образом, в духовной столице Западной Сибири XIX в. велась активная работа по сбору и систематизации «наречия татар Тобольской губернии». Накопленный материал дает возможность для изучения поэтапного развития лексического фонда носителей тоболо-иртышского диалекта татарского языка.

Список источников и литературы

1. Гиганов И. Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольском Главном народном училище. СПб.: Императорская Академия Наук, 1801.
2. Гиганов И. Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском Главном народном училище. СПб.: Императорская Академия Наук, 1804.
3. Елисеев Е. Учреждение противомусульманской миссии в Тобольской Епархии. СПб.: Книговед, 1902.
4. Елисеев Е. О единой истинной вере. Миссионерско-христианская апологетика. На русском языке и на наречии татар Тобольской губернии. СПб.: Синодальная типография, 1910. 281 с.
5. Елисеев Е. Первоначальныя сведения о православной вере, сообщаемыя татарину Тобольской губернии, готовящемуся ко святому крещению. На русском языке и на наречии татар Тобольской губернии. СПб.: Типография А. Г. Фарбера, 1903. 51 с.
6. Имамеддин (Столп веры). Автобиография мухаммеданина, обратившагося в христианство. На русском языке и на наречии татар Тобольской губернии. Перевод с немецкого. Издание Тобольского Комитета Православного Миссионерского Общества. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1907. 47 с.

7. Краткий русско-татарский словарь (на наречии татар Тобольской губернии). Издание Тобольского Комитета Православного Миссионерского Общества. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1904. 68 с.

8. Никольский Н. Родной язык как орудие просвещения инородцев. Казань: Типо-литография Императорского универстета, 1904. 36 с.

9. Паллас П. С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. I. СПб.: Типография Шнора, 1787.

10. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Часть IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар СПб.: Типография Императорской АН, 1872. 411 с.

11. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1. Ч. 1. Гласные. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. 968 с.

12. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. Ч. 1. Согласные: k, к, к, ҕ, г (г), x, h, ћ. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1899. 1052 с.

13. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. Ч. 2. Согласные: k, к, к, ҕ, г (г), x, h, ћ. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1899. 1814 с.

14. Русско-татарская азбука. На русском языке и на наречии татар Тобольской губернии. Язу урятя тоган книга. Издание Тобольского Комитета Православного Миссионерского Общества. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1906. 31 с.

15. Русско-татарский разговор. Практические уроки русского и татарского языка. На русском языке и на наречии татар Тобольской губернии. Издание Тобольского Комитета Православного Миссионерского Общества. Тобольск: Типография Епар. Братства, 1905. 88 с.

16. Юшков И. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. Тобольск, 1861. № 35. С. 273–278.

УДК 398.82(=512.145)
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.16.46.017
EDN: UFGOZP

ОБРАЗЫ РЕК В ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЕ СИБИРСКИХ ТАТАР (НА МАТЕРИАЛЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Л. Р. Сурметова
Россия, г.Тюмень, библиотека № 18 МАУК «Централизованная городская библиотечная система»

В данной статье автор анализирует образы рек в песенной культуре сибирских татар. В фольклоре Тюменской области широко распространены образы таких рек, как Идел (Волга), Агыйдел (Белая), менее – образы местных рек Тобола, Иртыша, Туры. Образ реки Агыйдел является символом родного края, и он является самым распространенным из географических названий в песнях татар данного региона. Название реки Идел – это наиболее позднее название. В средневековье она называлась Итиль с фонетическими огласовками Атыл, Атиль. Соответственно и страна, где жили предки татар, в средневековых источниках нередко называлась Этилия. Название реки Итиль-Идел связывается с крупнейшими государствами, государственными образованиями и историческими событиями.

Ключевые слова: песенная культура**, с**ибирские татары, образы рек, народные песни, тюркские языки, фольклор, мифология, история татарского народа.

IMAGES OF RIVERS IN THE SONG CULTURE OF THE SIBERIAN TATARS (BASED ON THE MATERIAL OF THE TYUMEN REGION)

In this article, the author analyzes the images of rivers in the song culture of the Siberian Tatars. In the folklore of the Tyumen region, images of such rivers as Idel (Volga), Agydel (Belaya) are widespread, less images of local rivers – Tobol, Irtysh, Tura. The image of the Aghydel River is a symbol of the native land, and it is the most common of the geographical names in the

songs of the Tatars of this region. The name of the Idel River is the most recent name. In the Middle Ages it was called Itil with phonetic vocalizations Atil, Atil. Accordingly, the country where the ancestors of the Tatars lived was often called Ethilia in medieval sources. The name of the Itil-Idel River is associated with the largest states, state entities and historical events.

Keywords: song culture, Siberian Tatars, images of rivers, folk songs, Turkic languages, folklore, mythology, history of the Tatar people.

В песенной культуре сибирских татар Тюменской области помимо широко распространенных образов, таких как Идел (Волга) и Агыйдел (Белая) встречаются образцы, связанные с образами рек Иртыш, Тобол, Тура, где по их берегам расселены тоболо-иртышские татары. Эти названия не только украшают и оживляют песни, но и вызывают у людей теплые чувства, преисполненные гордостью за свой край, или же, навевая тоску, рождают стремление вернуться домой, в родные края.

Для того, чтобы иметь полное представление об этих реках, нужно привести объективные данные. Самая большая из трех рек, которые протекают в Западной Сибири, является **Иртыш** – река в Казахстане и Российской Федерации (верховье в Китае), главный приток Оби. Площадь бассейна 1643 тыс. км², она занимает пятое место среди рек России, а по протяжению (длина 4450 км, максимальная ширина 1200 м) уступает лишь р. Лене. Берет начало со склонов Монгольского Алтая. До впадения в оз. Зайсан называется Черный Иртыш. На Иртыше расположены города Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Павлодар, Омск, Тобольск, Ханты-Мансийск.

Бассейн реки Иртыш и притоки расположены преимущественно на одной из обширнейших равнин мира – Западно-Сибирской низменности, которая представляет собой сильно заболоченную местность, слабо наклоненную к северу.

В текстах песен об Иртыше обычно описывается плывущий пароход, от которого волнуются воды Иртыша, а во второй полустрофе поется о состоянии героя:

Иртеш суын болгандыра	Воды Иртыша волнуют,
Пароход дулкыннары.	Волны парохода,
«Уф» дигәндә яндырырлык	Когда говоришь «Уф», чтобы загорелись
Йөрәгем ялкыннары.	Огни сердца моего.

(зап. в д. Красный яр Ярковского района от Рашитовой Мадины, 1927 г.р.)

В некоторых песнях поется о прекрасных берегах Иртыша, где герой желает, чтобы его голос остался в памяти, а в песнях и в мыслях героя остается только «она» (любимая девушка – *Л.Р.*), что говорится в последних строчках этой песни:

Ямьле Иртеш буйларында	На прекрасных берегах Иртыша
Тавышым калсын билгегә.	Пускай мой голос останется на память.
Уйларымда, җырларымда,	В мыслях моих, в песнях,
Йөрәгемдә син генә!	В сердце моем ты только!

(зап. в д. Шатаново Ярковского района
от Валмухаметовой Амины, 1939 г.р.)

Тобол – река в Казахстане и Российской Федерации, левый приток Иртыша. 1591 км, площадь бассейна 426 тыс. км². Главные притоки: Исеть, Тура, Тавда (слева). На берегу Тобола расположены такие города, как Рудный, Кустанай, Курган и др. На 324-м км от Тюмени Тобол принимает слева приток Тавду, после чего становится шире (300 м) и полноводнее. Тобол впадает в Иртыш, по которому останется пройти всего 6 км до Тобольска.

В игровой песне «Уралыб ага, уралыб ага», которая была известна деревенской молодежи в послевоенные годы, рассказывается о том, как эта молодежь ходила на берег реки Тобол пить речную воду. По словам исполнителя, песню исполняли в хороводе на берегу реки Тобол, когда ходили провожать «Ледоход»:

Табул буена барабыс,	Мы идем на берег Тобола,
Табул буена барабыс.	Мы идем на берег Тобола
Табул суын эчәргә,	Испить воду из Тобола,
Табул суын эчәргә.	Испить воду из Тобола.
Табул суын эчәргә,	Испить воду из Тобола.
Табул суын эчәргә.	Испить воду из Тобола.

(зап. в д Чечкино Ярковского района
от Уразаевой Качии, 1943 г.р.)

Образ реки Тобол также красиво и поэтично может использоваться в текстах такмака (частушки). Данный такмак сочинили сами местные жители деревни Чечкино[1]. Здесь речь идет о том, в каких плохих условиях на ферме работают доярки и как они мечтают о том, когда же

[1] Деревня Чечкино расположена на берегу реки Тобол

придут к ним такие «чистые, светлые условия», как лед Тобола:

Ямьле Табулның бослары,	Прекрасные льды Тобола,
Тап-таса ыгып китәр.	Уплывут все, до конца.
Шунтый условияләр пескә,	Такие же условия
Кайчанта килеп читәр.	Когда же до нас дойдут?

(зап. в д. Чечкино Ярковского района
от Юнусовой Гайнии, 1935 г.р.)

Тура – река в Западной Сибири, левый приток Тобола. 1030 км, площадь бассейна 80,4 тыс. км². На Туре 3 водохранилища, город Тюмень и др. Тура (длина 1030 км) берет начало на восточном склоне Среднего Урала и впадает в Тобол на 250-м км от его устья.

Необходимо отметить, что образ реки Тура в песенной культуре сибирских татар не так уж часто встречается. Как показывают наши исследования, образы местных рек также могут использоваться и в жанре «баит». В поэтических строках баита описывается горе матери, потерявшей своего сына, который утонул в реке:

Тура суын кичеп чыккач,	Когда переплыл Туру,
Нигә кердең яңадан?	Зачем же поплыл заново?
Әниеңә авыр булды,	Маме очень трудно было
Аерылу баладан.	Расстаться с сыном.

(зап. в д. Якуши Тюменского района
от Фастуллиной Халили, 1928 г.р.)

В круг анализируемых текстов попала песня и о маленькой речушке «Нерда», которая находится в Ярковском районе. Во многих случаях исполнители заменяют известные образы на местные образы. Может быть, это как раз тот случай:

Кульялыкларымны юам,	Платочки свои стираю,
Шул Нерда елгасында.	В этой реке Нерда.
Сүнсә якты йолдызларым,	Если погаснут мои звезды,
Яшәмәм дөньясында.	Не буду жить на этом свете.

(зап. в д. М.Уват Вагайского района
от Ариповой Алимы, 1927 г.р.)

Образ реки Идел в текстах песен сибирских татар Тюменской об-

ласти не встречается совсем, за исключением одной общеизвестной татарской народной песни «Су буйлап». Как известно, в этой песне поется о реки Волге (Идел). Поэтому необходимо привести объективные данные об этой реке. Волга – река в Европейской части России, крупнейшая в Европе: длина – 3530 км; площадь бассейна – 1360 тыс. км². На берегу Волги расположены такие крупные города, как Ярославль, Нижний Новгород, Казань, Самара, Саратов, Волгоград, Астрахань.

Волга – это наиболее позднее название реки. В средневековье она называлась Итиль с фонетическими огласовками Атыл, Атиль, на татарском – Идел. Соответственно и страна, где жили предки татар, в средневековых источниках нередко называлась Этилия. И, разумеется, река Итиль-Идел непосредственно связывается с крупнейшими государствами, государственными образованиями и историческими событиями. В источниках XVI в. на русском языке Волга так и называется, хотя в своих известных «Записках о Московии» С. Герберштейн [4, с. 110] неоднократно употребляет и ее древнейшее название –Ра. Загадка этого наименования Идели в древности пока не разгадана. Здесь можно лишь высказать некоторые предположения. Известно, что в древнеегипетской мифологии Ра – бог Солнца. «Но происхождение, рождение его связано с водой» [7, с. 32]:

Ителнең суы бигрәк тәмле,	Воды Иделя очень вкусные,
Бик куп эчтем туйматым.	Очень много выпила, но не напилась.
Яшьлек вакытым бик тиз үтте,	Молодая жизнь моя быстро прошла,
Үтүентә тойматым.	Не заметила, как прошла.

(зап. в д. Ново-Атьялово Ялуторовского района
от Кучахетовой Мархабы, 1929 г.р.)

В татарском, башкирском и некоторых других тюркских языках слово «Идел», кроме обозначения собственно Волги, имеет и целый ряд других значений. Идел – не только имя собственное, оно употребляется еще и как нарицательное в значениях большая река («зур елга») и просто река («елга»). «Такое значение слова известно с глубокой древности – по крайней мере, с эпохи древнетюркской общности» [7, с. 31]. Известно, что местный народ называл реку Каму «Чулман иделе» (река Чулман). Кроме того, есть еще «Агыйдел», (букв.: «Белая река»), «Нократ иделе» («река Нократ») – Вятка», «Кара идел» («Черная река») – «Уфа», «Күк идел» («Голубая река») – часть Волги до слияния ее с Камой.

К. Миннуллин пишет, что «названия самых больших рек в тех ре-

гионах, где большую часть населения составляют татары, образованы с участием слова «идел» [6, с. 59]. Продолжая тему, он говорит, что: «Причины такого явления кроются, на наш взгляд, в духовной истории татарского народа. Татары, расселенные на огромной территории Поволжья, каждую речку в местах своего компактного проживания уподобляли светлому, свежему и чистому источнику. Поэтому и называли ее в песнях не просто «идел» – река, а обозначали поэтическим словосочетанием «ак идел» («белая, светлая река»). Впоследствии это словосочетание превратилось в сложное слово и стало употребляться как собственное имя существительное – Агыйдел. Еще более поэтично звучит это название в форме «Агыйделкәй» благодаря ласкательному суффиксу «-кәй». В такой форме оно часто употребляется и в песнях» [6, с. 59]. То же самое происходило и в песенной лирике сибирских татар. Все местные реки они называли Агыйдел. Известно, что уже в древнетюркскую эпоху река называлась идел. Это слово служило и для обозначения родины: «земля моя Идел», «страна Идел», откуда и берет свое начало традиция называть Золотую Орду поэтическим Идел-йорт.

Еще заметим, что если песня посвящается Агыйделю – Белой, в тексте ее говорится об Идели. Значит, обозначения Идел и Агыйдел в данном случае идентичны. С этой точки зрения показательны слова венгерского ученого Игнаца Куноша, который в 1916 г. в лагере для военнопленных в г. Эгер записывал произведения фольклора пленных татар: «Глядя на реку Эгер недалеко от лагеря, они слышали течение Волги, называемой ими Агыйдел» [7, с. 105].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что у тюркоязычных народов Евразии, в их языке, фольклоре и мифологии наименованием Агыйдел обозначалась Идел – Волга. У тех же народов слово «идел» имело значение вообще река, если взять еще шире – большая река.

Как было указано выше, песен о Волге (Идел) в исследуемом регионе практически нет, а о «Белой реке» («Агыйдел») мы имеем большое количество вариантов.

Татары ласково называют ее Агыйделкәй, присоединив ласкательный аффикс – кәй. Туфаном Миннуллиным выпущен специальный сборник, вобравший в себя более четырехсот четверостиший с участием этого образа [1]. Это название состоит из двух честей: «ак» - «белая», что указывает на ее священность, и «идель» – «река». Ф. Гарипова пишет о том, что тюркские народы считали реку Агидель началом Идели [2, с. 60]. Как мы знаем, начало всего всегда обожествлялось. Анализируя поэтические тексты татарских народных песен,

К. Гарифуллина пишет: «Почти все образы, которые сопровождали реку Агидель, употребляются с эпитетом «белый». …На реке Агидель живет Белая рыба, есть Белая мельница, белые утки» [3, с. 94.]. По мнению Глухова-Ногайбека, «Агидель» – это не обязательно река Белая, где живут башкиры, Агидель по-кряшенски – это и Кама, и Волга. В старину они считали, что Большая вода, которая берет начало у острогов Южного Урала и впадает в Хазарское море – это единая река Агидель» [5, с. 54.].

Образ реки Агыйдел является символом родного края для всего татарского народа. Он также стал атрибутом активизировавшегося в последние столетия жанра лирической песни. Следует заметить, что именно образ Агидели является самым распространенным из географических названий в песнях татар данного региона, даже не Тобол и, не Иртыш, которые протекают в Западной Сибири. Количество песен, в которых упоминается это название, доходит до сотни.

В песенной культуре данного этноса воспевается холодная, чистая, быстротекущая талая и проточная вода. Действия человека, связанные с водой, можно объединить в три группы: употребление воды, поход за водой и прогулка по краю воды (берега реки). К. Гарифуллина, это явление считает «отголоском ритуалов, обрядов, связанных с почитанием воды» [3, с. 89].

В песнях об Агидель широко распространена тема о прекрасной родине, где на поймах растут цветы, деревья, на ветках которых поют птицы: «Агыйделләр ага, ага, Нигә тулмаган икән. Кошлар сайрап миңа Канат нигә какмаган икән»/«Течет, течет Агидель, Почему же она не наполнится. Птицы поют, Почему же они мне не помахали крыльями?» (зап. в д. М. Уват Вагайского района от Кузакбердеевой Рабиги, 1935 г.р.).

Иногда к названию рек добавляется пояснение «су» – «вода», например, Идель су, Нерда су, тем самым акцентируя внимание на свойствах воды и оговаривается, что речь идет о воде этих рек, например: «Агыйделнең суы салкын, Аккош йөзәрлек түгел. Кошлар сайрап, сагындыра – Сагынам, түзәрлек түгел»/ «Воды Агидели холодные, Лебедь не может плавать. Птицы поют, а я скучаю, Скучаю, не могу терпеть» (зап. в д. М. Уват Вагайского района от Ариповой Алимы, 1927 г.р.) или же в другой песне: «Агыйделнең суы салкын, Балык тотучыларга. Менә җитте җәй көннәре, Ай чыкты туйцыларга»/ «Воды Агиделя холодные, Рыбакам не время рыбачить, Настало лето, Месяц настал, Тем, кто хочет жениться» (зап. в д. Тарманы Нижне-Тавдинского района от Балдашевой Кафии, 1954 г.р.).

В популярной лирической протяжной песне сибирских татар «Агыйтелкәй алкын, суы салкын», если в первой полустрофе говорится о свойствах воды, то во второй полустрофе герой восхищается красотой своей любимой и сравнивает ее одно лицо с солнцем, другое – с луной и, в конце концов, предостерегает ее от злых глаз и говорит, чтобы Бог защитил ее: «Агыйтелкәй алкын, суы салкын, Парма якын тулкын какмасын. Бер битенләй гояш, бер битең ай, Ялган күстән Аллам сакласын». Содержание следующей строфы сводится к тому, что герой переплыл Агидель, снял сапоги, разбил лед и выпил воду, а во второй полустрофе он сожалеет о том, что он родился на свет, так как вынужден только страдать: «Агыйтелкәй кичтем, итегем чичтем, Поскынасын тишеп су эчтем. Бу гәсрәтләрем күргәнемчә, Ат-инәмнән туып ник үстем» (зап. в д. Чечкино Ярковского района от Ильясовой Сании, 1931 г.р.).

Большое количество песен сибирских татар начинается словами «Агыйделнен аръягында», а далее следует краткие сведения об этом пространстве: «Агыйделнең арьягында, Землемерлар җирне бүлә. Чын мәхәббәтләр яшәми: Я аерыла, я үлә»/ «На той стороне Агидели, Землемеры землю делят. Настоящая любовь не живет: Она или исчезает, или умирает» (зап. в д. Озерная Ялуторовского района от Шакировой Хатифы, 1928 г.р.). В следующей песне рассказывается о том, что на той стороне Агидели лошади какого-то богатого [ходят], почтой придет еще от тебя друг мой, письмецо: «Агыйделнең яръягында, Кем байларның атлары? Почта белән киләр әле, Син дустымның катлары». Далее во второй полустрофе герой говорит о ее внешности и значимости: одно лицо твое – луна, другое – румяное, а язык твой ключ к раю: «Агыйделнең яръягында, Мәдинәкәй баскычы. Бер битең ай, бер битең ал, Гөл телең җәннәт ачкычы» (зап в д. Матмасы Ярковского района от Чибугаровой Севайты, 1926 г.р.).

Река с крутыми берегами выступает как символ разлуки. В песне «Агыйделгә төшмә, төшмә» герой просит свою любимую, чтобы она сама не спускалась к Агидель, говорит, что и ты одна в чужих краях, и я одинокий: «Агыйделгә төшмә, төшмә, Төшмә бер үзенгенәй. Син дә ялгыз чит жирләрдә, Мин дә бит өзем генә» (зап. в д. Кобяк Вагайского района от Касимова Айният, 1930 г.р.).

В песне «Агыйделне пулсын» поется о том, чтобы река Агидель всегда была, чтобы воды ее были холодными, во второй полустрофе говорится о человеческих отношениях: между нами расстояния далеки, пускай хотя бы души близки будут: «Агыйдел һаман пулсын, Сулары салкын пулсын. Аралар ерак пулса та, Күңелләр якын пулсын» (зап. в

д. Осиновские Вагайского района от Бухарина Ахметшарифа, 1934 г.р.). Или в песне «Агыйделне буйласам» герой переплывает Агидель, потом играет в степях, в последних двух строчках описывается его состояние: голова кругом идет от того, что он вспоминает прошлое: «Агыйделне буйласам, Сәхрә чыгып уйнасам. Акылым тик саташала, Үткән көнне уйласам» (зап. в д. Киндер Нижне-Тавдинского района от Айтумбитовой Зулейхи, 1930 г.р.).

Разлученные в большинстве случаев не могут увидеться, встретиться из-за того, что через реку Агидель нет моста, и герой специально прокладывает мост из березы, чтобы потом долететь до любимой припеваючи как птица: «Агыйделгә мост түшәтем, Каеннан сайлап кына. Яннарыңа барыр итем Кош булып сайрап кына» (зап. в д. Янтык Тюменского района от Башировой Магсумы, 1909 г.р.). В иных случаях герой через реку Агидель прокладывает не мост, а мостки, откуда он сам еще воды не брал, вторая полустрофа говорит о том, что перед рассветом птицы поют, а я ни разу не было, чтобы не плакал: «Агыйделгә басма салдым, Басып су алганым юк. Таң алдыннан сайрый кошлар, Еламый калганым юк» (зап. в д. Варвара Ярковского района от Абайдуллиной Вазифы, 1936 г.р.).

В песнях об Агидели внимание акцентируется на том, что ее берега крутые, что невозможно взобраться, на них не растет ни одного куста, чтобы держаться при восхождении. Примером может послужить песня «Аусакай», где герой также не может подняться на гору, которая находится у берегов реки Агидель, и просто у него нет сил: «Агыйдел буе таулары биек, Тырмаклашып чыгарга хәлем юк» (зап. в д. Одинары Вагайского района от Сагидуллина Марселя, 1939 г.р.).

В песне «Агыйтелләргә, ай яр якын» идет сопоставление реки с берегом, берега с водой; и родителей с любимой. Итак, в первой полустрофе говорится, что к реке Агидель близок берег, а к берегу воды близки, а во второй полустрофе герой сравнивает, кто же ему ближе: родители или же любимая: «Агыйтелләргә, ай яр якын, Яр якынкай тигән, сыу якын. Ата белән инә ай пик якын, Аннан та бик сөйгән яр якын» (зап. в д.Чечкино Ярковского района от Ильясовой Сании, 1931 г.р.).

Таким образом, как показали наши исследования, в песнях сибирских татар активно используются такие обобщенные образы рек, как Идел (Волга) и Агыйдел (Белая). Наименее распространенными оказались местные названия рек – Иртыш, Тобол и Тура. Эти образы в песенной лирике обычно используются в первой полустрофе четверостишия. Во второй полустрофе, при сравнении с образами или уподобляя

этим образам, выражаются переживания, чувство, душевное состояние лирического героя или народа. Вместе с тем, символические образы богато, разносторонне, многозначно и красочно изображаются в развернутой форме, выражая свойства и состояния объектов и явлений природы, а также отражают эмоционально-духовное единство человека с природой.

Список источников и литературы

1. Агыйделкәй: Халык жырлары / Төз. Т. Миннуллин. Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. 158 б.
2. Гарипова Ф. Елгалар дөньясына сәяхәт. Казан: Тат. кит. нәшр., 1992. 63 б.
3. Гарифуллина К. Н. Национально-мифологические основы поэтики татарской народной песни: Дисс. …канд. филол. наук. Казань, 2005. 236 с.
4. Герберштейн С. Записки о Московии. Санкт-Петербург, 1866. 253 с.
5. Глухов-Ногайбек М. С. Судьба гвардейцев Сеюмбеки. Казань: Ватан, 1993. 285 с.
6. Миннуллин К. М. Поэтические особенности татарских песен. Казань: Мәгариф, 1999. 107 с.
7. Урманчеев Ф. И. Что в имени твоем, Идел? // Идел: 2003. № 5. 34 с.

УДК 801.82(=512.145)
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.57.36.018
EDN: ULDBEE

МӨХӘММӘДЬЯР ИҖАТЫНДА СҮЗ
СЛОВО В ТВОРЧЕСТВЕ МУХАММЕДЬЯРА

Э. Х. Кадирова
Россия, г. Казань, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ

Обзор работ, соприкасающихся с проблемой функционирования лексемы *тел* ‘язык’, показал, что данная семантическая сфера не изучена достаточно глубоко в рамках исторической перспективы. Новизна работы обусловлена выбором объекта исследования, поскольку не вызывает сомнения важность анализа лексических средств языка, составляющих его древнейший фонд и функционирующих на определенном этапе его развития. Предметом анализа является функционирование лексемы *тел* (язык) в произведениях поэта периода Казанского ханства Мухаммедьяра.

Лексема *тел* в произведениях поэта употребляется в номинативном значении, а также имеет метафорическое значение. Мухаммедьяр употребляет устоявшиеся метафоры и, расширяя их разными характеристиками, создает яркие и неповторимые образы. В художественных текстах поэта используются фразеологизмы *телене тоту* ‘молчать’, *телендин килгәнчә* ‘по мере возможностей’, *тел ачу* ʽначать разговор’, *телгә китерү* ʽупомянуть’, *тел озайту* ʽраспускать язык’, телендә йөрү ʽбыть на языке’ и др.

Ключевые слова: татарский язык, старотатарский язык, Казанское ханство, поэт Мухаммедьяр, лексема *тел* (язык).

WORDS IN THE WORK OF MUHAMMEDYARA

A review of works related to the problem of the functioning of the lexeme bodies ‘language’ showed that this semantic sphere has not been studied deeply enough within the framework of a historical perspective. The novelty of the work is due to the choice of the object of study, since there is no doubt the importance of the analysis of the lexical means of the language, which make up its oldest fund and function at a certain stage of its development. The subject of the analysis is the functioning of the lexeme

of bodies (language) in the works of the poet of the period of the Kazan Khanate Muhammedyar.

The lexeme of bodies in the works of the poet is used in a nominative sense, and also has a metaphorical meaning. Muhammedyar uses well-established metaphors, and, expanding them with different characteristics, creates vivid and unique images. In the literary texts of the poet, idioms *телене тоту* 'keep silent', *телендин килгәнчә* 'as far as possible', *тел ачу* ˙start a conversation', *телгә китерү* ˙ to mention', *тел озайту* ˙extension the tongue', *телендә йөрү* ˙ to be on the lips', etc.

Keywords: Tatar language, Old Tatar language, Kazan Khanate, poet Muhammedyar, lexeme tel (language).

Шагыйрь иҗатында бер үк сүз-образны еш куллану әлеге сүзнең күпмәгънәлелеген һәм мәгънә үзенчәлекләренә бай булуын билгеләми калмыйдыр. Соңгы елларда галимнәрнең әсәрдә ачкыч сүзләр терминына мөрәҗәгать итүе дә шуны күрсәтә. Аерым сүзләр шагыйрь тарафыннан иҗат ителгән образларны аңлау һәм шигъри осталыгына һәм иҗат эстетикасына соклану өчен нигез булып тора. Казан ханлыгы чоры шагыйре Мөхәммәдьяр иҗатында да кайбер сүзләр аерым әһәмияткә ия. Әлеге мәкаләдә шундый лексемаларның берсе – *тел* сүзенең функциональ-стилистик үзенчәлекләренә тукталабыз. Тел лексемасы белән бәйле хезмәтләрне күзәтү әлеге семантик өлкәнең тарихи перспектива кысаларында тирән өйрәнелмәгәнлеген күрсәтте. Телнең иң борынгы фондын тәшкил иткән һәм аның үсешенең билгеле бер этабында кулланылган лексик чараларны анализлау – хезмәтнең яңалыгы.

Тел сүзенең «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге»ндә 24 мәгънәсе китерелә, 100 дән артык фразеологик берәмлек төзүдә катнашканлыгы ачыклана [7, б. 511 - 518].

Мөхәммәдьяр поэмалары аша *тел* сүзенең шул чорда ук күпмәгънәле лексема булуын күрәбез. Ул ике поэмада барлыгы 49 («Төхфәи мәрдан» поэмасында – 12, «Нуры содур» поэмасында – 37) тапкыр очрый. Сүз төп мәгънәсендә, ягъни 'умырткалыларда тәм тою, азык чәйнәү, күшәү, кешеләргә тагын сөйләү өчен дә ярдәм итә торган авыз куышлыгындагы хәрәкәтчән әгъза'ны аңлатып, «Нуры содур» поэмасында урын ала: *Ойалыб ул суны алды әленә, Нагәһан тикүрде аны* ***теленә*** [5, б. 191].

Мөхәммәдьяр үз әсәрләрендә бик еш Коръәннән аятләр ала, хәдисләр кертеп җибәрә һәм аларга төрки-татар телендә аңлатмалар бирә. Шундый урыннарның берсендә *тел* сүзенең «Татар теленең аңлатма-

лы сүзлеге»ндәге өченче ‘җәмгыятьтә кешеләрнең үзара аңлашу, аралашу чарасы булган, фикерләү, уй-фикер нәтиҗәләрен беркетеп бару өчен хезмәт итә торган һәм, гадәттә, һәр милләттә үзгә, үзенчә булган сүзләр, грамматик чаралар системасы’ [7, б. 371] мәгънәсе кулланыла: ***Төрки теленчә*** *мәгнә сүзләрен йасаб, Шаһ атыға бетедем ошбу китаб.Мәгнәсен* ***төрки теленчә****, и йегет, Шәрех итәм, җан вә дил берлә ишет* [5, б. 188]; *Нәқел итәйем бер хәдис үзендин уш,* ***Төрк теленчә*** *мәгнәсен аңла хуш* [5, б. 203].

Шагыйрь үзенең фарсы телендәге чыганаклардан файдалануын әсәрләрендә үк яза. Бу очракта да сүз шул мәгънәдә килә: *Тәрҗемә қылыб* ***парсы телен****, эшет, Нәзым қылдым* ***төрки теленчә****, йегет* [5, б. 223].

Тел сүзе Казан ханлыгы чорының башка ядкярләрендә дә очрый. XVI гасырның беренче яртысында, Ибраһим исемле шагыйрь 1382 елда иҗат иткән әсәрне үстереп, нәзыйрә рәвешендә иҗат ителгән «Кыз хикәяте» ндә (авторы шагыйрь Мөхәммәдъяр булу ихтималы турында фикер дә язылды [4]) нәкъ шул мәгънәдә килә: *Ожмах әһеле сөйләшүр ғәрәб* ***делен****, Таму әһле сөйләшүр ғыйбран* ***делен*** [4, б. 66].

Мөхәммәдьяр иҗатында *тел* сүзенең күчерелмә мәгънәдә кулланылган очраклары да күп. Поэмаларда, мәсәлән, ул ‘сөйләгән сүз, сөйләм’ мәгънәсендә урын ала: ***Тел*** *күни булса, күнүлүр эл, азақ, Күни булур барчәсы бу күз, қолақ. Игри булса* ***тел****, – кәмуғы игелүр Ул сәбәбдин абруйы түгелүр* [5, б. 206]. Шагыйрь кеше әгъзаларын җанландыру аша телгә карата үз фикерләрен җиткерә, тотрыклы гыйбарәгә әйләнгән бу сүзләр аша автор тугры сүзләрнең кыйммәтен билгели, дөрес эш-гамәлләр кылырга чакыра: *Телгә әйтүр бу қәмуғ әндамләри, Хал теле берлә ишеткел һәрбери; Кем ирүрсән безгә, и тел, сән олуғ, Сән төзәтсәң, без төзәнүрмез қәмуғ. Игри булсаң, сән төзәлмәздин, и тел, Барчамыз игри булурмыз, – аны бел. Бәс, ни килсә башқа, бел,* ***телдин килүр****, Адәмиға нә ки қылса,* ***тел қылур*** [5, б. 206], *Нә ки* ***телдин чықты*** *– ул башқа килүр* [5, б. 206] бәетләрендәге *телдин килүр, тел қылур* гыйбарәләрендә дә сөйләнгән сүз күз алдында тотыла. Татар халкында шундый эчтәлектәге «Тел сөйләр дә керер, ни күрсә дә баш күрер», «Тел татлысы иясенә бал ашатыр, татсызы таяк ашатыр», «Тел таш яра, таш ярмаса баш яра» кебек мәкальләр бүген дә яши.

«Нуры содур» поэмасында Мөхәммәдьяр сигезенче бабны дөреслеккә багышлый һәм аңа иллюстрация рәвешендә бирелгән хикәятнең эчтәлеге ул кулланган «Һәр ки тотты телене котулды ул, Телене тотмаган уш тотулды ул» мәкале белән аваздаш. Мөхәммәдьярның «Нуры содур»

поэмасында китерелгән алдагы мисалдагы *телене тоту* фразеологизмы ‘эндәшмәү’ мәгънәсендә килә: *Тотса ирде телене сахрада қаз, Тотмаз ирде ул дәм ечрә аны баз* [5, б. 209]. Фразеологизм үзенең төп функциясендә килгән, гомумкулланылыштагы фразеологик берәмлек. Бу гыйбарә урта гасыр әдәбиятында ук актив. *Тел тоту* фразеологик әйтелмәсенең алардагы эчтәлегенә килсәк, борынгы төрки сүзлектә үк *тел* сүзенең ‘әсир’ мәгънәсе бирелә [3, б. 559], М. Кашгарый сүзлегендә *jagyndan til tutty* ‘дошман телен тотты’ мисалы китерелә [3, б. 559]. Л. З.Будагов, «Бабур-намә» әсәреннән китерелгән мисалга таянып, *тел тоту* ‘кирәк мәгълүматны алу максаты белән әсир алу’ фразеологизмын чагатай теленнән дип билгели [2, б. 371]. Бу истәлектә *тел тоту* һәм *тел алу* тотрыклы сүзтезмәләре синоним буларак кулланылалар [1, б. 143].

Тагын бер мисал: *Хушнәуа һәм* ***телендин килгәнчә*** *җәуабын биреб, башынға суық су қойган тик тәскин қылғаны* [5, б. 52]. Хәзерге татар телендә Мөхәммәдьяр «Төхфәи мәрдан» поэмасында кулланган *телендин килгәнчә* фразеологизмы формасында *булдыра алганча, мөмкинлектән чыгып, көч җиткәнчә*, *хәленнән килгәнчә* гыйбарәләре кулланыла.

‘Гаеп ташлау, каршы сүз әйтү, шелтә белдерү, кемне дә булса яманлау, хурлау, тиргәү’ мәгънәләрен белдереп, хәзерге татар телендә *тел озайту, тел тидерү* гыйбарәләре килә [7, б. 514]. Шул фразеологизмнарга синоним булып, иске татар телендә, шул исәптән Мөхәммәдьяр иҗатында *тел озату* фразеологик әйтелмәсе кулланыла: *Күңүл әйтүр: «Ни қыладур мән сәңа,* ***Тел озатыб*** *һәр заман дир сән мәңа»* [5, б. 65]. Шулай ук поэмаларда кулланылган фразеологизмнар исемлеген *тел ачу* ʻсүз башлау’ [5, б. 94], *телгә китерү* ʻсөйләп искә алу’ [5, б. 86], *телне тоту* ʻэндәшмәү’ [5, б. 66], *тел озайту* ʻартыгын сөйләү’ [5, б. 65], *телендә йөрү ʻтелендә булу’* фразеологик әйтелмәләре белән дәвам итеп булыр иде: *Мән фәләкмән, - сәңа булғум рәһнәмун, Сән* ***теленни*** *йахшы* ***тот****, тотма зәбун* [5, б. 66]; *Бер көн үзе вәғз эчендә нагәһан, Кем* ***телендә йөрүде*** *бу сүз рәуан* [5, б. 209] һ.б. Мөхәммәдьярда урын алган *тел ачу* фразеологизмы берничә мәгънәдә, шул исәптән, поэмадагы 4) Сөйли башлау, сөйләргә керешү, әйтеп бирү мәгънәсендә хәзерге татар телендә дә кулланыла [7, б. 513]. Ул автор иҗатында да актив лексика составында: *Халләри бу тариқә берлә кичеб, Биргәненә шөкер итәрди* ***тел ачыб*** [5, б. 62б]; *Бер көн бик(нең) шадман булмышында,* ***Тел ачыб*** *вәзир, булган васфында* [5, б. 66а].

Шагыйрь иҗаты метафораларга бик бай. Ул үзенең күңелендәген әйтеп бирүне, кәгазьгә төшерүне *Чөн кем алдым элкемә дәуат-каләм,*

Тел тәқи ләшкәр қоруб текде ғәләм [5, б. 173] шигъри юллары аша җиткерә. Әдәбиятта гыйшык, мәхәббәт символы булган, матур сайравы белән танылган былбыл кош Мөхәммәдьяр ижатында тел сүзе белән янәшә килеп, шагыйрь образын бирә: *Ғәфу бостанының, и тазә гөле, Қаршуңызда сайраб уш* ***тел былбылы.*** *Ғәфу бабын имди хуш рушән итәр, Сүзләри күңүлләрни гөлшән итәр.* [5, б. 212]. Алдагы мисалда да *тел* лексемасы ‘сөйләүче кеше, шагыйрь’ [7, б. 512], мәгънәсендә килә: *Аты Ибне Әсғәд ирди ул шаһ, бел, Уш хикайәт қылсун аны сезгә* ***тел****.* [5, б. 213]; *Йармөхәммәд, сәңа бирмеш* ***хәқ теле, – Бу – фәләк бағстанының былбылы*** [5, б. 40] мисалында шагыйрь теле гаять бай сурәтләүгә ия. Мөхәммәдьяр шигъри сөйләм сәләтен «алтын бөртекләрен сибү» һәм «сүзләр энҗесе өләшү» белән чагыштыра. Шагыйрьне язмыш бакчасының сандугач белән тиңләсә, аның сүзләрен сандугач җырлары белән чагыштыра.

Әбүлқасим ләқәб аңа булды, бел, Қасир улур аның васфында ***йөз тел*** [5, б. 37] шигъри юлларында *тел* сүзе йөз лексемасы белән бергә килә. Саннарның күпчелеге кешеләрнең, әйберләрнең, күренешләрнең күплеген күрсәтә. Бу очракта да йөз саны күплекне белдереп, *йөз тел* гыйбарәсе күп кеше мәгънәсен бирә.

Тикшерү барышында бу сүзнең чорның башка истәлекләрендә кулланылышына килсәк, «Кыз хикәяте» әсәрендә егет сурәтләүдә тел лексемасы фәсыйх сыйфаты белән янәшә килә. Ул гыйлемле, теле матур, холкы йомшак, кыяфәте күркәм һәм гадәтләре килешле дип сурәтләнә: *Ул хуҗаның вар иде бер гыйали, Галим иде һәм* ***фәсыйх иде дели****. Холкы ләтыйф, күреклү иде сурәте, Һәм күрке ляик эде сийәрәте* [4, б. 49].

«Могҗизнамә» әсәрендә дә тел сүзе белән төзелгән фразеологизмнар очрый. ***Телә килде****, әмре Халикъ, ул җанвар, Диде: “Йә Муса! Аны вирәм хәбәр”* [6, б. 254] өзегендә *телә килү* ‘кинәт кеше кебек сөйли башлау’ дигәнне аңлата, хәзерге татар әдәби телендә дә кулланылышта [7, б. 254]. Шул ук истәлектә әлеге мәгънәдә *телләнү* сүзе килә: *Та, догадан терелә бу сусмар.* ***Телләнеп****, җәмгъ эчрә, заһир сөйләя* [6, б. 89]. Күп мәгънәгә ия булган *тел ачу* гыйбарәсенең әсәрдә ‘сөйли башлау, сөйләргә керешү, әйтеп бирү’ мәгънәсе дә ачыла: ***Тел ачыб****, җәмгъ эчрә диде әшкяр* [6, б. 89]; *Кодрәте Хак* ***тел ачыб****, кыйлды бәян* [6, б. 85]; *Торубән пәйгамбәрә вирде сәлам,* ***Тел ачубән****, диде: “Әй хәйрел әнам”* [6, б. 64].

Шагыйрь әсәрләрендә тел лексемасы номинатив мәгънәдә кулланыла, шулай ук метафорик мәгънәгә ия. Мөхәммәдьяр тотрыклы метафораларны куллана һәм, аларны төрле характеристикалар белән баетып,

эчтәлекле һәм кабатланмас образлар тудыра. Фразеологизмнарда халыкның тормыш тәжрибәсе, милли үзенчәлекләре чагылыш таба. Шуңа күрә фикерне укучыга үтемлерәк, тәэсирлерәк һәм тизрәк җиткерү өчен, автор алардан оста һәм мул файдалана. Шагыйрьнең әдәби текстларында *телене тоту* ‘молчать’, *телендин килгәнчә* ‘хәленнән килгәнчә’, *тел ачу* ‘начать разговор’, *телгә китерү* ‘сөйләп искә алу’, *тел озайту* ‘артыгын сөйләү’, *телендә йөрү* ‘һәрвакыт сөйләү’, *тел былбылы* ‘сөйләүче кеше шагыйрь’ һ.б. фразеологизмнарны файдалана.

Список источников и литературы

1. Благова Г. Ф. «Бабур-наме»: Язык, прагматика текста, стиль. К истории чагатайского литературного языка. М.: «Восточная литература» РАН, 1994. 404 с.
2. Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецкотатарских наречий. Т. I. СПб.: Типографія императорской академіи наукъ, 1869. 810 с.
3. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, ЛО АН СССР, 1969. 677 с.
4. Кыз хикәяте / төз.-авт.: Мәрданов Р.Ф. Казан: Милли китап, 2012. 184 б.
5. Мөхәммәдъяр. Нуры содур. Поэмалар, шигырь. Казан: Татар. кит. нәшр., 1997. 336 б.
6. Мөхәммәт Әмин Могҗизнамә. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. 295 б.
7. Татар теленең анлатмалы сүзлеге: V том: С – Т. Казан: ТӘһСИ, 2019. 908 б.

УДК 811.512.1-112
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.47.80.019
EDN: XPFFJC

О ДИСКУССИОННЫХ АСПЕКТАХ «СПИСКА ЯЗЫКОВ РОССИИ»: ТАТАРСКИЙ СЛУЧАЙ

Д. М. Исхаков

Россия, г. Казань, бюро Национального Совета Всемирного конгресса татар, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

Институтом языкознания РАН недавно был подготовлен и издан препринт под названием «Список языков России и статусы их витальности» (М.: Ин-т языкознания РАН, 2022. 80 с.). Согласно аннотации, данная публикация посвящена вопросам составления списка языков России и обоснованию критериев их выделения. На самом деле изучение данных по татарскому языковому полю выявило, что предпринятые в настоящем издании попытки выделения по тем или иным причинам из состава давно сложившегося и весьма консолидированного татарского языка, имеющего как литературную, так и народно-разговорную формы, новых языковых сообществ – сибирско-татарского языка в Западной Сибири и ногайского языка в Нижнем Поволжье, основаны не на лингвистических, а на экстралингвистических соображениях и не в последнюю очередь являются результатом деятельности определенных групп этнических активистов, чье влияние в реальности весьма ограничено. В такой ситуации, явно порождающей межэтническую напряженность – она в данном случае уже состоялась – процесс составления списка языков РФ должен проходить на основе привлечения более широкого круга экспертов, в числе которых должны присутствовать этнологи, возможно также историки и фольклористы.

Ключевые слова: Список языков России, татарский язык, народно-разговорные формы языка, сибирско-татарские диалекты, ногайский язык, язык астраханских татар, этнические активисты.

ON THE CONTROVERSIAL ASPECTS OF THE “LIST OF LANGUAGES OF RUSSIA”: THE TATAR CASE

The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences recently prepared and published a preprint entitled “List of Russian languages and

their vitality statuses" (M.: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2022. – 80 p.). According to the abstract, this publication is devoted to the issues of compiling a list of Russian languages and justifying the criteria for their identification. In fact, the study of data on the Tatar language field revealed that the attempts made in this publication to isolate, for one reason or another, from the composition of the long-established and highly consolidated Tatar language, which has both literary and colloquial forms, new language communities – the Siberian- Tatar language in Western Siberia and the Nogai language in the Lower Volga region, are based not on linguistic, but on extra-linguistic considerations and, not least of all, are the result of the activities of certain groups of ethnic activists, whose influence in reality is very limited. In such a situation, which clearly gives rise to interethnic tension – which has already taken place in this case – the process of compiling a list of languages of the Russian Federation should be carried out on the basis of involving a wider range of experts, including ethnologists, possibly also historians and folklorists.

Keywords: List of Russian languages, Tatar language, folk-colloquial forms of the language, Siberian-Tatar dialects, Nogai language, Astrakhan Tatar language, ethnic activists.

Институтом языкознания РАН был подготовлен и издан препринт под названием «Список языков России и статус их витальности» (М.: Ин-т языкознания РАН, 2022. 80 с.). Как отмечалось в аннотации к этой публикации, она посвящена вопросам составления на основе лингвистических и иных критериев названного «Списка языков». На самом деле тщательное изучение содержания данной работы по направлению татарского языка показало, что из рамок последнего на основе не столько языковых, сколько экстралингвистических факторов, в числе которых в первую очередь следует назвать воздействие этноактивистов из числа сибирских татар и астраханских ногайцев из карагашей, были изъяты, по нашему мнению, без достаточного на то основания, носители сибирско-татарских диалектов, а также астраханские юртовские татары (о карагашах и связанных с ними алабугатских татарах, в этой связи речи меньше).

На самом деле к этому же разряду можно было бы отнести и выделение башкирскими лингвистами так называемого «северо-западного диалекта» башкирского языка, по лингвистическим особенностям полностью соответствующему народно-разговорному языку весьма мно-

гочисленных приуральских татар (свыше 1 млн. чел.!), относимых в диалектологических исследованиях до недавнего времени в основном к мензелинскому говору среднего диалекта татарского языка, занимающему восток Татарстана и северо-запад Башкортостана. Но удивительным образом составители разбираемого «Списка языков России» проблему диалектного членения башкирского языка обошли, что однако саму проблему не снимает.

Но в данном случае хотелось бы сосредоточить внимание только на выделении самостоятельного сибирскотатарского языка и на причислении всех групп, в том числе и юртовских татар, ранее считавшихся «астраханскими татарами», к носителям ногайского языка.

По ходу предлагаемого анализа данного «Списка» нам следует определиться и с отношением к одному из постулируемых в этой работе методологических положений о том, что «…и в нашей стране соответствие между языком и народом – во многих случаях навязанная условность» [17, с. 8]. По нашему мнению, несмотря на то, что этот тезис имеет право на существование – мировая практика его в целом подтверждает, в чем мы с авторами разбираемого труда полностью солидарны – его нельзя абсолютизировать и каждый случай расхождений между родным языком и идентичностью требует отдельного рассмотрения, в том числе и имея в виду особое значение литературных языков этнонациональных образований, могущих зачастую обслуживать – и обслуживающих – не вполне гомогенные этнические сообщества.

При переходе к основному содержанию разбираемого вопроса, хотелось бы начать с заседания дискуссионного клуба, посвященного языковому статусу сибирско-татарских диалектов и организованного Институтом языкознания РАН 21 февраля 2023 г. Заседание прошло online с привлечением ряда экспертов и его материалы доступны в Интернете [См.: 25]. По ходу отмеченного заседания, директором Института языкознания РАН, членом-корреспондентом А. А. Кибриком было заявлено, что в вышеназванном труде сибирскотатарский язык был признан самостоятельным языком, не имеющим отношения к татарскому языку. Эта позиция Института языкознания была затем подтверждена в письме А. А. Кибрика от 04.04.2023 г. в адрес одного из этноактивистов из сибирских татар – Д. М. Абукина (председатель НКА г. Тюмени «Себер татар» / «Сибирские татары»), где было отмечено: «…с научной точки зрения сибирскотатарский язык представляет собой совокупность диалектов, распространенных в Западной и Южной Сибири и объединенных в три группы – тоболо-иртышскую, томскую и барабинскую» [16, с. 182].

Такой вывод, игнорирующий все опубликованные ранее исследования лингвистов (а это не только исследования ученых из Татарстана [22; 23; 10, с. 357–372; 18], но и из других научных центров [1; 8]), а также специалистов иных профилей (этнологов, фольклористов) [21; 7; 11; 13; 14], кажется по меньшей мере странным. Предыдущие исследования же, прежде всего татарстанских диалектологов, позволили сделать заключение о том, что в языковом отношении сибирские татары, несмотря на выделение их как носителей восточного диалекта татарского языка, не консолидированы и их народно-разговорный язык состоит из трех групп говоров, объединяемых в научных исследованиях в три самостоятельных диалекта (тоболо-иртышский, томский и барабинский), причем не вполне хорошо взаимопонимаемых.

Для того, чтобы нас не обвинили в «татароцентризме», хотелось бы обратить внимание на отмеченное весьма качественное исследование Л. В. Дмитриевой, кстати, опубликованное в свое время под грифом Института языкознания, тогда относившегося к АН СССР и посвященное изучению языковых особенностей барабинских татар. Несмотря на несколько двусмысленное название работы, Л. В. Дмитриева в содержании своего труда указала, что обозначение барабинского диалекта «языком» – условное, причем ею было подчеркнуто существенное влияние татарского литературного языка на народно-разговорный язык барабинских татар [8, с. 5, 9]. Показательно, что в книге «Языки мира: тюркские языки», статья, посвященная языковым особенностям барабинских татар, озаглавлена «Барабинских татар язык» [См.: 9, с. 199]. В содержании же статьи указывается, что «барабинских татар язык» – это то же самое, что «барабинский диалект татарского языка; барабинское наречие». Для такого заключения имелись веские основания, но о них скажем отдельно. Тут достаточно будет констатировать зафиксированный этой исследовательницей в полевых условиях в середине XX в. фактор взаимодействия литературного татарского и разговорного барабинского языков. На этот момент необходимо обратить пристальное внимание, ибо за ним скрыты некоторые весьма существенные аспекты обсуждаемой проблемы, которых по неизвестной для нас причине избегают авторы анализируемого «Списка языков России», а также зачастую сильно ангажированные так называемые «эксперты» из этноактивистов.

Похожую на сибирско-татарскую ситуацию мы видим и применительно к «астраханским говорам», которые ранее рассматривались, во всяком случае, относительно юртовских татар [6, с. 328; 2, с. 9; 3,

с. 88, 92; 4, с. 506–507] (касательно языков карагашей-ногайцев и ногайского в целом происхождения (?) алабугатских татар, наверно, можно не дискутировать), в рамках диалектной системы татарского языка. Но в «Списке языков России» все три этнические группы (юртовские татары, алабугатские татары и карагаши) объявлены «ногоязычными группами» [17, с. 56]. Тем не менее, авторы этого издания вынуждены были указать на то, что в ходе переписи свой родной язык «ногайским» указали только карагаши, юртовцы и алабугатские татары определили его как «татарский» [17, с. 56]. Показательно, что, если карагаши сейчас относят себя к ногайцам [17, с. 56], юртовские и алабугатские татары предпочитают самоопределяться как «татары». Как же быть в таком случае с заключением авторов рассматриваемой работы, утверждающих: «…нет достаточных причин отделять астраханско-ногайские диалекты от других ногайских диалектов», хотя несколькими строками выше постулируется их возможная принадлежность, по-видимому, в случаях с юртовским или алабугатским языковыми сообществами, также к татарскому языку?! Короче, по направлению языковых сообществ астраханских татар и ногайцев у авторов рассматриваемого труда концы с концами далеко не сводятся.

В итоге, при рассмотрении обозначенных выше моментов, возникает более общий вопрос: как вообще в изучаемом труде произведены языковые группировки, в том числе и выделения некоторых этноязыковых сообществ из более крупных – как в татарском случае – этнонациональных лингвистических коллективов? И далее, можно ли рассматривать частные мнения этноактивистов, хотя и являющихся (не всегда) учеными, но все-же не лингвистами – в татарском случае дело обстоит именно так – научно обоснованными экспертными заключениями, в особенности отражающими взгляды большинства соответствующих этнических коллективов из сибирских татар и астраханских юртовских татар, а также представителей татарской этнонации в целом?

Ответ на эти вопросы вообще-то лежит на поверхности – во время постсоветских переписей численность записавшихся собственно сибирскими татарами колебалась в районе 6-9 тыс.чел. [11, с. 620] (причем тенденцией к убыванию), родной язык они также признавали татарским, а астраханские татары, в том числе и юртовские, кроме карагашей, как уже было отмечено, продолжают считать себя татарами, свой родной язык – татарским.

И вот в связи со сказанным хотелось бы вернуться к уже отмеченному исследованию Л. В. Дмитриевой, содержащему уникальные

полевые записи относительно идентичности барабинских татар. Один из информантов сообщил ей: «Когда пришли татары из Казани, то они начали смешиваться с барабинцами… Поскольку барабинцы смешались с татарами из России… их язык стал единым, …их тоже стали называть татарами» [8, с. 31]. Изучение генеалогических материалов по барабинским татарам сибирскими учеными этот вывод подтверждает – «чистые» барабинцы составляют менее ½ того населения, которое известно сейчас как барабинские татары, остальные из них состоят из прямых или косвенных (смешанного происхождения) потомков волго-уральских татар [15, с. 149]. Аналогичную картину Н. А. Томилов констатировал применительно к томской группе сибирских татар, у которых также коренными сибирскими татарами являлись менее половины их численности, остальные – смешанного происхождения с волго-уральскими татарами (около 30%) или европейскими татарами (около 24%) [19, с. 48]. Не случайно этот известный исследователь сибирских татар отмечал, что по мере увеличения смешанности татарского населения среди татар Томского Приобья распространилась «языковая и в целом культурная однородность» [19, с. 32]. Вот на эту «языковую и культурную однородность» в двух группах сибирских татар, о которых писал и Н. А. Томилов, стоит обратить особое внимание, ибо в данном случае по большому счету речь идет о формировании национальной культуры, чьей естественной основой является литературный язык, а затем и преподавание на нем в образовательном процессе в школах.

И действительно, даже в годы советской власти до начала хрущевских реформ 1960-х годов, преподавание в школах как у сибирских, так и у астраханских татар, включая карагашей, шло на литературном татарском языке. Но затем, благодаря усилению с начала 1960-х годов перехода в школах, особенно массово и ускоренно за пределами Татарстана, на русский язык обучения, произошло изменение языковой ситуации в ареалах проживания сибирских и астраханских татар. Вот что об этом пишут, как полевые исследователи, наблюдавшие результаты этих изменений к 1970-м годам, Н. А. Томилов и Л. Ш. Арсланов. Первый из них применительно к сибирским татарам отмечает: «Уменьшение роли татарского литературного языка повлекло за собой ослабление культурного влияния поволжских татар. Понизился интерес к литературе на татарском языке… Новая литература на татарском языке почти не поступает» [20, с. 96; 8, с. 8–9] (в библиотеки – *Д. И.*). Л. Ш. Арсланов, проводивший лингвистические исследования в Астраханской области примерно тогда же, указывает применительно к карагашам: «Влияние

татарского языка на язык карагашей распространялось главным образом через школу и культуру… [Но] с 1962 г., [когда] в школах карагашских селений [произошел переход] на обучение на русском языке…, функции татарского литературного языка явно сузились, …молодежь не владеет татарским языком, а говорит на карагашском, хотя среднее и старшее поколение, окончившее школу до 1962 г., относительно свободно пользуется татарским языком. В настоящее время (то есть, к 1970-м годам – *Д. И.*) влияние татарского языка практически прекратилось…» [2, с. 73–82].

Как видим, в поздние десятилетия советской власти в ареалах проживания астраханских и сибирских татар произошло разрушение культурно-информационной и языковой целостности татарской этнонации, когда народно-разговорный уровень местных диалектов и говоров сохранился, а общенациональный уровень в лице литературного татарского функционально сильно ограничился. Последствия происшедших изменений относительно сибирских татар в популярной публикации со слов одного из являвшегося «экспертом» для составителей «Списка языков России», описываются так: «…Язык поволжских татар – он [для сибирскотатарских детей – *Д. И.*] как иностранный. Дети даже на уровне лексики замечают отличие языков. Чтобы учащиеся поняли материал, … приходится объяснять его на русском, затем на родном сибирско-татарском, и только потом на казанском» [24] (со слов одного из учителей высказывается Ю. Н. Квашнин).

Это высказывание фиксирует происшедший культурный разрыв в этнокультурном и языковом развитии локальных групп татарской этнонации, образовавшийся в результате национальной политики, активно проводившейся в позднем советском обществе, затем, после небольшого перерыва в 1990-х годах, начиная с 2017 г. усугубленный такими новшествами в сфере школьного образования, как внедрение принципа добровольного выбора родителями языка школьного образования при одновременном резком уменьшении часов, отводимых на родной язык (кроме русского) и литературу российских народов. Даже такие достаточно крупные этнонации, как татары, оказались не готовы к подобным фундаментальным трансформациям и, что называется, «просели». Причем последствия происходящих в языковой сфере изменений для татар еще окончательно не прояснились, хотя общий вектор их ясен – запущена языковая ассимиляция, причем протекающая достаточно быстро.

Вот именно в этих условиях, когда литературные языки даже крупных этнонаций, вроде татар, стали клониться к упадку, локальные та-

тарские сообщества стали стремиться в лице их этноактивистов сформировать новые литературные языки на основе местных диалектов (сибирские татары) или «приписаться» к более близким, по мнению этих этноактивистов, иным литературным языкам (карагаши, перешедшие к преподаванию на ногайском и подталкивающие к этому же юртовских, а также алабугатских татар). Институт языкознания в своем «Списке языков России» всего лишь в весьма своеобразной форме зафиксировал при раскрытии понятия «татарский язык» данный феномен. Причем, без глубокого социолингвистического анализа происходящего. А там немало заслуживающих внимания сюжетов:

– Насколько полезны для локальных этнических сообществ татар (и близких к ним групп) переход в статус коренных малочисленных народов с формированием новых литературных языков или переход к иным литературным нормам?

– Смогут ли малочисленные этнические группы выстроить достойную современности систему образования на родных языках (подготовка учительских кадров, учебников и т. д.).

– Каков будет тот культурный багаж, на котором они будут базировать свое этническое развитие и будет ли он соответствовать вызовам современного глобализирующегося мира?

При серьезных размышлениях вокруг этих тем, будет ясно, что закладываемая составленным Институтом языкознания в «Списке языков России» политическая линия – а она, как бы от нее не отнекивались его авторы – направлена в конечном счете на раздробление крупных этнонаций, уменьшение роли их литературных языков, а в перспективе – на языковую ассимиляцию обособляющихся, якобы в благих целях, локальных групп татар. При этом, и что весьма показательно, «поволжские татары» еще и изображаются как некие «культурные экспансионисты», против влияния которых будто бы «выступают все больше родителей», которые в случае с сибирскими татарами вместо изучения татарского литературного языка хотят оказывается «введения сибирско-татарского», от которого «зависит будущее сибирских татар как народа» [24] (комментарии Ю. Н. Квашнина).

Между тем, такой известный специалист по сибирским татарам, как Н. А. Томилов, еще в начале 1990-х годов писал: «…в настоящее время сибирские татары входят в татарскую этническую общность, видимо, как особая региональная этническая общность более дробного порядка. И все же сибирские татары в большинстве этнических компонентов сохраняют этническое своеобразие… Но в целом у по-

волжско-приуральских татар и сибирских татар Западной Сибири укрепилось обозначение себя просто татарами, что свидетельствует о развитии процесса трансформации их метаэтнической общности в общетатарский этникос» [21, с. 231–232]. Этот написанный несколько замысловатым языком советской этнологии конца XX в. вывод ученого означает просто, что сибирские татары развивались тогда как часть татарской этнонации. Данное заключение правомерно и по отношению к астраханским татарам (за изъятием пожалуй, карагашей. См. подробнее: [12, с. 10–29]).

Список источников и литературы

1. Алишина Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект сибирских татар. Казань: КГПИ, 1994.
2. Арсланов Л. Ш. К вопросу о карагашском языке // Сов. Тюркология. 1977. № 4. С. 73–82.
3. Арсланов Л. Ш. Формирование и развитие астраханских языков и диалектов (по материалам тюркских языков и диалектов Волгоградского, Астраханского областей, Ставропольского края и Калмыцкой АССР). Елабуга, 1980. С. 88, 92.
4. Арсланов Л. Ш. Юртовских татар (астраханских ногайцев) язык // Языки мира: тюркские языки. М.: «Индрик», 1997. С. 506–513.
5. Арсланов Л. Ш. Язык юртовских татар (по материалам экспедиции 1972 г. // Материалы по татарской диалектологии / Учен. зап. КГПИ. Т. 166. Казань, 1976. С. 3–71.
6. Баскаков Н. А. Ногайский язык // Языки мира: тюркские языки. М.: «Индрик», 1997. С. 328–335.
7. Валеев Ф. Т., Томилов Н. А. Татары Западной Сибири. История и культура / Культура народов России. Т. 2. Новосибирск, 1996.
8. Дмитриева Л. В. Языки барабинских татар (материалы и исследования). Л.: Наука, 1981.
9. Дмитриева Л. В. Барабинских татар язык // Языки мира: тюркские языки. М.: «Индрик», 1997. С. 199–205.
10. Закиев М. З. Татарский язык // Языки мира: Тюркские языки. М.: «Индрик», 1997. С. 357–372.
11. История и культура татар Западной Сибири. Монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015.

12. Исхаков Д. М., Тычинских З. А. Татарско-ногайское население Нижнего Поволжья от средневековья до первых десятилетий XX в. (к вопросу об этнической дифференциации астраханских татар и карагашей) // Туган җир. Родной край. 2023. № 2. С. 10–29.

13. Кадыйров И. Ш. Татар халкының туй җырлары: Себер ареалы. Казан, 2021.

14. Кадыйров И. Ш., Закирова И. г. Татар халкының музыкаль-эпик иҗаты: Себер ареалы. Казан, 2022.

15. Кузнецова Н. В., Томилов Н. А. Генеалогии как историко-этнографический источник (по материалам тюркоязычного населения Барабинской степи // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тез. докл. областной конференции. Омск, 1979. С. 147–149.

16. Письмо А. А. Кибрика от 04.04.2023 г. Д. М. Абукину // Туган җир. Родной край. 2023. № 3 С. 182.

17. Список языков России и статус их витальности. М.: Ин-т языкознания РАН. 2022.

18. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009.

19. Томилов Н. А. Очерки этнографии татарского населения Томского Приобья / Этническая история, быт и духовная культура. Томск: изд-во Томского ун-та, 1983.

20. Томилов Н. А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978.

21. Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX вв. Новосибирск, 1992.

22. Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1977.

23. Тумашева Д. Г. Көнбатыш Себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сүзлек. Казан: Казан ун-ты нәшрияты, 1961.

24. Хомякова Д. Непризнанный народ // Народ Сибири. 19.03.2021. Изд. Сибирского отдел. РАН (электронный ресурс). URL: https: // www.sabrs.info / articles Isimly / nepriznanny-narod (дата обращения: 9.06.2023).

25. Электронный ресурс: https://www.youtube.com/watch?v=SVKDuPqHtD8&List=PLMLxxldt8flogoQcNORHQ1mxxyyTdUsta&index=24

УДК 297.1(571.1=512.1)
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.54.22.020
EDN: ZESOYF

РОЛЬ ИСЛАМА В ДУХОВНОМ ПРОСВЕЩЕНИИ СИБИРСКИХ ТАТАР

Ю. У. Сафаралеева
Россия, г. Нефтеюганск, Индустриальный институт (филиал) ФГБОУ ВО ЮГУ

В статье рассматривается роль ислама в духовном просвещении сибирских татар на рубеже XIX–XX вв. Сибирские татары – это коренной народ Сибири. Социокультурное развитие исследуемой территории переплеталось традициями и обрядами ислама. Административно-общественные, культурно-образовательные процессы проходили в тесной связи с духовенством. Несомненно, и то, что обращение внимания на нравственно-этическую сторону жизни играло немаловажную роль, в особенности воспитания молодого поколения.

Ключевые слова: сибирские татары, ислам, муллы, мечеть, имам, Оренбургское Магометанское Духовное Собрание.

THE ROLE OF ISLAM IN SPIRITUAL EDUCATION OF THE SIBERIAN TATARS

There is the role in spiritual education of the Siberian Tatars on a boundary of XIX–XX century. Siberian tatars are the radical people of Siberia. Socialcultural development of investigated territory intertwined traditions and Islam ceremonies. The administrative-public, cultural-educational processes passed in a close connection with clergy. Undoubtedly, and that the reference of attention on is moral-ethical aspect lives played an important role, in particular education of young generation.

Keywords: Siberian tatars, Islam, mullahs, mosque, imam, the Orenburg Mohammedan Spiritual Meeting.

Россия – многонациональное государство. Исторический опыт показывает, что любое многонациональное государство, с одной стороны, может оставаться сильным лишь при условии сохранения разнообразия традиций и индивидуальности культур народов, населяющих его, с

другой стороны, необходим обмен культурных традиций, взаимосвязь и сотрудничество народов России на принципах равенства, добровольности и взаимопонимания.

Гармонизация этнической жизни, этнические взаимоотношения и взаимосвязи являются весьма важными в жизнедеятельности современных государств и народов, а культурно-просветительные проблемы не утратили своей актуальности и сейчас.

В последние два десятилетия у сибирских татар, как и у многих других народов России, возрос интерес к своей истории, культуре и языку.

Сибирские татары – это коренной народ Сибири. За столетия сибирскими татарами накоплено ценнейшее историческое наследие, главными компонентами которого являются язык, национальные обряды, обычаи, традиции, фольклор и т. д. Осознание сибирскими татарами своей культурной самобытности, стремление к возрождению, сохранению и развитию национальной культуры, привели в 1991 г, к включению их в реестр народов Сибири и России. Сибирские татары прошли большой и сложный путь многовекового развития. Их культура и просвещение – это неотъемлемая составная часть татарской истории и общероссийской истории.

Незнание истоков социокультурного развития и исторического опыта образования конкретного народа часто приводит к негативным последствиям.

В этой связи остро встает проблема освещения культурно-просветительных процессов, происходивших у сибирских татар. Тема актуальна с исторической точки зрения как региональная проблема. Модернизация образовательных процессов, происходящих сегодня в Западной Сибири, решение межнациональных вопросов на данной полиэтнической территории требуют новых исследований. Обращение к многовековому духовному опыту народа поможет правильно оценить современную ситуацию в разных ее направлениях и проявлениях.

Актуальность и значимость темы определяется и тем, что история становления и развития культурного процесса воздействует на современные проблемы в обучении, воспитании в национальной школе, определяет ее стратегию развития образования и просвещения.

Наряду с общемировыми ценностями каждому обществу, общественно-государственному строю присущи свои ценности. Приоритет тех или иных ценностей зависит от нравственно-духовного, социально-экономического уровня развития общества.

Ислам – не только определенное религиозно-этическое учение. Это особая культура, цивилизация, образ жизни. Формирование такого образа жизни, регулирование различных ее сторон осуществляются шариатом – сводом предписаний, узаконений. Шариат (шариа) – это тщательно разработанный кодекс поведения, канон, содержащий в себе обрядовые нормы богопочитания, нравственные законы семейной и общественной жизни, различные разрешения, предписания и запреты, призванные урегулировать отношение мусульманина к Богу, к обществу в целом и к человеку, в частности. Таким образом, шариат – это мусульманское законоведение, иначе говоря, мусульманское право, основными источниками которого являются Коран, сунна, иджма, кияс, тафсир и урф ва адат. Мусульманское право, в отличие от других правовых систем, не есть самостоятельная отрасль науки. Оно, вплоть до мельчайших деталей, – неотъемлемая часть религии ислама [3, с. 92, 100]. Мусульмане в жизни руководствовались положениями, содержащимися в Коране, главной священной книге мусульман, представляющей собой собрание проповедей, обрядовых и юридических установлений, заклинаний, молитв, назидательных рассказов и притч Мухаммеда. Приняв ислам, татары усвоили основы мусульманского правоведения (фикх), свода мусульманского права.

Через ислам сибирские татары приобщились к нормам мусульманского права и нравственности, содержащиеся в шариате, освоили общие правила и заповеди верующих, изучали арабский и персидский языки, знакомились с восточной культурой. Благодаря исламу среди сибирских татар распространилась литература духовного и светского содержания крупнейших писателей, ученых Средней Азии [4, с. 172].

Ислам для татар представлял собой не только религию, но и культурно-моральный кодекс, по правилам которого воспитывался народ, тщательно охраняя свой язык, культуру, быт, обычаи и привычки от постороннего влияния. Ислам учит людей: пресекать все плохое, не надсмехаться над людьми, никого не оскорблять, бороться со злом. По Корану все люди равны, добрый человек заслуживает уважения, и что добросовестное отношение к своему делу – самое хорошее качество человека.

К числу неизменных указаний пророка, имеющих отношение к воспитанию, относятся такие слова: «Не относится к нам тот, кто не жалеет малых среди нас и не признает прав старых». «Лучшим динаром, считается динар, которой он потратит на своих детей …» [23, с. 31]

Религия, жизнь, разум, собственность и продолжение потомства являются основными ценностями жизни по исламу.

Одно из важнейших требований ислама – это то, что мусульманин должен учиться, накапливать знания. Сегодня многие ученые – исламоведы рассматривают ислам как цельное учение о смысле земного существования человека. При этом роль образования в его жизни в контексте этого учения представлена очень широко. Достаточно сказать, что в Коране более 700 раз можно встретить сюжеты, связанные с наукой и образованием. В Священном Коране говорится: «Читай! И Господь твой щедрейший, который научил каламом, научил человека тому, чего он не знал» (сура «Сгусток», аят 3). Образование человека во многом определяет его поведение: «Всякая душа – заложница того, что она приобрела» (сура «Завернувшийся», аят 41) [31, с. 34].

Анализ архивных материалов показал, что по шариату мектебе и медресе служили местом для религиозно-нравственного, просветительского воспитания и для приобретения других знаний. Так как хадис пророка Мухаммеда гласит: «За знаниями не ленитесь идти даже в далекий Китай, потому что приобретение знаний есть главнейшая обязанность мусульманина» [16, с. 23]. Рассмотрим некоторые изречения, которые были составлены во время совещания в Оренбургском муфтияте о целях и задачах мусульманских школ. Из книги Мишкать: «Если кто приходит в мою мечеть с тем, чтобы научиться доброму, благому делу, или учить к тому других, такой человек причисляется к числу трудящихся на Божьем пути» [32, с. 36].

В главе об Учении: «за получением основоположных религиозных познаний будут являться к вам разные группы людей, и вы как скоро они явяться, наставляйте их творить благие добрые дела» [32, л. 36] Из хадиса в книге «Мишкать» пророк сказал: «Для того чтобы хранить родственную нить необходимо знать генеалогию» (Коран, глава 9, стих 122): в шариате имеются указания на патриотизм, преданность, любовь и верное служение к отечеству, поэтому изучение русской отечественной истории полезное и нужное дело [33, л. 43об.]. Одна из важнейших задач религии состоит в том, чтобы помочь человеку выработать в себе высокие нравственные качества и научить его поддерживать добрые взаимоотношения с людьми, и задача эта столь важна, что пророк даже говорил: «Поистине, был я направлен к людям для того, чтобы довести благонравие до совершенства». Этот хадис приводит Аль-Бухари [24, с. 23].

Яркое проявление исламской конфессионально-культурной традиции среди татар – бытующая практика проведения семейно-бытовых обрядов и праздников. Этническую жизнь просто невозможно предста-

вить без исполнения таких мусульманских обрядов, как «коръян уку» – чтение корана, «дога кылу» – чтение молитв, «садака оляшу» – раздача подаяния. Они являлись стержнем таких событий, как свадебное торжество, наречение имени, похоронно-поминальный комплекс и др.

Религиозный обряд, оформляющий рождение, носит название «исем кушу» – имянаречение. Он очень прост: в присутствии нескольких мужчин над ребенком читается одна из сур корана – Азан и произносится его имя, затем проводится угощение.

Сибирские татары отмечали религиозные праздники – «уразу-байрам» в честь окончания мусульманского поста и спустя 70 дней после него – «курбан-байрам». В дни Корбан гаете совершали жертвоприношение – корбан чалу, по религиозному называют – гает [26, с. 375] по правилам, четко разработанным в исламе. Мясом жертвенного животного старались угостить как можно больше людей.

По обычаю мусульман только после прочтения муллой молитвы никаха и соответствующей записи в метрической книге брак считался совершенным: жених получал право посещать невесту на правах мужа [4, с. 138].

Таким образом, жизнь татар Прииртышья переплеталась мусульманскими традициями, влиявшими на образ их жизни.

Во второй половине XIX – начале XX в. татарское население регулярно читало книги духовного и светского содержания, публицистику на татарском языке, поступавшие из Казани, Оренбурга, Петербурга. Особой популярностью среди сибирских татар пользовались произведения таких прогрессивных ученых-просветителей, публицистов, как Шигабутдин Марджани, Каюм Насыри, Риза Фахрутдинов, Рашит Ибрагимов и др. [4, с. 173].

Татарский просветитель XIX в. Каюм Насыйри в своей замечательной «Книге о воспитании», состоящей из 113 наставлений о нравственном совершенстве человека, отмечал, что знания, полученные в детстве, подобны орнаменту, выбитому на камне.

Было не забыто и ремесло, о котором Саади говорил: «Любимые дети, учитесь какому-нибудь ремеслу, ибо не заслуживает доверия богатство и мирское добро… Если человек, владеющий ремеслом, лишится власти, – не беда, ибо ремесло в его душе – богатство. Куда бы он ни пошел, он всюду встретит уважение… а человек, не владеющий ремеслом, всегда нищенствует и терпит лишения». Общеизвестны имена Ибн-Сины, Улугбека, Аль-Фараби и многих других мусульманских ученых, труды которых вошли в мировую сокровищницу знаний. Свой

вклад исламский мир внес и в воспитание, считавшееся важнейшим делом родителей, общества, государства. Недаром во всех низших образовательных исламских заведениях первейшее внимание уделялось именно вопросам нравственного характера.

В документе «О магометанских учебных заведениях» за 1913 г. было отмечено, что «татарские школы существуют давно, имеют свои традиции, вполне своеобразны, чисто народные, направлены в исключительно религиозно-нравственном духе; ученые муллы, заведующие медресами и их шакирды, составляют гордость населения; мударрисы, муллы и учителя мугаллимы проникнуты идеей святости своих педагогических трудов, ибо учат они во имя Бога, во имя распространения и укрепления Ислама, по предписанию шариата – безвозмездно» [18, с. 92].

Для общего развития и нравственного воспитания в мектебе и медресе большое значение имели произведения древних писателей, таких как Кыйссасел-энбия» (Сказание о великих и пророках), которая была написана в 1311 г. на основе сюжетов Корана и состояла из полурелигиозных, полуфольклорных и мифологических рассказов. Основной упор книга делала на гуманизм и нравственность. Одним из главных учебников мектебе и медресе была поэма Кул Али «Кыйссан-Йусуф» («Сказание и Йусуфе»). Это были художественные произведения, в которых описывались жизнь, быт и практическая мудрость людей той эпохи, затрагивались нравственные ценности: милосердие, справедливость, доброта, щедрость и т. д. [6, с. 130].

Мусульманская религия играла важную роль в жизни татар исследуемого региона. В пореформенный период как у татар Поволжья и Приуралья, так и в Сибири ислам продолжал укреплять свои позиции.

Мусульманское духовенство у татар было представлено при соборных мечетях хатыпами или муллами, имамами и муэдзинами, при простых мечетях – имамами и муэдзинами [2, с. 148]. Духовная организация мусульман Западной Сибири находилась в подчинении Оренбургского духовного магометанского собрания [28, л. 142; 34, с. 5].

Оренбургское магометанское духовное собрание (Уфимское духовное магометанское закона собрание, с 1796 г. – Оренбургское, с 1846 г. – ОМДС) – государственно-религиозное учреждение, созданное по указу Екатерины II от 22 сентября 1788 г. Открытие состоялось 4 декабря 1789 г. в Уфе. В 1796-1802 гг. находилось в Оренбурге. ОМДС было учреждено с целью контроля над мусульманским духовенством и дальнейшего использования официальных исламских институтов в

проведении государственной политики среди мусульманского населения. Это был коллегиальный орган, деятельностью которого руководили председатель (муфтий) и три заседателя (кадии).

Важнейшим направлением деятельности ОМДС являлся разбор дел, связанных с семейно-брачным и имущественным правом мусульман. В компетенции ОМДС находились вопросы строительства и ремонта мечетей, а также прием экзаменов у кандидатов на религиозные и учительские должности [17, с. 84–85]. С целью усиления контроля мусульманскими школами в 1874 г. они были переданы в ведение Министерства народного просвещения (до этого они числились за Министерством внутренних дел) [19, с. 91].

Муллы пользовались большим авторитетом у населения и выделялись среди однообщественников образованностью. Приходской мулла исполнял не только конфессиональные, но и гражданские обязанности: вел метрические книги о рождении, браке, разводах и смерти прихожан. В исследуемое время татарская община участвовала в решении вопросов религиозной жизни, и духовные лица принимали участие в делах общины. Мечети у сибирских татар строились на общественные средства [7, л. 459].

Кандидат на должность муллы проходил обязательную аттестацию в духовном управлении по истории ислама, шариату, знанию Корана, мусульманской юриспруденции, хадисов пророка Мухаммеда [8, л. 6, 8, 33; 35, с. 2]. В 1896 г. Мухаметсаке Абубакирову Юмашеву было «ученено испытание в знании правил магометанской религии, по которому оказался быть способным имам хатыпом и мудариссом» [9, л. 5]. Данное удостоверение еще не давало право начать деятельность в мечети, «это свидетельство, с тем, что оно, показывал о его познаниях, не предоставляет ему право исправлять духовныя требы впредь до утверждения его в духовном звании губернским начальством в приходе, в которой будет выбран» [9, л. 5]. По уровню образования ему присваивали звания «имам» (возглавляющий намаз), «имам-хатыб» (кроме того, умеющий читать хутбу-проповедь) или «имам-хатыб-мударрис» (дополнительно имеющий право преподавать в медресе).

Кроме этого, кандидат на должность муллы должен был сдать экзамен по русскому языку [10, с. 20–21]. После сдачи экзамена он получал документ –свидетельство от Тобольского уездного училища за подписью председателя комиссии и учителей: «выдано Мухамет-Саки Абубакирову Юмашеву инородцу юрт Подъемных инородной волости

оброчных чувальщиков Тобольского округа в удостоверение того, что он успешно выдержал испытание в знание русского языка, установленное для кандидата на должность сельского муллы» [11, л. 6]. Губернское управление направляло утверждение в должности муллы в полицейское управление, где назначенный мулла должен был дать присягу «на верность службы» [12, л. 18].

Проникновение ислама сопровождалось распространением в крае, как и везде, религиозной школы и ее атрибутов – письменности на основе арабской графики, книжной грамоты. Без них религиозное учение не могло пробивать себе дорогу в массы. Старое руническое письмо было заменено арабским.

Это были начальные школы при мечетях (мектебе) и средние школы (медресе), которые начинают открываться приблизительно с середины XVI в. Учителями в них в начале были муллы из бухарцев, а позднее – получившие духовное образование представители сибирских и казанских татар.

Анализ источников дает весьма противоречивые статистические данные о количестве существовавших мектебах и медресе.

В Тобольской губернии в 1860 году существовало 149 мечетей, в том числе 7 в городах и 142 в округах [41, с. 115]. По данным памятной книжки для Тобольской губернии за 1864 г., «магометанских мечетей считалось в 1862 г. в губернии 139 (6 каменных и 133 деревянных), из них 7 (4 каменных и 3 деревянных) находились в городах, а 132 (2 кам. и 130 дер.) – в округах губернии. Здесь же дана была характеристика, что в г. Петропавловске 4 мечети (2 каменные и 2 деревянные), в Таре –1 каменная, В Омске – 1 каменная, в Тобольске – 1 деревянная [20, с. 363]. Наибольшее число мечетей в Тобольском округе 51 – 1 каменная мечеть и 50 деревянных, затем 36 (1 каменная и 35 деревянных) в Тарском; 30 деревянных – Тюменском, 15 деревянных –Ялуторовском и 1 в Ишимском [20, с. 363].

Г. Л. Файзрахманов пишет, что в 1868-1869 гг. мечетей было 150 [30, с. 369].

В источниках совсем не указывались по отдельности количество мектебе и медресе, а давалась их суммарная численность.

По материалам «Памятной книжки Тобольской губернии за 1912 год», в городе Тобольске имамом мечети был Бекшенев Абусагит, в городе Кургане – мулла Гидсатуллин Ахмет-Валеев, в городе Таре – Иноятов Изатулла, в городе Тюмени – Габитов Салим-Гирей Хайретдинов [21, с. 55].

По положению Государственного Совета от 15 декабря 1886 г., строительство мечетей допускалось при наличии 200 д. м. п. молитвенные здания возводились без всяких ограничений. Г. Т. Бакиева и Г. Л. Файзрахманов отмечают, что при постройке мечети нужно было соблюдать следующие условия: 1) чтобы прихожан при мечети было не менее 200 душ мужского пола; 2) чтобы в общественном приговоре прихожане изъявили бы согласие на содержание мечети и духовенства при ней [2, с. 151; 30, с. 369].

В «Памятной книжке Тобольской губернии» за 1864 г. приводятся следующие данные: «по числу магометанского населения в губернии причитается 1 мечеть на 366 человек обоего пола или в городах 1 мечеть на 575 человек обоего пола и в округах 1 мечеть на 338 человек обоего пола» [20, с. 363].

В материалах Оренбургского духовного собрания есть свидетельства прошения татарами о постройке мечети в ю. Индерских в 1903 году, где духовное собрание требует отчет о численности мужского пола [39, л. 79]. Для получения разрешения построить мечеть, приход и духовенство обращались в Губернское Управление. Губернское Управление, в свою очередь, обращалось в Оренбургское Магометанское Духовное Собрание: «на основании 154 ст. Уст. Строит., изд. 1900 имеет честь препроводить при семъ на распоряжение магометанского Духовного Собрания переписку по ходатайству инородцев юрт Индерских, Истяцкой Инородной волости, Тобольского уезда о разделение прихода юрт Истяцких на два, с образованием особого прихода из юрт Индерских и о постройке в этих юртах мечети» [34, л. 1]. Магометанское Духовное Собрание требовало отправить количественные данные: «в самом непродолжительном времени доставить имянные списки с показанием числа наличных мужского пола душ отдельно по юртам Бегитинским, Индерским и Истятским» [35, с. 2].

В ноябре 1903 года было сообщено, что «при Бегитинской соборной мечети Тобольского уезда приходными деревнями состоят юрты Индерская и Иштякская – общее число душ мужского пола 459» [36, с. 3]. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание требовало «именных списков прихожан с показанием числа о наличии мужского пола душ, как желающих образовать в юртах Индерских новый приход, так и остающихся при старом приходе мечети при юртах Бегитинских» [37, с. 7].

13 сентября 1904 г. Губернское Управление уведомляло, что «от 10 сентября инородец юрт Индерских, Истятской инородной волости,

Тобольского уезда Габдул Ахмат Рафиков утвержден муллой вновь образованного прихода соборной мечети юрт Индерских, Истятской инородной волости, Тобольского уезда» [38, с. 13]. Тобольское Губернское Управление не сообщило о постройке мечети в ю. Индерских в Духовное Собрание. В результате постройка мечети и назначение муллой Абдул Ахмата Рафикова были решены Тобольским Губернским Управлением. Таким образом, строительство новых мечетей допускалось по представлениям от приходов и духовенства Оренбургскому духовному собранию с утверждения Губернского правления о необходимости построения новой мечети.

Кроме духовных организаций в исследуемый период существовали и другие, например, «Благотворительные и другие общества и учреждения» – это общество мусульман-прогрессистов в городе Тобольске, которое своей деятельностью затрагивало вопросы культуры и просвещения народа. Оно было создано в мае 1907 г. Учредителями были Б. Ш. Кульмаметьев, Т. С. Айтмухаметов, В. М. Халилов, Х. М. Бакиев. Основная его цель заключалась в содействии развитию мусульманских заведений и татарской периодической печати. В 1912 г. в Тобольском обществе мусульман-прогрессистов председателем был Темиров Султан Абдулла, товарищем председателя Айтмухаметов Мухамет-Карым Тахтасынович, казначеем – Айтмухаметов Тахтасын Сафарович (бухарец), секретарем – Кульмаметьев Басыр Шах-Ахметович (потомственный дворянин) [22, с. 57; 27, с. 578]. Тобольское мусульманское общество прогрессистов 1913 году работало в количестве 53 человек. Денежная сумма на счете общества составляла 2246 рублей 47 копеек [13, л. 9]. В августе 1914 г. общество прекратило свое существование.

В начале XX в. торговля, коммерческая деятельность татар, принимавшая предпринимательский характер, поднимается на качественно новую ступень. Расширяются размах, география торговых операций. На уровне уездов, волостей, даже селений создаются всевозможные товарищества, торговые сообщества самых различных видов. Потребительские и кредитные товарищества выводили сельских богатеев на передовые рубежи коммерческо-предпринимательской деятельности [1, с. 93–94].

Так, в Тобольском уезде в начале XX в. существовали кредитные товарищества [14, с. 78, 79] Тоболтуринское кредитное товарищество в юртах Тоболтуринских: Искандеров Шарып (председатель правления), Абдульчалилов Сульбукар (казначей), Такстулатов Аптукарь (член праления), Рахимгулов Мухаметъяр (председатель Совета), Аппасов Сеит

(член совета), Мухамет-Аминов Мухамет Салих (член совета), Смирнов Степан Меркурьевич (старший писарь, счетовод). Вагайское кредитное товарищество в юртах Вагайские: Якупов Нигматулла (председатель правления), Бикбулатов Аптуль-Кабир (казначей), Сеитов Аптулмут (член правления), Юнусов Муфтахетдинов (председатель Совета), Неогманов Аптулла (член Совета), Каримов Аптулькабир Мухамет (член совета), Добродеев Дмитрий Александрович (потомственный почетный гражданин, счетовод). Тобольское кредитное товарищество в городе Тобольске: Бекшенев Альмухамет (председатель правления), Сайфуллин Тахватулла (член правления), Реимгулов Сетик (председатель Совета), Нурмухаметов Басыл (член совета), Авазбакиев Аптулкаир (член совета), Шеметкин Петр Александрович (счетовод).

Крупные купцы, занимавшиеся обширной торговлей в масштабах страны, это были Сейдуковы (село Ембаево, Тюменский уезд), Айтикины (Тара), Ченбаевы (Тобольск).

В начале XX столетия возникает ряд новых торговых домов, например, «Торговый дом Ченбаевых, имевшего большой опыт финансовых операций (основан в 1875 г., Тобольск) [4, с. 172]. Возглавляемый братьями Мухаммедсафаром и Худжатом Ченбаевыми торговый дом (магазины и крупные торговые склады, которые находились в Тобольске и Сургуте) имел выход на широкие российские просторы и даже заграничный рынок. Мухаммедсафар Ченбаев являлся членом учетно-ссудных комитетов по торгово-промышленным кредитам Тобольского отделения Банка. Ченбаев М. (год рожд. 1859) «магометанским образованием состоял на службе в ведомстве с 1901 г., а в должности – с 1911 г.» [14, л. 67]. Брат Мухаммедсафара Ченбаева Худжатулла закончил гимназию. В 1911-1917 гг. он перевел с русского на татарский и опубликовал в Казани и Оренбурге ряд популярных брошюр: «Кто изобрел паровую машину», «Невидимые враги и друзья», «История наук, просвещения, ремесл и изобретений», «Что изобрел Вениамин Франклин и Гальвани», «Кто придумал занятие фотографией» [5, с. 120].

Интенсивное развитие торговли и торгово-предпринимательской деятельности стимулировало развитие купечества, определяло его возрастающую роль в экономической и социальной жизни общества. Так, предприимчивые купцы Сейдуковы с самого начала своей торговой деятельности проникали в дальние азиатские регионы, даже в Китай, откуда привозили чай, пряности (Китай), ковры, шерстяные и шелковые ткани, сушеные фрукты (Средняя Азия), которыми торговали на ярмарках в Ирбите, Нижнем Новгороде, Павлодаре, Семипалатинске,

Петропавловске и других городах [4, с. 172]. Сейдуковы, как меценаты, играли большую роль в просвещении сибирских татар. Например, Нигматулла Сейдуков построил на свои средства 15 мечетей, 50 мектебов и медресе, содержал их, нанимал учителей. Он построил в Ембаево библиотеку и купил 2200 книг, рукописей и т. д. [25, с. 1].

Духовенство активно участвовало в социальной жизни общества. Например, в 1896 г. указной имам Тюменского округа Кашегальской волости, юрт Тарманских, Абдуллин Абдулла Вахитов просил разрешить Тобольское губернское правление отпустить его в г. Нижний Новгород: «желаю в будущем июль месяце отправиться на Всероссийскую художественную и промышленную выставку с научной целью и для приобретения там необходимых для науки книг и сведений, я покорнейше прошу…» [15, с. 9].

Уровень экономического развития края, характеризующийся ростом капиталистического производства, активным вовлечением во Всероссийский рынок, стал одним из условий дальнейшего развития образования.

Административные функции на местах тесно переплетались с деятельностью местного мусульманского духовенства. При рассмотрении многих гражданских дел волостные старшины и сельские старосты часто прибегали, пользуясь своим авторитетом, к помощи приходских мулл (махалля мулласы). Дела, связанные с нарушением установлений ислама (вероотступничество, богохульство, поношение Корана), бракоразводные дела, о разделе имущества и некоторые другие, почти полностью находились в компетенции духовенства. Регистрация актов гражданского состояния в метрических книгах: рождения, брака, развода, смерти были в компетенции приходских мулл [30, с. 369].

Ислам, как часть духовной культуры мусульманских народов, сформировал особую социокультурную среду, определяя образ жизни в целом, менталитет формирующейся в начале века татарской нации. Ислам испытывал притеснения как религия инородцев, при этом национальное и религиозное практически не разделялось. Конфессиональная принадлежность определила существование на всей территории России единого тюрко-мусульманского ареала, в который входили и сибирские татары. Многовековые исторические связи тюркских народов, близость языка, единая религия, общность политического положения сформировали единую культурную и образовательную тюрко-мусульманскую среду [29, с. 65].

Таким образом, в исследуемый период мусульманская религия играла важную роль в жизни татар Прииртышья. Сибирские татары, как последователи ислама суннитского толка, называли себя мусульманами. Социокультурное развитие татарского населения исследуемой территории было связано с традициями и обрядами ислама. Административно-общественные, культурно-образовательные процессы проходили в тесной связи с духовенством. Несомненно и то, что обращение внимания на нравственно-этическую сторону жизни играло немаловажную роль, в особенности воспитания молодого поколения. Главной священной книгой являлся Коран, как источник знания, духовности, нравственности, культурных основ. Коран, как основа религиозно-нравственного воспитания, играл ведущую просветительскую роль с раннего возраста ребенка, так как этому способствовала семья, общество, мечеть, мусульманские учебные заведения – вся традиционная образовательная система татар в Сибири.

Список источников и литературы

1. Амирханов Р. У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. С. 93–94.
2. Бакиева Г. Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVII – начало XX в.). Тюмень-Москва, 2003.
3. Боронбеков. Основные ценности ислама – объекты охраны шариата // Государство и право. 2003. № 2.
4. Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993.
5. Вольхина М. Г. Из истории татарского просвещения в Сибири // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1993. Новосибирск, 1997.
6. Гарифуллин И. Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень, 2000.
7. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 507. Л. 459.
8. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 152. Оп. 35. Д. 574. Л. 6, 8, 33.
9. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 152. Оп. 35. Д. 578. Л. 5.
10. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 152. Оп. 35. Д. 578. Л. 20-21.
11. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 152. Оп. 35. Д. 574. Л. 6.

12. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 152. Оп. 35. Д. 578. Л. 18.

13. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 507. Л. 29.

14. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 506. Л. 78, 78 об, 79, 79 об.

15. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф.152. Оп. 35. Д. 574. Л. 9.

16. Ислам и мусульмане: 40 вопросов об исламе. М., 1999.

17. Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Сост. С. М. Прозоров / Ред. Л. В. Посувалюк. Вып. 3. М: «Восточная литература» РАН, 2001. С. 84–85.

18. НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5482. Л. 92, 92об.

19. НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5482. Л. 91.

20. Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск, 1864.

21. Памятная книжка Тобольской губернии 1912 г. Тобольск, 1912.

22. Памятная книжка для Тобольской губернии на 1912 год. Тобольск, 1912.

23. Прохоров А. П. Ислам. Правила общежития // Преподавание истории в школе. 2004. № 1.

24. Программа по изучению шариатских наук. М., 2000.

25. Рахимова А. Р. История юрт Ембаевских // Янарыш. 1997. 16 мая.

26. Татары. М.: Наука, 2001.

27. Татарский энциклопедический словарь. Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 1998.

28. Томилов Н. А. Этническая история тюрко-язычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск: изд-во Новосиб. ун-та, 1992.

29. Тычинских З. А. Исламские традиции в просвещении татар Сибири // Образование и культура Тюменского края в XVIII–XX вв. Материалы VII Тюменской областной научно-практической конференции, посвященной памяти П. П. Чукомина. Тобольск, 1998.

30. Файзрахманов Г. Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002.

31. Харисова Л. А. Ислам: воспитание и образование // Педагогика. 2001. № 8.

32. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 1а. Д. 20. Л. 36.
33. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 1а. Д. 20. Л. 43 об.
34. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп.4. Д. 4238, 4232, 4600.
35. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 585. Л. 2.
36. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 585. Л. 3.
37. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 585. Л. 7.
38. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 585. Л. 13.
39. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 622. Л. 79.
40. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 5650. Л. 1, 2.
41. Юшков И. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. 1861. № 35-45.

УДК 94 (571.12-21)
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.58.56.021
EDN: ZEYHVF

О ТЮМЕНИ ДО ТЮМЕНИ

А. П. Ярков
Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет

Есть основание утверждать, что: у областного центра есть две даты рождения – 1375 и 1586 гг. Пройдёт, увы, ещё несколько десятилетий, прежде чем в сознании новых поколений сибиряков это будет усвоено. До 1586 г. он не был «татарским городом», а после него – «русским». Обсуждавшаяся в научном сообществе тема о Самаровском городке как «первом русском городе Сибири» лишь обострила противостояние современных элит, заинтересованных в укреплении позиций с помощью «исторических реперных точек».

Ключевые слова: первый город Сибири Цинги-Тура / Тюмень, 1375/1586.

ABOUT TYUMEN BEFORE TYUMEN

There is reason to assert that: The regional center has two dates of birth – 1375 and 1586. Alas, it will take several more decades before this will be assimilated in the minds of new generations of Siberians. Until 1586, it was not a «Tatar city», and after it – a «Russian». The topic of the Samara town as the «first Russian city of Siberia» discussed in the scientific community only exacerbated the confrontation of modern elites interested in strengthening their positions with the help of «historical reference points».

Keywords: the first city of Siberia Tsingi-Tura / Tyumen, 1375/1586.

Диспозиция

В средневековых географических сочинениях и на картах редки описания и изображения северных пространств и политий, там существовавших. Обозначение «седьмого климата» указывало «предел» обитания человека, где далее есть только полулюди-полуживотные. Но наши то знания давно отвергли эту идею: люди здесь жили издревле. Поэтому лишь расширение знаний в связи с Великим Шёлковым путём отменило эгоцентризм средневековой картографии.

Сведения, собранные из «дорожников» арабских и персидских купцов, посольств Римского папы и правителей итальянских государств к

Узбеку и Джанибеку (до чумы 1348 г.) отложились в портолане братьев Пицигани (1367). Оттуда они «перекочевали» в Каталанский атлас (1375) Авраама и Иехуды Кресков (Крескесов), где впервые указано на каталанском языке (иная версия – диалекте испанского языка): «Los munts de Sebur on neix lo gran fluw Edil» («Горы Себур, где большая река Эдиль берёт начало») и помечено поселение *Singui.* Известно оно, возможно, по информации венгерского монаха Иоганки. Если исходить из существующей мировой практики, что датой основания считается первое письменное упоминание, то Каталанский атлас 1375 г. – более чем серьёзный аргумент. Возражения оппонентов, что Чинги-Тура сожгли, а Тюмень основали рядом, рассмотрим позднее.

Город или городок? Как имя твоё?

Сибирский средневековый городок – далёкий «родственник» городов западноевропейских, русских, среднеазиатских, поволжских. Не было здесь ни крепостных стен, ни капитальных строений, а торговля и ремесло (в иных регионах – условия урбанизации) были слабо развиты. Это не свидетельство «низкой культуры»[1], а лишь отражение специфики местной экономики.

Различие названий: от самого близкого к *Singui – Цынги* (*Чинги*)-*Тура*, а также *Тура*/Тара, *Чимгатурин, Чымги/Джинги Тора* и других) исходит из лингвистических особенностей, а также трактовок как «земля/вилайет» и как столица/ставка Тюменского ханства, чьи «подданные» (понятие, не обозначающее постоянство) имели кочевья в XV–XVI вв. даже на Сыр-Дарье и в Приаралье. Этимология же названия связана с морфологическими особенностям тоболо-иртышского говора сибирскотатарского языка/диалекта, для которого характерно цоканье[2]. Адаптация «S» к использованию в славянских и тюркских языках привела к «заменяющим» звукам «С», «Ч», «Ц». В нашем случае логично использование названия *Цынги-Тура.* Тем более, что неторопливая речка Цынга протекает по Тюменскому району.

Обоснование – основным строительным материалом местного населения выступали не только дерево, но и дёрн («цын»). Соответственно, название трактуется как «город(ок) из дёрна». У Г. Ф. Миллера упомянуто *ЦиМги-Тура*, что объясняется «скольжением» звука: Н=М. В древнетюркских языках это понятие обозначено как «чим/шим» (отсюда Шымкент).

---

[1] В научных и популярных изданиях такая дифференциация присутствует, хотя должна быть осуждаема.

[2] Показательно имя шейха, якобы пришедшего в Сибирь из Средней Азии, – Цын-бига.

Происхождение же от имён правителей (Чинги или Чингизхана) ошибочно, хотя план Тюмени 1766 г. пояснял: «Начальное заведение и укрепление сего города было самое древнее. Построенное одним ханским сыном Тайбугою ещё до владения в Сибири хана Кучума. Онаго укрепления остатки и теперь довольно видны... называетца Царево городище. Окружено с трёх сторон глубокими бораками и речкой Тюменкой...». Согласно другим преданиям, поселение построил Тайбуга – родоначальник династии, живший в эпоху Чингисхана.

Проведённые с 2005 г. сотрудниками Тюменского госуниверситета археологические раскопки зафиксировали три основных периода развития поселения: средневековый бакальский, времени Тюменского ханства, период XVIII–XX веков. Найденная керамика, монета XIV века говорят о его связях с Поволжьем и Средней Азией.

Цитадель («Царёво городище») находилась на двух мысах (ныне в центре г. Тюмени). Н. А. Абрамов отмечал, что укрепления состояли из двух линий, где первый ров с валом начинался от лога и составлял «почти в 600 саженей». На самой стрелке мыс, согласно рисунку С. У. Ремезова из «Кунгурской летописи» – дворец правителя и мечеть, но у них фантазийный облик. Поскольку городок имел сезонный характер (летняя ставка правителя), а местное население занималось отгонным скотоводством, дворцов быть не могло, а роль мечети (мусалла) могло играть любое возвышение – кабир.

Появление ставки объяснимо, ибо, как заметил В. Д. Пузанов: «Географически политический центр Западной Сибири неизбежно «привязан» к нижнему течению р. Тобола между Иртышом и Турой, поскольку именно этот район даёт возможность оптимального контроля как за южными, так и северными территориями и не представляет серьёзных проблем для выхода туда крупных сил конницы».

Кто правил здесь и кем?

Природных ресурсов по берегам Туры – с избытком. Угорское и тюркское население, занимавшееся в основном[1] отгонным скотоводством, охотой и рыболовством, сбором дикоросов, ещё только шло к этапу этнической консолидации. Оформление самосознания (сибирские татары, ханты, манси, селькупы) уверенно можно отнести к XVIII–XIX векам[2].

[1] Земледелие и ремесло слабо развиты.

[2] Таким образом, это «молодые» этносы. И только от них зависит их будущее.

Северная Азия для правителей ряда центрально-азиатских политий (ханств, княжеств) была рекреационной зоной и регионом сбора ясака. Климат, расстояния, непостоянство дорожной сети мало привлекали.

Едигей (Идигей/Эдигей/Эдиге/Edigi) – эмир Белой Орды, основатель Ногайской Орды, в 1405–1408 гг. управлял Сибирью, навещая своих подданных для сбора ясака (это в основном пушнина). В составе его свиты оказался «путешественник поневоле» – И. Шильтбергер, который по возвращению в Баварию записал воспоминания (первые письменные) о своём отношении к Edigi, Wissibur, населению, но примет поселения не зафиксировал.

В финале борьбы за первенство среди Шибанидов шестнадцатилетний Абулхайр избрал в 1429/1430 гг. Чимги (Цынги)-Туру местом возведения в ханы. Церемония восшествия Абулхайра на престол символически отображена на миниатюре к сочинению Масуда Усмана Кухистани «Тарих-и Абулхайр-хани». Там правитель изображён сидящим в «золотом» халате на «подушке власти» с короной на голове. Это не «фотография» и не зарисовка с натуры, а всего лишь художественный образ.

Комментаторы «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» писали (но спустя годы после события), как Абулхайр вошёл в завоёванное поселение: «Когда знамёна победы бросили тень прибытия над головами жителей Тара/Тура, Адад бек буркут, который был хакимом города... и Кибек Хожа бий буркут со своими эмирами, вождями и прочими военноначальниками... стали мулазимами повелителя мира». Кепек (Кибек)-Хожа, скорее всего, мог быть во главе местного социума. Для элиты кочевой образ оставался престижным, а для подданых – приемлемым. Потому и потребности в сооружении дворцов и капитальных жилищ здесь не было. Сам же Абулхайр кочевал по огромному пространству, перемещая и кочевую столицу – Орду-Базар. В 1446 г. ушёл на юг, окончательно переместив ставку.

Цынги-Тура, впрочем, продолжала существовать. И примерно на том же месте. Сюда же должен был свозиться ясак для правителей (местных и «главных», весьма переменчивых). В 1469 г. Сайид Ибрахим хан разгромил Узбекское ханство, а в 1481 г. перевёл сюда из Хаджи-Тархана свою ставку Орду-Базар. Так возникло Тюменское ханство, но после смерти Сайид Ибрахим хана в 1495 г. власть захватил князь Искера Мумамад бек. Соответственно, *Цынги-Тура* потеряла статус столицы, став удельным городком.

При правивших Сибирью Тайбугидах Едигере и Бекбулате (Бек-Пуладе) велась относительно независимая политика. Но, в связи с изменением континентальной ситуации, правители признали вассальную зависимость от Москвы. Ей стали платить дань и подписали шертную грамоту. Это не устроило ни местную элиту, ни правителей Бухарского ханства, «обидевшихся» на своих вассалов. В 1563 г. Едигер и Бекбулат убиты, а «лучшие сибирские люди» пригласили потомка Сайид-Ибрагима – Муртазу (который якобы уже обосновался в Цынги-Туре), от которого власть перешла к Ахмет-Гирею и Кучуму, державшим ставку в Искере.

Спускаясь по реке Туре, дружина Ермака, предполагается, 1 августа 1582 г. взяла штурмом городок и сожгла (или его сожгли до того). Это, по мнению ряда исследователей, означает финал Цынги-Туры. Но ведь пожар (в том числе упомянутый) не конец истории любого поселения. Иначе «Москва, спалённая пожаром», начала бы отсчёт своей истории с 1812 г.! Жизнь здесь не прерывалась...

Прочитаем внимательно запись Кунгурской летописи, воспроизводящей указ царя Фёдора. Там указано ставить «градъ Тюмень, июля въ 29 день, еже Чинги слыхъ», то есть на месте *Цынги-Туры*! Какие ещё нужны доказательства исторической и пространственно-географической увязки? Да и прежние жители вели хозяйство повсеместно, обитая на Царёвом городище или в отдалении. Напомним: для кочевника и 1000 вёрст за сезон – не расстояние, а понятие «ата мекен» не привязано к «колышку крестьянского надела».

О «русском» городе Тюмени

И в XVII веке предки сибирских татар по-прежнему называли себя жителями *Цынги-Туры,* тогда как приезжие бухарцы и русские горожане – Тюмени. С 29 июля 1586 г. начинается лишь новая «страница» в более длительной истории города – действительно старейшего (с 1375 г.!) в Северной Азии. Признаем этот факт – не будет споров, кто старше: Тюмень, Ханты-Мансийск, Новосибирск (у нынешней станции метро «Октябрьская» находилось Чатское / Чёртово городище) или иные...

Не отрицаем: Тюмень с XVII в. стала форпостом в целостном освоении азиатской части России. Тюрки, угры, славяне наработали с того времени опыт совместного жительства, а в антропологическом типе и генетическом коде русских сибиряков оставили «следы».

Действительно, местные воеводы отселили прежних жителей – иноверцев за пределы острога. Появились и поныне употребляемые

микротопонимы: «Зарека», «Затюменка». Внутри городских стен могли селиться лишь православные. Но ведь ими стали и недавно принявшие православие тюрки. В момент, надев крест на шею и новую одежду на тело, невозможно отказаться от родного языка, игнорировать привычную пищу и бытовую культуру. Смена ментальности, аккультурация и даже русификация – длительные процессы. Новая власть изменила лишь внешние пространственные ориентиры: вместо мечети появилась церковь – «воздвигоша в прибежище християном». К тому же с 1595 г. в самом гарнизоне острога уже имелись служилые татары, верные религии предков.

Ситуация ещё больше изменилась, когда в 1596 г. прибыл торговый караван бухарцев. Интересы приезжих охранял приказ из Москвы, чтобы «бережение и ласку им держать великую, и обиды б им и насильства не было, чтоб им впредь подавно со всякими товары пристати… а которые торговые люди – бухарцы похотят на Тюмени годовать… вы бы им велети на Тюмени бытие до тех мест, как они товары свои испродадут». Местные власти вынужденно согласились на устройство Бухарской слободы – позднее юрты Матиаровские и Ново-Шабабинские (названные по имени основателя Ашмана Шабабина, позднее – Явыл / Новые юрты), рудимент которых доныне сохранился в микрорайоне «Парфеново».

В Бухарской слободе бухарцам разрешалось вести традиционный образ жизни и экономическую деятельность, тогда как у коренного тюркоязычного населения – в Татарской слободе таких привилегий не было. Известно также, что в середины XVII в. типы жилищ различались: у сибиряков – юрты или мазанки, а у их единоверцев – бухарцев – деревянные дома с большими окнами, как у русских.

Купцов и ремесленников, принявших российское подданство, стали именовать «тюменскими юртовскими бухарцами», а для «временных сибиряков» существовало название «приезжие бухарцы». Им разрешалось вести дела «за городом в посаде или за посадом, где будет пригоже», что фактически способствовало тому, что они оставались жить вблизи торговых точек. Некоторые из бухарцев постепенно преодолевали запреты властей и приобретали крупные земельные наделы в ближайшем пригороде, продвигаясь к берегу реки Туры. Применяя наёмный труд, они принимались за производство товарного зерна, занимались скотоводством, участвовали в ярмарках и торжках.

В 1640–1642 гг. власти окружили (то есть объединили) Татарскую и Бухарскую слободы острожной стеной, а с 1690 г. она именовалась

Татаро-Бухарской. Её жители преуспевали: взяв за основу привозные, они создали феномен «тюменских ковров» и «тюмен намазлык», а кожевенное и ювелирное дело формировало стойкий спрос не только среди слободчан.

Разрядные книги XVII в. выявляют среди служилых татар Тюмени, немало добровольно принявших христианство и, соответственно, русские имена и фамилии, одновременно получивших право селиться внутри городских стен. Соответственно, принятое в ряде научных и краеведческих изданий «деление» пространственно-культурного истории Тюмени не соответствует реальному процессу интерференции культур. Одновременно необходимо признать, что ассимиляция и русификация этой части населения проходила под влиянием православия, которое поддерживало государство: «а буде кто женского полу или девки похотят креститься, и их велеть крестить… и выдать замуж за служилых людей».

Оседлый образ жизни и надел земли не могли оказать быстрого влияния на ментальность и самоидентификацию крещёных, но всё-таки они были включены в диалог культур.

Существующее среди радикалов «разных мастей» деление населения Сибири на «своих» и «чужих» бесперспективно, а в историко-культурном отношении безосновательно.

Список источников и литературы

1. Маслюженко Д. Н. Сибирская государственность Шибанидов: полемические заметки к определению хронологических и географических рамок исследования // Историко-культурное наследие татар и сибирских татар Тюменской области: мат. науч.-практ. конф. Тюмень, 2017. С. 16–19.
2. Зах В. А., Матвеев А. В., Матвеева Н. П. Археологические путешествия по Тюмени и её окрестностям / Рос. АН, Сиб. отд-ние, Ин-т пробл. освоения Севера, Ком. по культуре Администрации г. Тюмени. Тюмень: ИПОС, 1994. 189 с.
3. Летописи сибирские / сост. и переводчик Е. И. Дергачева-Скоп. Новосибирск: Кн. изд-во, 1991. 270 с.
4. Рафикова Т. Н. Результаты изучения Царёва городища (2007–2009) / // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: мат. Междунар. конф. Курган, 2011.

5. С. Тюменское и Сибирское ханства: коллективная монография / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Г. Ситдикова, Р. Р. Хайрутдинова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 83–84.

6. Ярков А. П. Города и городки: о генезисе образов и поселений на примере Singui~Цынги-Туры~Тюмени // Тюменский исторический сборник. Вып. XVIII / Министерство общего и профессионального образования РФ, Тюменский государственный университет. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. С. 40–48.

7. ГКУ РБ «ЦИА РБ». Ф. И-295. Оп. 2. Д. 8. Л. 763об.–764.

УДК 664.71(470.58)(091)
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.28.16.022
EDN: AKECTQ

МЕЛЬНИЦЫ И МЕЛЬНИЧНОЕ ДЕЛО НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Е. В. Тершукова, Д. Н. Маслюженко
Россия, г. Курган, Курганский государственный университет

Хлебопашество и переработка зерна на протяжении XVII – начала XX вв. являлись одним из основных занятий крестьянского населения в Западной Сибири. В статье рассмотрены вопросы хронологии появления и распространения мельниц в Притоболье, их распространение в крестьянской и купеческой среде, в том числе с учетом особенностей функционирования ветряных и водяных мельниц и связанных с этим, объемов переработки, а также возникающие в этом контексте экологические проблемы.

Ключевые слова: мельницы, мельничное дело, купечество, Курганская область.

MILLS AND MILL BUSINESS ON THE TERRITORY OF THE MODERN KURGAN REGION IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Grain farming and grain processing during the XVII – early XX centuries were one of the main occupations of the peasant population in Western Siberia. The article deals with the chronology of the appearance and distribution of mills in the Volga region, their distribution in the peasant and merchant environment, including taking into account the peculiarities of the functioning of windmills and watermills and the associated processing volumes, as well as environmental problems arising in this context.

Keywords: mills, mill business, merchants, Kurgan region.

На территории современной Курганской области хлебопашество и переработка зерна на протяжении XVII – начала XX вв. являлись одним из основных занятий крестьянского и купеческого населения. Важными техническими сооружениями в этот период выступают ветряные и

водяные мельницы, которые позволяли переработать зерно не только для собственных нужд, но для последующей продажи его производных (крупчатки и муки).

Одним из источников по изучению проблемы становления мельничного дела могут выступать чертежи первого сибирского картографа С. У. Ремезова, который дважды сам был в Среднем Притоболье, а также собирал информацию у всех купцов, путешественников и военных, что позволяет считать ее вполне адекватной ситуации 1680-х – 1700-х гг.[1]

Поселенческая структура, сложившаяся в Притоболье в течение XVII столетия и отразившаяся на чертежах С. У. Ремезова, уже сама по себе показывает отчетливые признаки хозяйственной специализации. Цепочки слобод (чаще всего укрепленных) с многочисленными деревнями в промежутках свидетельствует об аграрном характере освоения данной территории, сопровождавшегося военной опасностью. Основными направлениями хозяйственного освоения были пашенное земледелие и животноводство.

Чертежные листы Хорографической книги С. У. Ремезова, посвященные Тоболу, отмечают интерес составителя к таким элементам местной хозяйственной структуры как пашни, поскотины, покосы и луга. Для нас интересно то, что на речных притоках встречаются довольно многочисленные условные значки в виде красных поперечных линий, сопровождающихся литерами «м». По нашему мнению, таким образом, в чертежах обозначены мельницы [15, л. 20]. В росписи чертежным знакам под данным обозначением в атласе Ремезова указано сразу несколько значений, из которых к рекам могут относиться следующие: мыс, мель, малая река, мост и мельница [15, л. 9]. Однако характер использования данного знака намекает на то, что это все-таки обозначение (водяных?) мельниц. «Мыс» и «малую реку» не было особого смысла указывать; «мель» не было смысла указывать на притоках, где нет деревень; для «мостов» они расположены уж слишком близко друг к другу, да и дорог там никаких не обозначено; остаются только «мельницы». Интересно, что встречающийся и на чертежах Примиассья значок «м» (правда, выписанный иной манерой – черной тушью в кружке), сопровождающийся толстой красной линией поперек реки, не встречается (за одним исключением) в местах пересечения дорогами речных артерий, в т.ч. и таких довольно широких как Миасс [15, л. 24].

[1] Впервые идея про такое обозначение мельниц у С. У. Ремезова была высказана Я. Р. Колобовой в ее магистерской диссертации «Чертежи С. У. Ремезова как источник по истории Среднего Притоболья», которая была успешно защищена в июне 2021 г. под руководством одного из авторов этой статьи Д. Н. Маслюженко

Это в очередной раз свидетельствует против версии, что этим значком обозначался мост. Лишь в одном из случаев использования знака «м» он сопровождался подписью «Мост» [15, л. 21], что видимо можно воспринимать в качестве исключения, подтверждающего правило.

Не совсем ясным остается вопрос о том, ветряные это мельницы или водяные, однако сам значок – красная линия поперек реки намекает на запруду, а значит на водяную мельницу (ветряная мельница не привязана к реке, ее можно поставить в любом удобном месте, а водяную только на небольших речках, и линия поперек реки значит что-то связанное с перегораживанием, скорее всего, запруду). Таким образом, довольно существенное количество мельниц потенциально может говорить о масштабах местного производства зерна и производимой из него муки, причем, скорее всего, все эти мельницы принадлежали именно местным крестьянам и многие использовались в рамках собственного хозяйства. Причем точный подсчет этих мельниц на данный момент затруднен тем, что чертежи составлялись С. У. Ремезовым и его сыновьями на протяжении почти 30 лет, в результате не ясно существовали ли эти мельницы синхронно. Хозяином такой мельницы на р. Черный Ик после 1686 г. мог быть и бывший основатель слободы Царево Городище (современный г. Курган) Т. Невежин [8, с. 34–35].

Таким образом, уже на начальный момент массового русского заселения региона в конце XVII в. начался процесс массового строительства мельниц. Уже в 1760-е гг. в слободах Исетской провинции, расположенных на территории современной Курганской области, было 241 водяные и 225 ветреные мельницы, значительная доля которых размещалась на Исети. Это вполне объяснимо и удаленностью исетских слобод от степной опасности, и прохождением здесь мощного старинного речного торгового пути, и началом строительства сухопутного Сибирского тракта, часть которого опять же проходила именно по северному берегу Исети. Самые южные мельницы были возле Куртамыша (15 и 14 мельниц соответственно) и современной д. Таловка Юргамышского района, где было 49 мельниц, из которых 36 водяных.

Если водяные мельницы были размещены почти на всех полноводных реках, то ветряные тяготели к более южным лесостепным и степным районам с безлесных или слаболесным ландшафтом. При этом обращает на себя внимание, что из 241 водяной мельницы 154 были только с одним поставом и 74 мельница с двумя поставами. Такие мельницы, особенно с одним поставом, однозначно были маломощными, предназначенными только для собственных нужд крестьянского хозяй-

ства. Только мельницы с тремя и четырьмя поставами, каковых среди водяных было всего 13, могли быть предназначены для мельничного дела, ориентированного на рынок [9, с. 150–151]. Таким образом, мельничного дело середины XVIII века явно развивались в тех же трендах, а резкий всплеск мукомольного производства, в том числе именно рыночного характера мы увидим только в последующие десятилетия.

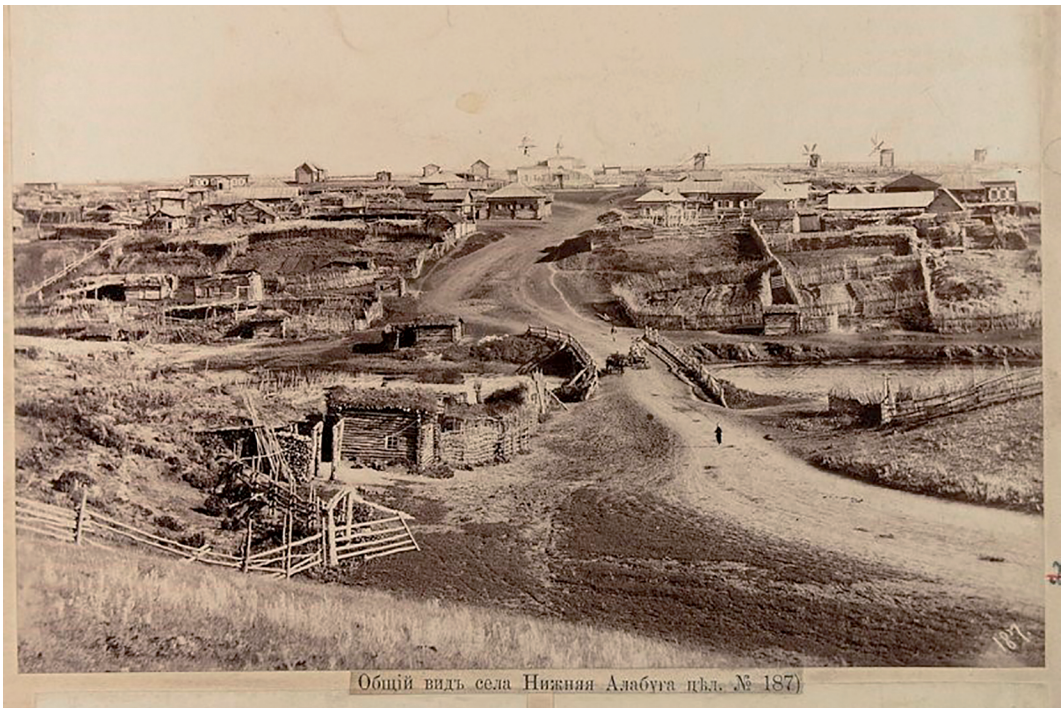


Рис. 1. Общий вид с. Нижняя Алабуга Курганского уезда Тобольской губернии. На горизонте – ветряные мельницы. 1894-1895 гг. Курганский областной краеведческий музей. Учетный номер КОКМ ОФ 765/248

В 1780-е годы в Шадринском уезде Пермского наместничества (впоследствии губернии) с населением 58 тысяч человек действовало 274 мельницы (64 – «вододействуемые» и 207 ветряных), в Курганском уезде Тобольского наместничества, где проживало более 45 тысяч человек, – 324 мельницы (132 – водяных и 192 «ветродействуемые») [6, с. 147, 153; на основании статистики собранной в: 10]. Обратим внимание, что именно то десятилетие, когда документы начинают фиксировать явное численное преобладание именно ветряных, а не водяных как было ранее, мельниц.

Почти у каждой деревни или каждого села строились ветряные мельницы, создававшие своей «многокрылостью» неповторимый сельский пейзаж. Документальным свидетельством этому служат исторические фотографии Курганского уезда Тобольской губернии, напеча-

танные курганским фотографом А. И. Кочешевым в 1895 г. к открытию в Кургане сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки; а также цветная фотография 1912 г. российского фотографа С. Прокудина-Горского с изображением мельниц-столбовок Ялуторовского уезда Тобольской губернии.

В романе русского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб», в основу которого положены наблюдения автора за крестьянской жизнью Шадринского уезда Пермской губернии, встречаем следующее описание одного из зауральских селений, колоритной частью которого являлась водяная мельница: «Село Суслон, одно из богатейших зауральских сел, красиво разлеглось на высоком правом берегу реки Ключевой. Ряды изб, по сибирскому обычаю, выходили к реке не лицом, а огородами, что имело хозяйственное значение: скотину поить ближе, а бабам за водой ходить. На самом берегу красовалась одна белая каменная церковь, лучшая во всей округе. От церкви открывался вид и на все село, и на красавицу реку, и на неоглядные поля, занявшие весь горизонт, и на соседние деревни, лепившиеся по обоим берегам Ключевой почти сплошь: Роньжа, Заево, Бакланиха. Вдали, вниз по течению Ключевой, грязным пятном засела на Жулановском плесе мельница-раструска Ермилыча, а за ней свечой белела колокольня села Чуракова» [7].

В Южном Зауралье наибольшее распространение получили ветряные мельницы. Для современников их присутствие в крестьянском быту было настолько естественным, что ветряные мельницы зачастую не учитывали, в отличие от водяных мельниц, при описании сел и деревень в губернских Адрес-календарях и Справочных книжках, начавшихся издаваться со второй половины 1860-х гг.

Ветряные мельницы были двух типов. У столбовки (или стержневой) вместе с крыльями к ветру поворачивалось всё сооружение с находившимся внутри него механизмом; у шатровой же – только крыша с крыльями. Если дерево, из которого строили мельницы, было в Южном Зауралье в изобилии, то жернова привозили с Урала. Покупка одного комплекта каменных жерновов обходилась в сумму от 40 до 100 рублей.

В Курганском уезде Тобольской губернии мельницы-столбовки на берегу оз. Лебяжье запечатлены на фотографии 1895 года у села Лебяжьевского. Всего в округе этого села с населением 1300 человек работало 23 ветряка. В южных волостях Курганского уезда – в Плотниковской и Нижне-Алабужской – распространение получили мельницы шатрового типа. Подтверждение этому также служат документальные фотографии А. И. Кочешева.

Помимо поставов, причем теперь мощной считалась только мельница с четырьмя и более поставами, в архивных источниках упоминаются и другие виды технических сооружений для переработки зерна – толчеи и крупнодёрки.

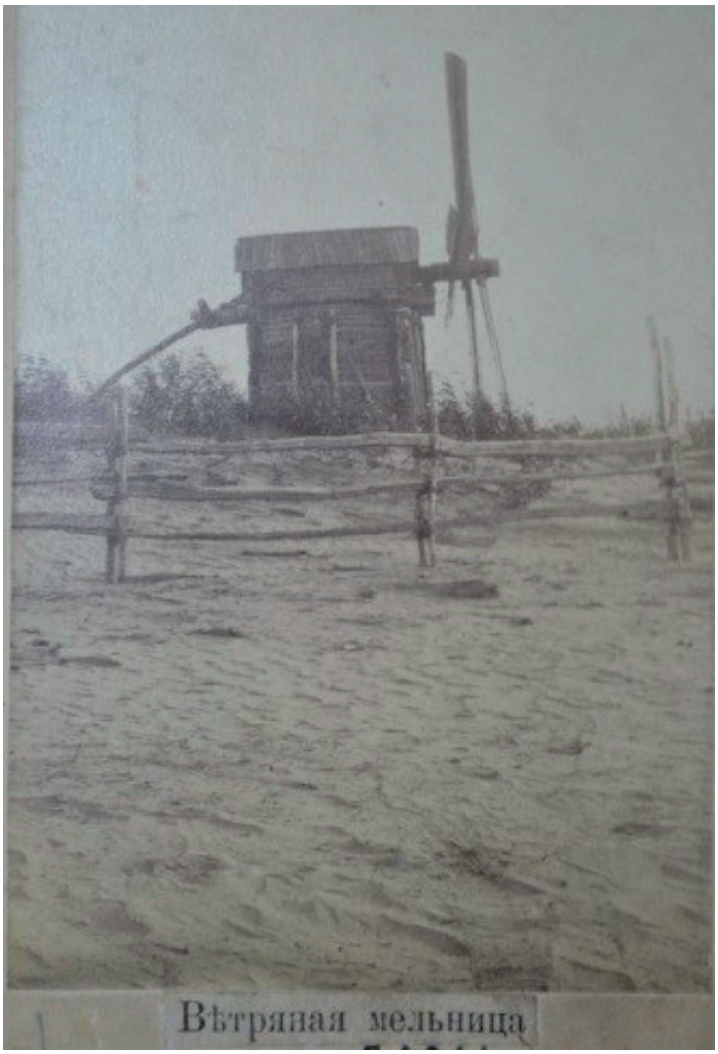


Рис. 2. Ветряная мельница шатрового типа в Курганском уезде Тобольской губернии. Курганский областной краеведческий музей. Учетный номер КОКМ ОФ 765/114

Толчея (ударная мельница) по внешнему виду не отличалась от мельницы-столбовки. А вот внутри вместо мелющих жерновов, были установлены массивные деревянные ступы с соответствующим количеством пар толкачей – пестов, окованных железом, – иногда вместо нескольких ступ - одна толстая колода с выдолбленными в ней углублениями. Горизонтальный вал, приводимый в движение крыльями, снабжен кулаками, или металками – выступами, которые при вращении вала задевают за пальцы – поперечины, насаженные на стержни пестов, и поднимают песты. Так, в конце XIX в. в дер. Костоусова Па-

деринской волости Курганского уезда в ходу было 15 ветряных мукомольных мельниц и 3 толчеи. Оборот мельниц составлял 350 рублей в год, а толчей – до 100 рублей [11, с. 187].

Рис. 3. Ветряная мельница в Плотниковской волости Курганского уезда Тобольской губернии. 1894 - 1895 гг. Курганский областной краеведческий музей. Учетный номер КОКМ ОФ 765/217

Рис. 4. Ветряная мельница в Плотниковской волости Курганского уезда Тобольской губернии. 1894 - 1895 гг. Курганский областной краеведческий музей. Учетный номер КОКМ 765/249

Крупнодёрки – технические приспособления предназначались для

лущения зерна, покрытого оболочкой (гречиха, просо), или для приготовления крупы из пшеницы, овса, ячменя и др. В конце XIX в. в селе Введенском одноименной волости Курганского езда помимо 3 водяных и 2 ветряных мельниц работала одна круподёрка [11, с. 216].

Производительность водяных мельниц продолжала напрямую зависеть от природно-климатических факторов, так как главным условием их продуктивности являлась полноводность реки. Так, в 1890-е годы в деревне Пороги Могилевское волости Курганской волости на реке Кизак было устроено две водяных мельницы, «принадлежащие частным имуществам», одна из которых по «обмелению реки не действует, а на второй вымалывается до 1000 пудов зерна, на сумму 40 рублей». Еще один пример, относящийся к этому же периоду. В деревне Суслова Шмаковской волости на реке Суери находилась водяная мельница Полушина на четыре постава, за обмелением реки работала лишь на один постав всего на 120 рублей в год [11, с. 97, 132].

В Курганском округе (уезде) Тобольской губернии водяные мельницы строились по берегам рек Тобол, Ик, Черная, Мендерка, Суерь, Юргамыш, Утяк, Кизак, Боровлянка, Тебеняк. В конце 1860-х годов здесь действовало 32 водяные мельницы, а уже спустя четверть века – к началу 1890-х годов их число возросло до 75.

Таблица 1.

Количество водяных мельницах в Курганском округе Тобольской губернии. 1868-1869 гг. [14, с. 61–79]

Населенный пункт Курганского уезда	Количество жителей	Количество мукомольных мельниц	Примечание
Барабинское, село	560	1	на р. Тобол
Безпалова, дер.	185	1	на р. Утяк
Белькова, дер.	108	1	на р. Утяк
Верхне-Алабугское, село	1138	1	на р. Верх. Алабуга
Воронова, дер.	101	1	на р. Тобол
Голышева, дер.	927	1	на р. Юргамыш
Заборская, дер.	67	4	на р. Боровлянка
Казанцева, дер.	200	1	на р. Юргамыш
Ключевское, село	1293	3	на р. Ключи
Менщикова, дер.	941	2	на р. Юргамыш

Ново-Лушниково, дер.	264	1	на р. Утяк и Отнога
Пороги, дер.	394	1	на р. Кизак
Раскатихинская, дер.	1012	2	на р. Черная
Рябкова (Новая), дер.	824	1	на р. Черная
Сосновкая, дер.	472	1	на р. Талица
Суслова (Шастова), дер.	333	1	на р. Суерь
Толстоверетинская, дер.	245	1	на р. Тобол
Увальная, дер.	222	1	на р. Утяк
Чернавское, село	1174	2	на р. Черная
Чесноковское, село	893	2	на безым. речке
Шепоткова, дер.	262	1	на р. Утяк
Шмаковское, село	670	1	на р. Суерь
Ярославское, село	1441	1	на р. Ниж. Черная
ИТОГО		32	

В Шадринском уезде Пермской губернии водяные мельницы возводились на реках Исеть, Миасс, Бекшениха. Сведения о мельницах этого уезда приводятся в Списке населенных мест Пермской губернии по состоянию на 1869 г. Предположительно этот источник учитывает только водяные мельницы, которые в отличие от большинства ветряков, строились как коммерческие предприятия.

Таблица 2.

Сведения о мельницах* в Шадринском уезде Пермской губернии. 1869 г. [12, с. 359–374]

Населенный пункт	Количество жителей	Количество мельниц	Примечание
Бакланское, село	792	1	при р. Миасс
Барневское, село	496	2	при р. Исеть
Барсукова, дер.	350	1	при р. Бекшениха
Вороновское, село	364	1	при р. Миасс
Жарниково, село	773	1	при р. Миасс
Коврига, дер.	849	1	при р. Исеть
Красномыльское, село	1025	2	при р. Исеть
Русакова, дер.	625	1	при р. Миасс
ИТОГО		**10**	

*Предположительно даны сведения только о водяных мельницах.

Исеть была рекой, где мельницы шли одна за другой. Первоначально строили раструстные мельницы, на смену которым пришли крупчаточные мельницы с более сложным техническим устройством. В Южном Зауралье производство крупчатки (пшеничной муки тонкого помола, отличающейся значительной зернистостью) со временем было поставлено на промышленные рельсы.

В 1895 г. в Кургане была организована и успешно проведена сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка, к открытию которой был подготовлен социально-экономический обзор Курганского уезда Тобольской губернии. Внимание переписчиков было, в том числе, сосредоточено на описании количества и производительности мельниц. В этом источнике отсутствуют данные о ветряных мельницах по четырем волостям (Глядянской, Меньщиковской, Моршихинской, Салтасарайской), в связи с чем, статистика не является исчерпывающей, но вместе с тем общий порядок она отображает. В обзоре зафиксированы данные по 77 водяным и 3721 ветряной мельнице, которые обслуживали округ (уезд) с населением 245 тысяч человек. Данные по волостям приведены в таблице «Количество водяных и ветряных мельниц в Курганском уезде Тобольской губернии. 1895 г.».

Таблица 3.

Количество водяных и ветряных мельниц в Курганском уезде Тобольской губернии. 1895 г.

№ п/п	Наименование волости	Количество жителей	Количество водяных мельниц	Количество ветряных мельниц
1	Арлагульская волость	5865	0	101
2	Башкирская волость	9776	0	166
3	Белозерская волость	6682	1	96
4	Брылинская волость	6577	7	121
5	Введенская волость	4516	7	22
6	Глядянская волость	4510	1	нет данных
7	Елошанская волость	7662	0	212
8	Иковская волость	5435	5	66
9	Камышевская волость	5934	2	43
10	Кривинская волость	12432	0	249
11	Куреинская волость	6893	0	151
12	Лебяжьевская волость	7129	0	184
13	Лопатинская волость	7380	0	136

14	Малочаусовская волость	7614	0	52
15	Марайская волость	6314	0	121
16	Мендерская волость	6213	5	94
17	Меньщиковская волость	6611	1	нет данных
18	Митинская волость	3207	0	48
19	Могилевская волость	13298	2	270
20	Моревская волость	8715	0	176
21	Моршихинская волость	7316	0	нет данных
22	Мостовская волость	9609	1	286
23	Нижне-Алабугская волость	5895	0	74
24	Обутковская волость	4599		136
25	Падеринская волость	5606	11	86
26	Плотниковская волость	4 462	2	24
27	Саламатовская волость	10903	0	209
28	Салтасарайская волость	7652	0	нет данных
29	Сычевская волость	4817	0	82
30	Тебенякская волость	6121	6	72
31	Усть-Суерская волость	4613	1	79
32	Утятская волость	8003	10	69
33	Черемуховская волость	3892	0	55
34	Чернавская волость	10892	9	144
35	Чинеевская волость	3059	1	26
36	Шмаковская волость	5756	5	71
	ИТОГО	**244.958**	**77**	**3721**

Рекордное для Курганского уезда число ветряков находилось в селе Елошанском одноименной волости (64 мельницы). В этом большом селе с числом жителей более двух тысяч человек мельницы использовались «не для промысла, а для своих хозяйственных потребностей» [11, с. 155]. Далее по убыванию следует село Давыдовское Чернавской волости, в окрестностях которого работало 36 мельниц, затем село Куреинское одноименной волости с 33 мельницами и село Барашково Падеринской волости с 32 мельницами.

Строительство мельниц согласовывалось с сельским обществом, на земле которого ее владелец хотел заняться достаточно прибыльным для своего времени мукомольным промыслом. В свою очередь крестьянские общества взимали арендную плату за предоставленный под мельницу земельный участок или выговаривали себе льготную плату

при помоле зерна или помол вне очереди. Мукомольное производство приносила зауральской деревне доход не только от сдачи в аренду земли под устройство частных мельниц, но и от обмолота зерна на мельницах, принадлежащих крестьянской общине. Однако большинство ветряных мельниц не были прибыльными предприятиями и служили только для обработки зерна местных крестьян.

Уже к середине XIX в. прибыльность подобного промысла становится понятной и иным сословиям, так в 1840-е гг. находившийся на гражданской службе в Курганском окружном суде бывший декабрист А. Ф. Бриген пытался получить разрешение на восстановление бездействующей мельницы у Кургана [4, с. 92]. С 1850-х гг. все большую роль в мельничном деле региона будут играть курганские и шадринские купцы, зажиточные крестьяне и мещане, которые имели оборотные капиталы для строительства более крупных рыночных мельниц [4, с. 91]. Даже купцы третьей гильдии стремились владеть хотя бы одной мельницей, причем как на собственной, так и арендованной у крестьянского общества земле. Естественно, что такие мельницы покупали и строили только для рыночного хозяйства в условиях больших объемов помола. Минимальное число поставов в них было от четырех, хотя, например, у шадринского купца Т. М. Вагина была мельница «о семи поставах» в Смолинской волости Курганского уезда. Такие мельницы могли приносить в год до 24000 рублей, из которых после выплаты зарплаты работникам (19 человек) оставалось в капитале купца 21000 рублей [1, с. 87–88].

Значительные размеры таких мельниц и необходимость создания плотин, прудов или запруд приводили к довольно серьезным экологическим проблемам. В книге «Описание Западной Сибири» И. И. Завалишина, изданной в 1862 г., где автором поднимается злободневный вопрос об экологическом вреде мельниц, устраиваемых на берегах крупных рек, таких как Тобол, что приводило к обмелению главных водных артерий Сибири, и как следствию невозможности речного судоходства в крае. Одним из таких предприятий являлась мельница шадринского купца Тимофея Вагина на реке Тоболе. И. И. Завалишин следующим образом описывает эту ситуацию:

«…а в 8 верстах от города крупчатный завод купца Вагина, огромнейший в Сибири; на этом заводе бывает иногда на складе до миллиона пудов пшеницы; но он многим вредит краю закрытием судоходства по Тоболу, а самому городу и ближайшим селениям – застоем Тобола, который летом цветет, плеснеет и убил здесь прежде обильное рыболовство […]

Для эгоистических выгод нескольких богатых купцов (как например Вагин в Кургане). От невежества и нерешества градских и земских полиций, допущена огромная несправедливость […]

Что купцы-крупчатники могли иметь огромные заведения на мелких речках, это доказывается многими подобными заведениями, уже на этих речках воздвигнутыми и приносящими большие доходы, при хорошо устроенных плотинах и прудах. Там оне не вредны, даже полезны, образуя резервуары чистой воды для нужд окрестных деревень; но к чему было допускать запруживать Тобол, жизненно необходимый для судоходства и лесосплавки, и такими громадинами, как например крупчатый завод Шадринского купца Вагина, близ Кургана?» [5, с. 193, 194, 197, 198].

Об остроте проблемы с загрязнением и обезвоживанием Тобола из-за строительства на реке мельниц свидетельствуют и другие источники. Так, 11 июля 1864 г. «Тобольские губернские ведомости» писали о купцах, которые завладели Тоболом «перепрудив его мертвыми плотинами, состоявшими из навоза и нечистот. Например, по оренбургскому тракту на реке Тобол, от города в 6 верстах, имеет крупчато-мукомольное и паточное заведение ялуторовский второй гильдии купец Балакшин, платя по городу гостевой капитал по второй гильдии, он один скупом пшеницы и картофеля лишает Курган торговли на большие тысячи рублей».

Проблемы могли быть связаны не только с экологическим ущербом, но и затоплением пойменных лугов, где располагались крестьянские покосы. Кроме того, отсутствие в некоторых волостях и уездах четких границ межевания участков приводило к земельным спорам, которые решались только в судебном порядке [4, с. 91–92].

С развитием технического прогресса идет и развитие мельничного дела. К концу XIX – началу XX в. распространение получают паровые мельницы, для размещения которых возводились многоэтажные корпуса в промышленных окрестностях городов и крупных сел. В Кургане к таким промышленным сооружениям, сохранившимся до настоящего времени, относятся паровая мельница купцов Смолиных (г. Курган, ул. Куйбышева, 157в, выявленный объект культурного наследия) и паровая мельница купцов Бакиновых на правом берегу Тобола (г. Курган, ул. Набережная, 1).

На территории, относившейся ранее к Челябинскому уезду Оренбургской губернии, в наши дни интересными объектами туристического показа в Юргамышском районе являются паровая мельница Ивина Дмитрия Яковлевича в с. Кипельском и мельница дворян Шмурло в д. Елизаветинка.

Со строительством сибирской железной дороги крупные мельничные производства с начала XX столетия открываются в населенных пунктах, являющимися железнодорожными станциями. Так, на станции Мишкино была введена в эксплуатацию паровая мельница, принадлежавшая Торговому дому «Первушиной А.К. и К^{0}» с производительностью 200.000 пудов. Здание мельница сохранилось до наших дней, является выявленным объектом культурного наследия. Это сооружением является ярким примером здания производственного назначения, построенного в «краснокирпичном» стиле. Примечателен и тот факт, что за всё время своего существования оно использовалось по прямому назначению.

Рис. 5. Паровая мельница купца Д. И. Смолина в г. Кургане. 1894 - 1895 гг. Курганский областной краеведческий музей. Учетный номер КОКМ 765/204

На станции Мишкино действовала еще одна крупная товарная «газогенераторная» мельница, принадлежавшая Кондакову Федорову Петровичу, производительностью 625.000 пудов. На соседней железнодорожной станции Шумиха паровая мельница Архиповых производила 1.250.000 пудов муки [13, с. 24–25].

Мельницы в хлебном зауральском крае являлись прибыльным делом. Капиталы на мукомольном производстве были сделаны такими купцами как Березины, Шветовы, Папуловы, Дунаевы, Бакиновы, Злоказовы, Юкляевские, Треуховы и др.

В архивных источниках упоминаются и другие собственники мукомольных предприятий. В 1890-е гг. в Курганском уезде в деревне Редькина Иковской волости против деревни, «где река разделяется наболшим островом», находилась водяная мукомольная мельница на четыре постава купчихи Кулешовой; в деревне Галишева Меньщиковской волости крестьянином этого селения Семеном Семенович Галешевым была устроена водяная мельница с годовым размолом на 240 рублей [11, с. 66, 232]. Число подобных примеров можно увеличить благодаря работам А. М. Васильевой [2; 3], А. Г. Битюкова и М. Ф. Ершова.

Зауральские купцы успешно конкурировали на хлебном рынке Российской империи. О крупных производителях российской муки можно было узнать в специально издаваемых справочниках, таких как Список мукомольных мельниц России в 1908 году. В этот справочник были включены мукомольные предприятия I V разрядов, где к I разряду относились самые мощные мельницы. Отметим, что в нашем крае самыми крупными были предприятия Смолиных, Бакиновых (г. Курган), Архиповых (ст. Шумиха), относившиеся к III разряду.

Таблица 4.

Данные о товарных мукомольных мельницах Оренбургской, Пермской, Тобольской губерниях. 1903-1907 гг.

Владелец мельницы	Местонахождение мельницы	Тип мельницы	Производительность мельницы
Шадринский уезд, Пермская губерния			
Галюков Петр Александрович	с. Красномыльское	водяная	160.000 пуд.
Галюков Петр Александрович	с. Коврига	водяная	30.000 пуд.
Далматовский Успенский монастырь	д. Притык Далматовской вол.	водяная	227.000 пуд.
Ефимов Алексей Федорович и Коренев Константин Васильевич	д. Кадниково Крестовской вол.	водяная	235.000 пуд.
Злоказовы братья, Торговый дом	д. Муслимово Теченско-Башкирской вол.	водяная	278.000 пуд.
Кутузов Иван	с. Полевское	паровая	180.000 пуд.

Морозов Иван Егорович	д. Грачева Усть-Миасской вол.	водяная	25.000 пуд.
Морозов Иван Егорович	д. Воронова Карагапольской вол.	водяная	122.500 пуд.
Треухова Агафья Александровна	д. Жарниковая Бакланской вол.	водяная	115.000 пуд.
Трецхов Л.П. и К^{0}, Товарищество	д. Жарниковая Бакланской вол.	водяная	260.000 пуд.
Юкляевская Агрипина Варфоломеевна	с. Барневское	водяная	124.000 пуд.
Курганский уезд, Тобольская губерния			
Бакиновы братья, Торговый дом	г. Курган	нет данных	нет данных
Бронникова Надежда Федоровна	Илецко-Иковский бор Малочаусовской вол.	-//-	-//-
Дунаев Марк Маркович	д. Курганская Малочаусовской вол.	-//-	-//-
Папулов Алексей Егорович	с. Верхне-Алабужсое Плотниковской вол.	-//-	-//-
Смолина Д.И. наследники	г. Курган	-//-	-//-
Челябинский уезд, Оренбургская губерния*			
Архиповы	ст. Шумиха	паровая	1 . 2 5 0 . 0 0 0 пуд.
Ивин Дмитрий Яковлевич	с. Кипельское	паровая	200.000 пуд.
Ботов Фрол Федотович	д. Соколова Кислякской вол.	паровая	200.000 пуд.
Ботов Фрол Федотович	д. Соколова Кислякской вол.	Паровая	560.000 пуд.
Кондаков Федор Петрович	ст. Мишкино	газогенера-торная	625.000 пуд.
Краснопеев Мартын Кузьмич	станица Усть-Уйская и поселок	паровая	500.000 пуд.

Первушина А.К. и К⁰. Торговый дом	ст. Мишкино	паровая	1 . 2 5 0 . 0 0 0 пуд.
Шахов Виктор Павлович	с. Кислякское Кислякской вол.	водяная	170.000 пуд.
Шмурло			186.000 пуд.
Широкина Елена Алексеевна	д. Язева Каменской вол.	водяная	200.000 пуд.

*По Челябинскому уезду дана выборка по населенным пунктам, которые в настоящее время входят в состав Курганской области [13, с. 24, 25, 28, 29, 63].

В Южном Зауралье мельницы несколько столетий служили местному населению. Когда-то они были обязательной частью сельского пейзажа. Постепенно исчезли деревянные ветряки, перестали шуметь на речках водяные мельницы и толчеи. Испытание временем и обстоятельствами выдержали в основном оснащенные вальцевыми механизмами каменные мельницы.

Список источников и литературы

1. Битюков А. Г. Предпринимательская деятельность купцов Южного Зауралья в 40-60-е гг. XIX века // Итоги и задачи регионального краеведения. Материалы Всероссийской конференции. Ч. 1. Курган, 1997. С. 84–90.
2. Васильева А. М. Курганское купечество (конец XVIII – начало XX вв.). В 2-х т. Т. 1. Шумиха, 2010. 383 с.
3. Васильева А. М. Курганское купечество (конец XVIII – начало XX вв.). В 2-х т. Т. 2. Шумиха, 2010. 319 с.
4. Ершов М. Ф. О внегородской недвижимости жителей Кургана в середине XIX века // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 7. В. П. Бирюков – ученый, писатель, краевед. Шадринск: ПО Исеть, 1994. С. 91–96.
5. Завалишин И. И. Описание Западной Сибири: [в 3 томах]. Т. 1: [Тобольская губерния]. Москва: Издание Общества распространения полезных книг, 1862. 414 с.
6. Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII веках. Ч.1. Заселение территории русскими. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1966. 176 с.

7. Мамин-Сибиряк Д. Н. Хлеб. М.: Изд. «Правда», 1983. 448 с.

8. Маслюженко Д. Н., Менщиков В. В., Козельчук Т. В., Пузанов В. Д., Тершукова Е. В. Тимофей Невежин и русское освоение Юго-Западной Сибири в конце XVII – начале XVIII в. Научно-популярное издание. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. 98 с.

9. Менщиков В. В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004. 200 с.

10. Описание Тобольского наместничества / Сост. А. Д. Колесников. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1982. 321 с.

11. Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и г. Кургана Тобольской губернии / Составлен Курганским окружным исправником И. Я. Трофимовым, при полн. участии и содействии М. П. Гусаковского к предстоящей в г. Кургане сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в 1895 г. Курган: Тип. Н. г. Зикеева, 1895. 443 с.

12. Пермская губерния. Список населенных мест по сведениям 1869 года. Санкт-Петербург: Издан Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, 1875. 4, CDLX, 3, [380] с.

13. Список мукомольных мельниц России в 1908 году. Часть 1. Товарные мельницы. Санкт-Петербург: Типография Ред. период. изданий Министерства финансов, 1909. 64 с.

14. Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868-1869 годов. Санкт-Петербург: Издан Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, 1871. CCLXXII, 196 с.

15. Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Сибири», 2011. 692 с.

Раздел 3
Краеведение

УДК 929(571.12):663.2
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.56.31.023
EDN: BHMJZK

А. М. ФРОЛОВ-БАГРЕЕВ: ТОБОЛЬСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ ШАМПАНИСТА И ЕГО СЕМЬИ

Н. В. Журавлева
Россия, г. Тобольск, Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»

Публикация посвящена тобольскому периоду жизни выдающегося винодела, главного шампаниста СССР, родившегося в Тобольске, А. М. Фролова-Багреева. Статья представляет анализ архивных источников, имеющихся по данной теме в ГБУТО ГА в г. Тобольске, для возможного дополнения биографии известного сибиряка и истории его семьи.

Ключевые слова: А. М. Фролов-Багреев, шампанист, знаменитые тоболяки.

A. M. FROLOV-BAGREYEV: THE TOBOL PERIOD OF THE LIFE OF A CHAMPAGNE PLAYER AND HIS FAMILY

The publication is devoted to the Tobolsk period of life of the outstanding winemaker, chief champagne player of the USSR, born in Tobolsk, A. M. Frolov-Bagreev. The article presents an analysis of archival sources available on this topic in the State Archives in the city of Tobolsk, for a possible addition to the biography of the famous Siberian and the history of his family.

Keywords: A. M. Frolov-Bagreev, champagne maker, famous Tobolyaks.

В 2022 г. в Государственном архиве в г. Тобольске был выявлен документ, позволивший расширить круг известных уроженцев наше-

го города. В Метрической книге Богородице-Введенской (Никольской) церкви обнаружена запись о рождении Антона Михайловича Фролова-Багреева. Будущий учёный-винодел родился 24 декабря, а крещен был 31 декабря 1877 г. Дата «31 декабря» окажется судьбоносной для основоположника производства в СССР шампанских вин, а с 1942 года – главного шампаниста страны.

Согласно записи в метрической книге, его родителями являлись землемер Тобольской губернской чертежной, коллежский регистратор Михаил Федорович Фролов-Багреев и законная жена его Наталья Павловна. Восприемниками стали тобольский губернский землемер коллежский регистратор Тимофей Стефанович Никифоров и жена землемера Ивана Алексеевича Новикова Евдокия Петровна [1, л. 420об.].

Сохранилась в архиве и метрическая запись о браке родителей А. М. Фролова-Багреева. Бракосочетание произошло 23 января 1874 г. в Богородице-Рождественской церкви. Возраст жениха 21 год, а невесты 18 лет. О Наталье Павловне также указано, что она дочь майора Тобольского каторжного отделения Павла Петровича Кислицина [2, л. 33об.].

Из переписного листа Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. узнаем, что Михаилу Федоровичу на тот момент 44 года, родился он в г. Данкове Рязанской губернии, окончил Константиновский межевой институт, и к 1897 г. занимал пост управляющего Тобольского управления государственных имуществ. Проживала семья в доме вдовы священника Чудова по улице Большой Архангельской. В переписном листе члены семьи хозяина не упоминаются, названа лишь прислуга: экономка, кучер и горничная. В графе «отметка об отсутствии» о М. Ф. Фролове-Багрееве значится: «врем[енно] отл[учился] в Петербург» [3, лл. 120–120об.].

Некоторые обстоятельства частной жизни М. Ф. Фролова-Багреева проясняет сохранившееся в ГБУТО ГА в г. Тобольске «Дело о рассмотрении прошения тобольского чиновника Михаила Фролова-Багреева и его жены Александры о признании законной регистрации их внебрачных детей Артемия и Леонида» за 1903–1906 гг. Из уведомления Министерства земледелия и государственных имуществ в адрес Фролова-Багреева от 8 февраля 1903 г. узнаем: «Согласно прошению С.-Петербургской духовной консистории от 28 минувшего января за № 1449, Канцелярия уведомляет Вас, что в формулярном Вашем списке отметила, что по определению С.-Петербургского Епархиального Начальства, утвержденному Святейшим правительствующим Синодом 1 июля 1902 г. за № 5092, брак Ваш с бывшею женою Вашею Натали-

ею Павловною урожденною Кислициной расторгнут, с дозволением ей вступить в новое супружество и с осуждением Вас на всегдашнее безбрачие» [4, л. 6–6об.].

Из документов дела не видны причины развода, но становится известно, что добрачные дети от второго брака родились: Артемий – 6 декабря 1899 г., а Леонид – 20 июля 1901 г. [4, л. 28–29об.]. Отметка, сделанная в Метрической книге Богородице-Рождественской церкви в записи о первом браке М. Ф. Фролова-Багреева, уточняет, что развод произошел по его вине [2, л. 34, 39–39об.].

Венчание же М. Ф. Фролова-Багреева и его второй жены Александры Николаевны Стоговой состоялось 3 июня 1902 г. в Переваловской Никольской церкви Тюменского уезда. Решением Тобольского окружного суда от 18 ноября 1903 г. ходатайство Фроловых-Багреевых было отклонено, но при рассмотрении вопроса 15 апреля 1904 г. Омской судебной палатой было вынесено решение «детей Артемия и Леонида признать узаконенными супругов Михаила и Александры Фроловых-Багреевых» [4, л. 29об.].

В Государственном архиве в г. Тобольске сохранилось большое количество документов по служебной деятельности М. Ф. Фролова-Багреева, занимавшего пост управляющего Тобольского Управления государственных имуществ. В ведении Управления государственных имуществ находились казённые земли и леса. С 1893 г. появились функции, связанные с покровительством развитию земледелия, вес которых в деятельности ведомства все более и более увеличивался. До образования губернских землеустроительных комиссий управлениям подчинялись также и землемеры.

Представляет интерес распоряжение М. Ф. Фролова-Багреева по делопроизводству от 19 сентября 1896 года, объявленное заведующим делопроизводствами Управления в отношении порядка службы и ведения дела в Управлении:

«В видах правильного и успешного ведения дела во вверенном мне управлении, я признаю необходимым предложить всем служащим в Управлении являться на службу не позже 9-ти часов утра, продолжая занятия до 3 час. дня. Только с этого времени занятия в Управлении должны почитаться оконченными и служащие могут оставлять занятия.

Делопроизводители должны докладывать мне дела в установленные для того дни, а именно: в понедельник – бухгалтерское, во вторник – межевое, в среду – лесное, в четверг – распорядительное, пятницу – оброчное и субботу – судебное, причем переписки и бумаги, нетребующие производства, как то: справки, выдаваемые делопроиз-

водителями по требованию административных и судебных учреждений, свидетельства и удостоверения и т.п. бумаги, составляемые по общепринятой известной форме, а следовательно и нетребующие моего специального решения, не должны составлять личного доклада, и каждый день полагаются на стол моего кабинета для моей подписи; в неочередной же день доклада Делопроизводители могут обращаться ко мне, лишь после окончания назначенного в тот день доклада, причем желательно, чтобы во время доклада никто в кабинет мой не входил.

Помимо изложенного, обращаю особое внимание гг. долопроизводителей на то, чтобы по делам управления не производилось излишней переписки и канцелярской отписки, но чтобы, по имеющимся в деле данным таковое по возможности, направлялось скорейшему окончанию, по истечении же месяца к 2 числу следующего месяца представлять мне ведомости о движении дел и бумаг в каждом делопроизводстве, по установленной мною форме» [5, л. 248–249об.].

В архивном фонде И-185 «Управление земледелия и госимуществ» выявлены деловая переписка Михаила Федоровича с вышестоящими руководителями и подчиненными сотрудниками. Так, например, в письме Варваринскму, Лебяжьевскому, Тобольскому, Ялуторовскому и Тавдинскому лесничествам от 14 июня 1906 г. содержится указание о необходимости своевременного представления отчетности [6, л. 7].

В 1905 г. Министерство земледелия и государственных имуществ было реорганизовано в Главное управление землеустройства и земледелия. 4 марта 1906 года были учреждены комитет по землеустроительным делам при Главном управлении землеустройства и земледелия. В связи с дополнением полномочий, Фроловым-Багреевым был направлен запрос в переселенческое управление следующего содержания: *«Ввиду возложенной на меня г. Главноуправляющим Землеустройством и земледелием обязанности направления и объединения деятельности чинов вверенного мне Управления и чинов действующих в Тобольской губернии переселенческого и поземельно-устроительных отрядов <…>, имею честь покорнейше просить не отказать в присылке мне необходимых для руководства <…> циркуляров»* [5, л. 113–113об.].

Служебная деятельность М. Ф. Фролова-Багреева была связана с таким важным направлением внутренней политики России конца XIX – нач. XX вв. как переселенческое дело. Круг решаемых им вопросов был достаточно широк, в том числе контроль за выделением участков, прокладка дорог. В этих процессах важно было соблюдая интересы сторон, не допускать ущерба лесному фонду. Так, в одном из

циркуляров для лесничих Тобольской губернии Фролов-Багреев предписывает: *«Поставляя Вас в известность, что в настоящем году переселенческой организацией предполагается производство изысканий к проложению в 1908 году грунтовых проселочных дорог в Тарском и Туринском уездах Управление Государственными Имуществами предлагает Вашему Высокоблагородию производству означенных изысканий в казенных лесных дачах вверенного Вам лесничества не препятствовать; причем на Вас возлагается обязанность по делу о направлении дорог входить с дорожным техником в соглашении, оформляя эти соглашения письменно, кроме того всеми мерами стараться, если позволят тому местные условия, предупреждать возможность нанесения без особой надобности ущерба казне с точки зрения интересов лесного хозяйства. В случае, например, проекта направления дороги через ценные лесные насаждения, когда представлялось бы возможным, без существенного нарушения интересов дорожного дела, использовать под дорогу квартальную просеку или же направить проектируемую дорогу по существующей в даче лесовозной дороге»* [5, л. 116–117].

Также в силу своих должностных обязанностей, во время проведения Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., М. Ф. Фролов-Багреев вошел в состав Губернской переписной комиссии, о чем содержится информация в журналах заседаний указанной комиссии [7, л. 6, 8, 10, 12, 14, 17, 19, 27, 34].

Согласно «Адрес-календарям» и «Памятным книжкам Тобольской губернии», в 1900 г. М. Ф. Фролов-Багреев был в чине надворного советника [8, с. 6], в 1901 г. – коллежского советника [9, с. 7], в 1907 – статского советника [10, с. 151].

Как и многие высокопоставленные чиновники, М. Ф. Фролов-Багреев активно участвовал в общественной жизни города, входя в состав различных общественных организаций. Фролов-Багреев являлся товарищем председателя Распорядительного комитета Тобольского губернского музея [9, с. 7], являлся сверхштатным членом Уездного отделения епархиального училищного совета, был членом Тобольского местного управления Российского общества Красного Креста [10, с. 168, 174].

Несмотря на то, что в «Памятной книжке Тобольской губернии на 1908 г.» М. Ф. Фролов-Багреев, по-прежнему, назван управляющим Управлением государственными имуществами Тобольской губернии [11, с. 45], и в январе 1908 г. встречаются документы за его подписью, но по документам фонда И-185 «Управление земледелия и го-

симуществ» видно, что уже в августе 1908 г. управляющим являлся В. П. Рачинский.

Согласно, опубликованным сведениям, Михаил Фёдорович Фролов-Багреев переехал в Ялту, к родному брату Алексею, где вошел в состав городской управы и стал организатором строительства первого в Крыму водопровода. Умер в 1921 году в Ялте в возрасте 67 лет от инфаркта [12].

Документы Государственного архива в г. Тобольске позволяют утверждать, что Тобольск является не только городом, в котором родился известный шампанист А. М. Фролов-Багреев, но и городом, в котором начиналась его служебная деятельность. В «Деле о службе коллежского секретаря А. Фролова-Багреева» содержатся: Прошение А. М. Фролова-Багреева на зачисление в штат Тобольского губернского Управления от 9 сентября 1902 г. (ил. 1), свидетельство об окончании С.-Петербургского университета, прошение о четырехмесячном отпуске за границу от 16 сентября 1902 г. (ил. 2), формулярный список, позволяющие восстановить следующие биографические сведения. Окончив в 1902 году физико-математический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета с дипломом первой степени, выданным 10 сентября 1902 г., А. М. Фролов-Багреев подал прошение о зачислении в штат Тобольского губернского правления. 13 сентября 1902 г. он вступил в должность, а уже с 12 октября, получив разрешение, находился в четырехмесячном заграничном отпуске «для ознакомления с некоторыми производствами технической химии». В декабре 1902 г. он подал прошение о переводе на службу в Департамент земледелия, в ответ на которое тобольским губернатором А. П. Лаппа-Старженевским письмом от 31 декабря 1902 г. было сообщено: «Препятствий с моей стороны не встречается». Таким образом, с 17 января 1903 г. А. М. Фролов-Багреев уже был зачислен в штат Департамента земледелия. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 18 января 1903 г. утвержден в чине коллежского секретаря [13, л. 2об.].

Согласно публикации Т. С. Хиабакова «Антон Михайлович Фролов-Багреев – организатор Научной школы виноделов в донском регионе», в 1902–1904 гг. благодаря рекомендательным письмам Д. И. Менделеева, Фролов-Багреев стажировался в Европе: в лаборатории профессора Йоргенсена (Копенгаген) – по микробиологии бродильных производств; у профессора К. Виндиша (Гайзенхайм) – в качестве вольнослушателя и практиканта при высшей школе по виноделию; в Бордо – по вопросам производства белых и красных столовых, сотернских вин; в Порту и на острове Мадейра – по технологии приготовления

крепких и десертных вин. Знание французского, немецкого и итальянского языков помогало постигать тонкости традиционного виноделия разных стран [14].

Первый заграничный паспорт был выдан А. М. Фролову-Багрееву в Тобольском губернском правлении 12 октября 1902 г. за № 33912. Сохранились документы, описывающие его путь в Европу. В Тобольское губернское правление с письмом от 13 января 1903 г. поступила отметка его паспорта на Либавской таможне Курляндской губернии: «Явлен в Либаве 28 декабря 1902 г. при отъезде» [15, л. 211, 212]. А в связи со сменой места службы, из Императорского Российского консульства в Бордо было направлено следующее сообщение тобольскому губернатору, датирующееся 23 декабря 1903 г. – 5 января 1904 г. (ил. 3): «Имею честь препроводить к Вашему Превосходительству паспорт за № 33912 выданный состоящему в штате Тобольского Губернского управления потомственному дворянину Антону Михайловичу Фролову-Багрееву ввиду того, что предъявитель сего паспорта оказался снабженным паспортом за № 493-м, выданным ему в С.-Петербурге 31 января 1903 года и на основании которого г. Фролов-Багреев находится и по сие время за границею» [15, л. 293]. Так как паспорт был приложен, то в Тобольском архиве по сей день хранится документ (ил. 4), свидетельствующий о первых шагах будущего винодела в постижении профессионального мастерства [15, л. 294–302об.]. На наш, взгляд, весьма символично, что этот документ пришел в Тобольск из известной винной столицы Франции – г. Бордо.

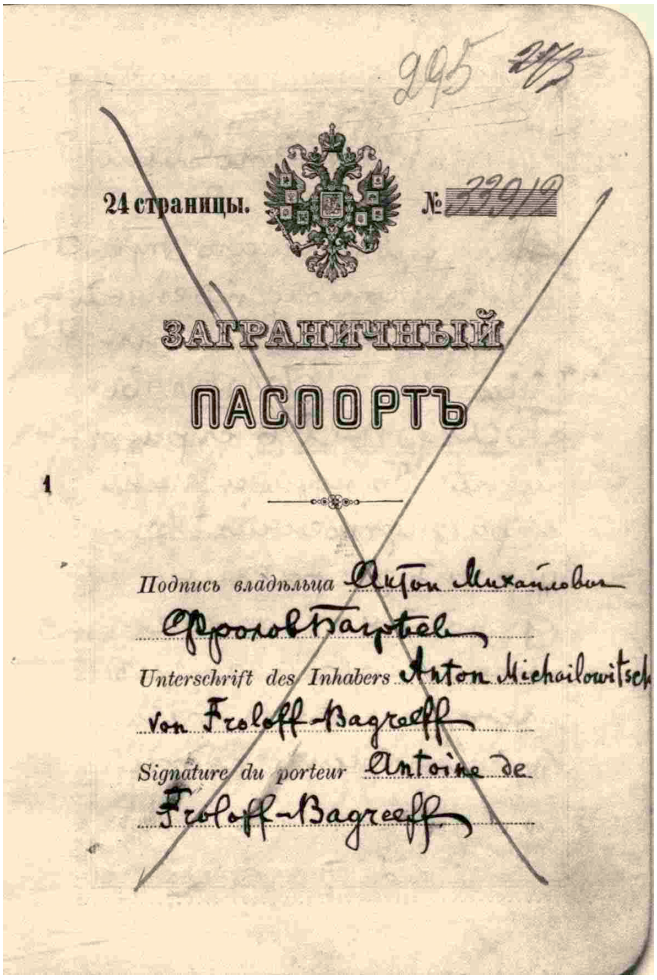
В 1904 г. с должности химика шампанского производства в Абрау-Дюрсо начинается служба А. М. Фролова-Багреева, как российского винодела. В последующие годы Антон Михайлович был химиком-виноделом в Никитском саду под Ялтой, с 1915 г. – директором Бессарабского среднего училища виноградарства и виноделия, с 1919 г. – вновь в Абрау-Дюрсо, где он восстанавливал пострадавшее в результате Гражданской войны производство, с 1924 г. – в Новочеркасске организовывал мадерную камеру на винзаводе, также преподавал в Донском институте сельского хозяйства и мелиорации, с 1942 г. – в Москве [14].

В 1937 г. А. М. Фролов-Багреев был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В связи с этим в журнале «Фронт науки и техники» была дана следующая публикация: «Профессор Фролов-Багреев в течение 35-летней деятельности создал много ценных трудов по виноделию. Перу его принадлежат такие научные труды, как «Технический контроль по виноделию шампанских и столовых вин», «Химия и ме-

тоды исследования продуктов переработки винограда» и мн. др. <…>. Профессор совмещает педагогическую деятельность в Краснодарском сельскохозяйственном институте с практической работой в совхозе шампанских вин Абрау-Дюрсо» [16, с. 154].

По мнению специалистов в области истории виноделия, А. М. Фролов-Багреев научно обосновал и осуществил на практике подлинную революцию в технологии виноделия, превратив автономный, штучный выпуск аристократического напитка – «шампанского» в индустриализованное конвейерное производство великолепного игристого вина, ставшего доступным для всего народа. Разработанный им резервуарный способ производства, позволил увеличить производительность до 150 миллионов бутылок шампанского в год. А. М. Фролову-Багрееву принадлежит новое название продукции Абрау-Дюрсо – «Советское шампанское» [14].

Безусловно, А. М. Фролова-Багреева по праву можно назвать одним из выдающихся уроженцев города Тобольска.


24 страницы. № 23919

ЗАГРАНИЧНЫЙ

ПАСПОРТЪ

1

Подпись владѣльца Антонъ Михайловичъ Фроловъ-Багреевъ

Unterschrift des Inhabers Anton Michailowitsch von Froloff-Bagreeff

Signature du porteur Antoine de Froloff-Bagreeff

Рис. 1. Первый лист (с оборотом) заграничного паспорта А. М. Фролова-Багреева. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 34. Д. 669. Л. 295, 295об.

Список источников и литературы

1. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 658.
2. Там же. Ф. И-156. Оп. 15. Д. 650.
3. Там же. Ф. И-417. Оп. 2. Д. 33. Лл. 120–120об.
4. Там же. Ф. И-158. Оп. 2. Д. 1350.
5. Там же. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 446а.
6. Там же. Ф. И-185. Оп. 1. Д. 449.
7. Там же. Ф. И-477. Оп. 1. Д. 15.
8. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1900 г. Тобольск, 1899.
9. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 г. Тобольск, 1900.
10. Памятная книжка Тобольской губернии на 1907 г. Тобольск, 1906.
11. Памятная книжка Тобольской губернии на 1908 г. Тобольск, 1908.
12. Без формата; сайт. URL: https://simferopol.bezformata.com/listnews/krim-kak-moment-istini/63625799/ (дата обращения: 10.07.2023).
13. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 34. Д. 654.
14. Хиабаков Т. С. Антон Михайлович Фролов-Багреев – организатор научной школы виноделов в Донском регионе // ФГБНУ ВНИИВиВ имени Я.И. Потапенко – филиал «ФРАНЦ». сайт. URL: https://rusvine.ru/хиабахов-т-с-антон-михайлович-фролов-б/ (дата обращения 10.07.2023).
15. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 34. Д. 669.
16. Фронт науки и техники. 1937 г. № 3. М.: Издание Всесоюзной ассоциации работников науки и техники активных участников социалистического строительства, 1937. 160 с.

УДК 929(571.12):373.1
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.48.24.024
EDN: GDDTRJ

ФИЛОЛОГ ВАСИЛЬЕВИЧ РУДАКОВ: ФЕНОМЕН ДИРЕКТОРА ТОБОЛЬСКОЙ ГИМНАЗИИ (1862–1879 ГГ.) ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ГИМНАЗИСТОВ

Г. К. Скачкова
Россия, г. Тобольск, Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ

В статье раскрывается деятельность директора Тобольской гимназии Ф. В. Рудакова по управлению гимназией в условиях российских реформ середины XIX в., направленная на улучшение учебно-воспитательного процесса и сплочение коллектива преподавателей и учащихся. Статья основана на воспоминаниях выпускников гимназии.

Ключевые слова: директор, гимназия, учителя, учащиеся, учебный процесс, устав, пансионеры, нравственное воспитание.

PHILOLOG VASILYEVICH RUDAKOV: PHENOMENON OF THE DIRECTOR OF THE TOBOLSK GYMNASIUM (1862–1879) ACCORDING TO THE MEMOIRS OF HIGH SCHOOL STUDENTS

The article reveals the activities of the director of the Tobolsk gymnasium F. V. Rudakov. on the management of the gymnasium in the context of the Russian reforms of the mid-19th century, aimed at improving the educational process and rallying the team of teachers and students. The article is based on the memoirs of high school graduates.

Keywords: director, gymnasium, teachers, students, educational process, charter, boarders, moral education.

Тобольская гимназия, первая и долго единственная в Сибири, несомненно, оставила яркие впечатления в жизни ее выпускников. Упоминание о значительной роли тобольских учителей приводит в своей биографии известный ученый Д. И. Менделеев [10, с. 11]. Исследова-

тель Сибири А. А. Адрианов обращается к прошлому гимназии в своей книге, посвященной И. А. Худякову, известному собирателю сказок, где приводит воспоминания о гимназии и самого И. А. Худякова [1]. В собрании научного архива Тобольского музея хранятся воспоминания о гимназии краеведа и публициста К. М. Голодникова, выпускника 1839 г. [8]. Наиболее содержательные сведения, относящиеся к теме исследования, мы находим в мемуарах Никанора Черданцева, учащегося Тобольской мужской гимназии (1860–1868 гг.) [9]. Никанор Степанович Черданцев, сын унтер-офицера. После окончания гимназии служил учителем, в 1874 г. окончил Императорский Московский университет, юридический факультет. В период (1875–1887 гг.). он был чиновником в Главном управлении Западной Сибири в г. Омске, затем переехал в Среднюю Азию [9]. Воспоминания Н. С. Черданцева, написанные в 1910 г. в г. Ташкенте, живо рисуют атмосферу гимназии, выделяя на этом фоне образ директора учебного заведения, умного, инициативного и делового, олицетворяющего в себе целую эпоху либеральных реформ в истории страны.

Рис. 1. Никанор Черданцев в кругу семьи

Рис. 2. Ф. В. Рудаков

Филолог Васильевич Рудаков был назначен директором Тобольской гимназии в 1862 г. Он был по счету 16-м директором этого учебного заведения и, как он сам указывал, вторым из всех директоров – уроженцем Сибири. Первым директором-сибиряком был Петр Павлович Ершов, на смену которому Рудаков и пришел [7, с. 16.] Назначение Ф. В. Рудакова директором гимназии, минуя пост инспектора, было неожиданным для него, несмотря на 13-летний педагогический опыт и хорошую репутацию учителя законоведения и судопроизводства, а также талантливого воспитателя пансиона Томской гимназии.

Филолог Рудаков родился в 1827 г. в городе Каинске Томской губернии. С отличием окончил Томское уездное училище, успешно завершив образование в Томской губернской мужской гимназии, поступил в Казанский университет на казенный кошт. В 1848 году Ф. В. Рудаков окончил университет с золотою медалью, которой был отмечен за выпускное сочинение «О статистических отношениях киргизских и калмыцких степей и настоящем управлении народами». По окончании вуза Ф. В. Рудаков решил посвятить себя службе в Сибири несмотря на то, что у него была возможность преподавания в родном университете и даже обучения за границей [14].

Начало директорства Ф. В. Рудакова в Тобольской гимназии пришлось на 1860-е гг., когда волна демократизации, захватив российское общество, непосредственно вовлекла в свои преобразования и школу. Новый гимназический устав 1864 г. принес свободные веяния, некоторые демократические изменения в учебно-воспитательный процесс. Гимназисты этой эпохи, особенно по прошествии лет, дали высокую оценку тех событий, называя ее «эпохой великих реформ», «сильного общественного оживления» и в то же время «начала реакции» [9, л. 2]. В этих условиях директору учебного заведения приходилось лавировать между новациями и старыми устойчивыми традициями, не допуская разрушения накопленного десятилетиями позитивного опыта и, по возможности, идя в ногу со временем.

Тобольская гимназия, в которую был определен Ф. В. Рудаков, по оценке главного инспектора Западной Сибири не была в числе лучших гимназий страны, но и не хуже других, в том числе, Томской гимназии, где до этого работал новоиспеченный директор. По мнению авторов С. Замахаева и Г. Цветаева, «Тобольская гимназия была в сравнительно удовлетворительном состоянии» [4]. Н. Черданцев, в своих воспоминаниях, так оценил годы своей учебы в гимназии: «Ряд выдающихся директоров и педагогов нашей гимназии, гуманных и просвещенных, получивших закваску сороковых годов, отсутствие строгой регламентации в учебных программах, так связывающих учителей нынешних гимназий, самый характер учебной системы с одним латинским языком, наконец, многие другие чисто случайные причины, выдвинули нашу гимназию в выдающееся место в числе других гимназий. Отчасти этому способствовала и оригинальная обширность учебной программы» [9, л. 4].

Совершенно противоположное мнение выразил учитель гимназии С. И. Гашинский, который считал, что «Тобольская гимназия находилась в сильном упадке и запустении», ссылаясь на строки из письма Ф. В. Рудакова своему родственнику: «Предместник мой, сам придерживавшийся в последнее время чарочки, оставил мне канцелярию из трех человек – двое, письмоводитель и бухгалтер, были горькие пьяницы. Не проходило месяца, чтобы они, по получении жалованья, не хворали по нескольку дней, а иногда и до двух недель. Добавьте к этому еще личность бездарнейшего, безграмотного и тоже попивавшего эконома, но в то же время отлично воровавшего казенные деньги, и вы поймете, какова была моя обстановка» [7, с. 17]. Значительные проблемы гимназии, по мнению С. И. Гашинского, касались и преподава-

тельского состава Тобольской гимназии: «Много пришлось поработать Филологу Васильевичу для того, чтобы поднять, оживить и наладить разрозненный до этого времени и приниженный в собственных глазах Тобольский учительский персонал [7, с. 19].

По данным на 1 января 1860 г. в Тобольской гимназии обучалось 160 учащихся, в том числе, в выпускном классе – 21 чел., в пансионе содержалось 30 казенных воспитанников. К 1866 г. численность учащихся сократилась до 149 уч-ся, из них: 112 человек составляли дети из семей дворян и чиновников, 10 – духовные, 6 – мещане, 3 – военные, 3 – купцы, 3 – казаки, 12 – крестьяне [4, с. 263].

За период директорства Ф. В. Рудакова в Тобольской гимназии (1862–1879 гг.) сменилось 4 инспектора классов. Первым инспектором, который встретил нового директора, был коллежский советник Михаил Иванович Доброхотов, он служил в должности инспектора с 1856 г. до своей кончины в 1863 г., а до этого, с 1839 г. был учителем истории и статистики. М. И. Доброхотов происходил из духовного звания, образование получил в Главном педагогическом институте в С-Петербурге. Этого инспектора и учителя, общительного и доброго к ученикам, очень любили гимназисты. К примеру, Капитон Голодников, известный публицист и краевед, вспоминает, что при выпуске его из гимназии в 1839 г., все гимназисты по истории получили отличные оценки [8, л. 8]. Фамилию Доброхотова в своих опубликованных воспоминаниях приводит Д. И. Менделеев наряду с «Желудковым» (по данным С. Замахаева и г. Цветаева – «Шелудков»), учителем чистописания и рисования, Волковым - учителем французского языка, И. К. Руммелем – учителем математики и физики, М. Л. Поповым, преподавателем законоведения Российской империи [10, с. 11]. М. И. Доброхотов ко времени прихода нового директора был тяжело болен и не мог полноценно исполнять свою должность.

Второй инспектор в 1863-1866 гг. – статский советник Александр Васильевич Плотников, всецело отвечал мнению Ф. В. Рудакова: «Инспектор не есть начальник преподавателей: он есть между ними только старший товарищ» [4, с. 305]. А. В. Плотников в Тобольской гимназии служил с 1844 г. учителем словесности, происходил из обер-офицерских детей, образование получил на философском факультете Московского университета, закончив его кандидатом. А. В. Плотников был хорошим учителем, пользовался авторитетом среди учащихся и коллег. Умер в 1866 г.

Почти 10 лет, с 1866-1876 гг. инспектором гимназии служил статский советник Македон Иванович Емельянов, в гимназии – с 1862 г.,

преподавал латынь. Он был выходцем из духовного сословия, получил образование в Казанской Духовной академии, выпустившись со званием кандидата. Умер М. И. Емельянов в 1882 г. и был похоронен в г. Тобольске, рядом с Ильинской церковью. Ф. В. Рудаков, уже в начале руководства гимназией, дал этому преподавателю весьма лестную характеристику: «Первое место между преподавателями занимает старший учитель Емельянов по своей аккуратности как в классных занятиях, так и в занятиях педагогического совета, где он обращал на себя внимание своими серьёзными, строго обдуманными и отвечающими достоинству педагога мнениями; равно он постоянно и аккуратно присутствовал на всех экзаменах и принимал в испытании деятельное участие; кроме того, ко дню годичного акта он написал сочинение, составляющее дельный и серьёзный труд, в котором он предугадал и рельефно указал истинные потребности заведения» [13, с. 52]. В упомянутом «сочинении» о состоянии преподавания латинского языка Емельянов просил Педсовет разрешить ему «не держаться слишком строго программы», ссылаясь на разницу в подготовке воспитанников 6-х и 7-х классов, заверял, что если учащиеся будут постоянно посещать его занятия, то им не понадобится дополнительная подготовка по предмету дома, это, в какой-то мере, решит и проблему нехватки учебников [13, с. 53].

Совершенно противоположную оценку М. И. Емельянову дают его ученики. К примеру, А. А. Адрианов, ученый археолог и этнограф Сибири, в прошлом успешный гимназист и выпускник Тобольской гимназии 1866 г., констатирует: «Как живые встают передо мною все эти Каталинские, Ричарды Григорьевичи, Левши, Македоны – грубые, бездушные, невежественные» [1, с. 13]. Весьма нелестно отзывается о М. И. Емельянове, как об учителе латинского языка, и Н. Черданцев: «Он знал свой предмет, но был груб в обращении и очень строг. Мы его боялись и не любили. Учебником у нас была грамматика Кюнера, весьма объемистый, с многочисленными правилами и исключениями, которые мы полностью не могли усвоить при 4 уроках в неделю… У нас не существовало убийственных экстемпорале, т. е. переводов с русского на латинский без подготовки, на латинский мы переводили только примеры из учебника. Из писателей мы переводили Корнелия, Тацита, несколько метаморфоз Овидия, Юлия Цезаря, одну или две речи Цицерона и столько же Горация. Знание же наше было очень слабое; никто не мог перевести сколько-нибудь сносно даже писателей средней трудности, не говоря уже о таких, как Гораций… Только один из всех старших классов, Евгений Плотников, мог читать классиков даже

без лексикона. Когда мы были в 5 классе, он был в 6-м, и мы часто ловили его при проходе нашего класса и просили перевести заданный урок, ловя каждое его слово… Емельянов совсем не задавал нам учить слова…, при переводе же он разрешал нам класть в книгу тетрадку со словами. В течение урока переводили не более 20 строк, причем прежде всего обращалось внимание на грамматический разбор… После мучительных путешествий по всей грамматике приступали к переводу, который уже терял для нас всякую привлекательность и не затрагивал нашего любопытства. Мы совершенно не понимали красот произведений классических писателей, с которыми я познакомился уже лет через 25…» [9, с. 31].

Еще одним из инспекторов в 1876-1879 гг. был выходец из духовного звания Петр Иванович Панов, магистр богословия Казанской духовной академии. После ухода Ф. В. Рудакова на новую должность, П. И. Панов сменил его на директорском посту, и оставался в этой должности более 20 лет. В 1870 г. П. И. Панов окончил Казанскую духовную академию со степенью магистра богословия, преподавал Закон Божий, историю, латинский язык. До Тобольской гимназии служил в Костромской духовной семинарии, затем в Омской учительской семинарии [5, л. 2]. Несмотря на солидный педагогический опыт инспекторов и строгое следование правилам гимназии, их роль в жизни учебного заведения, по всей вероятности, была не столь значительна. Этот факт подтверждают и слова выпускника 1868 г.: «Инспекторами классов у нас назначались старшие учителя, но их деятельность стушевывалась перед руководящею и верховною властью директора, поэтому трудно что-нибудь о них сказать» [10, с. 11].

Филолог Васильевич Рудаков начал знакомство с коллективом преподавателей Тобольской гимназии просьбой письменно изложить свое мнение о проблемах, связанных с преподаванием своего предмета. Мнения учителей были внимательно изучены директором, обсуждены на педагогическом совете, и по предложениям учителей были вынесены решения. Среди негативных моментов, тормозивших учебно-воспитательный процесс в гимназии были отмечены следующие: слабая дисциплина, пропуски уроков учащимися без уважительной причины, невыполнение домашних заданий, нехватка учебников, учебных пособий и учебных принадлежностей (в том числе, чернил, перьев и бумаги), отсутствие достаточного количества учебной, внеклассной, методической литературы, большая загруженность учителей канцелярской работой, неэффективность работы Педагогического совета и проч. Меры,

принятые директором по устранению названных недостатков, заметно активизировали деятельность Педагогического совета гимназии, что явилось вторым шагом новоиспеченного руководителя по сплочению коллектива [18].

Следующий этап руководителя по укреплению гимназии связан с убеждением Педагогического совета в том, что открытость гимназии для местной публики будет полезна и учебному заведению, и самой общественности. В этой связи Педагогический совет поддержал мнение директора о печатании предложений учителей по улучшению учебно-воспитательного процесса на страницах Тобольских губернских ведомостей (ТГВ). Ф. В. Рудаков в своей вводной статье на страницах газеты отметил: «Открывая для общества во всякое время двери заведения и печатая свои труды в том именно виде, как они составлены были для себя, мы с полным доверием обращаемся к местному сообществу для приобретения и упрочения его к нам доверия. Сделав первый шаг, гимназия ждет ответа на свой призыв» [16, с. 31].

Педагогическим советом Тобольской гимназии по предложению Рудакова, было принято решение приглашать на свои заседания лиц из городской публики с целью знакомства горожан с внутренним строем учебного заведения. Более того, педагогический совет разрешил родителям и заинтересованным лицам посещать гимназию, в присутствии инспектора или надзирателя, не мешая учебному процессу, с целью сообщения директору или опубликования в ТГВ выявленных нарушений. Несмотря на это, казалось бы, позитивное предложение, предпринятый в 1862–1863 гг. опыт «открытости» гимназии, не получил своего дальнейшего развития, так как тобольское общество не было готово к публичному обсуждению проблем обучения и воспитания, тем более, что в заседаниях Совета участвовали в основном не родители или родственники учащихся (местных детей в гимназии обучалась одна треть от общего состава), а случайные лица [4, с. 261]. Этот передовой по тем временам опыт нашел свое воплощение в России только в начале XX в., когда были образованы в гимназиях Родительские комитеты. Высокую оценку новым инициативам директора Рудакова дали, по прошествии лет, выпускники гимназии: «В этих, можно сказать, исторических постановлениях Педагогического совета, между прочим, заключались такие постановления, о которых и во сне не снилось нынешним заправилам Департамента МНП. Только через 40 лет, (воспоминания написаны в 1910 г. Авт.) в дни освободительного движения, когда все власти спрятались в подполье, а к делу были призваны или вступили сами,

путем захвата, общественные силы, возбуждались вновь те вопросы, которые были в свое время рассмотрены и разрешены Педагогическим советом Тобольской губернской гимназии в самом либеральном духе» [9, л. 18об.].

После года службы в Тобольской гимназии, в своем отчете директор Ф. В. Рудаков отмечал, что несмотря на состав преподавателей гимназии – по большей части выходцев из духовных учебных заведений, они не были «рутинерами» и подходили к делу обучения и воспитания, по оценке директора, «сознательно и разумно», хотя в некоторых случаях «поверхностно» [4, с. 264]. Из характеристики педагогического коллектива, данной директором, первое место, как уже отмечалось выше, занимает старший учитель Емельянов, за ним следуют старшие учителя И. М. Слаута и А. В. Плотников, которые старались «точно и аккуратно исполнять свои обязанности и кроме того уделять время для необязательных занятий и руководства учеников во внеклассное время, …и всеми мерами привлекать любовь и внимание учеников к преподаваемым ими предметам» [4, с. 264].

И. М. Слаута – выпускник С-Петербургской духовной академии, в гимназии – с 1860 г. Об этом учителе Никанор Черданцев вспоминает как о «выдающейся личности», – «это был замечательный человек по своему многостороннему, можно сказать, энциклопедическому образованию, по аккуратности и трудолюбию и по умению передавать преподаваемый предмет» [9, л. 29]. В тех же воспоминаниях приводится и описание оригинальной внешности Иллариона Михайловича: «Каким я знал Слауту в 1 классе, таким встретил его и спустя 16 лет. У окна в его гостиной стоял тот же мирт, уже доходивший до потолка и, казалось, не изменился за это время, как и его хозяин, на голове которого надет был тот же желтый парик с прилизанными косичками и затылком, на котором под волосами выглядывала знакомая железная пружина…». И далее Н. Черданцев продолжает: «Слаута, как преподаватель, оставил по себе добрую память во многих из нас; благодаря ему, мы порядочно знали геометрию и физику» [9, л. 29об.–30].

После упомянутых выше учителей в записках Ф. В. Рудакова шла фамилия учителя рисования Д. П. Шелуткова. Денис Петрович прослужил в гимназии учителем «искусств» (чистописания, черчения и рисования), практически всю жизнь, в 1846–1880 гг., до выхода в отставку. Происходил Д. П. Шелутков из податного сословия, образование получил в Санкт-Петербургской Академии художеств [4, с. 320]. Из воспоминаний Н. Черданцева мы узнаем о внешности учителя, – Денис

Петрович «был уже довольно пожилым, лет 65, и еще прям и бодр. Кажется, от рождения он был лишен одного глаза… Шелудков был очень хороший живописец. В окрестностях Тобольска, в т. н. Архиерейской роще, есть небольшая церковь, все иконы которой написал Шелудков» [9, л. 29об.–30]. Обращаясь с рапортом к директору и Педагогическому совету гимназии, Д. П. Шелутков просил «сделать чистописание и черчение обязательными предметами», рисование обязательным для тех, кто «имеет к тому природные способности» [13, с. 55]. Денис Петрович по своей доброте нередко сам чинил ученикам гусиные перья, которые они приносили из дома, в 1860-е гг. стальные перья еще были редкостью.

За Шелутковым, в характеристике директора, следовали учитель немецкого языка Р. г. Бострем и законоучитель Л. Ф. Иваницкий. Ричард Григорьевич Бострем, немец, по воспоминаниям гимназиста Черданцева, – «типичный тевтонец, высокого роста и крепкого сложения, он обладал громким голосом, был груб и невоспитан, мы его все боялись и не любили. Он иногда употреблял унизительные наказания: однажды двух учеников посадил на пол под учительский стол, а по временам грубо и даже цинично шутил в классе, возбуждая всеобщий смех, при чем и сам заливался громким и размеренным смехом. Прожив 20 лет в России, он все-таки не научился порядочно говорить по-русски, прибавляя чуть ли не к каждому слову «то»: «совсем-то» это не «так-то». Но как преподаватель он был довольно аккуратен, и грамматику мы знали порядочно…» [9, л. 36об.].

Законоучитель, с большим стажем, священник Лев Федорович Иваницкий, выпускник Тобольской духовной семинарии, стремился сделать предмет Закона Божия основным и многое изменить к лучшему в нравственно-религиозном воспитании гимназистов. Тем не менее, ученики имели о нем противоречивые отзывы: «Нельзя сказать, чтобы он был на высоте своего призвания, он обращал больше внимания на букву и текст, а не на дух учения, заставляя нас учить наизусть все тексты филаретовского катехизиса… В младших классах он внушал мне большой страх… Позднее я убедился, что наш законоучитель имеет и доброе сердце». По воспоминаниям Н. Черданцева, О. Лев постоянно жертвовал деньги нуждающимся учащимся, в числе которых был и автор воспоминаний . Когда у Николая заболела мать, и не было средств на лекарства, он, обратившись с просьбой к о. Льву, незамедлительно получил просимое [9, л. 28об.].

Рис. 3. Тобольская классическая гимназия. Фото 2-й пол. XIX в.

В целом, в коллективе учителей Тобольской гимназии преобладали люди возрастные, об этом, еще при вступлении в должность, предупредил Ф. В. Рудакова главный инспектор учебных заведений Западной Сибири А. В. Попов и просил относиться к ним уважительно [7, с. 19]. Несмотря на солидный опыт учителей в преподавании своих предметов, директор, на заседаниях Педагогического совета неоднократно поднимал вопрос о более тщательной подготовке их к урокам. Члены Педагогического совета часто дискутировали о том, на кого ориентироваться преподавателю при прохождении учебных тем по тому или иному предмету: на успевающих учеников или, наоборот, отстающих в обучении. Ф. В. Рудаков тактично обращал внимание педагогов на отстающих учащихся, при этом настаивал на более медленном прохождении темы и более основательном усвоении материала всеми учащимися.

Нередко в своих дискуссиях педагогический совет не соглашался с мнением руководителя. К примеру, на предложение директора, сделать учителя предметника ответственным за успехи своих учеников, ему возразили сразу 5 преподавателей: законоучитель Иваницкий, инспектор Плотников, учитель немецкого языка Бострем, русского языка Ма-

тросов и географии Кузьмин. Все выступившие были едины во мнении, что не только учитель, а сразу несколько факторов влияют на успешность ученика по тому или иному предмету: наследственность, среда, в которой воспитывался ученик, недостаток образования, полученного до поступления в гимназию, нехватка методических руководств и даже климат, в котором живут гимназисты, сдерживающий их физиологическое и умственное развитие [4, с. 255].

Введя ежемесячную аттестацию учащихся по всем предметам (взамен еженедельной, как было прежде), директор высвободил время учителей для полноценной подготовки к урокам. Кроме того, директор ввел в практику в начале каждого месяца обходить все классы с инспектором и надзирателями, и, опираясь на аттестационные ведомости, как вспоминает гимназист Н. Черданцев, отмечать благодарностью всех успевающих учащихся и «отечески корить и подбадривать» всех нерадивых. Публичной благодарности директора могли удостоиться и учителя гимназии, честно исполняющие свой долг. К примеру, когда Н. Черданцев сдавал за 5-й класс экзамен преподавателю словесности Петру Васильевичу Бильдинскому, то присутствовавший на экзамене директор, публично похвалил учителя за хорошее преподавание и глубокие знания учащихся [9, л. 24].

Режим учебного дня в гимназии при Рудакове был стабильный: в 9 часов начинались классные занятия (по часу каждый урок), перемена между уроками - 5 мин. После второго урока, в 12 часов, была большая перемена. Гимназисты вспоминают, как в большую перемену ученики, из близко живущих от гимназии, ходили домой завтракать, другие приносили еду с собой, третьи покупали снедь у разносчиков, – «вероятно, все тоболяки моего времени вспоминают незабвенные слоеные пирожки Сергея, с его берестяным туясочком, с мясным рассолом (куда мы обмакивали пирожок). Пирожки продавались 3 коп. штука, и были необыкновенно вкусны…» [9, л. 24об.]

Директор заботился не только о получении полноценных знаний учащимися по основным предметам гимназического курса, но и о дополнительном образовании. В частности, по собственной инициативе Ф. В. Рудаков стал преподавать гимназистам выпускного класса законоведение Российской империи (предмет, который он успешно преподавал в Томской гимназии, и, который по гимназическому уставу 1864 г., был исключен из обязательных), а по воскресеньям открыл курс химии для желающих учеников 5 класса, пригласив себе в помощь учителя Ливанова [9, л. 13].

Рис. 4. В пансионе Тобольской гимназии. Фото 2-й пол. XIX в.

Много внимания директор уделял воспитанию в гимназистах нравственности и гражданских качеств личности, по его мнению, «можно назвать вполне нравственным того мальчика или юношу, который истинно религиозен, чужд пороков чувственных, честен в материальных и личных отношениях к сочленам своего общества и, наконец, по возможности, сознает и сочувствует тем обязанностям, какие лежат на истинно полезном члене гражданского общества и на истинном патриоте» [9, с. 268].

Рудаков не поощрял доносительство, в том числе и в среде гимназистов. Поучителен эпизод, приводимый С. Замахаевым и Г. Цветаевым о том, как Филолог Васильевич публично, перед учениками, сжег подброшенное кем-то в кабинет педагогического совета письмо, не вскрывая и не читая его. «Нет заведения, в котором бы все дети были идеалы чистой нравственности; но дело заведения стремиться к тому, чтобы возвысить и облагородить своих питомцев», – пояснил он свои действия [4, с. 243]. На заседаниях Педагогического совета часто поднимались вопросы содержания таких предметов, как история, русский язык и словесность, особенно в низших классах, где формируются основы гражданского мышления. Внимание педагогов обращалось на качество учебников и учебных пособий по этим предметам.

Не оставались без внимания и естественно-математические дисциплины, Ф. В. Рудаков позаботился о поставке в гимназию качественных физических приборов (38 приборов на сумму в 550 рублей серебром приобрел Д. И. Менделеев, выпускник гимназии 1849 г.), небольшой коллекции химических реактивов и учебных пособий для естественно-исторического кабинета; новой методической и художественной литературой были пополнены ученическая и фундаментальная библиотеки.

Необходимо отметить, что совершенствованием фундаментальной и созданием ученической библиотек Ф. В. Рудаков занялся сразу при вступлении его в должность директора. Фундаментальная библиотека была развернута в старинных резных шкафах рекреационного зала гимназии, на втором этаже, и привлекала внимание воспитанников своей внушительностью. Учителю французского языка Осипу Станиславовичу Палюлону был поручено создание каталога фундаментальной библиотеки, в которую он занес 4763 тома, на подписку периодических изданий для библиотеки было потрачено в 1862 г. 277 руб. 60 коп. [4, с. 275]. Поскольку учащиеся не пользовались этой библиотекой, то через некоторое время, по инициативе директора, была создана ученическая библиотека. Основа библиотеки была приобретена сразу в количестве 500 томов, а затем ежегодно пополнялась новейшей литературой, учебниками и специальными периодическими изданиями: «Журнал для детей» Чистякова, «Самообразование» доктора Хана, «Натуралист», «Чтение для юношества», «Вокруг света», «Природа и земледелие», «Семейные вечера». «К сожалению, пользование книгами из этой библиотеки, – как отмечает бывший гимназист, – было обставлено одним условием: книги выдавались только успевающим ученикам» [9, л. 8об.–9].

Большой популярностью среди гимназистов пользовались введенные при директоре Рудакове внеклассные чтения. Благодаря этим чтениям, активизировался читательский интерес гимназистов. Несмотря на существенные пробелы в чтении по предмету словесности, по воспоминаниям гимназиста Н. Черданцева, за годы учебы ему многое удалось наверстать самостоятельным чтением Пушкина, Тургенева, Гончарова: «Гоголя прочитал почти всего, а также и Некрасова, по мере того, как печатались его произведения в «Современнике», потому что он тогда был в ходу, равно как и Островский, которого я также всего прочитал и некоторые комедии видел на любительских спектаклях… В 1-м классе читал детский журнал Льва Толстого «Ясная поляна», которым очень увлекался… Помню еще очень хорошие детские журналы «Подснежник» и «Мир Божий». Прочитаны были также все сказки Ан-

дерсона, Худякова, Афанасьева; «Конек-горбунок» Ершова я знал наизусть. В бытность в гимназии были прочитаны все, так сказать, традиционные произведения, которыми увлекалась вся молодежь: Майн-Рида, Лажечникова, Вальтер-Скота, Фенимора Купера, «Робинзон» и некоторые другие» [9, л. 33об.–34].

Совместно с законоучителем Отцом Львом Иваницким директор много внимания уделял нравственно-религиозному воспитанию учащихся. Увеличив количество часов на предмет Закона Божия, Педагогический совет Тобольской гимназии настоятельно рекомендовал учащимся, преподавателям и даже их семьям регулярно посещать церковные службы. Сам директор непременно на них присутствовал. При этом, в протоколах Педагогического совета было отмечено, что принуждения в воспитании религиозного чувства быть не должно, за нравственно-религиозное воспитание подростка несет ответственность прежде всего семья [11, с. 20]. Через несколько лет, под влиянием новых веяний МНП, Рудаков ввел служение всенощной в зале гимназии, где обязательно присутствовали все воспитанники гимназии после занятий. В воспоминаниях Н. Черданцева отмечается: «После Христосовой заутрени и обедни устраивались в зале гимназии разговение для всех гимназистов, в котором принимали участие почти все учителя и их семейства. Здесь нам были приготовлены в изобилии куличи, пасхи, гуси, яйца, телятина и проч. После разговения певчие исполняли (иногда с аккомпанементом гимназического оркестра, который основался при Рудакове же) традиционный концерт «Сей нареченный и святый день» или «Торжествуйте днесь» [9, л. 23об.–24].

Ф. В. Рудаков поддержал инициативу О. Льва Иваницкого о подготовке из учащихся помощников в церковной службе и певчих. По мнению гимназистов, это было одной из действенных мер приобщения подростков к христианскому вероучению. «Я был в певчих, хорошо знаком с церковными песнопениями, и по опыту могу сказать, что это знакомство более всего способствовало развитию в нас, певчих, религиозного чувства и нередко на многих из нас находило искреннее религиозное и молитвенное настроение», – вспоминает Н. Черданцев [9, л. 27об.]. Директор всячески поощрял участие гимназистов в церковном хоре: «Однажды директор заметил меня у всенощной в дурную погоду, и на другой день я получил от него благодарность через певчего Никольского за свое усердие, причем директор разрешил мне, ввиду отдаленности моей квартиры, ночевать в пансионе с субботы на воскресенье и вообще накануне праздников. В эти дни я пил чай и ужинал

с пансионерами» [9, л. 23об.]. Директор и члены педсовета поддержали законоучителя О. Льва Иваницкого в изменении Программы преподавания Закона Божия, в частности, о включении элементов темы о богослужении церкви в программу предмета уже в начальных классах: «Чтобы, понимая смысл церковных служб и обрядов, воспитанники не оставались равнодушными только зрителями в церкви, но, чтобы религиозное чувство, присущее каждому человеку, было в них возбуждено» [21, с. 24–25].

Директор, заботясь о физическом развитии гимназистов, предпринял некоторые шаги в этом направлении еще до официального введения гимнастики в средних общеобразовательных учебных заведениях. Гимнастика, инициированная военным министром П. С. Ванновским в 1888 г. и введенная МНП на следующий год, главной целью ставила укрепление здоровья и содействие физическому развитию учащихся [2, л. 140]. С этой целью Ф. В. Рудаков предложил поставить гимнастические снаряды для лазания воспитанников и качели «Исполинский шаг» в саду и во дворе гимназии, здесь же устраивались игры в городки и мяч. Ежегодно, в конце учебного года, в один из теплых дней, отменялись все занятия и устраивались т. н. «рекреации» –прогулки на природу на весь день, в городское предместье Жуково или Архиерейскую рощу. «На прогулку шли парами, – вспоминает Н. Черданцев, –на место действия отправлялся из пансиона громадный самовар с посудою и припасами, и на лоне природы, на лужайке, устраивалось чаепитие. Затем любители лазили по деревьям, играли в мяч, разгуливали по лесу. Обыкновенно приезжал и директор, и некоторые учителя со своими семействами. К вечеру все возвращались домой плотною толпою, и всю дорогу, даже проходя по городу, пели свои гимназические песни. Любимыми у нас были следующие: «Пчелка златая /Что ж, ты, жужжишь / Все вкруг летая /Прочь не летишь» [9, л. 10].

В свободное от занятий время гимназисты гуляли в саду. В воспоминаниях К. Голодникова мы находим: «Налево от здания гимназии, по берегу речки Курдюмки, тянулся сад – излюбленное место прогулок гимназистов и горожан. В нём росли старые большие берёзы и липы. Весной запах черёмухи дурманил юные головы, а акации, усыпанные в начале лета жёлтыми цветами, навевали романтические мечты. Через Курдюмку был переброшен мостик, около которого стояла круглая деревянная галерея с несколькими колоннами и беседками [8, л. 4об.].

Особой заботы и внимания директора были удостоены пансионеры, иногородние дети, жившие без непосредственного попечения

родителей. Как отмечает один из воспитанников, в пансионе не было эпидемий тех болезней, от которых массово умирали в то время дети и подростки, – «мы не могли жаловаться на переутомление или слабость, заразных болезней, как дифтерит и скарлатина я не слыхал. За все семь лет в пансионе умерло всего два воспитанника… от тифа, и двое из своекоштных… (1-й от тифа, второй от простуды) [9, л. 12]. Здоровье воспитанников поддерживалось и теми условиями, которые были созданы для них в пансионе. В частности, в воспоминаниях пансионера Н. Черданцева упоминается холодный коридор, где до прихода директора Ф. В. Рудакова, был «самого примитивного устройства сортир с выгребной ямой, грязный и вонючий», где гимназисты, скрываясь от посторонних глаз, обычно курили. При новом директоре коридор стал чистым, с двумя печами, и даже со сторожем – из «николаевских солдат» [9, л. 24об.].

Единство требований к воспитательному процессу учащихся изложено в подробнейшей инструкции для надзирателей гимназии (40 пунктов), которую директор составил, ссылаясь на свой прошлый педагогический опыт в Томской гимназии. В инструкции приводятся все допустимые меры наказаний для провинившихся пансионеров, которые систематизированы по степени тяжести совершенных проступков, с подробнейшими комментариями о каждом виде наказаний. При этом красной нитью через всю инструкцию Ф. В. Рудаков проводит мысль о том, что надзиратели, прибегая к наказаниям воспитанников должны «не обращаться к мерам взыскания более сильным там, где они уверены, что могут достигнуть исправления мальчика мерами более кроткими» [4, с. 244]. По воспоминаниям Н. Черданцева, «Рудаков старался сплотить воспитанников гимназии в одну семью, которая бы дорожила честью заведения: он действовал на нас более увещаниями, чем мерами строгости… Я помню только один случай наказания карцером, кажется, за пьянство. Этот порок не был у нас распространен в таком виде, как ныне» [9, л. 26].

Ф. В. Рудаков привез из г. Березова, куда совершил поездку с ревизией учебных заведений по должности директора всех училищ Тобольской губернии, двух подростков, представителей северных народов – манси (вогулы) и ненцы (самоеды). Это были способные ученики уездного училища, которые решили продолжить образование в Тобольской гимназии, но пребывание их в непривычном климате негативно сказалось на здоровье (один мальчик, представитель ханты, вынужден был вернуться домой, а ненец умер от скоротечной чахотки) [9, л. 26].

Из поездки по Северу Тобольской губернии директор привез много национальных костюмов, оружия и предметов утвари коренных народов, которые были использованы в поставленных гимназистами спектаклях «Параша-сибирячка», сценах из оперы «Жизнь за царя»: ариях «Антонины», «Вани», «Сусанин в лесу» и финала «Славься». К спектаклю был приобщен профессиональный музыкант из ссыльных поляков скрипач Бродовский [9, л. 26об.]. Необходимо отметить, что культурная жизнь в стенах гимназии в этот период продолжалась, как заведено было еще в период учительства и директорства П. П. Ершова, основавшего гимназический театр. По воспоминаниям гимназистов, в спектаклях наряду с учащимися и учителями участвовали и представители семей педагогов гимназии. В упомянутом выше спектакле «Жизнь за царя» арию Антониды исполняла жена учителя Криницына. «Мы знали, – вспоминает Н. Черданцев, – что она вместо слов «набежали поляки» пропела «набежали к нам враги», неспроста, а так сказать, из политических видов, чтобы не оскорбить чувств губернатора Деспот-Зеновича, который был поляк» [9, л. 27]. Коллектив гимназии устраивал благотворительные спектакли в пользу бедных студентов-тоболяков, такие спектакли проходили в зале Дворянского собрания.

Директор заботился о материальном положении учащихся из бедных семей. В связи с этим, предписания нового гимназического устава 1864 г. о сокращении пансиона и выводе из него учащихся старших классов, Тобольской гимназией безоговорочно не выполнялись. При переводе из пансиона на частную квартиру того или иного ученика Педагогическим советом гимназии обсуждалась его кандидатура и последствия перевода, учитывалось и желание родителей. Дети, успешно учившиеся в гимназии, получали все, что нужно было для обучения: жилье и пропитание, одежду и учебные пособия. Пансионер Н. Черданцев, вспоминает: «Хотя в гимназии была форма (двубортный виц-мундир из черного сукна с железными металлическими пуговицами и стоячим воротником из красного сукна), но многие в младших классах ходили в чем придется. Мой костюм во 2-м или 3-м классе тоже был неприглядный. Когда однажды директор заметил мой скромный костюм, то подозвал к себе и отправил в пансион со словами: «Пусть там снимут с тебя мерку и сошьют виц-мундир из остаточков». Виц-мундир был сшит на славу, и я надел его с таким восторгом, какого не испытывал, надевая первый служебный мундир» [9, л. 10].

В период директорства Ф. В. Рудакова в Тобольской гимназии были учреждены дополнительные стипендии [7, с. 20–23].

1. Имени бывшего Главного инспектора училищ Западной Сибири д. с. с. А. В. Попова (утверждена 8 мая 1867 г.). Капитал стипендии был собран учителями Тобольской гимназии и всех училищ Тобольской губернии, всего – 1350 руб. Стипендию в 67 руб. 50 коп. ежегодно выдавали пансионеру на руки.

2. Имени В. Т. Багашева, Санкт-Петербургского 1-й гильдии купца. Стипендия была утверждена 8 мая 1867 г., предназначалась для гимназистов, выходцев из Курганского уезда (с родины Багашева). Из процентов капитала в 3000 руб. пансионеру ежегодно выдавалась стипендия в 195 руб.

3. Коллежского асессора Флавиана Горева. Капитал в 2150 руб., был пожертвован женой надворного советника Марией Рогальских. Стипендия утверждена 31 августа 1870 г. К 1889 г. ее капитал вырос до 2200 руб., проценты – стипендия пансионера, составляли 109 руб. 66 коп.

4. В память посещения села Самарово Великим Князем Алексеем Александровичем. В 1873 г. жители села собрали 3000 руб., кандидата на стипендию выбирало Самаровское крестьянское общество. Стипендиат по окончании гимназии не обязывался какою-либо службою. Первым стипендиатом стал уроженец с. Самарово Хрисанф Мефодиевич Лопарев (1862–1918) – российский историк, исследователь средневековых письменных источников, архивист, палеограф [15, с. 282–283]. Большую часть своей жизни он служил в С-Петербургской публичной библиотеке, выявил и исследовал новые византийские и российские письменные источники.

К 1889 г. капитал Самаровских стипендиатов составил 3100 руб., проценты – 155 руб.

5. Имени генерал-адъютанта Хрущова (утверждена в 1877 г.). К 1889 г. капитал составил 3250 руб., проценты – 162 руб. 50 коп. Кандидат на стипендию выбирался из жителей Кургана и назначался Курганской городской управой. Стипендиату после окончания гимназии предоставлялась свобода в трудоустройстве.

6. Имени Александра II, в память о словах, сказанных им 20 ноября 1878 г. в Москве. Капитал стипендии сформирован из средств Тобольского городского общественного банка.

Ф. В. Рудаковым были подготовлены документы для представления в МНП на стипендию Имени Александра Второго (утверждена в 1880 г. – в память 25 лет его царствования). Капитал стипендии в 3000 руб. был предоставлен Тобольской городской думой. Стипендия

назначалась гимназистам – детям жителей г. Тобольска, без различия звания и вероисповедания. Всего в Тобольской гимназии в означенный период выплачивалось 33 стипендии (включая демидовские и стипендии Казны) [4, с. 285].

После ухода директора со своего поста педагогический коллектив Тобольской гимназии собрал средства в 2000 рублей и ходатайствовал об утверждении стипендии имени Ф. В. Рудакова. Эта стипендия предназначалась для бедных учащихся из семей, родители которых служат в МНП, была утверждена 13 сентября 1881 г. Продолжая традицию своего предшественника, новое руководство гимназии, в лице Н. И. Панова учредило еще одну стипендию – имени наследника цесаревича Николая Александровича. Капитал в 5000 руб. был пожертвован коммерции советником Я. А. Немчиновым для детей жителей г. Тобольска, претендента на стипендию выбирал Педагогический совет гимназии [4, л. 286].

В отчете о работе учебного заведения за 1864-65 учебный год Ф. В. Рудаков прописал еще одно новшество – предложил осуществить так называемое повышение квалификации преподавательского состава гимназии путем поездок на специальные курсы или посещение образовательных учреждений (гимназий и университетов) в столичных городах с целью общего знакомства с делом преподавания в них. Для сплочения коллектива преподавателей директор инициировал и создал программу Педагогического клуба с целью обсуждения проблем российского образования и чтения новейшей педагогической литературы уже в неофициальной обстановке. С этим предложением согласилась лишь половина учителей гимназии, к тому же в условиях активизации революционно настроенных элементов, особенно в центре страны, главный инспектор Западно-Сибирского учебного округа не разрешил создание такого клуба [7, л. 23].

Кроме интенсивной педагогической деятельности на всех этапах своей служебной карьеры Ф. В. Рудаков выполнял много общественных поручений. Главной заслугой директора, по мнению выпускников гимназии [9, л. 24об.], следует считать образование Общества вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии. Общество было создано в 1865 г. при содействии деятельного и просвещенного Тобольского губернатора Александра Ивановича Деспот-Зеновича и считалось одним из первых в стране. Ф. В. Рудаков привлек к участию в обществе золотопромышленников И. Д. Асташева и П. А. Балашова, которые пожертвовали крупные суммы. Членский взнос общества

составлял 10 тыс. рублей [19]. По оценке Ф. В. Рудакова около 30 студентов во второй половине 1860-х гг. получали от Общества помощь в размере от 10-20 руб. в месяц [4, с. 305]. К примеру, в 1868 г. общество выдало пособий и стипендий студентам тоболякам на сумму в 2046 руб. К 1879 г. общество оказало помощь 74 студентам на сумму в 21817 руб. Из отчета 1903 г. известно, что за 37 лет существования общества, были оказаны денежные пособия 215 студентам на сумму 93.159 руб.01 коп. [9, л. 25об.]. «Общество делало без шуму свое великое дело помощи бедным студентам в самое трудное время их университетской жизни на первых порах. Без пособия этого общества очень многие из тоболяков совсем не могли бы получить высшего образования, а прозябали бы на должностях учителей уездных училищ с содержанием 300 руб. в год, с надеждою лет через 10 достигнуть должности смотрителя училища с окладом в 400 руб. и готовой квартирой или начинали службу писцом какого-нибудь губернского учреждения с жалованьем от 5-10 руб. В то время помощник столоначальника губернского правления получал 17 руб. в месяц, столоначальник – 22 руб.». К сожалению, следует отметить, что не все студенты, которые пользовались помощью в студенческие годы, возвращали деньги после устройства на службу. Таких невозвращенных ссуд за 43 года деятельности общества накопилось 37 тыс. руб. [9, л. 25об.].

В Тобольске Ф. В. Рудаков состоял директором Тобольского тюремного комитета, много содействуя его благотворительной деятельности. Филолог Васильевич принял активное участие в организации в 1878 г. в Тобольске филиала Русского музыкального общества, которое занималось приобщением горожан и жителей губернии к музыкальному искусству, устраивая музыкальные вечера, выступления солистов и коллективов, организуя музыкальные классы обучения детей и подростков [20]. При содействии общества в стенах гимназии был организован музыкальный оркестр.

Ф. В. Рудаков – известный публицист, он печатался как в местной прессе, так и в центральных педагогических журналах, активно участвовал с педагогическими и полемическими статьями на страницах Журнала министерства народного просвещения (ЖМНП), «Воспитание: журнал для родителей и наставников». В частности, Филолог Васильевич умело парировал на обвинение главного редактора последнего журнала А. А. Чумикова в амбициях руководства Тобольской гимназии, представившего на его страницах статью «Нововведения Тобольской гимназии» [3, с. 11–13; 17, с. 140]. Во-первых, Рудаков поблагодарил

редакцию журнала «за прямой нельстивый голос», а во-вторых, сознался, что ответ редакции ему и педагогическому коллективу Тобольской гимназии не понравился, а «резкий насмешливый тон статьи» показался «не соответствующим достоинству педагогического журнала» [17, с. 141]. Эта статья блестяще продемонстрировала, как директор учебного заведения мог защищать свое «детище» и инициированные им нововведения от посягательств некомпетентных и людей.

В должности директора Тобольской гимназии и училищ Тобольской губернии Филолог Васильевич Рудаков оставался до 20 июня 1879 г. – назначения его главным инспектором училищ Восточной Сибири в город Иркутск. На этом поприще он прослужил 4 года, многое сделал для развития образования в Восточной Сибири, но подорвал свое здоровье, и по болезни, вынужден был оставить службу. В июне 1883 г. он вернулся в г. Тобольск, к своей многочисленной семье, где у него по улице Большой Архангельской был собственный дом [7, с. 79]. К этому времени педагог Ф. В. Рудаков, за своё усердие и прилежание, дослужился до чина действительного статского советника (присвоен от 8 марта 1875 г.) и был удостоен трёх государственных орденов. Несмотря на желание Филолога Васильевича «предаться тихой семейной жизни», он был вовлечен в городскую общественную жизнь, и в качестве председателя комиссии по проверке городского бюджета на 1883 г., тщательно и честно провел исследование, выявив много недостатков и недоимок [7, с. 80]. В последние годы жизни Ф. В. Рудаков хотел посвятить себя литературной деятельности и начал писать труд, который озаглавил: «Тяжелое время на Руси. 1849-1882 г.» о проблемах в нравственном воспитании молодого поколения, неоконченная часть которого была опубликована в книге С. И. Гашинского [7, с. 115]. Скончался Ф. В. Рудаков в Тобольске 31 мая 1885 г. Подводя итог жизни и деятельности Ф. В. Рудакова С. И. Гашинский в своей работе отметил: «Исповедание Бога православного и преданность Царю, государственной идее, служению которой он всегда готов был отдаться до самоотвержения, были самыми главными принципами его души, его жизни и деятельности» [7, л. 94].

Таким образом, деятельность директора Филолога Васильевича Рудакова по руководству Тобольской гимназией в середине XIX в., по воспоминаниям гимназистов, во многом отвечая требованиям времени или даже опережая время, была активной и разноплановой. Несмотря на различный уровень показателей учебно-воспитательного процесса гимназии, нехватку материальных средств в ее содержании, достаточ-

но разрозненный коллектив преподавателей и разногласия по вопросам образования и воспитания, Филологу Васильевичу удавалось преодолевать эти трудности, сплачивая воедино коллектив учителей и учащихся гимназии, привлекая общественность, побуждая всех решать единые задачи, направленные на получение среднего образования и подготовку молодежи жизни. Благодаря своей жизненной энергии, стремлению к самосовершенствованию, он честно выполнял свой служебный долг на поприще директора гимназии и других должностях, на общественном служении.

Список источников и литературы:

1. Адрианов А. А. Славный сибиряк Иван Александрович Худяков. Санкт-Петербург, 1911. 40 с.
2. Белюков Д. А. Физическое воспитание в российской школе в к. XIX – начале XX веков. / Вестник архивиста. 15 августа 2015. № 3. С. 138–153 // https://www.vestarchive.ru/2014-1/3196-fizicheskoe-vospitanie-v-rossiiskoi-shkole-v-konce-xix--nachale-xx-v.html. Дата обращения: 04.07.2023.
3. Воспитание: журнал для родителей и наставников». Год седьмой. Том XIII. М., 1863.С. 11–13.
4. Замахаев С., Цветаев Г. Тобольская губернская гимназия. Тобольск, 1889. 350 с.
5. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп .1. Д. 29.
6. ГАТО. Ф.126. Оп. 4. Д. 4.
7. Гашинский С. И. Филолог Васильевич Рудаков – деятель в Восточной и Западной Сибири. СПб., 1890. 114 с.
8. Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (НА ТИАМЗ). Д. 13443.
9. НА ТИАМЗ. Д. 13420.
10. Менделеев Д. И. Биографические заметки //Тобольский гений России. В 2-х т. Живой Менделеев. Т. 2. Тобольск, 2003. 256 с.
11. Мнение законоучителя Тобольской гимназии Льва Иваницкого // ТГВ. 1863. 26 Янв. № 4. С. 18–22.
12. Копия с мнения младшего учителя географии Кузьмина // Тобольские губернские ведомости (ТГВ). 1862. № 50. С. 341–342.

13. Лепова Г. В. Взгляд на педагогический коллектив Тобольской мужской гимназии 70-х гг. XIX века через «Свидетельство» С. Н. Мамеева // Реликвариум. Журнал Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, 2016, № 1(6). 25 июля. С. 50–53 // https://tiamz.ru/docs/rel6.pdf. Дата обращения: 21.06.2023.

14. Половцов А. А. Русский биографический словарь. Том 17 // https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-17/190. Дата обращения: 21.06.2023.

15. Прибыльский Ю. П. Лопарев Хрисанф Мефодьевич //Тобольский биографический словарь. Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2004. С. 282–283.

16. Рудаков В. О Тобольской гимназии // ТГВ. 1862. № 45. С. 289–292.

17. Рудаков Ф. В. Ответ на замечания журнала «Воспитание» против педагогических статей Тобольской гимназии» // ТГВ. 26 января. 1863. С. 140–146.

18. Тобольские губернские ведомости (ТГВ). 1862. №№ 45–50.

19. Устав Общества вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии // ТГВ. 1865. № 10.

20. Устав Императорского русского музыкального общества. Тобольск, 1885.

21. Копия с журнала педагогического совета // ТГВ. 1863. 26 янв. № 4. С. 24–25.

УДК 930(571.1)
https://doi.org/10.25713/sib_dj.2023.75.31.025
EDN: HQMKES

«РАЗНЫЕ ОБРАЗЫ» СИБИРИ (ПО СТРАНИЦАМ РАБОТ ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ)

А. П. Ярков
Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет

На основе рассмотрения широкого круга исторической литературы, включая сведения путешественников, научные исследования, интернет-материалы, автор пытается сделать обзор различных представлений иностранцев о Сибири и народах, проживавших в ней.

Ключевые слова: Сибирь, Тюмень, историография, путешественники, тюрки, сибиреведение, зарубежные исследователи.

«DIFFERENT IMAGES» OF SIBERIA (BASED ON THE PAGES OF WORKS BY FOREIGN AUTHORS)

Based on the consideration of a wide range of historical literature, including travelers' information, scientific research, Internet materials, the author tries to make an overview of various ideas of foreigners about Siberia and the peoples who lived in it.

Keywords: Siberia, Tyumen, historiography, travelers, Turks, Siberian studies, foreign researchers.

В 2021 г. членом Парламента Великобритании с титулом «барон сибирский» стал родившийся в Москве, но проживающий в Лондоне бизнесмен Е. А. Лебедев. Его представление о нашем крае книжно-интернетовские. Предполагаю, что независимо от страны и времени проживания, сибиряки по рождению, происхождению или проживанию[1] оскорбились. Многие из них даже в эмиграции называют Сибирь родиной в разных вариантах: Мамлякат / Югра / Саха и других. Больше оснований наследовать

[1] Так, перехавший из Поволжья богослов стал именоваться Абу Ханифа Мухаммад Рахматуллах бен Йусуф бен Мустафа бен Шибани бен Рамай бен 'Али бен Ибрахим бен Сунали бен Йангураз бен Кулбай бен ал-Йангурази ат-Тарави ас-Сибири.

титул «сибирский» у потомков принявших подданство России Кучумовичей, которым официально присвоили статус царевичей (затем князей) сибирских. В 2017 г. «Глава Дома Чингизхана Царевичей и Князей Сибирских Царского дома Сибири» И. Сибирский утвердил «Династийный орден Сибирского Царства», объединив живущих в разных странах мира, но помнящих о сибирских «корнях». И для Лебедева там места нет...

Явно узнаваемый образ – в самоназвании (эндоэтнониме) тюркоязычной этнической общности / этноса – сибирских татар: сабир (шибир / себер / сибиртатарлар / себерэк / сыбыр / сыпып / сибирлар) и местном фразеологизме «ыбыр-чыбыр»[1]. Часто под Сибирью (даже в восприятии россиян) понимается вся Азиатская часть России – пространство к западу от Уральских гор до Тихого океана на востоке, и от Северного Ледовитого океана – на севере до границ с Казахстаном, Монголией и Китаем – на юге.

Определимся, что Тюмень не является «воротами Сибири». Это «слишком европоцентрично», да и не современно: в равной степени «воротами» можно назвать Кяхту-Троицкосавск, Иркутск, Магадан, Находку и Сабетту.

Второе обстоятельство: средневековые данные нельзя соотносить с современными территориальными образованиями – субъектами РФ. Именования территории как Югра, Вису и Йура, Сибир-и-Ибир, Арс, Бъярмаланд и другие часто обозначало этнонимы и опонимы. И часто по обе стороны от Уральских гор.

Сосредоточим внимание на письменных (и картографических) представлениях о мегарегионе «извне». Иногда они фантастичны – Д. Дефо во втором части своего романа отправил Робинзона Крузо в Сибирь, «заставив» его перезимовать в Тобольске[2] в подземелье и пить, в утешении, местный самогон.

Невозможно перечислить и сотой части тех источников на иностранных языках, что освещает огромный по масштабам мегарегион, долго остававшийся terra incognito.

Начнём с Востока, хотя иные сведения недостоверны, а то и вносят путаницу[3]. Известно из описаний, что после окончательного подчине-

---

[1] С. К. Патканов, В. Н. Чернецов и З. Я. Бояршинова указали, что одно из племён угров носило имя сипыр, но постепенно оно ассимилировалось. И. Шафарик выводил понятие из этнонимов «сабиры» или «себеры» (группы, входившие в состав гуннов), но связывал этот термин со славянским «северяне». Версии о гуннском происхождении придерживались В. М. Флоринский, Г. Н. Потанин.

[2] Благодаря краеведу В. В. Полищуку и тогдашнему главе администрации Тобольска Е. В. Куйвашеву скульптурная композиция «Робинзон, Пятница и их собака» обосновалась в центре города.

[3] Так, японцы в источниках называли Татарский пролив Татписалару-кайке или Даттанкайке (от «Даттан» – татарский, и «кайке» – пролив).

ния карлуки «из северных земель» были переселены в Центральный Китай и вместе с найманами, онгутами, уйгурами, канглы, кипчаками и мусульманами различного этнического происхождения входили в сословную группу сэму, обладавшими после монголов и китайцев (ханьжэнь) привилегиями, но были китаизированы.

Практические интересы заставляли официальных историографов собирать разнообразные сведения о соседях – тюрках (ту-цзюэ), но показывая их через призму стереотипов, считая варварами. В династийных хрониках «Чжоу шу», «Суй шу», «Вэй шу»[1] сообщалось о приходе на р. Орхон купцов (вполне очевидно, что мусульман), как это сделал путешественник Чан-чунь в 1220 г.

К 1223 г. экспансия Монгольского государства достигла уже русских земель, пройдя через Сибирь. В «Сокровенном сказании» среди «лесных народов» указаны люди, попавшие под власть монголов, но «шибир / шибер» мог означать и населённую ими болотистую местность, поросшую лесом. Есть мнение, что Сибирь есть Шибер, т. е. большое пространство, где растёт сочная зелёная трава.

В XIV–XV вв., когда возникли первые сибирские политии, в Китае господствовали разные религиозные системы (буддизм, конфуцианство, даосизм[2]), но китайские правители и летописцы «не замечали северных варваров». Маньчжуры, в 1644 г. вторгшись в пределы минского Китая, учредили династию Дай Цин, но восприняли минскую китаецентристскую модель взаимодействия с соседями[3].

До договоров 1689 г. и 1727 г. границ (иногда только зон влияния) России с Цинской империей не существовало, но в китайской историографической традиции отложилось мнение, что на всех её северных и западных границах находился хуйцзян – край, где различия между мусульманскими и немусульманскими регионами небольшие, а население гомогенно. Объективное рассмотрение описанных сюжетов и событий затрудняется близкой к фальсификации практикой переработки документальных источников по требованию каждой династии и господством идеи о праве императора (Сына Неба) на власть во Вселенной. Требование ритуальной покорности отложилось и на взаимоотношениях с соседями.

Переместимся на Ближний и Средний Восток. Там на основе преданий о Зуль-Карнайне (Искандере Двурогом, т. е. Александре Маке-

[1] Известны по русским переводам жившего некоторое время в тобольской ссылке Н. Я. Бичурина, и по английским – Э. Х. Паркера.

[2] В зависимости от вкусов того или иного правителя.

[3] Созданная Лифаньюань (Палата по управлению вассалами) ведала, наряду с прочими, делами «амурских народов» и «русского подворья».

донском) сложилось представление о племенах яджуджи и маджуджи (библейские Гог и Магог). Согласно Корану, яджуджи и маджуджи обитали «где-то на севере», за высокими горами, «в седьмом климате» (возможно между Уралом и Алтаем, вплоть до «моря Мрака» – Ледовитого океана)[1].

Персидский путешественник Абу-Дулаф в X в. побывал в земле енисейских кыргызов и описал резиденцию Хырхыз-хакана и комплекс на Уйбате. Свидетельства купцов фиксировались в различных хрониках и дорожниках, а на их основе Абу-л-Хасан Али бен ал-Хусейн ал-Масуди, Абу Абдаллах бен Ахмад бен Абу Бакр ал-Банна ал-Мукадаси, Ибн Фадлан (X в.), и другие, сами не бывавшие в Северной Азии, описывали её в контексте общей истории и географии мусульманского мира. Более конкретен побывавший в Булгаре испанский араб Абу Хамид ал-Гарнати (XII в.), описывая енисейских кыргызов.

Средневековые карты (чертежи / рисунки / схемы / кроки) нельзя рассматривать как современные по точности изображения и наполнения. Вместе с тем эти источники интересны как попытка определить место того или иного историко-географического объекта в пространстве. До внедрения математических измерений Земли «плоская картина мира» имела и художественное воплощение. Не владея точной информацией о живущих в Сибири людях и их социальной организации, на картах условно изображались территории тамошних (предполагаемых) государств, географические объекты и населенные пункты (в т. ч. легендарные). О реке Иртыш, например, в «Круглой карте мира» поведал в 1074 г. Махмуд Кашгари.

Весьма отдаленное представление о Северной Азии имелось в карте мира Мухамеда аль-Идриси (1100-е гг.), но там «нашлось» место для уже упомяутых Гоги и Магоги.

Иногда сведения ещё более причудливы: Шихаб ад-Дин Абу-л-Аббас Ахмад б. Али ал-Кашканди в «Субх ал-аша фи синаат ал-инша» («Заря для подслеповатого в искусстве писания») со ссылкой на Джамал ад-Дин Абдаллаха Хисни указал, что купцы посещают «страну Йуры», за которой уже «нет поселений, кроме большой башни, построенной Искандером в виде высокого маяка. За нею нет пути никому, [там] только Мраки. Спросили ... об этих Мраках. Он сказал: это – пустыни

[1] Жили, якобы, в заточении за крепостной стеной с железными воротами, возведёнными Зуль-Карнайном для ограждения населения от их страшных вторжений. Сам внешний вид яджуджи и маджуджи внушал ужас: «...по четыре глаза, два на лбу; два на груди; их тело покрыто шерстью, у некоторых уши свисают до плечей; они не говорят, но издают своим голосом звуки, похожие на змеиное шипение и птичий свист».

и горы, которые не покидает снег и холод, солнце над ними не восходит, растения там не растут, животные там не живут. Они примыкают к Мрачному морю (бахр Асвад), где постоянно дождь, густые облака».

Письменные источники сообщали, что тюркские племена создали Великий Тюркский и Кимакский каганаты, а столицу Кимак ат-Турк размещали в среднем течении Иртыша. Ибн Асир причислил население края к тюркским племенам. «Аноним Искандера» (1412) упоминал о Тохтамыше, закончившим свою жизнь «в пределах Тулина». В 1254 г. в Каракорум к хану Мункэ царь Малой Армении Гетум I отправился через Поволжье, Северный Казахстан и Южную Сибирь, а его описание путешествия включали и самые фантастические рассказы о «варварских племенах».

История Шибанидов описывалась в династийных хрониках, имевших отношение (чаще косвенное) к событиям, происходившим в Сибири. Написанное на чагатайском языке (с привлечением работ на уйгурском и фарси) сочинение «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» (1502–1504) не имеет чёткого указания на авторство. Он начат с рассказа, как Абу-л-Хайр передал должность ханского наместника – даруга отличившимся воинам. Автор «Шейбани-наме» Бинаи (Камал ад-Дин, Шир- / Али Бинаи Устад Мухаммадхан- / сабз / ми'мар Харави) написал её на фарси по заказу правившего хана, что отражается на стилистике произведения. По всей вероятности, Бинаи использовал «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», поскольку вслед за ним в точности повторил историю назначения на должность даруга вилайета /города Цынги (Чимги)-Тура[1].

Касаясь различий, комментаторы «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» писали, что речь идёт о том, как Абу-л-Хайр вошёл в завоеванное поселение: «Когда знамена победы бросили тень прибытия над головами жителей Тара / Тура, Адад бек буркут, который был хакимом города... и Кибек Хожа бий буркут со своими эмирами, вождями и прочими военноначальниками... стали мулазимами повелителя мира». Сопоставление с другими сочинениями «шибанидского цикла» и их анализ показывают, что речь идет о вилайете (страны, области, региона), название которого исторический «Туран» (редуцированная «Тура») определяется как «собирательное название земель, заселённых тюркскими племенами». Их центром, очевидно, являлся Цынги-Тура[2].

---

[1] Напомним, что звука «Ч» в сибирскотатарском языке / диалекте нет, а Цынги-Тура обозначает строение, сложенное из дёрна.

[2] Сложность реконструкции заключается в том, что в источниках Цынги-Тура, Тура и Тюмень могут обозначать как сам город, так и область в целом.

«Фатх-наме» муллы Шади, «Шайбани-наме» Камал ал-Дина Муртазы, «Бахр ал-асрар фи манакиб ал ахйар» Махмуда бен Эмир Вали и другие содержат общие, часто разрозненные сведения о правителях Азии, в орбиту политических интересов которых входила и Сибирь.

В созданной под руководством Рашид ад-Дина на фарси в Кашмире в 1541/1542 и 1546 гг. двухчастного «Та'рих-и Рашиди» Мирза Хайдар использовал устные предания и сочинения других авторов. К сожалению, в этом описании есть лишь краткая информация об Иртыше без изображения живущего по его берегам населения, а разбросанные по страницам описания обычаев достаточно общие[1]. Более точен в описании края Сейфи Челеби (Эвлия / Мустафа б. Абдулла) – чиновник финансового управления Османской империи (дефтердер), который в 1590 г. в «Китаб-и падшахан-и вилайет-и Хинд ва Хитай ва Хотан ва Кашмир» дал сведения о государстве Кучума.

Хранящийся в РГАДА русский перевод (оригинал не сохранился) нескольких ярлыков бухарского правителя Абдуллы на имя Кучума датируется 1598 г. где указано на необходимость взаимодействия «бусурман». Судя по всему, существовала и обратная письменная связь, т. к. зять Кучума Дин Али Ходжа ездил в Бухару и «подлинное свое радение прислал и как тебе се письмо все ведомо будет».

Живший во второй половине XVII в. Шах Махмуд бен Мирза Фазил чорас в написанную на фарси «Тарих-и Шах Махмуд бен Мирза Фазил чорас» включил два автобиографических рассказа отца – Мирза Фазила чораса, занимавшего при ханах Кашгарии высокие административные посты. В самом тексте к заявленной теме относится только упоминание о том, что казахский властитель Касим-хан ушёл «в сторону Убайра-Субайра», которой исследователи считают Сибирь.

Источники на восточных языках писали о крае после XVII в. О бытовании здесь в XVII–XVIII вв. рукописных и печатных книг, привезенных сибиряками из других. регионов мусульманского мира, свидетельствует рукопись Абу-л-Гази Бахадур-хана «Шаджара-йи тюрк».

Переместимся на запад. Установлено, что первым из послов Римского папы, прошедших через Алтай, оказался Дж. д'Плано-Карпини. Европейцев привлекала идея отыскать на Востоке «христианское царство Иоанна» – землю «Тендук». По мнению западноевропейских ученых, первые слухи о царе-священнике Иоанне распространились на Западе в 1145 г. Проверить эти сведения и выпало на долю Карпини, которого в 1245-1247 гг. сопровождали учёные, монахи Стефан из Бо-

[1] Так он отмечал, что границ Могулистана «сейчас их никто не знает».

гемии и Бенедикт из Вроцлава (Бреслау), а также присоединившийся к экспедиции в Константинополе «отрок Николай».

Миссионерско-дипломатическими можно назвать цели монаха Г. Рубрука (Рубруквиса) – посла французского короля Людовика IX Святого, который в середине XIII в. возглавил миссию в Каракорум, т. е. побывал в непосредственной близости от Южной Сибири. В ставке хана Мункэ царила атмосфера веротерпимости[1]: там мирно соседствовали мечеть и буддийский храм.

На основе сведений, собранных (в т. ч. из «дорожников» упомянутых выше купцов) посольствами Римского папы и правителей итальянских государств к Узбеку и Джанибеку в портолане братьев Пицигани (1367), оттуда «перекочевав» в Каталанский атлас (1375) отца и сына Кресков (Крескесов). Там указано на каталанском языке / диалекте испанского: «Los munts de Sebur on neix lo gran ?um Edil» («Горы Себур, где большая река Эдиль берёт начало») и помечено поселение «Singui» (очевидно Цынги), известное, возможно, по информации венгерского монаха Иоганка. Знаковая система в виде пиктограмм – символических рисунков дополнялась текстовой информацией.

Слабо урбанизированное пространство для картографов отражалось через природные объекты. Так, Фра Мауро на карте 1459 г. упоминал о реке Sibir, что находится на территории, обозначенной как Sibur. Скорее всего, Ibissibur – область Среднего Приобья; Ibi – Обь; Sibirien, V-bis – область Нижнего Прииртышья, в центре со средневековым поселением ханты – Сибирь, получившим с конца XV в. тюркское название «Искер». Возможно, этимология Sibur каким-либо образом связана с латинским Urbs – город. Судя по контексту документа, это обширная территория, расположенная за Уральскими горами[2].

Со временем данные стали точнее: если на карте А. Вида (1537) и г. Меркатора (1594) Югра локализуется по течению реке Мезень, то у С. Герберштейна (1546) уже по течению Оби.

На картах А. Ортелиуса (1570) и Й. Хондиуса (1606) указана «Zibierairorum Horda» («Орда сибирских татар»). Ортелиус отобразил собранные Э. Дженкинсоном данные и его карта дала относительно точные географические приметы Tartari, хотя и изобрази-

[1] Не только мусульмане и буддисты, но и христиане различных течений – несториане, православные и католики, свободно отмечали свои праздники. Рубрук описал диспут с участием представителей всех религий. Теологический спор не увенчался победой ни одной из сторон. «Все эти религии подобны пальцам на одной руке» – подвел итог Мункэ.

[2] В совокупности с упомянутыми на картах Sacetim (золотоордынским Джукетау), Pascherti (возможно, это «городище Уфа-2») и цепочкой других поселений / факторий по Каме это отражает Меховой путь.

ла её жителей в причудливых образах. Tartari европейские картографы связывали с Тартаром – адом древнегреческой мифологии, куда, якобы, низвергнуты бог Кронос (он же Сатурн) и др. титаны[1]. М. Кваден в 1600 г. разместил Tartat весьма условно на своём Атласе мира.

Первым же печатным изданием является описание «невольного путешествия» на север Азии в 1405-1408 гг. бывшего крестоносца И. Шильтбергера. Называвшего его Wissibur и Grossenn Thartharia. Сибирью тогда называли и городок, в котором жили правители Сибирского юрта.

В европейских странах и в Крымском ханстве заметили борьбу претендентов на сибирский престол. Так, «Литовская метрика» сохранила письмо крымского хана Менгли-Гирея к польско-литовскому королю Казимиру IV[2].

Р. Джонсон достиг северных берегов Московии в 1553 г., где собрал различные сведения о Сибири, позднее их опубликовав. Это не понравилось Ивану Грозному, увидевшего в том (и не без основания) попытку иностранцев пробиться по сибирским рекам в Китай.

Продвигаясь на восток с политической миссией в 1675 г., российский дипломат Н. Г. Спафарий-Милеску (родом из греческого рода Спэтарул, издавна живших на территории современной Молдавии, тогда зависимой от Османской империи) отметил, что «древние и нонешние землеописатели» определяли границу Сибири по реке Обь.

Автор хранящейся в публичной библиотеке Копенгагена рукописи на немецком языке неизвестен, но, по всей вероятности, он был немцем или проезжавшим через немецкие земли, поскольку отметил, что прекрасно построенные деревянные дома сибирских бухарцев имеют большие окна и двери «на немецкий образец».

Живший в крае офицер А. Доббинс составил рукопись «Генеральное описание Сибири», переданную в Москву в 1673 г. И.-А. фон Бранду, который и напечатал её в 1697 г. Возможно, что этот же информатор представил свои сведения для г.-В. Лудольфа, который в приложении к

[1] Особое место на их фоне занимают китайские карты с Раннего Средневековья – периода Троецарствия (с 220 г.) и до Цинской империи (с 1644 г.). Так, в 1710 г. пекинскими миссионерами по поручению императора была начертана «карта Татарии». Карты включали территории юга Сибири, но обозначали их «китайскую принадлежность» или вассальную подчинённость.

[2] Там так описаны события 1481 г.: «Генвара месеца у двадцат первы пришод цар шибаньски а Ибак солтан его, а Макму князь, а Обат мурза, а Муса, а Евгурчи пришод, Ахматову орду подоптали, Ахмата цара умертвили, вси люди его и улусы побрали, побравши, проч пошли».

«Русской грамматике» указал, что в Тобольск часто приезжали купцы с индийскими товарами[1].

Интересны по этнографическим особенностям воспоминания А. Каменского-Длужика, а проживший в Тобольске в ссылке несколько лет, по возвращению в Европу Ю. Крижанич выпустил «Историю о Сибири или сведения о царствах Сибири и береге Ледовитого и Восточного океана, также о кочевых калмыках и некоторые повествования об обманах ювелиров, рудоплавов и алхимиков».

Н.-К. Витзен написал труд «О Северной и Восточной Тартарии», который явился плодом его 30-летней работы и содержал широкий круг материалов. Автор, в частности, сообщал, что «получил много сообщений из самой Тартарии, а также из Московии, Астрахани, Сибири, Персии, Грузии, Турции и др.».[2]

Ошибочно предписывается В. Н. Татищеву разделение Азии и Европы по Уральским горам[3]. Это сделано Ф. И. Таббертом (фон Страленбергом), исследовавшего край[4]. В Европе печатались книги и других вернувшихся из сибирского плена бывших воинов Карла XII, отражающие реальные обстоятельства жизни европейцев в крае. Так, подробно описал случившийся в Тобольске 29 апреля 1712 г. пожар Л. Каг.

В 1719 г. в составе направлявшегося в Китай посольства шотландский врач Б. Джон (Антермонский) прошёл по Сибири, но его взгляды преисполнены политеса перед российскими властями. И не только Б. Джон субъективен при анализе сибирских сюжетов. Европейцы всё-таки были католиками и протестантами по воспитанию (большинство и по убеждениям). Они культивировали в своих заметках и трудах европейский повествовательный исторический шаблон, лишь в деталях и формах отличавшийся от православной интерпретации. И. Э. Фишер так описал крещение при сибирском митрополите Филофее (Лещинском): «Церемония

[1] Для сопоставления: тоболяк в нескольких поколениях С. У. Ремезов указал: «вместо царствующаго града Старые Сибири Тоболеск, новый град, старейшенство прият и столный наречеся град в лето 7094-м году. По тому царствующему граду Сибири Старой и по речке Сибирке вся страна Сибирская от Верхотурскаго Камени и до Лены, и до Даурские земли, и до моря нареченна бысть Сибирью».

2 Карты «Северной и Восточной Тартарии» Н.-К. Витсена дали точное представление о вошедших в состав Российского государства землях.

[3] В течение XVIII в. даже в Центральной России Сибирь воспринималась как отдельный край. В XIX в. даже русские воспринимали свою изолированность, утверждая, что они «сибиряне», а только за Уралом начинается Россия. В Европейской части страны Сибирь олицетворялась с каторгой. Не случайно межевой столб между Пермской и Тобольской губернии, что ныне восстановлен в Тугулымском районе Свердловской области, именовался «Россия – Сибирь».

[4] Обнаружил в 1721 г. упомянутую хронику «Шаджара-йи тюрк», перевёл её с тюрки на французский язык и ввёл в научный оборот.

происходила зимой. В реке вырубалась большая прорубь, кандидат стоял по брюхо в воде, а поп брал их за голову и трижды окунал в воду. После этого им надевали кресты, за которые они, однако, платили, смотря по металлу». Местные были недовольны: «…говорили между прочим, что ещё прежде они что-то понимали в своей старой вере, а теперь они не знают ничего. Они так озлоблены, что после крещения хотели перерезать себе горло, но это сделали лишь немногие, потому что страх смерти был всё же сильнее их недовольства».

Не все материалы европейцев являются результатом глубокого и цельного изучения, а некоторые содержали довольно случайные, разрозненные, а порой и противоречивые сведения[1]. У многих авторов не было соответствующей научной подготовки, они мало знали об особенностях местного уклада жизни. На их фоне несомненный вклад в изучении Сибири внёс Г. Ф. Миллер, хотя материалы опубликованы после его смерти.

В 1768-1773 гг. здесь проводил исследования приглашенный из Швеции И. П. Фальк. Он накапливал разнообразные сведения, иногда не проверяя[2]. Материалы, оставшиеся после Фалька, были собраны другим поколением исследователей - И. Г. Георги и К. Лаксманом, а затем изданы на немецком языке, с рисунками и картами.

Для европейцев край часто олицетворяется с холодом, мошкарой, дискомфортом, каторгой. Не случайно житель Гёттингена Г. К. Лихтенберг в 1796 г. гордился: «Я создал небольшую Сибирь для моих строптивых подданных».

Ко времени Российских революций под Сибирью у многих иностранцев понималось пространство от Урала до Забайкалья, с севера ограниченное берегами Ледовитого океана[3], а на юге горными склонами Самур-Тарбагатая, озёрами Алаколь и Балхаш, занимая 60,4 % всей территории страны. Так считал и знаменитый Ф. Нансен, в названии «Сибирь, страна будущего» отразив огромный, но ещё скрытый потенциал. Книга была переведена на несколько европейских языках, пользуясь огромным спросом.

Есть немало «страниц» советской историографии Сибири, но ограничимся историей «Советской Сибирской энциклопедии, начатой в

[1] Так, В. Беринг по возвращении в 1730 г. в Санкт-Петербург из экспедиции причислил и якутов к тем, кто «веру имели от старины махаметцкую».

[2] В результате рождались мифы, например, о каменных постройках в средневековом городке Кизыл-Туре.

[3] Ныне и шельф Ледовитого океана с нефтяными платформами (и их вахтовиками) стал частью Сибири.

1929-1932 гг.[1] Издание прервалось на третьем томе, а собранный четвёртый увидел свет на русском языке, но … в Нью-Йорке в 1992 г.

В планах идеологов нацистской Германии и милитаристской Японии было желание разделить зоны влияния по Иртышу, после победы над Советским Союзом. С этой целью с 1932 г. по Северному морскому пути запускались корабли Krigsmsarin и дирижабли с рекогносцировочной целью, а книга П. К. Эттинберга «Ночь над Сибирью» переиздавалась в 1937-1943 гг. 22 раза, отражая интерес к мегарегиону.

В «La formation de l'Empire russe» (Paris, 1953) В. Э. Нольде отразил традиционный концепт присоединения Сибири как «покорение», хотя и использовал большое количество опубликованных в Российской империи и в СССР материалов.

Во второй половине XX в. многие зарубежные авторы не всегда объективны в оценке происходивших в крае процессов. Но, несомненно, знакомство с их работами могли бы дать представление у отечественных учёных о ситуации в зарубежном сибиреведении[2]. О мегарегионе вплоть до 1980-х гг. говорили лишь в рамках советологических штудий. За рубежом из эмигрантов складывалась школа изучения Сибири, которую представляли А. Инан, Г. Исхаки[3], А.-З. Валиди Тоган, А. Г. Ибрагимов, Б. Таймас и другие, участвовавшие в деятельности созданного Валиди в Стамбуле Института. В их трудах отчетливо просматривалась идеологическая заданность в оценке происходивших процессов, особенно в советский период.

Не будучи в состоянии отметить и сотой доли увеличившегося перечня зарубежной литературы о крае, отметим наличие школы сибиреведения в Блумингтоне (США). Интерес представляет монография Ю. Маликова, посвящённая изучению фронтирных (пограничных) обществ в период с XVIII в. по XIX в.

На рубеже XX–XXI вв. появились в зарубежной литературе, увы, откровенные политические спекуляции, вплоть до обоснования идеи

---

[1] Она интересна не ангажированностью, включала разнообразие подходов и их авторов. Это не устроило партийных кураторов новосибирского издания.

[2] С другой стороны, и местные учёные в тот период были пристрастны – «в негативной оценке литературы, несовместимой с догмами марксизма». Это, соответственно, вызвало к жизни распространение такого жанра как рецензия на публикации, но через идеологические штампы. К тому же недоступность архивных источников и невозможность познакомиться «de vise», приводили к автоматическому переносу явлений из других региона мира.

[3] Занимался и в эмиграции изучением ситуации в Сибири. В 1937 г. его визит в Томск в 1919 г. стал отягчающим обстоятельством для обвинения сибиряков в связях с зарубежным пантюркистским центром.

отделения Сибири от России, абсолютным большинством жителей не поддержанные.

Заметим, что при игнорировании работ предшественников, некритичном отношении к преданиям и при навязывании «личных схем», история превращается в «нагромождение» версий. Тем самым, утрачивая базовые принципы, знания о прошлом теряют связь с наукой, превращаясь в объект мифотворчества.

Список источников и литературы:

1. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Иркутск, 1941.
2. Большаков О. Г. Уточнения к переводу «Записки Ибн Фадлана» // Древнейшие государства Восточной Европы: мат. и исследования. М., 2000.
3. Бородаев В. Б., Контев А. А. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века. Барнаул, 2006.
4. Воскресенский Д. Н. Литературный мир средневекового Китая. Китайская классическая проза на байхуа; собр. тр. М., 2006.
5. Дальман Д. Сибирь с XVI в. и до настоящего времени. М., 2016.
6. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: [в 3 т.] / под ред. А. П. Яркова. Тюмень; М., 2007-2019.
7. Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы, 1994.
8. Козлов В. П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX вв. М., 1996.
9. Корсун В. А. Тюрко-монголо-тибетские государства и проблема регенерации «даннической системы» с воцарением династии Цин // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. N 6.
10. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв.: (извлечения из персидских и тюркских соч.) / сост.: Ибрагимов С. К., Мингулов Н. Н., Пищулина К. А., Юдин В. П. Алма-Ата, 1969.
11. Напольских В. Вятка, Джулман, Югра и Сибирь в арабском источнике первой половины XIV в. // Вопросы ономастики. 2006. N 3.
12. Нурминен М. Т. Мир на карте. Географические карты в истории

мировой культуры. М., 2017.

13. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, языки и роды инородцев. Т. I. СПб., 1912.

14. Таварих-и гузида – Нусрат-наме. Исследование, крит. текст, аннот. оглавление и таблица сводных оглавлений А. М. Акрамова. Ташкент, 1967.

15. Тизенгаузен В. Г. Сборник документов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.

16. Тихонов С. С. Чертежи С.У. Ремезова и изучение ханства Кучума (на примере Хорографической книги») // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: мат. II Всерос. науч. конф. Курган, 2014.

17. Фишер И. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.

18. Ярков А. П. «Другой мир» глазами еврейского средневекового картографа // История. Память. Люди: мат. IX Междунар. науч.-практ. конф. Алматы, 2019.

19. Bustanov A. Abd al-Rashid Ibrahim's Biographical Dictionary on Siberian Islamic Scholars // Kazan Islamic Review. 2015. N 1.

20. Cwiklinski S. Abdürreşid ?brahim (1857-1944) Eine Biografie Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines. Berlin, 2012.

21. Ettighoffers P. C. Nacht uber Sibirien Ein Deutscher entrinnt dem Geheimdienst des Zaren. Gutersloh, 1937-1944.

22. Lictenberg G. C. Sudelbucher. Frankfurt, 1994.

23. Nansen F. Sibirien ein Zukunftsland. Leipzig, 1914.

24. Martin J. Land of Darkness and the Golden Horde // Cahiers du Monde russe et sovetique. Vol. 19-4. Octobre-Decebre. Paris; Le Haye; New York, 1978.

25. Monahan E. The Merchants of Siberia: Trade in Early Modern Eurasia. 2016.

26. Islam in Russia: The Four Seasons. New York; Routledge, 2014.

27. Harley J.B., Woodward D. The History of Cartography. Vol. I: Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe and the Mediterranean. Chicago, 1987.

28. Sammer B. H. Survey of Russian History. London, 1966.

29. Schiltrberger H. Reisebuch. Augsburg, 1477.

30. Forsyth J. A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony. 1581-1990. Cambridge University Press, 1994.

31. Frank A. The Siberian chronicles and the Taybughid biys of Sibir // Papers of Inner Asia. ? 27. Bloomihgton, Indiana, 1994.

32. http://www.vostlit.info/ Texts/Dokumenty / China/XIV/1360-1380 / Yuan_si/text1.htm

33. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIV/ 1340-1360 /Czin_ chuanchuan/text1.htm

Сокращения

АН СССР – Академия наук СССР

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет

ГАТО – Государственный архив Томской области

ГБУТО ГА в г. Тобольске – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г.Тобольске»

ГКУ «ГАКО» – Государственное казенное учреждение «Государственный архив Курганской области»

ГКУРБ «ЦИА РБ» – Государственное казенное учреждение Национальный архив Республики Башкортостан

ГЛМ – Государственный Литературный музей

ГМИРЛИ им. В.И. Даля – Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля

ГНКИ – Государственный научно-контрольный институт

ГИМ – Государственный исторический музей

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИГПИ им. П. П. Ершова – Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова

ИОХМ – Иркутский областной художественный музей

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера СО РАН

ИЯЛИ ДФИЦ АН – Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук

ЖМНП – Журнал Министерства Народного просвещения

ЗСОИРГО – Западно-Сибирское отделение Императорского Русского географического общества

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии РАН

КемГУКИ – Кемеровский государственный университет культуры и искусства

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МНП – Министерство Народного просвещения

НА ТИАМЗ – Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника

НКА – Национально-культурная автономия

ОБФ – Общественный благотворительный фонд

ОМДС – Оренбургское мусульманское Духовное собрание

ПВМ – половозрастная маркировка

ПМА – полевые материалы автора

РГАДА – Российский Государственный архив древних актов

РГБ – Российская государственная библиотека

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РЖВ – ранний железный век

СА – Советская археология

СВФУ – Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

СП «ТИАМЗ» ГАУК ТО «ТМПО» – Структурное подразделение «Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник» Государственногоавтономного учреждения культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение»

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СЭ – Советская этнография

ТГВ – Тобольские Губернские ведомости

ТИАМЗ – Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

ТГПИ – Томский государственный педагогический институт

ТГПУ – Томский государственный педагогический университет

ТГУ – Томский государственный университет

ТМПО – Тюменское музейно-просветительское объединение

ТНКС УрО РАН – Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

ТПИ им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ – Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал) ТюмГУ

ТюмГУ – Тюменский государственный университет

УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

ФГБНУ ВНИИВиВ им. Я.И. Потапенко – Всероссийский научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия имени Я. И. Потапенко

ФГБОУ ВО ЮГУ ФГБОУ ВО ЮГУ – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Югорский государственный университет»

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив

ЯГУ – Якутский государственный университет

Научное издание

Сибирский сборник
Выпуск 8

Рекомендовано к изданию решением
Объединенного ученого совета УрО РАН
по гуманитарным наукам
и Уральским отделением РАН

Под редакцией
З.А. Тычинских

Компьютерная верстка
Е. Шестакова

На форзацах:
листы из альбомов М.С.Знаменского
«От Тобольска до Обдорска»
и «Прогулка по историческим
окрестностям г. Тобольска».

Подписано в печать 00.01.2024 г.
Формат 60х84 1/16. Усл. печ. л. 20,11.
Заказ № 20. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ИП Жмуров С. В.
626152, г. Тобольск, ул. Октябрьская, д. 39
Тел. (3456) 22-59-29.